

ТРАДИЦИЯ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ НА КАВКАЗЕ
И МЕТОДЫ ИНСТИТУТОВ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

*Книга создана на базе материалов научно-практической конференции
«Традиции народной дипломатии и нормы поведения
во время войны и конфликтов на Кавказе»,
организованной Кавказским Форумом НПО
31 мая - 2 июня 2001 г. в г. Цахкадзор (Армения)*

Составители книги:

Ж.Крикорова
Б.Кобахия
А.Недолян
Г.Тер-Габриелян

Редакторы:

Ж. Крикорова
Ж. Мельникова
А.Недолян
Г.Тер-Габриелян

Все права публикации принадлежат авторам статей

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

1. Традиции войны и мира на Кавказе: взгляд изнутри

Георгий Анчабадзе. Культура общения с противником во время войн и вооруженных столкновений на Кавказе (традиции и современность)

Аслан Мирзоев. «Право войны» и некоторые аспекты традиционной военной культуры адыгов (черкесов)

Заурбек Кожев. Способы разрешения конфликтов в традиционном черкесском (адыгском) обществе

Тимур Ачугба. Некоторые традиционные нормы поведения абхазов во время войны и вооруженных столкновений

Марина Барцыц. Международное гуманитарное право и традиционные нормы войны у абхазов

Муса Баснукаев. Система норм обычного права у чеченцев

Леван Микава. Этнопсихологические аспекты межнациональных конфликтов

Юрий Аргун. Роль женщины в миротворческом процессе

Айшат Магомедова, Нормы поведения во время конфликтов в Дагестане: традиции и современность

Валентина Череватенко. Роль женщины в вооруженном конфликте

2. Самоосознание

Олег Дамения. Кавказская идентичность: миф или реальность?

Сурен Золян. Язык политических конфликтов: логико-семантический подход

Александр Искандарян. Эскиз неправительственного сектора и гражданского общества на Кавказе

Ян Чеснов. Норма «демократического аристократизма» и социально-культурная стабильность на Кавказе

Ара Недолян. Единство Кавказа не может предшествовать его бытию

3. Возможные действия гражданского сектора в контексте сегодняшней ситуации на Кавказе

Сергей Арутюнов. Этнократия или демократия? Традиции Северного Кавказа

Ирина Бабич. Эволюция правового сознания кабардинцев

Юрий Дзицойта. К этнопсихологическому аспекту грузино-осетинского конфликта

Эльдар Зейналов. Коллизии различных норм в конфликтах

Карен Оганджян. Проблема Нагорного Карабаха в контексте традиционных методов разрешения конфликтов

Алан Плиев. Организация процессов народной дипломатии

Александр Русецкий. Народная дипломатия и либеральные ценности

Юрий Анчабадзе. Миротворческий потенциал институтов традиционно-бытовой культуры

4. Заключение

Геворк Тер-Габриелян. Кавказскому Форуму – 5 лет

Гурам Одишария. О современном Кавказе и некоторых нормах поведения во время грузино-абхазского конфликта

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Традиция разрешения конфликтов на Кавказе средствами народной дипломатии и методы институтов гражданского общества» составлен на основе материалов проходившей 31 мая – 2 июня 2001 г. в г. Цахкадзоре (Армения) научно-практической конференции «Традиции народной дипломатии и нормы поведения во время войн и конфликтов на Кавказе», в которой приняли участие около 70 ученых и миротворцев практически из всех регионов Кавказа.

Из-за сложности коммуникации на Кавказе, материалы конференции собирались и редактировались долго, что не могло не сказаться на актуальности некоторых из них. Две статьи из представленных в книге взяты не из материалов конференции, одна из них – статья А.Недоляна – написана примерно за 3 года до этого, другая – Г.Тер-Габриеляна – 2 годами позже. Их включение в сборник признано целесообразным ввиду их органического совпадения с тематикой и духом остальных материалов.

Тематически и структурно сборник состоит из 4 частей. Первая – *«Традиции войны и мира на Кавказе: взгляд изнутри»* - объединяет статьи, посвященные формам исторического бытования конфликта и войны в контексте традиционной культуры народов Кавказа, а также выработанным веками способам преодоления конфликтов и установления мира.

Во вторую часть – *«Самоосознание»* - включены аналитические статьи, авторы которых стремятся установить логические соответствия между такими компонентами кавказской ситуации, как сущность кавказской идентичности и происхождение традиции, новая западная модель гражданского общества и традиционное бытование неправительственного сектора на Кавказе, суть происходящих событий и их преломление в зеркале языка и сознания участников события (конфликта), влияние мировых макрособытий и тенденций на ход кавказской интеграции/дезинтеграции.

Пройдя последовательно через этапы раскрытия ситуации на Кавказе (1 часть) и ее осмысления (2 часть), мы мысленно оказываемся в состоянии перейти в сферу необходимого и возможного действия, которому и посвящена 3 часть - *«Возможные действия гражданского сектора в контексте сегодняшней ситуации на Кавказе»*.

В четвертую часть – *«Заключение»* - включены две статьи, одна из которых на логико-фактическом, другая – на эмоциональном уровне синтезируют итоги состоявшегося в книге мысленного путешествия через ситуацию на Кавказе и ситуацию неправительственного сектора на Кавказе.

Кроме самих статей-докладов, в книге представлены также прозвучавшие по их поводу в ходе конференции вопросы, мнения и комментарии, а также одно стихотворение, составляющие важный диалого-рефлексивный слой, позволивший, на наш взгляд, преодолеть такой недостаток тематических сборников, как монологичность. Читатель имеет возможность ощутить себя не студентом на лекции, а равноправным участником честной и всесторонней дискуссии - о нашей ситуации. О нас.

Редакторы

1. ТРАДИЦИИ ВОЙНЫ И МИРА НА КАВКАЗЕ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Рыцарство, красота, церемониальность... Запоминание павших противников по именам, запечатление последних минут их жизни в народной эпической традиции навеки... Счастье сразиться с благородным, с равным, страх позора, «потери лица» пуще страха смерти и стремления к победе... Война как творящаяся легенда, как столкновение личностей, лишь в эти краткие несколько минут поединка успевающих выразить свою суть и свою ценность – и безликая современность, «резня толп», побуждаемых безликим автоматизмом, простой телесностью, не сопоставляющих свои действия с человеческими понятиями – достоинства, чести, осмысленности – не рассчитывающих на историю и предание, а лишь на сиюминутный эффект. Возрождение традиционного для Кавказа отношения к войне как к искусству – не в этом ли один из парадоксальных, но, быть может, эффективных шагов к миру?

Георгий Анчабадзе

Институт истории и этнологии АН Грузии

Культура общения с противником во время войн и вооруженных столкновений на Кавказе (традиции и современность)

Кавказский перешеек уже в древности оказался на перепутье военно-политических, торговых и культурных связей, в определенные периоды имевших всемирно-историческое значение. Этот фактор обусловил раннее появление здесь политических объединений, а затем и вполне сложившихся государств, ведущих борьбу между собой за первенство и обладание торговыми путями. Параллельно с развитой государственностью, существовавшей в низинных областях Кавказа (преимущественно Южного), в его горной части до XIX века сохранялись сообщества с сильными пережитками военной демократии. Междоусобные столкновения на Кавказе — и в низинной части, и в горах — были частым явлением. Еще более масштабный характер носили войны с иноземными завоевателями, проникавшими на Кавказ как с юга, со стороны Иранского нагорья, Месопотамии и Малой Азии, так и с севера, из евразийских степей и Восточной Европы. Затяжные и кровопролитные войны с внешними врагами занимают большое место в истории каждого кавказского народа, что сыграло значимую роль в формировании их

менталитета. Не случайно, что оружие на Кавказе стало атрибутом национального костюма и даже крестьяне, отправляющиеся на работу в поле, не расставались с ним. Во многих частях Кавказа до второй половины XIX века трудно было найти вне дома безоружного мужчину. Английский путешественник Джемс Белл, в 30-х годах XIX века посетивший Черкесию, передает слова удивленного черкесского мальчика, увидевшего невооруженного европейца на коне: «Я никогда не видел человека верхом на коне без ружья».

Жизнь в такой обстановке вынуждала местное население привыкать к условиям военизированного быта. Вырабатывать не только способы войны и боя, но и военную культуру в целом, включая такие ее элементы, как военная этика, рыцарская мораль, принципы взаимоотношений с противником и т.д.

В предлагаемом исследовании, основанном на материалах истории народов Грузии и Северного Кавказа, рассматриваются традиционные нормы поведения участников вооруженных конфликтов на Кавказе, проводятся некоторые параллели с настоящим временем.

Исторические источники, дающие возможность проследить традиционную культуру поведения противоборствующих сторон на Кавказе, делятся на письменные и устные. В первую группу входят летописи и хроники, исторические повести, юридические акты, литературные, документальные и эпистолярные памятники, во вторую — материалы устного народного творчества: эпические сказания, исторические и героические песни, предания, а также неписанные аспекты социально-бытовой жизни.

Из этого массива источников видно, что эмоциональное отношение жителей Кавказа к междоусобным столкновениям в пределах «своего» (кавказского) культурно-исторического мира и борьбе с иноземными захватчиками не было идентичным. Так, если в письменных, а также устных (фольклорных) источниках борьба с завоевателями представлена всегда как абсолютно легитимное и необходимое действие, то отношение к взаимным набегам, организаторами которых выступали представители социальной верхушки, нередко весьма негативное. Например, в XVI—XVIII веках страны Закавказья подвергались систематическим нападениям дагестанских отрядов, от которых особенно страдали прилегающие к Дагестану области Грузии и Азербайджана, хотя набеги порой достигали также Армении (Карсской и Ереванской областей), Западной Грузии и Южного Азербайджана. Во время этих набегов захватывалось имущество, скот, уводились пленные, разоренными оказывались целые области. Памятники дагестанского фольклора свидетельствуют, что народ Дагестана, в целом, не одобрял таких действий. Не случайно в Дагестане широкое распространение получили притчи, пословицы и поговорки, резко

осуждающие грабительские набеги: «Не известно вернется ли ушедший в набег на Грузию», «Добыча от набега и уносится набегом» и т.д. Та же мысль проводится и в ряде исторических песен и баллад, таких как «Мусалав», «Ушли отряды в Цор», в которых оплакиваются джигиты, погибшие в бессмысленных военных экспедициях.

В отличие от этой тенденции, дагестанская народная поэзия прославляет героев борьбы против иноземных завоевателей в многочисленных героико-исторических песнях: «Парту Патима», «Каменный мальчик», «Сражение с Надир-шахом», «Песня о герое Мартазали», «Шабан из Джара», «Салтинский мост» и другие. Даже в случае смерти героя, эти песни обычно заканчиваются в приподнятом духе, как например, лезгинская песня о мальчике, не покорившемся грозному Тамерлану:

Не дано врагам убить вовеки,
Погасить живого сердца пламень,
Не дано врагам свалить вовеки
Мальчика, что превратился в камень.
Если связан ты с родной землею,
Ты в бою погибнув, стань скалою!

(Перевод С. Липкина)

Частые войны и межплеменные столкновения феодального периода, естественно, вылепливали «образ врага» из представителей враждебного сообщества. Но в отличие от современных идеологов войн и конфликтов, которые в противостоящей стороне видят только низменные черты (вероломство, трусость, жестокость, алчность и т.д.), в прошлом в противнике выделяли и черты, достойные похвалы. Как отмечалось выше, феодальная Грузия 200—300 лет назад терпела сильное разорение от вторжений дагестанских отрядов. В грузинском фольклоре много произведений, повествующих о борьбе с набегами из Дагестана. В них дагестанцы характеризуются как смелые люди, сильные и опасные противники. В одной из песен говорится:

Ружьями и джарцы¹ владеют,
И роговыми пороховницами,
Умеют по скалам ходить,
И пользоваться кинжалами.

Столь же уважительно отзывается другая грузинская (хевсурская) песня о боевых качествах горных чеченцев — кистин.

¹ Джарцы — жители аварского общества Джар, на южных склонах Главного Кавказского хребта, являвшегося одним из отправных пунктов дагестанских набегов на Грузию.

Юногам, (в набег) на Майсты² отправляющимся,
В больших чашах пиво подносите.
Велика гора Майсты,
Худой молодец туда не пойдет,
Не бабы там, (а мужчины) шапки носящие,
На дорогу выходят кистинские сыны,
Метко из ружьев стреляют.

Значимым моментом грузино-абхазских отношений XVIII века является битва у крепости Рухи (близ г. Зугдиди) в 1780 году, когда феодальное ополчение Западной Грузии во главе с имеретинским царем Соломоном I нанесло поражение абхазам и их союзникам с Северного Кавказа (адыги, карачаевцы и др.). Как видим, состав противоборствующих сторон в Рухской битве был довольно схож с этнической структурой вооруженных формирований времен недавней грузино-абхазской войны (1992—1993 гг.), но социально-экономические и политические причины этих двух военных противостояний были совершенно разные, как и весь общий фон двух исторических эпох. Поэтому образ «врага-абхаза» в Рухской битве в представлении грузин XVIII — начала XX веков значительно отличается от стереотипов нашего поствоенного времени.

Современник Рухской битвы, известный грузинский поэт Бесики (1750—1791), посвятивший этому сражению специальную поэму и являющийся сторонником Соломона I, в то же время именует предводителей абхазского войска — владетельных князей из рода Шервашидзе (Чачба) — «победоносными», а одного из них, Бекирбея, еще «добрым молодцем» и «доблестным».

Память о Рухской битве, в которой участвовали представители многих аристократических фамилий Западной Грузии, долго сохранялась среди их потомков. Выходец из этих кругов, видный грузинский писатель Н. Лордкипанидзе (1880—1944) в 1924 году написал рассказ «Рыцари», посвященный указанному событию, материалы о котором в значительной степени почерпнуты из преданий, передававшихся из поколения в поколение.

Рухская битва, как типично феодальное сражение, протекала в форме одиночных схваток единоборствующих групп, причем каждый воин выбирал достойную себя цель. По рассказу Лордкипанидзе, враждующие с уважением и почтительностью относились друг к другу и, вступая в кровавую схватку, не желали противнику смерти. Так, имеретинский военачальник Агиашвили, тяжело ранивший абхазского князя Астамура

² Майсты — кистинское общество, расположенное в горах, по соседству с землями грузинского племени хевсуров.

Иналипа, сообщает об этом абхазам, чтобы раненому оказали своевременную помощь. А имеретинский царевич Арчил, поразивший шашкой старого князя Анчабадзе, беспокоится о судьбе противника и упрекает себя в том, что удар нанес не по правилам рыцарского поединка.

Такое отношение к представителям противоборствующей стороны можно, в определенной мере, объяснить тем, что и грузинская, и абхазская знать относились к одному и тому же культурно-историческому миру, к которому были близки и северокавказские феодалы (кабардинские, осетинские, вайнахские и др.). Однако факты уважительного (а порой и щадящего) отношения к доблестному противнику довольно часто встречаются в истории средневекового рыцарства от Западной Европы до Японии. При этом не составляют исключения для Кавказа и мотивы борьбы с иноземными завоевателями.

В анонимной грузинской летописи XVI века, описывающей период монгольского господства в Грузии, рассказывается, как монголы в 1247 году, раскрыв заговор грузинских феодалов, готовивших вооруженное выступление против завоевателей, арестовали главарей и, доставив их в армянский город Ани, где располагалась ставка монгольского нойона, бросили связанными на площадь, где пленники много дней подряд валялись на солнцепеке, ожидая смертной казни. Один из участников заговора, Цотнэ Дадиани, который счастливо избежал ареста, узнав о случившемся, добровольно отправился в Ани и сел рядом со своими единомышленниками, дабы разделить постигшую их участь. По сообщению летописца, пораженные благородством Цотнэ монголы сделали ответный шаг и освободили всех пленных, простив им участие в заговоре.

У классика грузинской литературы Ильи Чавчавадзе (1837—1907) есть рассказ «Николооз Госташабишвили», в котором описан эпизод, относящийся к 1688 году, периоду восстания грузинского царя Георгия XI против иранского шаха. По словам писателя, эту историю он слышал в детстве от отца.

...В разгар сражения между грузинскими и иранскими войсками некий кызылбашский³ всадник, вызывая на поединок грузин, одного за другим убил пятерых юношей, принявших вызов. Чтобы отомстить за них, грузины упростили вступить в поединок Николооза Госташабишвили, прославленного, но уже немолодого воина. Он атаковал кызылбаша и сбил его с коня. Оглушенный иранец лежал на земле, но Госташабишвили не стал его убивать, а помог встать на ноги и сказал: «Я не отрублю тебе головы, дарю тебе жизнь из-за твоей доблести, иди с миром», Кызылбаш, поклонившись,

³ Кызылбаша (тюрк. «красноголовые») — так звали иранских воинов периода династии Сефевидов (XVI—XVIII вв.) за головные уборы с 12 пурпурными полосками в честь 12 шиитских имамов.

ответил: «Только от такого мужа как ты, могу принять я в подарок свою жизнь».

Рыцарская мораль требовала от противников во всех случаях оставаться «порядочными» врагами. Абхазская поговорка гласит, что с противником надо вести себя так, чтобы враг сказал тебе «спасибо». Какого бы ожесточения ни достигла война, обычай требовал даровать жизнь хотя бы одному человеку из стана врагов и отпустить его обратно на родину в качестве «горевестника». Во время русско-кавказской войны, когда гибли в бою прославившиеся своей храбростью русские офицеры, адыги (черкесы), проявляя уважение к их мужеству, посылали на похороны своих представителей; в честь павших три дня сохраняли перемирие и по павшему герою устраивали у себя тризну.

Однако нам не хочется создать впечатление, будто во время войн и вооруженных столкновений на Кавказе господствовали исключительно рыцарские нормы поведения. Разумеется, было и иначе: когда военные действия принимали затяжной и ожесточенный характер, случались и дикие эксцессы. Так, судя по письменным источникам, такие факты участились после начала монгольских вторжений в Закавказье. Арабский историк Ибн Аль-Асир сообщает, что мусульмане считали грузин «лучшими врагами», так как те в случае успешного похода удовлетворялись получением дани, после чего возвращались обратно; однако в 1222 году, напав на мусульманский город Байлакан, грузинские войска жестоко разграбили его и расправились с населением так, как делали это монголы.

Крайнее ожесточение проявлялось иногда и во время внутренних войн. Например, в XVII веке Западная Грузия была охвачена длительными междоусобицами, опустошившими край. Царь-поэт из Восточной Грузии Арчил II, волею судеб оказавшийся на западе страны, был поражен тем ожесточением, с каким местные феодалы сражались друг с другом. В одном из своих произведений он пишет:

Была между ними вражда, лютее любой иной,

Друг на друга нападая все время, били клинком, не рукоятью.

Последнее замечание означает, что враги с легкостью обрекали друг друга на смерть, что не соответствовало классическим нормам поведения противоборствующих сторон во время внутренних войн. Военная этика феодального Кавказа требовала щадящего отношения к противнику. Недаром Тариел — один из главных героев бессмертной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» говорит:

Коль победил ты врага, не убивай, постой,

В этом полная доблесть, запомни эти слова.

Кавказский этикет обязывал личных врагов в доме князя или в присутствии

женщин вести себя так, словно между ними ничего не произошло, а в отдельных случаях даже оказывать друг другу разные услуги. Кабардинский этнограф Б. Бгажноков отмечает, что у адыгов перед поединком полагалось предлагать противнику нанести удар первым. Типичная аргументация при этом была такая; «ты старше и потому право первого удара за тобой»; «я первый вызвался на дуэль, поэтому теперь ты начинай первым»; «ты гость в наших краях, бей первым» и т.п.

В Кавказских горах до недавнего времени встречались удивительные примеры рыцарской этики. Так, в Чечне в 50-х или начале 60-х годов XX века был такой факт: встретились два врага, из которых только один был вооружен кинжалом, противники бросили жребий, кому начинать первым, и стали рубиться, передавая клинок по очереди друг другу. При этом надо отметить, что по чеченскому обычаю в ссоре кинжал следует держать только прямым хватом и наносить им рубящие удары. Колющие удары, гораздо более опасные для жизни, запрещены. Смерть человека от колющего удара расценивается как умышленное убийство и в этом случае род убийцы не может рассчитывать на примирение: начинается кровная месть.

Хевсурская дуэль на палашах предусматривала нанесение кровавых ран, но она не должна была заканчиваться гибелью одного из участников. При этом лучшим фехтовальщиком считался тот, кто после ранения противника продолжал бой только в целях самозащиты.

Традиционная военная этика на Кавказе требовала уважительного отношения к трупу павшего противника. В Грузии, имевшей древнеписьменную культуру, это даже было закреплено юридически. В книге законов царя Вахтанга VI, составленном в 1705—1708 годах, говорится, что с тела убитого на войне врага можно снять драгоценности, оружие, панцирь, шлем, верхнюю одежду, но запрещается снимать рубашку и подштанники. Воинским начальникам предписывалось следить, чтобы кто-нибудь не нарушил этот запрет.

В кумыкской народной балладе «Айгази», образно раскрывающей систему ценностей кавказского горца, юный герой, застрелив убийцу отца, хочет уже мчаться на помощь невесте, которую у него похитил князь, но слышит голос умирающего врага:

...Оставив меня, навеки лишишься ты чести.

Я ранен смертельно. Как тонкая нить,

Вот-вот во мне жизнь оборвется.

Нельзя меня бросить, нельзя пристрелить,

Уважить обычай придется.

Меня, положив головой на юг,
Где высится саван тумана,
Присядь в изголовье, как будто бы друг,
Молитву читай из Корана.

Душа улетит моя. Саблю возьмешь,
О камень холодный наточишь,
Проколешь губу мне, башку отсечешь,
К седлу своему приторочишь.
Домой возвратишься ты после того,
Как воин, что выиграл битву...

(Перевод Я. Козловского)

Айгази выполняет обычай: читает над умирающим молитву, а после того как враг умер, обезглавливает его.

Варварский обычай отсекал у убитых врагов головы и руки в качестве военных трофеев был некогда распространен на Кавказе, как и у многих других воинственных народов мира. Долгое время, видимо, это всеми воспринималось в порядке вещей, подтверждением чему служит вышеприведенный отрывок из баллады. Однако с течением времени появилось осознание вредности и бессмысленности этого обычая. Этой теме посвящается одно из лучших произведений выдающегося грузинского писателя Важа Пшавелы (1861—1915) поэма «Алуда Кетелаури». Главный герой произведения — хевсур Алуда в схватке убивает ингуша, но, восхищенный его мужеством, нарушает вековой обычай и не отрубает у убитого врага правую руку. Отсюда начинается конфликт между Алудой и его односельчанами, который кончается изгнанием героя из общины.

Говоря о культуре общения между противниками на Кавказе во время вооруженных конфликтов, нельзя не упомянуть о миротворческой роли женщин. Это право традиционно признавалось за ними. Приведем несколько примеров: женщина могла остановить схватку, бросив свой головной платок между сражающимися мужчинами; во время кровной вражды между родовыми кланами представительница одной из противостоящих сторон могла положить конец кровопролитию, дав грудь ребенку из враждебного клана. Иногда это происходило по обоюдному согласию враждующих сторон, но могло также произойти и вопреки желанию противостоящей стороны. В обоих случаях враги после этого обязаны были примириться, чтобы, как говорилось, «не

смешивать кровь с молоком». То есть не осквернять убийствами установившееся молочное родство.

На Западном Кавказе известны случаи массового примирения с участием матерей. Одно из таких преданий приводит абхазский ученый А. Гуажба. «Между убыхами⁴ и абхазами разгорелась вражда. Взаимным набегам не было видно конца... Но в те времена были очень мудрые люди, «умевшие примирить огонь и воду», и они решили положить конец вражде. Собрались с обеих сторон и со всех краев Западного Кавказа самые уважаемые и почитаемые старцы, и вот что они решили: со стороны правого устья реки Псоу лежит обширная равнина. Туда было доставлено с их согласия 500 молодых абхазок с грудными детьми и 500 убыхских матерей, также с грудными детьми. Их поставили в ряд напротив друг друга с младенцами в руках, завязали глаза и обменяли младенцев. Потом женщин с детьми сразу развезли в родные аулы. Сделано это было для того, чтобы в дальнейшем абхазы и убыхи, зная, что с той и с другой стороны родная кровь, перестали мстить и совершать набег... По случаю примирения были устроены пир, джигитовка, скачки, стрельба по мишеням и другие игры...». Конечно, это предание, но оно несомненно основано на реальных событиях.

В истории Грузии известны случаи, когда женщины официально выполняли миротворческие миссии. Так, вдовствующая царица Грузии Мариам (дочь армянского царя Сенекерима II Арцруни) в 1031 году возглавила большое грузинское посольство в Византию, где вела переговоры с императором Романом III о заключении мира между Грузинским царством и Византийской империей. Миссия царицы окончилась удачей, мир был заключен и скреплен браком грузинского царя Баграта IV (сына Мариам) с племянницей императора.

Участвовали женщины и в решении внутривосточных конфликтов в Грузии. Например, в начале правления знаменитой грузинской царицы Тамар (середина 80-х гг. XII в.) между царской властью и группой феодалов вспыхнуло острое противостояние. Мятежники, контролировавшие значительную часть столицы, готовили нападение на царский дворец. Тогда на переговоры с восставшими Тамар послала двух знатных дам, которые сумели найти компромиссное решение и отвели угрозу вооруженного столкновения.

* * *

Сегодня, спустя много времени после описанных событий, в совершенно иной социально-политической обстановке, на фоне ставшего другим мира на Кавказе вновь

⁴ Убыхи — народность, родственная абхазам и адыгам. Жили в районе современного города Сочи. В 1864 г. после 25-летней войны с Россией убыхи почти поголовно переселились в Османскую империю.

бушуют войны и текут потоки крови. Ни в одном регионе Земного шара нет столько «горячих» точек в непосредственной близости друг от друга (и уже «взорвавшихся», и потенциально готовых к взрыву), как на Кавказе. Поэтому именно жители Кавказа, в первую очередь, должны быть заинтересованы в изыскании средств для нейтрализации конфликтов, то есть в решении политических задач исключительно мирными средствами. Тут определенную помощь может оказать использование элементов традиционной миротворческой практики кавказских народов — хотя бы того же «женского миротворческого ресурса», о чем шла речь в настоящей статье. Кроме того, важно пресекать любые преступления против человечности, которые наряду с проявлениями мужества, благородства и героизма всегда сопровождали войны и военные конфликты. Конечно, пока существует военное насилие, невозможно полностью изжить военные преступления, но решительно бороться против них обязано каждое государство, считающее себя частью цивилизованного мира. Воспитание молодежи на примерах традиционного морального кодекса, мы полагаем, может стать одним из механизмов достижения этой цели. Наконец, одной из важнейших задач миротворческого движения является разрушение «образа врага» в общественном сознании противостоящих сообществ. Тут могут пригодиться определенные традиционные нормы отношения к противнику, способность видеть в нем не только отрицательные, но и какие-то положительные качества. Надо вести активную контрпропаганду против пропаганды ужасов и лжи, к которой постоянно прибегают силы, стоящие за углубление противостояния. Обычно действие агрессивной пропаганды продолжается и после прекращения открытых военных действий. И без ее нейтрализации окончательное урегулирование конфликта может затянуться на долгий срок.

Вопросы и мнения

— В свое время Грузия представляла собой отдельные княжества. Затем они объединились. Когда я в конце 1999 — начале 2000 года был в Грузии, у меня сложилось впечатление, что там возрождается тенденция к разрозненности. Так ли это?

— Сейчас в Грузии вообще такая тенденция, чтобы разрушить все, не только единство. В средние века восточная Грузия притягивала к себе как соседние княжества, так и многие другие кавказские народы. Сегодня из центра идут обратные импульсы — разрушительные. Это мы видели сначала на примере автономных образований в конце 80-х — начале 90-х годов, когда возникли грузино-осетинский конфликт, абхазо-грузинская война. Конечно, одна сторона в этом виновата не бывает.

Главную вину я возлагаю в обоих конфликтах на центр — на Тбилиси. К

сожалению, этот период страна пока еще переживает. Что касается нынешнего состояния, то трудно говорить о какой-нибудь продуманной политике. На словах декларируется готовность делегировать большие права регионам, но на деле пока этого не происходит. Таковы противоречия и довольно-таки безрадостная картина, которую мы сейчас видим в Грузии. Конечно, она в определенной степени способствует децентрализации.

— Не кажется ли вам, что принцип: «берите столько свободы, сколько сможете» — очень неудачный? Насколько я знаю, был конфликт с национальной гвардией о предоставлении ей большей свободы. Не может ли это послужить отрицательным примером, как вы думаете?

— Гвардейцы устроили однодневный мятеж, который сначала был оценен правительством как политический — попытка свержения существующей власти. А потом была принята версия, которую заявили сами восставшие — о социальном выступлении.

Я тоже подумал, что это социальное выступление, потому что в армии очень тяжелые социальные условия: мизерная зарплата, солдаты голодают. Но другое дело, что власти простили бунтовщиков, чтобы не обострять ситуацию. Такая вооруженная масса — до тысячи человек — могла создать серьезные проблемы, если бы началось противостояние.

— Во время грузино-абхазского конфликта, насколько я знаю, грузинская армия армией как таковой не являлась. Это были полувоенные формирования, не отличающиеся дисциплинированностью, много криминалитета. Требовать от них соблюдения порядка, чтобы они не мародерствовали, было трудно. Теперь, насколько мне известно, Грузия создает профессиональную регулярную армию и пытается интегрироваться с НАТО. Военных специалистов готовят американцы. Насколько в настоящее время уровень дисциплины, моральная, психологическая атмосфера в армии соответствует нормам?. Есть ли какие-то изменения к лучшему в этом смысле?

— Я думаю, что в обозримом будущем такую большую войну, которая была между грузинами и абхазами, нельзя себе представить. Я исхожу из состояния Грузии, из ситуации в обществе. Я не верю, что это реально.

Сегодня армия состоит из солдат срочной службы. Чтобы прокормить семью, они ночью, после службы, идут в грузчики или сдают кровь, чтобы получить пятнадцать лари. Их очень плохо кормят. Нет медикаментов. Нет формы, постельного белья. То, что грузино-абхазская война произошла после грузино-осетинского конфликта, в значительной степени предопределило происходившие эксцессы. Потому что за полтора-два года, пока тянулся конфликт в Южной Осетии, солдаты привыкли к кровопролитию, грабежам, насилию. И когда они вошли в Абхазию, у них уже были готовые модели

поведения. Сейчас, если говорить о регулярной грузинской армии, такого не будет. Да и регулярные войска в военных действиях не будут участвовать. Опять, возможно, возродятся военизированные формирования, тот же «Мхедриони», с теми же методами поведения.

— Мне хотелось бы немножко сказать и о Дагестане, о том, что коснулось моих предков. Дело в том, что моя прабабушка была во время набегов украдена из Грузии. Было бы очень полезно, несмотря на прошлые противоречия, возобновить наши хорошие отношения, которые могут привести к миру. Надо сделать так, чтобы мы перенимали хорошие обычаи друг у друга.

— Я хочу поблагодарить докладчика за высокопрофессиональный доклад, вдумчивое отношение к материалу. У меня есть желание попытаться понять и осмыслить его. Что получается? Ведь это, оказывается, культура, вооруженная, с кровопролитием, но культура. Мне довелось в 1985 году застрять из-за снегопада на месяц в Хевсуретии и местные жители устроили в мою честь спектакль. Одели синие рубашки с крестами и имитировали дуэль.

Зачем это все? Зачем в адыгском обычае очень торжественно, почетно принимают гостей, а потом хозяева говорят: «Пойдемте, дорогие гости, за угол и посмотрим в глаза друг другу»? Знаете, что это такое? Они их зовут драться. Что же это за обычаи такие дикие? И дикие ли? Сюда включены глубочайшие пружины человеческого мышления. Они хорошо известны в древней Греции. Ехали крестьяне в город, в Афины. Перед городом находился мост. Крестьяне въезжают на этот мост, а горожане их не пускают и начинают поливать грязью. Только после этой ругани возы проезжают на рынок и начинается мирная торговля. Приходит гость и всегда начинается стычка. Стычка скрытая. В чем она выражается в Грузии? Я пришел в гости, выпили вина по литру. Так нет же, хозяева еще и рог вытаскивают. Попробуй, выдержи это! Если ты после этого не закачался и пошел прямо, значит ты получил уважение и с тобой будут разговаривать. То есть проходишь как бы испытание на прочность, на личность, на человеческое достоинство. Вот такие глубочайшие антропологические механизмы высвечены в прекрасном докладе, который мы выслушали.

— Это характерно для всех кавказских культур. И мне кажется, что это связано с тем, что даже у нас, у адыгов, в современных селах поощряется, когда мальчишки, подростки из одного квартала дерутся с мальчишками из другого квартала. Это попытка развить мужские качества. Конфликт здесь имеет воспитательный характер. С помощью таких средств народ, которому приходилось тысячелетиями воевать, учится отстаивать свою независимость. Это одна из форм поддержания военной мобильности, когда для

молодежи не считается зазорным вовлекаться в какие-то конфликты, подраться. Агрессия искусственно воспитывается. Это регулируемая агрессия, она с одной стороны, формирует определенные мужские черты характера, с другой — воспитывает уважение друг к другу. Это имеет в кавказской культуре глубокий смысл. Если оторваться от контекста, то может возникнуть представление, что мы с детства агрессивны, кровожадны. Но такое воспитание имеет культурологический аспект, оно регулируемое. Все институты на Кавказе имели систему регуляции. Не просто нападали на кого хотели, убивали, кого хотели, а были определенные правила. Поэтому любой институт надо рассматривать в строго научном контексте. Если этого не делать, могут возникнуть стереотипы, искажающие понятие кавказской культуры.

— Я расскажу о случае, который произошел со мной в Тбилиси, где я проводил конференцию. После конференции был банкет в ресторане. Там, кроме участников конференции, присутствовали другие люди. После банкета, когда нас осталось несколько человек, ребята, сидящие за соседним столиком, пригласили нас присесть к ним. Мы опробетчиво согласились. Мы — это я, россиянин, но этнический армянин, азербайджанец, полноценный армянин и швейцарец. Ребята были молодые, сильно пьяные. Были они с девушками. Причем не вольного поведения, а родственницами. Все были моложе нас. И началось безобразие, очень характерное для современных молодых грузин определенного социального статуса. Это были явно люди богатые, наверное сынки богатых родителей, бизнесмены. Они при женщинах громко ругались матом и порусски, и погрузински, были агрессивны, говорили, что воевали в Абхазии, — но для этого они были слишком молоды, говорили, что будут воевать еще и обязательно вернут Абхазию в состав Грузии.

Женщинам было стыдно. Они пытались их както урезонить, но ребята явно напрашивались на драку. Для чего я вам это рассказываю? Потому что это достаточно типично, к сожалению, по крайней мере, для сегодняшней Грузии. С другой стороны, нельзя говорить, что не существует вообще морального кодекса и что он не действует. В той или иной степени преломления такое можно сказать про все без исключения регионы, нации, края Кавказа. Я с маниакальным упорством все время бью в эту точку и, мне кажется, не зря в этой аудитории.

Аслан Мирзоев

Кубанский Государственный университет

кандидат исторических наук

«Право войны» и некоторые аспекты традиционной военной культуры адыгов (черкесов)

Среди современных культурологов есть такие, которые выдвигают тезис: культура возникает там, где люди вступают в отношения, отличные от состояния войны, что война и культура — понятия несовместимые.

Можно ли согласиться с подобным утверждением? Если говорить о сегодняшнем дне, когда человечество пришло к единству в неприятии войны как формы взаимоотношений людей, наций, государств, то, пожалуй, можно.

Но всегда ли было так? Ведь сами войны, как показывает история, были не всегда и появились на определенном этапе развития человечества. В то же время был такой период, когда у целых народов и обществ война, в силу особых исторических условий, стала тем фоном, на котором долгое время протекала их жизнь и для которых война стала ценностью на уровне общественных отношений. Возникло много нравственных, этикетных и других норм, регулирующих положение человека на войне. Можно даже говорить о появлении такого понятия как «культура войны».

Понятие «культура войны» мы считаем возможным отнести и к черкесам, которые выработали свою систему нравственных и этических норм, регулирующих взаимоотношения людей во время войны.

При рассмотрении данной проблемы необходимо учитывать, что речь идет о норме, сложившейся и освященной в этническом сознании как правильная модель, следование которой одобрялось и поощрялось. Однако это не означало, что правила соблюдались постоянно и всеми. Тем не менее, большинство их соблюдало, а несоблюдение воспринималось как нарушение этой модели и не поощрялось. Даже во время Русско-Кавказской войны черкесы, в ущерб себе, стремились быть верными тому духу рыцарской чести, который, по словам А.Г. Кешева, «жил в их крови и отражался в их действиях».

Русский офицер И. Дроздов, очевидец и участник войны на Западном Кавказе, писал: «Рыцарский образ ведения войны, постоянно открытые встречи, сбор большими массами — ускорили окончание войны. Если бы способный руководитель в состоянии был растолковать горцам их бессилие и, вооружаясь им, из-за угла встречать наступление русских отрядов, то, вероятно, война не окончилась бы так быстро».

Русско-Кавказская война, в силу ее специфики, внесла, без сомнения, определенные корректировки в отношении черкесов к традиционным установкам, правилам ведения войны. На это указывал, в частности, дореволюционный адыгский просветитель А.Г. Кешев: «Не говоря уже о том, что немногочисленные, разъединенные вечною враждою племена не могли не чувствовать слишком живо громадной разницы в собственных ничтожных средствах к защите с подавляющим превосходством и неистоцимыми средствами противника, — самый способ ведения войны, принявший с самого начала партизанский характер, не разбиравший средств к достижению предположенной цели, извратив рыцарские понятия древнего черкесского наездничества, заставил адыгские племена употреблять в видах самосохранения и возмездия много таких уловок, которые не вытекали вовсе из духа народа и считались бы им при других обстоятельствах унижительными для чести наездника».

В нашем исследовании мы не будем брать в расчет последнее обстоятельство и будем говорить о традиционных нормах, правилах ведения войны, сформировавшихся у черкесов задолго до начала Русско-Кавказской войны, без учета тех трансформаций, которые были ее следствием.

Говоря о правилах ведения войны, необходимо учитывать, что они имели свою специфику в зависимости от следующих факторов:

- правила, действовавшие во время войн и связанных с ними открытых сражений;
- правила, действовавшие во время набегов;
- правила, действовавшие во время междоусобных войн внутри черкесского этноса;
- правила, действовавшие во время войны с чужим (не черкесским) народом.

Начало войны, согласно фольклорным данным, в старину сопровождалось ее объявлением. При этом в рамках наглядной дипломатии использовался коммуникативно значимый предмет: противнику отправлялась сломанная стрела — знак объявленной войны.

Согласно обычаям, жизнь и личная неприкосновенность послов и парламентаров была обязательна. «Послов убивать не в обычае», — говорили черкесы.

В рамках наглядной дипломатии, по данным Р.Б. Унароковой, использовался комплекс коммуникативно значимого предмета и операций с ним. Им пользовались во время военных походов для решения конфликтных ситуаций. Желая начать переговоры спешивался с коня, спутывал его определенным способом, после чего становился лицом к врагу. Последний должен был «прочитать» его действия и принять предложение вступить в переговоры.

В старые времена, как повествуют предания, у воюющих черкесов был такой великодушный обычай: днем воевали, а вечером предводители противников шли друг к другу в гости, устраивали пир в честь друг друга, вели переговоры, не боясь вероломства.

Если во время войн и открытых сражений бегство считалось позором, то во время набегов оно рассматривалось иначе. К.О. Сталь писал: «Бегство во время боя не считается у черкесов стыдом, лишь бы... они, заняв удобную позицию, опять начали драться. Зато считается постыдным, если партия застигнута врасплох, если отдала без боя добычу, если у нее отбили лошадей и если, вступив в дело, партия не вынесла из боя тел своих убитых».

Бросить добычу и уйти без боя, в целях спасения жизни, считалось большим позором и проявлением трусости. Хан-Гирей писал: «Небольшие партии воинов скрытно пробираются, быстро нападают и быстро скрываются, и, в случае погони за ними, сражаются отчаянно, и тела убитых товарищей с удивительной решительностью уносят с собою; и здесь, как и в больших действиях, защищая тело убитого товарища, целые партии погибают; они, убив своих лошадей и из них сделав батареи, продают жизнь дорого. Примеры подобных отчаянных подвигов нередки, и черкесы это все делают из **жажды к славе** храброго воина и боясь **названия труса**, а не из жадности к добыче, которую им, конечно, не принесет смерть».

Добыча для черкесов не являлась самоцелью, а была лишь знаком, символом воинской доблести. Особенно это было характерно для эпохи средневековья, на которую приходится расцвет черкесского наездничества. Если во времена Хан-Гирея (XIX в.) считалось зазорным без боя бросать добычу, то в эпоху Андемиркана (XVI в.) и других героев средневекового эпоса было зазорным без боя приобретать добычу. Наездники стремились не просто захватывать добычу и уйти с ней (например, угнать табун лошадей), но искали еще при этом возможности военного столкновения.

Среди правил, действовавших во время войны, были такие, которые черкесы строго соблюдали между собой и менее строго в отношении других народов. К числу таких правил, по сведениям Н.Ф. Грабовского, относится запрет поджога жилищ и посевов. Он писал по этому поводу, «что самым предосудительным преступлением в полном значении этого слова и по понятиям кабардинцев считается поджог. Таким же преступлением считается поджечь что-либо у своих врагов и особенно сжечь хлеб».

Было только одно исключение из этого правила, о котором сообщает Хан-Гирей: «Заметим, что тот, у кого жена увезена другим, имеет право жечь дом похитителя и целую деревню, где он пребывает, но без этого случая жечь строения, хотя бы они принадлежали и заклятому врагу, почитается постыдным поступком».

Так как жилище считалось у черкесов священным и неприкосновенным, у них

существовал также запрет на убийство в доме. Об этом свидетельствует до сих пор бытующее у старших выражение: «Черкесский обычай не велит убивать человека в доме».

Так, в песне о сыновьях Куденета, сложенной по поводу реального исторического события, имевшего место в 1846 году, рассказывается о набеге группы кабардинцев на кочевье ногайского хана. Когда ногайский хан отказался выдать все, что требовали кабардинцы, предводитель партии Магомет Куденетов убил его, но перед этим вывел из юрты.

Магомет Криворукий, разгневавшись,
Ногайского хана старого из дома выводит,
За юрту его заводит и
Барана, на убой подаренного, режет.

Среди других правил, соблюдаемых на войне, и норм, связанных с этим, русские офицеры, участвовавшие в войне с горцами, отмечали, что очень редко удавалось брать черкесов в плен.

И. Бларамберг писал о черкесах: «...когда они видят, что окружены, они сражаются отчаянно, дорого отдавая свою жизнь, и никогда не сдаются в плен».

В то же время при опасности попасть в плен они никогда не прибегали к самоубийству, так как у черкесов традиционно было отрицательное отношение к самоубийству.

К.О. Сталь сообщал о черкесах: «Сдаться военнопленным есть верх беславия и потому никогда не случалось, чтобы вооруженный воин отдался в плен. Потеряв лошадь, он будет сражаться до последней возможности и с таким ожесточением, что заставит наконец убить себя».

Большим позором считалась потеря оружия: «Смерть наездника в бою — плач в его доме, а потеря оружия — плач в целом народе» — гласила черкесская пословица.

Если наездник погибал, товарищи должны были не допустить, чтобы противник завладел его доспехами. Поэтому во время войны часто завязывались отдельные сражения между теми, кто хотел снять доспехи с убитого воина, и теми, кто старался не допустить этого.

В безвыходных ситуациях, чтобы оружие не досталось врагам, черкесы приводили его в негодность: «Видя отрезанными все пути к спасению, — свидетельствовал Ф.Ф. Торнау, — они убивали своих лошадей, за телами их залегали с винтовкой на присошке и отстреливались, пока было возможно; выпустив последний заряд, ломали ружья и шашки

и встречали смерть с кинжалом в руках, зная, что с этим оружием их нельзя схватить живыми». Черкесские военные обычаи не допускали, чтобы тела погибших в сражении товарищей оставались в руках врагов.

Д.А. Лонгворт по этому поводу писал: «В характере черкесов нет, пожалуй, черты, более заслуживающей восхищения, чем их забота о павших — о бедных останках мертвого, который уже не может чувствовать этой заботы. Если кто-либо из их соотечественников пал в бою, множество черкесов несется к тому месту, чтобы вынести его тело, и героическая битва, которая затем следует, — явление такое же частое в сражениях черкесов, как и в старые времена на равнине у Трои, — зачастую влечет за собой ужасающие последствия...».

С уважением и заботой черкесы относились и к телам погибших врагов. Если не было возможности вернуть тело родственникам убитого, считалось благородным поступком предать его земле со всеми необходимыми условностями. Во время войн черкесов с другими народами последние нередко требовали выкуп за тела погибших, если таковые оставались в их руках. «Тела погибших на войне выкупаются, — сообщает Ф.Д. Монпере, — этим занимаются посланцы, которые приезжают обсуждать сумму выкупа за погибшего, предлагая в обмен быков, лошадей и другие предметы: здесь можно вспомнить Гомера, который описывает сцену выкупа тела Гектора». Во время междоусобных войн и столкновений среди самих черкесов, тела погибших враждующие стороны не удерживали и возвращали беспрепятственно.

Хотя жизнь сделала черкесов чрезвычайно воинственными, они не стали из-за этого жестоким или кровожадным народом. Это отразилось и на их образе ведения войны. Т. Лапинский, три года живший среди черкесов и воевавший на их стороне, отмечал: «Адыг по натуре храбр, решителен, но не любит бесполезно проливать кровь и не жесток». У них, по его свидетельству, «изувечение трупов, отрезание голов, ушей, рук, ног, убийства невооруженных, гнусности над женщинами, которыми... сопровождается война, совсем неизвестны».

Сдавшиеся во время боя в плен пользовались у черкесов безусловной неприкосновенностью. Особые знаки внимания уделялись пленницам — их нельзя было вести пешком. Если среди пленных оказывались женщины, их везли только верхом, посадив сзади себя на круп коня.

Во время боя считалось зазорным нападать на безоружного или раненого, не могущего оказать сопротивление человека. Даже если кто-то и позволял себе подобное, его сравнивали с женщиной, говорили, что он не мужчина.

Даже во время ожесточенной столетней Русско-Кавказской войны отклонения от

традиционных установок со стороны черкесов носили исключительный характер и явились, по существу, репрессалиями. На юридическом языке термин «репрессалии» означает нарушение норм права войны в ответ на нарушение этих норм противником с целью пресечения данного нарушения. Таким образом, репрессалии включают в себя предупреждение и давление на противника в форме ответной акции с тем, чтобы принудить его отказаться от дальнейших противоправных актов ведения войны и действовать в соответствии с правом войны».

Один такой чрезвычайный случай имел место в 1840 году, когда черкесы взяли штурмом форт Лазарев на черноморском побережье. Незадолго до этого военный начальник форта Лазарев приказал высечь двух пленных черкесов. «Это вызвало такое у черкесов негодование, что... в отместку за сечение вольных горцев черкесы изрубили двух пленных русских офицеров...», — сообщает русский военный историк Ф. Щербина.

Если бы пленных просто убили, это не вызвало бы такого возмущения, так как по понятиям черкесов лучше убить человека, чем покушаться на его достоинство и честь. Попытки, телесные наказания, унижительное, оскорбительное отношение — все, что является покушением на человеческое достоинство, черкесы исключили из практики своих внутренних общественных отношений. Более того, они считали недостойным применение этих методов по отношению и к своим врагам.

Черкесское общество по своему характеру являлось обществом традиционалистского типа. Несмотря на довольно развитые классовые (феодалные) отношения жизнь здесь основывалась не на государственных институтах и законах, а на традициях, обычаях и нравственных принципах, система которых в совокупности называлась *адыгэ хабэ*, т.е. черкесский обычай. Одним из краеугольных камней этой системы являлось такое понятие как «напэ» — лицо, совесть, честь. Поэтому у черкесов не было ни тюрем, ни телесных наказаний, ни пыток. Вместо них использовалась система штрафов и, как крайняя мера, смертная казнь или изгнание из общества. Но самым страшным наказанием в обществе, где традиции и общественное мнение имели определяющее значение, было «потерять лицо», а значит и уважение общества. Здесь ни материальное благосостояние, ни высокое социальное происхождение сами по себе не обеспечивали значимого общественного положения. Его достижение было возможно при условии соблюдения принципов морально-правового кодекса «адыгэ хабэ». Их нарушение вело, как говорили черкесы, «к потере лица» (*напэтех*), что считалось страшнее смерти. «Больше смерти опасайся позора» — гласит адыгская пословица. Видимо с этим связано жесткое требование адыгских военных обычаев — никогда не сдаваться в плен. Смерть в бою избавляла от опасности лишиться чести и унижительного,

оскорбительного отношения со стороны победителей. Рассчитывать на милость и благородство противника, рискуя своей честью, адыгские воины не могли.

Многие авторы, путешественники, описывающие военный быт Черкесии, находили в нем много общего с военным бытом, особенностями ведения войны в Древней Греции времен Гомера или же с рыцарской системой раннефеодальных государств Европы. Действительно, военное искусство, особенности ведения войны черкесами в XVIII—XIX веках содержали в себе много архаичных элементов. Та же черкесская конница, хотя и была блестящим воинским формированием, тем не менее принадлежала к уходящему с исторической сцены военному искусству феодальной эпохи. Хан-Гирей писал по этому поводу: «Народ, живущий в вечной войне, казалось бы должен сделаться большим знатоком в военном искусстве, однако черкесы, на войне взрослые и войною же воспитанные, лишь сделались неподражаемо воинственными, проворными, ловкими, терпеливыми и отважными, но вовсе или мало приобрели познания в военном деле».

Когда Хан-Гирей говорит, что черкесы «мало приобрели познания в военном деле», то он подразумевает прежде всего современное ему буржуазное военное искусство России, с его превосходством тактических и стратегических приемов, использование артиллерии и железной дисциплиной. Всего этого не могло быть в Черкесии с господствующими здесь феодальными отношениями. От социально-экономической структуры общества, как известно, зависит и военная структура, особенности военной тактики и стратегии. В таком обществе эталоном воина оставалась не столько дисциплинированность, сколько романтическая рыцарская удаля. Эту особенность отмечал и Хан-Гирей, указывая, что «в минуту сражений исчезают все распоряжения в войске черкесском: кто хочет, тот дерется, приказания старшины уже не действуют, а увещаниям их покорствуют только дворяне. Этому главнейшей причиной служит предрассудок, будто бы славнее сражаться лично и оказывать храбрость, нежели, распоряжаясь, содействовать существованию успеху».

Воины во время битвы старались превзойти друг друга в храбрости. Этот мотив часто повторяется в историко-героических песнях. «В памятный день этой битвы соперничают друг с другом в храбрости двое Шабляевых», — поется в черкесской песне, посвященной нападению натухаевцев на русскую крепость. Во время битвы знатные воины не только соперничали между собой в проявлении удали, но и старались найти себе на поле битвы более достойных соперников. Как повествует эпос, легендарный Андемиркан «вступив в битву, выбирал заметные тавры». В другом черкесском предании о герое сообщается, что «он укладывал метким выстрелом выделившихся из сильного войска наездников».

Каждый знатный воин думал не только о красоте своего подвига, но и о достойной смерти. Поэтому для него не безразлично, от чьей руки он погибнет; желательно, чтобы это был такой же храбрый, достойный рыцарь.

Герой старинной историко-героической песни XVI века Ешаноко Озырмес перед смертью вспомнил слова, сказанные им матери: «В те поры как меня доканают, такой же герой, как я, мне подушкой будет». Действительно, когда к смертельно раненому Озырмесу подбежал знатный кумыкский воин, чтобы прикончить его, находчивый Озырмес неожиданным вопросом отвлек внимание врага, вытащил лук из-под бедра и выстрелом из него убил противника, подтащил труп к себе, подложил под голову и умер.

Из под бедра своего стрелу (Озырмес) вытащил,
Тетиву свою натянул,
На грудь ему угодил,
Свалил его (врага) с крупа лошади
Притянул его к себе руками
Себе подобного нарта подложив под голову,
Сошел с белого света
Ешаноко Озырмес.

Очень часто представители черкесской знати гибли во время рыцарских поединков. В основе их лежали два основных мотива: жажда славы и желание первенствовать во всем, прежде всего в проявлении рыцарской отваги и ловкости. Такие поединки были призваны решить спор известных наездников: кому из них принадлежит первенство в ловкости и храбрости.

Другой мотив, часто являвшийся причиной дуэлей в среде дворянства, — вопросы чести. Такие дуэли заканчивались, как правило, неминуемой смертью одного из противников, потому что победитель в любом случае мог поступить с побежденным, как с убитым, т.е. снять с него оружие и доспехи. Подобное обстоятельство для побежденного было связано с таким бесчестьем, что он предпочитал верную смерть. По черкесским обычаям, отнятие у человека оружия равносильно лишению чести. Щепетильность в вопросах чести, сильно развитое чувство личного достоинства и развитый этикет служили причиной конфликтов в среде элиты. С. Броневский сообщает: «Кабардинцы всегда наблюдают в обращении между собою вежливость чинопочтанием соразмеряемую; сколь ни пылки в страстях своих в самом жару споров, происходящих в народных собраниях, они крепятся до поры в пределах благопристойности, пока не дойдет дело до

угроз, за коими следующие ругательства нередко развязывают руки вместе с языками. Черкесы грубых и ругательных слов не терпят; в противном случае Князья и Уздени равных себе вызывают на поединок, а незнатного человека нижней степени или простолюдина убивают на месте».

Возможно рыцарские поединки имели под собой древние архаические корни, уходящие в эпоху первобытного общества. В то время, в период межплеменных войн, больше всех подвергались опасности быть убитыми лучшие представители той или иной племенной группы (как правило, вожди, знатные воины). В представлении людей той эпохи, убийца «мог овладеть не только силой, но и личностными чертами, признаками жертвы, в известном смысле превратиться в убитого, чтобы избежать мести с его стороны, ибо самому себе он не станет вредить».

Возможно, с этой мотивацией связан и обычай снимать доспехи и оружие с убитых в поединке воинов. С этой точки зрения становится понятным глубокий смысл поведения героев «Илиады» Гомера, когда древнегреческий воин обряжается в одежды повергнутого врага, или же феодальный обычай пользоваться оружием убитого неприятеля.

До начала XVIII века у кабардинцев бытовал и другой, связанный с поединками, обычай, а именно — отрубания головы. Согласно фольклорным данным, головы отрубали не всем, этого удостоивались знатные рыцари после смерти, наступившей в результате поединка. По обычаю голову убитого врага привозили с собой, привязав ее за «ачэ» (пучок волос на макушке головы) к путлищу седла. Обычай отращивания «ачэ» исчез вместе с обычаем отрубания головы в начале XVIII века, с утверждением у кабардинцев ислама. По преданию, инициатором отмены этого обычая, воспринимавшегося к тому времени самими кабардинцами как «варварский», принадлежал известному политическому деятелю, философу и народному мудрецу Жабаги Казаноко.

У некоторых групп причерноморских черкесов, а также у садзов обычай этот был распространен и в первой половине XIX века. У абхазов мотивация этого обычая была следующая: если голову убитого врага принести с собой и закопать так, чтобы никто не знал места захоронения, то душа убитого, по их представлениям, не могла мстить убийце.

Обычай отрубания головы бытовал в свое время у многих народов и носил в основном ритуальный характер. Так, у тлингитов «встречалась вера в то, что в особое небесное царство попадают души тех, чьи головы были отрезаны врагом. Такая смерть была престижной и, как правило, по изложенным выше причинам постигала только знатных людей».

Черкесы придавали большое значение самому моменту смерти: каждый воин стремился встретить ее так, чтобы вызвать похвалу окружающих. Позором считалось,

например, быть раненым или убитым в спину. Такая смерть, по мнению черкесов, не могла считаться геройской. Поэтому распространенный мотив адыгских историко-героических песен — дать убить себя, повернувшись лицом к врагу. В одной из них о погибшем герое сообщается:

Повернулся лицом и дал себя убить
Из Нартыжевых ваш Хаджи золотой
На скакуне Есенеевской породы чей труп привезли
Это Нартыжевых ваш Хаджи маленький.

Определенное различие делалось между убитыми огнестрельным и холодным оружием. В этом плане представляют интерес воспоминания одного из участников Русско-Кавказской войны Н.И. Лорера, сосланного после подавления восстания декабристов на Западный Кавказ. «Раз мы были у палатки Раевского, когда к нему привели горского князя, приехавшего просить о выдаче тел убитых горцев», — вспоминал Н.И. Лорер. Когда Раевский приказал выдать князю просимые тела соотечественников, лежавшие в куче, как дрова, Н.И. Лорер обратил внимание на одну странность в поведении горцев, грузивших трупы черкесских воинов. Горцы отобрали тела убитых пулями: смерть от штыка они считают бесчестною, недостойной в виду бытовавшего мнения, что воин-черкес не имел морального права проигрывать в равном бою, и поскольку пулей можно было убить любого, даже самого храброго воина, постольку такого не осуждали.

На поведение воинов во время сражений большое влияние оказывали такие особенности черкесского менталитета, как острое желание общественного признания и сильно развитый индивидуализм. Об этом выразительно сказал в беседе с Хан-Гиреем известный шапсугский дворянин, неоднократно упоминаемый в русских исторических источниках, Бесленей Абат: «А знаешь ли, наши черкесы, ей богу, храбрее всех народов на свете и безрассуднее; никто их не посылает на войну противу их воли, а сами они спешат навстречу опасности, сражаются, умирают добровольно! Ранят ли их — нет награды; убьют — их семейство никто не призрит; за все, если скажут «храбрый», вот и награда для них! За это одно слово они идут навстречу верной гибели! У других народов совсем не то: там велят, там поневоле идут на войну; награды же так велики, что и трус сделается на время храбрым...».

Анализируя философию черкесского удалства, Б.Х. Бгажноков высказывает мнение, что в основе его лежит взгляд на бой как на спектакль. «Существовал даже

институт профессиональных наблюдателей за ходом подобных спектаклей. Это были народные и придворные музыканты, стихотворцы, певцы — джегуако. Без их участия не проходило ни одно сколько-нибудь значительное сражение. Черкесский воин ощущал себя актером. Но играл он не столько перед своими соратниками и даже не столько перед народными певцами, сколько через посредство последних — перед обществом, перед своей референтной группой. Вдохновение, торжество, упоение — такова доминанта сознания, актуальная на период битвы. Не случайно французский дипломат А. Григорьянц один из разделов очерка о традиционной культуре адыгов назвал «Разбой есть праздник».

Действительно, черкесы относились к сражениям как к празднику, торжественному акту и готовились к ним соответственно. По словам Хан-Гирея, «черкесы в день сражения одеваются в самые лучшие одежды, которые вместе с блестящими их шлемами, кольчугами, стрелами и богатыми конскими сбруями представляют прекрасный, разнообразный и величественный вид, которым отборное их воинство отличается».

Некоторые воины выделялись из общей массы тем, что облачались во все белое. Эти всадники демонстрировали особое искусство во время сражения. Только кровь, но не грязь с поля битвы, могла запятнать их белые черкески. Во все белое, во время сражений, одевались также воины, решившие покончить счеты с жизнью. Причины тому могли быть разные, например, смерть любимого человека. Так как самоубийство традиционно осуждалось черкесами, эти люди искали смерти в бою, бросаясь в самую гущу сражений и демонстрируя полное пренебрежение к смерти.

Перед началом сражения народные певцы — джегуако занимали места, возвышающиеся над местностью, где должна была произойти битва. Наблюдая с высоты за ходом сражения, они отражали его затем в своих песнях. Т. Лапинский, ставший очевидцем одного из таких сражений, приводит следующее свидетельство: «Я видел весной 1857 года во время сильной перестрелки на реке Адагум, как один такой бард влез на дерево, откуда он далеко раздающимся голосом воспевал храбрых и называл по именам боязливых. Адыг больше всего на свете боится быть прозванным трусом в национальных песнях — в этом случае он погиб: ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки, он становится посмешищем в стране. Присутствие популярного барда во время битвы — лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость».

Жырчаго Гиса, участник двух войн, выразил свое мнение о природе мужества следующим образом: «Как я понимаю, мужество вытекает из чувства стыда... Если даже я боюсь и желал бы покинуть сражение, я постесняюсь оставить своих товарищей. Поэтому я говорю: мужество происходит из стыда». Если развить эту мысль, то можно сказать, что

мужество происходит из чувства страха. Адыги говорят: «Тот, кто не знает страха, не имеет и стыда». Боясь позора, человек преодолевает естественное чувство страха и тем самым становится способным проявить мужество.

Находясь в обществе, в котором храбрость прославляется и поощряется, а трусость порицается и наказывается, человек строит свое поведение в расчете на норму, которая принята в этом обществе, в его социальной среде. Здесь он становится в некотором смысле «актером», играющим перед своей социальной группой и обществом.

Подобная мотивация, по свидетельству итальянского исследователя Ф. Кардини, была характерна и для поведения европейского средневекового рыцарства: «Все их действия публичны, — пишет он, — поэтому зависят от публики и не определяются индивидуальными намерениями и склонностями, а ориентированы на норму, принятую в соответствующей социальной среде. Поведение рыцаря строится в расчете на зрителей, он исходит из требований, предъявляемых ему заданной ролью: предпочтет попасть в плен, но не будет спешить, покидая поле битвы, дабы никто не заподозрил его в трусости».

В этом отношении интерес представляет аналогичная мотивация поведения черкесских рыцарей средневековья. Героя кабардинского эпоса Ешанок Озырмеса волнует прежде всего оценка действий даже не своей, а чужой группы. Согласно преданию, во время одного из своих набегов в Дагестан, Озырмес захватил добычу и, оторвавшись от погони, возвращался в Кабарду. Но вдруг он неожиданно поворачивает, возвращается и затевает новое сражение, во время которого погибает.

Бегом если буду возвращаться,
[они] долю стыда мне дадут [заподозрят в трусости], — сказал Ешанок,
вернулся и жестокое сражение начал.

Черкесское дворянство, девизом которого было «честь и война», выработало свой рыцарский моральный кодекс, так называемый «уэркъ хабзэ» («уэркъ» — рыцарь, дворянин; «хабзэ» — кодекс обычно-правовых, этикетных норм). Многие его положения, несомненно, вытекают из военного образа жизни и связанных с ним норм поведения. В качестве примера, аналогии культурной морали, связанной с войной, можно привести средневековый японский кодекс чести самурая «Буси-до» («Путь воина»), с которым «уэркъ хабзэ» имеет некоторые параллели.

Неотъемлемой частью рыцарского образа жизни, как уже отмечалось выше, были поединки являющиеся следствием возникающих в среде высших сословий конфликтов, касающихся чести, а также неустанного соперничества в среде элиты. Однако это

«соперничество не нарушало солидарности элиты как таковой, солидарности, распространявшейся на врагов, принадлежащих к элите».

Черкесское понятие дворянской вражды предполагало взаимное уважение противников с соблюдением всех этикетных норм. В этой связи примечательно предание, записанное профессором Джамалдином Коковым со слов знатока адыгского фольклора Гукемуха Абубекира Махмудовича: «Князя Атажукин и Коноков были во вражде. Ближайшая встреча должна была кровью определить сильнейшего и правого. К тому времени Коноков, будучи хаджретом, «переселенцем», жил на Кубани. Как-то Атажукину в один из походов довелось быть со своими спутниками во владениях Конокова и пожелал он об этом известить хозяина, чтобы не упустить случай помериться силой. Коноков не замедлил со своим отрядом выехать навстречу Атажукину. Впереди всех с ружьем в руках на неоседланном коне мчался юноша, сын Конокова. Указав на стремительно приближающегося к князю Атажукину мальчика, слуга последнего, отличный стрелок, навел винтовку на него. Но Атажукин не велел стрелять, дабы не смешивать «кровь и молоко». Между тем, тот подоспел и выстрелил в князя. В завязавшейся битве погибли и князь Атажукин и двое сыновей Конокова. Трупы их были доставлены в аул Конокова. В кунацкой тела молодых княжичей положили на почетном месте, а убитого князя Атажукина — близко от входа.

Зайдя туда, княгиня Конокова без слез погладила по голове своих сыновей и сказала: «Вы достойно умерли, дети мои, не зря отдали свои молодые жизни». Повернувшись к трупу Атажукина, она добавила: «А князя перенесите на почетное место. Ведь он же гость здесь».

Славу рыцарю приносила не только победа, но и поведение в бою. Мотивация поведения включала уважение к противнику, собственное достоинство, гуманность, причем предполагалось, что противник ответит тем же самым. Весь этот комплекс предполагал предоставление сопернику по возможности равных шансов.

Например, если во время боя один рыцарь терял лошадь, то другой тоже должен был спешиться. Убитого соперника уорк должен был положить на спину, укрыть буркой и сообщить его местонахождение родственникам убитого. Если это невозможно было сделать, его тело следовало предать земле.

Жажда подвигов, неуемное желание первенствовать часто возбуждали ревнивое отношение к подвигам и славе других рыцарей. Чужая слава не давала покоя черкесскому воину и часто становилась источником кровной вражды и поединков.

Хан-Гирей по этому поводу писал: «...прекрасные стремления к прославлению... заставляют черкесов делать с истинным самоотвержением добро и защищать невинность.

Но эта благородная черта, к сожалению, часто обезображивается, так сказать, косвенными понятиями черкесов о славе: они ... проливают потоки крови, подвергают свою жизнь опасности, и все это лишь для приобретения воинственной славы, не приносящей никакой пользы отечеству, отвергаемой богом и законами человечества».

Именно слава погубила Андемыркана, как и многих других известных в истории Черкесии личностей. Так, например, в родословной кабардинских князей XVII века о смерти сына князя Темрюка Идарова сообщается: «А Мамстрюк добр был собою гораздо и дороден, и боялись ево многие в Кабарде, в зависти ево и убили».

Как только, образно выражаясь, «на сцене» появлялась яркая личность, выдающаяся своими качествами, у нее тут же возникало множество врагов, стремящихся опровергнуть известность. Поэтому черкесы считали, что у достойного мужчины должно быть много врагов. При этом у достойного человека должны быть достойные враги. Если перефразировать известную поговорку, то черкесы подходили к оценке личности человека по принципу: «Скажи мне, кто твой враг, я скажу тебе, кто ты» или же, выражаясь словами Ф. Ницше; «Вы должны гордиться врагами: тогда успехи их будут и вашими».

Так, герой преданий кабардинский князь Алиджуко сын Шолоха во время странствий по черкесским землям всегда после приветствия задавал один вопрос: «В вашей земле есть кто, если дружить, чтобы достойным другом был, если враждовать, чтобы достойный врагом был?».

Вражда по понятиям черкесов носила элитарный, сословный характер. Официально враждовать могут люди одинакового социального происхождения. Любопытное обстоятельство приводится в кабардинском предании, записанном адыгским просветителем К. Атажукиным: когда князь узнал о любовной связи своей жены с его подвластным табунщиком, то решил обоих наказать. При этом другой князь, его друг, сделал ему замечание «соглашаясь с тем, чтобы жена... была наказана, решительно отверг, чтобы любовнику ее было сделано какое бы то ни было насилие, так как это могло означать, будто человек такого низкого происхождения может оскорбить его...».

Соответственно, по понятиям черкесов, дуэли или поединки могли происходить только между людьми равного социального статуса. Дворянин не мог вызвать на поединок князя, а крестьянин — дворянина. В таких случаях, для защиты своей чести, обиженная сторона имела право обратиться в третейский суд. Поединки обычно проходили без свидетелей, в поле, около какого-нибудь кургана. Как сообщается в старинной кабардинской песне «Сетования Бору Могучего», однажды какой-то незнакомец вызвал старого дворянина Бору из дому и назначил ему «встречу на кургане».

Бора старый злой, — говоря
Вызывает меня кто-то,
Кто бы ни вызывал — всегда выхожу
Встречу на кургане [он] мне назначает.

В нартском эпосе поверженный наземь Сосруко, обращаясь за отсрочкой к Тотрешу, говорил: «Харама-курган — место нашей встречи...».

Согласно фольклорным данным, черкесам были известны несколько видов поединков. Обычно дворяне предпочитали драться верхом и спешили только в том случае, если по причине полученных ран не могли держаться в седле. Поединок проходил следующим образом: противники скакали верхом навстречу друг к другу, делали при сближении по одному выстрелу из ружей и, в случае промаха, начинали рубиться шашками.

Известен и другой способ проведения поединка: на земле расстилали бурку и становились на разные ее концы. Поединок проходил на кинжалах, при этом нельзя было колоть, а нужно было только рубить. В случае, если один из противников сходил с бурки, то другой имел право его заколоть. Тот, кто отказывался принять вызов, тем самым признавал себя побежденным и с ним могли поступить как с «убитым», т.е. отобрать у него лошадь и оружие.

Надо заметить, что оружие у черкесов само по себе являлось объектом почитания, и многие правила этикета были порождены обычаем ношения оружия. Например, каждый уорк должен был соблюдать следующие правила: при встрече на дороге мужчины должны были расходиться с правой стороны, так, чтобы их левая сторона (вооруженная) была обращена друг к другу. В таком положении неудобно выхватить шашку и нанести удар. Если навстречу шел человек и желал разойтись с левой «неправильной» стороны, то он нарушал этикет и его следовало опасаться.

В случае с женщинами мужчины поступали наоборот, так как женщины не представляли угрозы и не могли быть объектом нападения. С женщинами расходились по левую сторону. Во время беседы с женщиной нельзя было стоять к ней левым боком, показывая ей «вооруженную» сторону. Отходя от женщины, мужчина поворачивался налево, так, чтобы быть к ней правым боком.

Если двое всадников ехали вместе в одном направлении, то младший занимал по отношению к старшему левую, менее защищенную сторону. Если же спутников было трое, то порядок изменялся: старший находился в центре, следующий по возрасту или положению занимал левую сторону, самый младший находился справа. Такая схема также

имела скрытый смысл. Если младший по поручению старшего отлучался, то левая, более уязвимая сторона у старшего оставалась закрытой, а правую он контролировал сам. Если всадник встречал в пути другого, едущего с ним в одном направлении, то необходимо было поступить следующим образом: догнав его, чтобы не вызвать опасений, подъехать к нему не с левой (незащищенной), а с правой стороны. Если спутник оказывался старше, то после приветствия он занимал левую сторону. Из этого правила было одно исключение: если один из всадников был «гость», т.е. не был жителем местности, по которой ехал, а встретившийся или сопровождающий его, был жителем этих мест, то последний, будь он даже старше возрастом, занимал левую сторону, как бы оберегая гостя. Как только они выезжали за пределы той местности, младший по возрасту всадник должен был занять положенное ему место, т.е. левую сторону.

Каждый дворянин должен был соблюдать правила обращения с оружием: например, его нельзя было без достаточно веской причины обнажать. Обнажить оружие, угрожая им, и не применить его, считалось большим позором. Оружие (особенно огнестрельное) нельзя было направлять в сторону человека. При передаче холодное оружие нельзя было протягивать клинком вперед. В то же время считалось неправильным протягивать оружие рукоятью вперед с клинком, обращенным в свою сторону. Настороженное или неуважительное отношение к чьему-либо оружию воспринималось как оскорбление. Например, так отнеслись бы к действиям человека, взявшего без разрешения хозяина оружие, чтобы рассмотреть, и не положившего его аккуратно на место, а небрежно бросившего. Таким же оскорблением было бы оттолкнуть от себя чье-то оружие, вместо того, чтобы попросить об этом его владельца.

Все вышеперечисленные правила и нормы входили в традиционный черкесский рыцарский кодекс «уэркъ хабзэ», который продолжал функционировать в полном объеме вплоть до середины XIX века. Рыцарство как социальное явление и связанные с ним моральные, этические ценности сохранились до того времени, пожалуй, только на Кавказе, в Черкесии, тогда как в Европе и других регионах мира оно стало предметом преданий и рыцарских литературных романов.

«Черкес благородно представляет на Кавказе, — писал француз О. де Гелль, — последние остатки того рыцарского и воинственного духа, который пролил столько блеска на народы средних веков». Англичанин Э. Спенсер, в 30-х годах XIX столетия посетивший Черкесию, отмечал: «Реальный факт заключается в том, что жители этой части Кавказа... сейчас представляют странную аномалию народа, сохраняющего значительное количество рыцарских обычаев и манер, которые отличали воинов средних веков, в соединении с манерами Востока и их собственной природной горской

простотой».

Черкесский этикет и основанный на нем рыцарский кодекс мы считаем культурной моделью, созданной под сильным влиянием военизированного быта, характерного для общественнополитической жизни Черкесии на протяжении длительного периода времени. Часто в истории имеет место такой факт, когда несомненные достижения общества в какойлибо области материальной или духовной жизни могут сосуществовать с их упадком или отсутствием в других областях.

Черкесы, в силу особенностей исторического развития, не достигли большого прогресса во многих областях материальной и духовной культуры. В частности, у них не получили развития такие сферы, как письменность, литература, живопись, архитектура, градостроительство и некоторые другие. К тому же их общественный строй, застывший на стадии феодализма, отличался консервативностью. Тем не менее, черкесы создали свой этикет, который можно считать значительным культурным достижением.

А.Г. Кешев отмечал это в одной из статей: «Условиями исторической своей жизни и географическим положением занимаемой ими страны все кавказские горцы призваны были развить исключительно начала военнореспубликанских обществ, и все они, до известной степени, выполнили свою задачу. Но ни у одного из них военно-аристократические учреждения и воинственный дух не выработались в таких определенных чертах, не были доведены до такой полноты и совершенства, как у адыгов. Племя это может быть названо по справедливости творцом и первым распространителем духа рыцарства среди прочих кавказских туземцев. Дух этот лег в основание его политического, общественного и домашнего быта. Им проникнуты насквозь его нравы и обычаи.

В этом отношении адыги опередили другие кавказские племена, для которых имя храброго воина составляло конечную цель стремлений. Этим племенам недоставало величия и изящества, которыми запечатлен весь строй жизни адыгского общества. Адыги не остановились, подобно своим соседям, на степени обыкновенного военного общества, но развили свои воинственные наклонности до идеальной тонкости, до настоящей виртуозности, воплотили принцип военноаристократических свободных учреждений в живые, привлекательные формы и возвели их в целую, стройную систему». Говоря об этих качествах, прославивших черкесов в истории, а именно о воинственности и благородстве, необходимо отметить, что у черкесов эти черты национального характера имели внутреннюю взаимосвязь. В развитии, актуализации этих качеств, особенно первого, несомненно играли значительную роль внешние факторы, такие как постоянная угроза внешней экспансии, междоусобные войны, политическая нестабильность. Но, на

наш взгляд, они не были определяющими и носили скорее внешний характер. Причины же следует искать не во внешних условиях, а внутри духовно-нравственной культуры адыгов, в механизме культурной самоорганизации народа. Большинство авторов, которые интересовались феноменом черкесской храбрости, воинской доблести, благородства, указывают на то, что именно сложная и глубоко продуманная система воспитания является его основой.

«Адыгэ хабзэ», как это показал в своем фундаментальном исследовании Б.Х. Бгажноков, является морально-правовым кодексом, в котором были соединены в одно целое моральные (прежде всего этикетные) и юридические правила и установления. Идеологической базой синтеза и организационного единства обычного права и этикета являлась традиционная этика. В системе адыгской этики имелось пять базовых, основополагающих, постоянно действующих ценностей: человечность, почтительность, разум, мужество, честь. Функционирование адыгства, как этической системы, предполагало, — пишет Б.Х. Бгажноков, — «постоянное взаимодействие и слаженную «работу» всех пяти заповедей. «Помехи» в одной из них неизбежно приводят к ошибкам в нравственном мышлении и поведении. К примеру, неадекватные понятия о совести способны блокировать проявления человечности или мужества, недостаток мужества — спровоцировать действия, противоречащие чести...».

Адыгство являлось внутренне согласованной системой принципов культурной самоорганизации личности и общества, системой этической рационализации мира. Но в адыгской культурной традиции этническая идеология является одновременно этической идеологией. Это была культурная модель, которая рассматривалась адыгами как идеальная; и самое удивительное, что у них была глубокая потребность, как отмечал дореволюционный русский этнограф Л.Я. Люлье, на уровне «инстинкта» следовать ей. Несоблюдение этого образа жизни рассматривалась как утрата этнической идентичности. Именно этим объясняется героическая самоотверженность, с которой черкесы отстаивали столетиями свою национальную независимость от многочисленных иноземных завоевателей. Стремление к свободе и независимости, и стало быть к сохранению своих обычаев, самобытности, своей системы морально-этических ценностей, были преобладающим мотивом в жизни этого народа, легли в основу его менталитета. Многие авторы, характеризуя черкесов, отмечали, что по «нраву они мягки и миролюбивы», и только желание сохранить свою независимость развило в них воинственность.

Фундаментальные принципы адыгской этики — человечность, почтительность, честь, совесть адыги распространяли и на военную сферу, считая недопустимым войны без правил, без соблюдения этих принципов. В известных со времен средневековья

рыцарских благородных традициях были выдержаны правила сражений, поединков, войны. «Так же, — отмечает в своем исследовании Б.Х. Бгажноков, — строились отношения черкесов с внешними врагами и политическими соперниками, о чем свидетельствует ход и психологическая динамика столетней войны с Россией. Даже в условиях Кавказской войны, когда царизм взял курс на истребление горских народов, адыги избегали методов, противоречащих человечности».

Все, что считали адыги для себе неприемлемым — убийства детей, женщин, стариков, посягательства на жизнь и человеческое достоинство военнопленных, пытки и физические наказания, глумление над телами погибших, сжигание домов, посевов, вырубка лесов, уничтожение культурных сооружений, загаживание источников, — широко практиковалось русской армией и входило в систему завоевания и покорения Кавказа. Проводя такую варварскую политику, царская Россия в лице идеологов колонизаторской политики претендовала тем не менее на некую «цивилизаторскую» роль по отношению к местным народам.

Традиционные черкесские правила и нормы ведения войны, столетиями соблюдавшиеся на Кавказе, только в XX веке стали достоянием международного гуманитарного права и так называемого права войны, будучи закрепленными в ряде Женевских и Гаагских конвенций. Но несмотря на то, что эти принципы приобрели статус международных юридических норм, на страже которых стоит сообщество в лице большинства государств, проблема соблюдения их в реальной действительности остается весьма актуальной. На это указывают многие современные исследователи права войны и международного гуманитарного права. «На нынешней стадии развития права вооруженных конфликтов, — отмечает Стинислав Е. Нахлик — наиболее важной частью которого можно считать гуманитарное право с его все более расширяющейся сферой действия, проблема не в отсутствии норм, а в неготовности соблюдать их». Другой автор, швейцарский юрист Фредерик де Мулинен считает, что «одним из последствий роста числа конвенций, увеличения их объема и сложности стало снижение доверия к праву войны. Люди, прошедшие боевую подготовку и готовые, если потребуется, отдать свою жизнь при выполнении боевой задачи, не хотят, чтобы им мешали правила, которые по их мнению представляют собой выдумку юристов, не представляющих себе реальностей войны. В лучшем случае, даже если солдаты и склонны соблюдать некоторые элементарные принципы гуманности, они не уверены, что противник поступит так же, и легко поддаются соблазну считать себя свободными от всяких обязательств». Нарушение этих норм отдельными людьми в виду пока еще малой эффективности международных уголовных санкций сопровождается только их осуждением, которое носит слишком часто

лишь моральный характер.

Поскольку в условиях войны международные юридические, уголовные санкции малоэффективны, упор делается на «сознательность», внутреннюю культуру военных, пропаганду и обучение для «усвоения ими элементарного набора определенных моральных принципов, основанных на уважении человеческой личности».

Таким образом, развитая соционормативная культура адыгов, распространяющаяся в том числе и на военную сферу, наличие множества моральных, нравственных и других норм, регулирующих положение человека на войне, позволяет говорить о присущей черкесам развитой «культуре войны» в лучшем, гуманитарном смысле этого понятия.

Вопросы и мнения

— Доклад прекрасный. Вы сказали ключевые слова «древняя Греция времен Гомера». «Древняя Греция времен Гомера» и «древняя Греция у Гомера» — это две разные вещи. Поведение рыцарей в средние века и «Песнь о Роланде» или «Сказание о короле Артуре» — это разные типы поведения. То, что вы нам рассказали, это, действительно, некий аналог «Бусидо», это — кодекс. Посему меня интересуют связанные друг с другом вопросы. Насколько эта соционормативная культура соответствовала реальному поведению черкесов во время войн? Какова была динамика эрозии этих норм по времени? Что было до, что было во время и что было после Кавказской войны? И каким образом эти вещи работали во время абхазской войны? До какой степени это действует и каким образом на динамику действовало уничтожение некоторых социальных групп черкесского народа?

— У каждого явления есть период расцвета и угасания. Расцвет рыцарской культуры приходится на конец XVII века. Черкесские этносы, в частности кабардинцы, где эта система была доведена до виртуозности, как бы тиражировалась среди всех адыгских народов. Многие авторы отмечают, что уже в XIX веке после поражения в столкновении с Российской империей нравы меняются. Адыгский исследователь Адыльгирей Кишов писал, что адыги, имея дело с мощной империей, во время войны вынуждены были в целях самосохранения прибегать к таким методам, которые им были вовсе не свойственны, например, к партизанской войне. Очень интересно почитать не столько официальные рапорты, сколько воспоминания офицеров — участников русско-кавказской войны о том, как действовали военные черкесские принципы: не сдаваться в плен, проявлять благородство по отношению к пленным. Русские офицеры отмечают, что на завоеванных территориях в Австрии именно горцы были наиболее

дисциплинированными, меньше занимались грабежами, больше всех соблюдали гуманные нормы. Во время грузино-абхазского конфликта в кабардинской бригаде были разные люди, в том числе люмпенизированные и полукриминальные элементы. Но руководство пресекало действия, которые противоречили правилам.

— Действует ли в адыгском обществе обычай, когда объект кровной мести, которому угрожает неминуемая расправа, проникнув в дом и прикоснувшись губами к груди старшей женщины, тем самым заявляет о своем усыновлении и тогда кровная месть с него снимается?

— Это было в прошлом. В настоящее время я такого не встречал и не слышал об этом. Когда мы говорим о современных кабардинцах, то смешиваем часто их с историческими кабардинцами, которые жили в XVIII—XIX веках. Но современные кабардинцы и исторические кабардинцы — это совершенно разные понятия, потому что кабардинскую культуру как таковую формировала кабардинская элита — князья и дворяне. И пока эта элита существовала, можно было говорить об общей национальной кабардинской культуре. После русско-кабардинской войны, после изгнания в Турцию, после тех страшных репрессий, которые произошли в Кабарде в 1937 году, элита была полностью уничтожена. И современные кабардинцы могут соблюдать и могут не соблюдать эти традиции.

— Мой вопрос был более конкретного этнографического характера: действительно ли кровник, прикоснувшийся губами к груди старшей женщины своих кровников, становится им молочным побратимом и с него кровная месть снимается?

— Да, в доме его нельзя убивать. Кстати, этот принцип действовал и на Востоке, и у черкесских мамлюков в Египте, где, как и на Кавказе, черкесы не изменяли своим традициям. Был введен специальный обычай завязывать черкесскому мамлюку, приговоренному к смертной казни, глаза, когда его вели к эшафоту. Это было сделано после прецедента, когда один из мамлюков подбежал к одной из женщин и попросил ее покровительства.

— Шестьдесят восемь кабардинцев погибли в Абхазии и только один похоронен в Ткварчели, потому что он был сирота. Все остальные были вывезены на родину. Бывали случаи, когда ранили пять-шесть человек для того, чтобы вынести одного раненого или погибшего. Ни один из кабардинцев не попал в плен. Единственный черкес, попавший в плен, был репатриантом из Сирии и не знал абхазского языка. Он нарвался на группу солдат, которые разговаривали по-абхазски и подумал, что это абхазцы. Но это были грузины. Его поменяли на одиннадцать пленных грузинских солдат.

— Известно, что когда в массовом сознании существуют правила, этика ведения войны, то одна противоборствующая сторона ждет соблюдения аналогичной этики от другой стороны. В докладе было два тезиса, которые мне показались как-то очень трудно совместимыми. Это — некоторое презрение к попаданию в плен и уважение к сдавшемуся в плен врагу. Как могли сложиться две такие противоречивые нормы?

— Правила, которые действовали во время войны, исходят из национальной этики: если ты уважаешь себя, то должен уважать и другого человека. Это взаимосвязано и исходит из этической системы адыгской нации. Она переносится и на военную сферу. В Западной Европе у рыцарей попасть в плен не считалось позором, они часто сдавались в плен и пленных рыцарей хорошо содержали, был даже, кажется, налажен бизнес. У японцев, как и у адыгов, понятие плена отсутствует, самураи в плен не сдаются. Они должны или покончить с собой или погибнуть. К пленным японцы относятся плохо, над ними можно издеваться, их можно пытаться и т.д. А у адыгов в плен сдаваться нельзя ни под каким предлогом, но в то же время к военнопленным относились гуманно. Таким образом адыги проецировали отношение к себе, если случится так, что они окажутся в плену.

— Вы сказали об уважении к поверженному врагу. Тут вернее сказать о снисхождении. Высшей ценностью была честь и человек, который сложил оружие, уже шел на добровольное унижение. Такая огромная жертва вызывала снисхождение. Но не надо это идеализировать. И в животном мире, кстати, это есть.

— Когда слышишь о рыцарских адыгских обычаях сегодня, то кажется, что все это сказки. Конечно, все, что было сказано в докладе, это идеальный вариант. В действительности были и нарушения, и перекосы в ту или иную сторону. Но если бы не было таких обычаев, тогда не было бы и таких преданий. Хотя многие народы вели военную жизнь и имели военную историю, но далеко не каждый народ имеет такие предания. Адыгский рыцарский кодекс во многом совпадает с японским — Бусидо. В то же время японские обычаи гораздо более жесткие и кровожадные. Сохранились десятки томов исторических сочинений, где описаны самурайские похождения. В XVIII—XIX веках были написаны такие произведения, как «Сорок семь самураев» или «Повстанцы из княжества Сатсума».

— Все, что в докладе изложено, касается мужчин. Были ли какие-то нормы поведения для женщин?

— Положение женщины в адыгском обществе не такое, как в Европе, но и не такое, как в Азии. И у адыгов считалось, что женщина не имела права ни мстить, ни быть объектом кровной мести. Ей не разрешалось носить и применять оружие, то есть воевать.

Поэтому женщины были женственными. Поднимать руку на женщину, даже в семье, вызывало осуждение. Хотя можно было развестись, с этим проблем не было. Другое дело, что женщины носили оружие — небольшие кинжалы или стилеты. Они прятали их в одежде или в прическе. И носили с одной целью — чтобы защитить свою честь, вплоть до самоубийства. Отношение к женщине было рыцарским. Незамужние девушки пользовались большой свободой, могли принимать в своей комнате молодых мужчин, но только в присутствии брата или подруги. Адыгские рыцари нередко совершали набеги, чтобы завоевать сердце дамы, привезти ей золото, шелка. Женщина пользовалась правом покровительства, наряду с князьями. Женщина могла заступиться за кого-то, приняв его в своем доме.

— Что такое устное предание? Как оно зарождается и насколько соответствует действительности, знает любой этнолог. Возьмем для примера абхазскую войну. Предания об абхазской войне — это система перекрещивающихся мифов, которые отличаются на 180 градусов друг от друга в зависимости от этнической принадлежности респондента: «Только мы, армяне, воевали, эти кабардинцы и чеченцы приезжали сюда зарабатывать деньги». «Только мы, кабардинцы, воевали хорошо, чеченцы воевать не могли и улетели отсюда практически сразу». «Да какие эти кабардинцы вояки? Единственные, кто здесь воевал — чеченцы». «Они, конечно, все помогли, но без нас, абхазов, какая к чертовой матери война была». В случае грузин, эти мифы менялись не только по отношению к этносам, но и во времени, в зависимости от изменения отношений — грузино-чеченских, грузино-кабардинских, грузино-осетинских и т.д. В этносах это уже закрепились, и через сто, двести, триста лет ученые будут излагать историю прошедшей войны каждый по-своему, в зависимости от того, откуда он родом — из Чечни или из Кабарды и т.д. Поэтому мне кажется, что к обсуждаемому материалу надо подходить с очень большой осторожностью.

— Что касается моего доклада, я сказал, что это исторический и этнологический аспект. Мое исследование основано не на преданиях, а на реальных исторических источниках. Когда я писал свою книгу о наездничестве, многие ученые отметили, что у меня слишком много цитат. Адыги сами о себе ничего не писали, ни одной строчки. О нас писали русские военные, которые по долгу службы должны были знать военные обычаи, традиции, менталитет народа, с которым воюют. Они писали о благородстве адыгов. Надо ли подвергать их высказывания сомнению? Что касается современности, я ничего не могу сказать, потому что нет массовых прецедентов.

— У меня есть что сказать о женщинах. По абхазским традициям женщина не была обязана мстить, но имела на это право. Абхазы считают, что войны происходят из-за двух

вещей — из-за земли и из-за женщин. Женщина могла, конечно, остановить войну, но она могла также и разжечь ее. Не пускать, например, своего сына домой, пока он не отомстит. Но бывали случаи, что женщины, если погибали мужчины, переодевались в мужскую одежду и мстили. Девочек с детства учат стрелять. Женщины участвовали в походах и набегах. Они автоматически становились воинами и были равными среди мужчин. Те, кто знал, что это женщина, относились к ней с уважением.

— Мне хотелось бы, чтобы наши кабардинские коллеги ответили на вопрос, есть ли все-таки в мировой антропологии условия, когда исследователь начинает видеть какие-то вещи объективно, нейтрально, то есть должен решить вопрос о том, кто он — птица или орнитолог. Невозможно совместить в себе два лица. Когда человек является свидетелем событий — это одна позиция и она безусловно имеет право быть. Но надо ли выдавать ее за научные убеждения? Мне кажется, что человеку, который хочет стать исследователем, нужно формировать научное мышление. И мне бы хотелось услышать от своих коллег, понимают ли они эту разницу? Что они об этом думают? И пытаются ли они это преодолеть? Или, по их мнению, это не проблема?

— В современной науке есть много методов исследования, много методологических подходов. И все они имеют право на существование. Есть метод эмпатии, когда человек вживается в исследуемый материал и пытается понять. Или, допустим, человек, который представляет определенный этнос, может субъективно писать об этом этносе, потому что он лучше понимает его мотивацию. Все должно быть в меру. У нас нет своей записанной истории, есть история, но нет историков. И то, что об адыгах писали люди со стороны, я считаю большим плюсом. Что касается исследований, то я согласен с вами: есть такая проблема, надо учитывать много моментов, исследователь должен культурно дистанцироваться.

— И вы пытаетесь это преодолеть в себе лично?

— Когда я исследую явление, культурную модель, то подхожу к этому как этнолог. Другое дело, что есть случаи, когда модель работает и когда не работает. Барасби Бгажноков пользуется совершенно другими методами, которые соответствуют Западной науке — антропологической, более современной. В этом плане, мне кажется, я отстаю. У меня более старые методы исследования, традиционные. Но и они тоже имеют право на существование. Это вопрос каждого конкретного исследователя. Мы — творческие люди и можем пользоваться теми методами исследования, которые считаем приемлемыми.

— Мы не птицы и не орнитологи. Для человека главное — самопознание. Я думаю, что процесс самопознания человеком самого себя через свою историю и через свою культуру намного важнее, чем взгляд со стороны.

— Человек относится к изучению самого себя иначе, чем, например, к орнитологии. Есть способ верификации, есть сравнительно-исторический метод, генеральный метод, имеющий очень прочное основание. В позитивизме я не вижу ничего плохого. Но наука ушла вперед от позитивизма, от этой объективности факта. Факт проходит очень сложную процедуру через сознание исследователя, прежде чем он становится настоящим историческим фактом. Эта процедура является интерпретационной. Мы выбираем те факты, на которых можем строить теорию. Но в запасе у историка есть еще куча фактов и не все, что я знаю, я опубликую. И то, что я услышу в одном селе, я проверю десятки раз. Это бесконечная ветвь. Идет верификация фактов.

Чеченские женщины бросали перед БТРами и танками свои платки. Почему? Был обычай бросать платок перед дерущимися, и люди должны были сразу же расходиться. Это происходило и на моих глазах. Танки, конечно, по платкам проехали. Вот этот платок исторически превратился в знамя. Воинский флаг и знамя — это древняя женская косынка. Это — женский символ, символ родины, родной земли, жены, дочери. В чеченских былинах сохранилось представление о чеченских девушках-первенцах, которые были обязаны участвовать в воинских походах. Эти девушки одевались в очень яркие платья, они скакали впереди отряда, были знаменем этого отряда. И попробовал бы враг коснуться ее. Эти девочки назывались «мерхари» и только убив врага, они получали право выйти замуж.

Институт переодевания женщин очень архаический и древний, у нас он называется травестизм. Мужчина может переодеваться в женский костюм. Не исключайте женщин из военного искусства, они сыграли большую роль на Кавказе и играют до сих пор.

В чеченской войне женский фактор стал очень существенным. Вот уходит сын в боевики. И мать ему говорит, что «харам она примет на себя». «Харам» по-арабски — самое плохое. Ну разве после этого он может не совершить то, что должен сделать по долгу. И на этом, видимо, держится в Чечне сопротивляемость. Те офицеры, которые описывали кавказскую войну царской России, хорошо знали менталитет кавказцев, и в частности, чеченцев. «Мы не можем победить чеченцев, благодаря их горской демократии» — пишет офицер, участвовавший в войне. Он увидел, что сила сопротивляемости чеченцев в демократии — в воинской, аристократической демократии.

— Мы хоть и представители Ингушетии, но в то же время многие из нас жили в Грозном. События, которые касаются так называемой русско-чеченской войны, очень сильно нас задели. Дело в том, что в 1994 году, когда российские войска вошли в Грозный, мой муж попал в окружение. После того, как он оттуда вырвался, с удивлением

мне рассказывал, что когда начались военные действия, у боевиков было двойственное отношение к противнику. Призывников они старались не убивать. Контрактников, которые участвовали в военных действиях добровольно, уничтожали беспощадно. Позже отношение ко всем, кто пришел воевать, стало одинаковым. Наверное, военные действия показали, что противоборствующая сторона не проявляет благородства, бомбят роддома, детские дома. В Грозном были уничтожены музеи, архивы, библиотеки. Боевики помогли моему мужу выбраться из окружения.

Исходя из этого, я хочу сказать, что отношение адыгских воинов различается в зависимости от того, кто является их противником, каково поведение противника.

— Начиная с XVI века черкесы, кабардинцы в основном имели дело с кочевниками — калмыками, ногайцами, монголо-татарами, кумыками. У них было военно-политическое соперничество за господство в северокавказском регионе. Кабардинцы продолжали соблюдать все обычаи, даже если противоположная сторона их не соблюдала. То же самое было и во время Русско-Кавказской войны. Если русские войска сжигали посеы, оскверняли мечети, кавказцы и те же самые чеченцы не позволяли себе мстить, потому что тогда они перестали бы быть тем, чем были. Если бы адыги нарушали свою этическую и моральную систему, которая была частью их культуры, они перестали бы быть адыгами.

В ситуации, когда невозможно встретить никого без оружия, когда «разбой — это праздник», и истинному рыцарю положено уходить из жизни в бою или в поединке лет в 25-26, и вся жизнь — трагический, хоть и полный великолепия спектакль, а еще никто не отменял и действия «обычных» разновидностей конфликтов — нашествий, завоеваний, экономических и государственных, межнациональных и межрелигиозных противоречий — легко понять, как можно умереть красиво и с честью, но вот вопрос — а как же жить? Средневековая кавказская культура находит и здесь множество оригинальных решений, таких как баланс силы, покровительство, заложничество, искусственное родство, посредничество старших — всех их роднит то, что они возможны только в условиях персонализированности каждого человека, рода, селения, когда не действуют такие современные понятия, как «территория», «население» либо «этнос» и каждый с

каждым разбирается либо находит модус сосуществования индивидуально.

Заурбек Кожев

Кабардинский государственный университет,

кандидат исторических наук

Способы разрешения конфликтов

в традиционном черкесском (адыгском) обществе

На протяжении многих веков народы Северного Кавказа развивались вне рамок жестких централизованных систем. Взаимодействуя друг с другом, контактируя с более многочисленными и консолидированными этносоциальными организмами, народы Северного Кавказа, в том числе и черкесы, выработали весьма оригинальные механизмы и институты, позволявшие им последовательно отстаивать свои интересы как военно-политическими, так и дипломатическими средствами. Гипертрофированное развитие элитарных принципов социальной организации — вотчинного землевладения, основанных на нем вассалитета и феодальной иерархии, ярко выраженная индивидуалистичность традиционной черкесской ментальности зачастую создавали у сторонних наблюдателей превратное мнение о степени внутренней консолидированности и самоорганизации черкесского общества. «Каждый князь, каждый дворянин, даже каждый отпущенник — сам себе хозяин и подчиняется только самому себе» — отмечал Фредерик Дюбуа де Монпере в начале XIX века. «Тысячи интересов раскололи этот народ на множество независимых племен и родов, ревниво оберегающих свою свободу, а зачастую разделенных навсегда ужасным законом... кровной мести, в результате чего между племенами и родами в течение веков живет ненависть друг к другу. Этот дух независимости и недоверия сказывается на их нравах, их законодательстве, их жилищах». Ян Потоцкий, побывавший на Кавказе на рубеже XVIII и XIX веков также нелицеприятно отзывался о черкесских нравах. «В том, что касается внутренних дел, — писал он, — в качестве основного закона среди черкесов царит то, что в Германии называется *Faustrecht* («право кулака»). Однако более вдумчивые и внимательные наблюдатели, имевшие возможность окунуться в повседневную действительность черкесской жизни даже в период Русско-Кавказской войны и не преследующие цели удивить европейского читателя кавказской экзотикой, приходили, как правило, к прямо противоположным выводам. Английский политический агент в Черкесии Дж. Белл с удивлением отмечал:

«Общественное мнение и установленные обычаи — вот что, кажется, является высшим законом в этой стране; в общем, я могу только поражаться тем порядком, который может проистекать из такого положения дел. Случаются насильственные жестокие поступки и явные преступления, но все это является, главным образом, результатом ссор или их последствий и происходит сравнительно редко. Немногие страны, с их установленными законами и всем сложным механизмом правосудия, могут похвалиться той нравственностью, согласием, спокойствием, воспитанностью — всем тем, что отмечает этот народ в его повседневных взаимных сношениях». Польский патриот Т. Лапинский, прибывший с отрядом добровольцев в Черкесию и в течение трех лет воевавший на стороне горцев против царских войск, отдавая должное уровню соционормативной и правовой культуры черкесов, писал: «Когда вступаешь на землю свободной Абхазии (Черкесии. — *З.К.*), то сначала не можешь поверить, каким образом народ, у которого почти каждый ребенок носит оружие, который не имеет писанных законов, исполнительной власти, даже начальников и предводителя, может не только существовать, но еще противостоять долгие годы такому колоссу, как Россия, и сохранить свою независимость. Причина этому — крепкая социальная организация народа, опирающаяся на национальные традиции и обычаи, которая не только охраняет личность и имущество каждого, но также делает трудными и почти невозможными все физические и моральные попытки к покорению страны».

Несмотря на попытки многих русских и европейских путешественников и исследователей нового времени, поверхностно знакомых с Кавказом, изобразить кавказскую действительность как не сдерживаемую цивилизованными государственными механизмами войну всех против всех, историческое прошлое черкесов, равно как и других народов региона, свидетельствует об ином. Черкесия, разделенная на множество феодальных княжеств и свободных горных общин, может послужить историческим примером гибкой дискретной системы, успешное функционирование которой, не в последнюю очередь, определялось высокой степенью эффективности миротворческих механизмов, дававших возможность с минимальными издержками компенсировать социально-политическую децентрализацию Черкесии и связанную с этим потенциальную конфликтность — внутри и внешнеполитическую.

В черкесском обществе этическое осмысление возможного столкновения интересов, индивидуальных или групповых, предполагало довольно жесткое принуждение конфликтующих сторон к соблюдению буквы и духа правовых норм, в рамках которых осуществлялись ритуализация конфликта и его последующее разрешение. Он мыслился как в полном смысле публичное, общественное дело, касающееся, в

зависимости от его уровня, всех свободных и дееспособных членов социума. Даже князья, стоявшие на вершине иерархической лестницы и не знавшие над собой другой власти, не были свободны от подобного отношения. Это выражалось, во-первых, в том, что сторона, считающая себя несправедливо обиженной, потерпевшей или просто недостаточно сильной для того, чтобы самостоятельно отстаивать свои интересы, могла прибегнуть к покровительству более могущественного лица, фамилии или феодального владельца, представляющих любое из черкесских княжеств или вольных общин. В таком случае покровительство выполняло функции, присущие политическим институтам. Оно выступало как почетная обязанность, в первую очередь, черкесской аристократии, основывающей свое достоинство на защите и оправдании лиц, ищущих их покровительства. Лицо, к которому обратились за покровительством, получало право на выполнение в конфликте медиаторских функций.

Ограничение самостоятельной активности высших феодальных сеньоров в развертывании конфликтной ситуации было закреплено, в частности, в кабардинских адатах (правовых нормах восточных черкесов) как привилегия избранных дворянских фамилий. Так, например, «...когда из двух князей, поссорившихся между собой, один убьет другого и виновный будет в доме узденя из фамилии Куденетовых, то родственники убитого не вправе при нем мстить за кровь убитого, пока убийца не выйдет из дома Куденетовых, жить же ему позволяется в нем не более одной недели. Если из членов трех фамилий кабардинских князей двое договорятся с помощью подданных истребить кого-нибудь из третьей, а этот секретно проведает об убийстве, то должен немедленно отправляться под защиту какого-нибудь Анзорова; тогда замышлявшие его гибель князья не могут причинить ему никакого вреда».

Первой целью подобных мер было стремление лишить конфликтующие стороны возможности предпринять попытку силового решения конфликта и передать его рассмотрение в медиаторский суд. Привлечение к конфликтной ситуации общественного внимания в лице влиятельных посредников, не заинтересованных в непосредственных результатах ее разрешения, создавало дополнительные перспективы для мирного урегулирования конфликта.

Предпочтение переговорных, судебных процедур военной конфронтации не было абсолютным. В случае необходимости могли применяться и репрессивные меры. Так, у всех черкесских субэтнотосов широко применялся обычай барамтования или барамты. К нему обращались в тех случаях, когда личность преступника не установлена, но имеются улики о его принадлежности к той или иной фамилии, деревне, даже народности, т.е. когда отсутствовал один из атрибутов судопроизводства — ответчик. В подобных случаях

пострадавшая сторона захватывала имущество одного из подозреваемых. При этом стремились арестовать значительно больше стоимости потери.

Имущество, захваченное в качестве барамты, подсчитывалось при понятых и сохранялось в неприкосновенности до разрешения конфликта. Лицо, у которого взята барамта, должно было выступить посредником между истцом или его покровителем и настоящим ответчиком. Иначе он лишался права на свое имущество. Причем, считалось зазорным как выдать преступника из страха потерять свое добро, так и скрываться от пострадавшего, чье имущество взято в залог. Виновник должен был либо возместить понесенный из-за его поступка ущерб, либо удовлетворить через такого невольного посредника претензии истца.

Обычай барамтования широко практиковался черкесами как один из способов внесудебного или предваряющего судебное разбирательство метода разрешения крупных конфликтов. Когда осенью 1746 года кабардинский купеческий караван был ограблен в прикубанских степях отрядом бжедугов, погибло несколько кабардинцев, вассалов княжеской фамилии Кайтукиных. Так как убийцы не были известны, а бжедуги предпочли уклониться от объяснений, князя Кайтукины снарядили отряд войск во главе с Эльбуздукой Канаматовым. Кабардинцы отогнали у бжедугов 40 лошадей, после чего прислали в Кабарду депутацию для переговоров. Конфликт был улажен без лишней крови. Основной целью посреднических усилий было стремление предотвратить вооруженную эскалацию конфликта и добиться в ходе переговоров или судебного разбирательства взаимоприемлемого решения.

Наиболее важные решения внутренней и внешней политики черкесских княжеств и вольных общин горных адыгов, в том числе, касавшиеся разрешения спорных и конфликтных ситуаций, являлись прерогативой сословно-представительских собраний (по-черкесски «хасэ» — *З.К.*). Один из первых черкесских историографов Хан-Гирей так описывает их функционирование: «Князь — старшина (*ниш* — тамада) назначает съезд, принимая в уважение стечение дел и обстоятельств, того требующих, в каком-нибудь из аулов владения, куда съезжаются князья и все дворянство, иногда же и старшины вольных земледельцев (*льфекотлов*), если обстоятельства требуют их присутствия. Главнейшие проблемы, касающиеся общественного благосостояния, подлежащие на съездах общему рассмотрению, суть следующие: а) переговоры с соседними племенами; в) искоренение воровства и разбоев; в) всеобщее удовлетворение и водворение тишины во владении; г) меры предосторожности.

Переговоры с соседними племенами обыкновенно ведутся таким образом: старшины обоих племен съезжаются в одно место и располагается одна сторона не в

дальнем расстоянии от другой. Потом с обеих сторон назначаются по одному красноречивому мужу, которых называют пересказателями или послами (*тлько*), и по одному объяснителю общего дела (*кушеако*). Эти последние, знанию дела и силе красноречия которых поручается судьба сопколенников, ведут переговоры через пересказателей (которые большею частью суть посторонние, не причастные к делу лица), из коих на одном лежит в особенности пересказывание того, что от обеих сторон ему поручается, другой же есть его помощник. Пересказатели эти непрестанно ходят (если расстояние большое, то и ездят верхом) из одной партии к другой, и главный из них пересказывает на них возложенное от одного общества к другому». Как особо отмечает Хан-Гирей, «за неприличие почитается, если объяснители, пересказатели или другие лица, участвующие в переговорах, горячась, приходят в некоторое исступление».

Вся процедура переговоров была продумана таким образом, чтобы предотвратить саму возможность проявления переговаривающимися неконтролируемых эмоциональных реакций. Примечательно, что процедура проведения переговоров, описанная Хан-Гиреем на черкесском материале, практически полностью идентична той, что наблюдал в 1781 году в Осетии русский офицер Штедер во время переговоров между дигорскими владельцами- *бадилатами* и восставшими крестьянами. «Согласно обычаю, — пишет Штедер, — бадилаты и народ расположились друг против друга: в 200 метрах». Переговоры велись через двух вестников, которые ходили от одного круга переговаривающихся к другому, причем «в серьезных и трудных случаях вестники говорили не на своем родном языке, но на татарском или черкесском, а оратор передавал это вольным переводом или дословно». Видимо для той части Северного Кавказа, которая прочно входила в орбиту этнокультурного и этносоциального влияния Черкесии, имели место определенная стандартизация по черкесскому образцу методов традиционной дипломатии и использование черкесского языка в качестве одного из общеупотребительных дипломатических языков. В случае успешного окончания переговоров и заключения соглашения по спорным вопросам обе стороны подтверждали присягой те условия, которые их удовлетворяли. «И если были лица, подвергшиеся обидам до заключения мира или союза, — пишет Хан-Гирей, — то они получают удовлетворение или немедленно, или в назначенное время, смотря по обстоятельствам. Таким образом мирные связи водворяются между племенами».

Если во взаимоотношениях между собой черкесские владения и субэтносы, как правило, ограничивались взаимным принесением присяги, то в случае заключения мирного соглашения с другими, ранее недружественными народностями, черкесские князья нередко требовали в качестве гарантий соблюдения договора аманатов

(заложников). Слово аманат имеет в черкесском языке много значений. Это не только «заложник», но и «то, что оставляется, передается для присмотра и хранения». Поручая дорогого гостя попечению хозяина, последнему могут сказать: «Это твой аманат», имея в виду, что он должен проявить особенно бережное и предупредительное отношение к своему гостю. В качестве аманатов, как правило, выступали юные отпрыски наиболее влиятельных фамилий, которые силой своего авторитета и личного примера могли поддержать выполнение условий заключенного договора. Так, в начале 1806 года российская военная администрация прилагала все усилия для того, чтобы привлечь кабардинцев к участию в походе на Чечню. Чеченцы принимали к себе беглых кабардинских холопов и узденей, провинившихся перед кабардинским обществом, и совместно с ними совершали мелкие набеги в пределы Кабарды. Кабардинцы собрали конное войско и двинулись на Сунжу, к чеченским границам, но позже отказались воевать с чеченцами, сославшись на свое с ними единоверие. Однако истинная причина отказа кабардинцев воевать с чеченцами была в том, что, как писал в донесении начальству генерал Дельпоцо, «они (т.е. кабардинцы. — *З.К.*) на первый день моего прибытия с ними на Сунжу уже имели с чеченцами, приехавшими нарочно к ним для переговоров, условие, которые обещались им во всех их претензиях сделать удовлетворение и по последствию также оказалось, как узнал я, что к ним и аманаты из некоторых чеченских деревень доставлены, которых они с собою в Кабарду повезли и я оных на дороге сам лично видел».

Институт аманатов не только предоставлял гарантии соблюдения заключенных договоров. К аманатам относились с подчеркнутым уважением, старались внушить им искреннее расположение и превратить их в будущем в агентов своего влияния в среде соседнего народа. Особое место среди социальных институтов и процедур, имевших в традиционном черкесском обществе миротворческий характер, занимает обычай аталычества, заключающийся в том, что дети потомственных аристократов да и служилого дворянства воспитывались до совершеннолетия в семьях специально выбранных лиц — аталыков. «Не видано в Черкесии примера, — писал Хан-Гирей, — чтобы дети человека значительного воспитывались в родительском доме, под надзором родителей, напротив того, по рождении младенца немедленно отдают его на воспитание в чужие руки, т.е. в руки человека избранного в дядьки. Князья издавна для увеличения своей силы искали все возможные средства, чтобы привязать к себе дворян, а эти для всегдашней защиты и вспомоществования себе во всех случаях желали более сблизиться с князьями. Для такого обоюдного сближения нашли вернейшим средством воспитание детей, которое, связывая два семейства, в некотором смысле, кровным родством, приносило обоюдные

выгоды».

Аталычество выступало, в первую очередь, как способ воспитания и как средство, способствующее поддержанию сюзеренно-вассальных отношений. Но кроме этого, по замечанию видного знатока кавказской истории Н. Дубровина, «обычай аталычества много способствовал примирению и сближению между собою разноплеменных горских семейств. При таком способе воспитания дети приучались говорить на чужих наречиях, что при существовании разноязычия для них бывало весьма полезно впоследствии». Аталычество зачастую использовалось как важнейший институт в урегулировании конфликтов, связанных с кровомщением. Развитая общественная система предполагала очень высокую плату за кровь. Ее размер зависел от социального статуса убитого. Но «помимо этого, чтобы окончательно примирить два семейства, нужно [было], чтобы в семье убийцы воспитали ребенка из семьи убиенного». По сведениям автора первой писаной «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова, «виновный мог: прекратить родовое кровомщение, украв сам или при содействии другого лица из семьи обиженного дитя мужского пола, воспитав его со всем рачением, как сына, и потом, наградив его лошадей, оружием и одеждой, доставить с большой церемонией обратно. В таком случае мальчика называли *тлечезипкан*, т.е. «за кровь воспитанный». «Воспитание за кровь», как одна из форм аталычества, нередко позволяло примириться не только фамилиям кровников, но и враждующим черкесским субэтносам.

Исторические предания адыгов, относящиеся к началу XVIII века, повествуют о том, как возмущившиеся против притязаний бжедугских и темиргоевских князей абадзехи, последовательные противники феодального строя, устроили засаду в лесу и уничтожили кабардинское войско, спешившее на помощь пригласившим его бжедугам и темиргоевцам. Несколько позднее, в 1747 году кабардинцы, характеризуя свои взаимоотношения с абадзехами, сообщали в одном из посланий российскому правительству: «И живут де в крепких гористых местах и с нами де оныя абазыхеи бывали в войне. А ныне де с нами в дружбе и у них де ныне на руках владельцев Муки Алиа Исламова и Джанбулатова дети».

Отдавая абадзехам на воспитание наследников двух своих наиболее влиятельных князей, кабардинцы пытались не только восстановить среди многочисленных и сильных соседей свой авторитет, значительно пошатнувшийся после неудачной попытки вмешаться на стороне бжедугов и темиргоевцев в традиционное противоборство между княжескими владениями и вольными горными общинами Закубанской Черкесии, но укрепить взаимную связь между кабардинцами и абадзехами. Представители высшей кабардинской знати становились, таким образом, членами абадзехского вольного

общества. И подобные узы были намного надежней и прочней, нежели любой формальный договор о союзе и взаимопомощи.

Тимур Ачугба

Институт гуманитарных исследований имени Д.И. Гулия

АН Абхазии, кандидат исторических наук

Некоторые традиционные нормы поведения абхазов во время войны и вооруженных столкновений

На пути к современной цивилизации абхазский народ прошел через множество войн и вооруженных столкновений. Геополитические интересы различных стран и народов на Кавказе вынуждали абхазов быть постоянно готовыми к отражению врага, к защите самобытной национальной культуры, языка, свободы и государственной независимости. О. Спенсер в 30-е годы XIX века, характеризуя черкесов, т.е. абхазов и адыгов как «добропорядочный, гостеприимный, свободолюбивый народ» подчеркивал, что у них «мужчины постоянно находятся на войне, и жилой дом для них служит временным местом обитания». Да и противостояния различного характера внутри общества требовали от абхазов отстаивать права, честь и достоинство личности и семьи. К этому призывал аламыс — кодекс чести абхазов, согласно которому честь дороже жизни.

Мирная жизнь абхамам почти не снилась, и это, естественно, выработало у них особое отношение к оружию. Мужчина постоянно носил оружие, а само совершеннолетие определялось возрастом, когда юноша становился способным носить оружие. Потере оружия предпочитали смерть. Недопустимым считалось обезоружить человека — тем самым ему наносилось глубочайшее оскорбление.

Обстоятельства жизни диктовали необходимость уделять особое внимание военно-физическому воспитанию молодежи. Итальянский миссионер Арканджело Ламберти, посетивший в середине XVII века Колхиду, восхищенно писал: «Абхазы... сильны, храбры, подвижны и ловки, во всех трудах поворотливы... молодежь никогда не сидит без дела, а проводит время то упражняясь в употреблении пики, то для подкрепления сил бросая в воздух тяжелые предметы, то перескакивая через канавы, чтобы приучиться ловкости».

Традиционное воспитание подразумевало и обладание всеми тонкостями

сложнейшего комплекса морально-этических норм поведенческой культуры и в целом образа жизни абхазов — **апсуара**. Именно **апсуара** регламентировала поведение абхазов и в военной обстановке.

Абхаз, уважающий себя, почитающий законы страны, традиции, обычаи народа, в какой бы экстремальной ситуации ни находился, обязан был сохранить человечность — **ауаэра**. В понятие мужество — **ахацара** абхазы вкладывают необычайно емкое содержание. По определению профессора Ш.Д. Инал-ипа, под **ахацара** понимается совокупность не только таких качеств, как личная храбрость, бесстрашие, отвага, но и честь, выдержка, уважение к человеку, милосердие и многое другое. По понятиям абхазов, мужество ценится лишь в том случае, если оно сочетается с тем, что в народе называют **ауаэра** — человечность. Она сама по себе глубже и разностороннее по содержанию, нежели **ахацара**. В народе говорят: «Мужество без человечности есть бесчестие».

По морально-этическим нормам абхазов не допускалось поднимать оружие на врага, если он не был готов к отражению нападения. Считалось недостойным стрелять из-за угла, стрелять в спину. У абхазов была установка: «Врага убей по совести», по-человечески. Запрещалось нападать на противника безоружного, спящего или же находящегося в окружении детей и женщин.

В старину убийца, скрывавшийся от преследования братьев убитого, однажды тайком пришел домой. Жена, опасаясь кровомщения, сказала, что зря он рискнул, так как враги могут обнаружить и убить его. На это муж уверенно ответил, что его враги не из тех, кто поднимет руку на врага в окружении малолетних детей. Преследователи, в это время стоявшие под окном, услышав его слова, покинули двор.

По обычаю, обидчик не имел права нападать первым, т.е. при встрече врагов право первого выстрела было за обиженным. Обидчик обязан был избегать родственников своей жертвы — не только из боязни мести, но и из сочувствия к их положению, чтобы лишний раз не задеть их честь и достоинство. Такое щадящее уважение к родственникам жертвы нередко создавало благоприятный морально-психологический фон для примирения кровных врагов. «Терпеливый многого достигает» — говорят абхазы.

В Абхазии особым почетом пользовался и пользуется гость. Согласно преданию, когда Бог наделял землей народы мира, абхаз опоздал. На вопрос Бога, почему он опоздал, тот ответил, что у него был гость. Всевышний, покоренный верностью обычаю гостеприимства абхаза, уступил ему ту землю, которую оставил для себя. Абхазы верят, что Создатель чтит законы гостеприимства и людям не велит их нарушать.

По одной из легенд, на том самом месте, где ныне озеро Рица, некогда было село. Однажды вечером в это село пришел незнакомый человек. Ко многим он просился в дом,

но никто, кроме одной вдовы, его не впустил. Хозяйка приняла гостя радушно: и накормила, и напоила. Гость, поблагодарив ее за радушие, исчез. Той ночью земля под селом провалилась, и село затопило. Невредимой осталась лишь избушка гостеприимной вдовы. По узкой дорожке, оставленной на образовавшемся озере, она вместе со своими маленькими детьми добралась до «большой земли».

Гость у абхазов считается присланным от бога: «Ты — гость своего Создателя». «Ты — гость Бога» — говорят абхазы. Поэтому гость пользуется неприкосновенностью, если он даже кровный враг. По преданию, на одном из многолюдных торжеств был убит юноша. Убийца, спасаясь от преследования, ворвался в первый попавшийся двор, признался хозяину в случившемся и попросил убежища. Хозяин спрятал гостя в надежное место. Вскоре после этого во двор въехала траурная процессия с окровавленным телом сына хозяина дома. Как выяснилось, сына убил тот человек, которого он укрывал, спасая от мести. Отец убитого после похорон сына, т.е. на третий день, когда все разошлись по домам, спустил убийцу с чердака, где все эти дни он тайком от родственников поил и кормил его, дал ему еды на дорогу и сказал: «Ты убил моего единственного сына, но ты доверился мне, был моим гостем, и я не могу втоптать в грязь свою хлеб-соль. Дарю тебе жизнь, уходи, пока не заметили мои родичи. И, смотри, больше мне на глаза не попадайся!».

В старину в Абхазии для прекращения кровной мести обращались к обычаю искусственного родства — **аэнадара**. Если медиаторство не приносило успеха, то убийца, воспользовавшись законами гостеприимства, зная, что хозяин не навредит гостю, мог ворваться в дом потерпевшей фамилии и насильно коснуться губами груди замужней женщины — матери, сестры или жены убитого. Или же мать, либо сестра, либо жена убийцы, проникнув в дом убитого, хватала первого попавшегося ребенка и прикладывала к груди, т.е. делала вид, что кормит его грудью. Таким путем враги заключали родственные союзы. Следует отметить, что внутри единой родственной группы кровная месть не допускалась.

При нападении внешнего врага народ, как один, вставал на защиту Отечества. Главная обязанность, лежащая на всех, заключалась в исполнении военной повинности. На поле боя абхазы строго соблюдали военную дисциплину, сражались достойно и до победного конца. Даже раненый, пока он еще мог держать оружие, без приказа не имел права покинуть поле боя. Попытка сражаться за чьей-то спиной или избежать опасных ситуаций считалась позором. Зато каждый борец был уверен, что если его ранят или убьют, он не станет добычей врага.

Сражавшаяся в рядах русской армии во время Первой мировой войны абхазская

сотня Черкесского полка Кавказской конной дивизии вписала в историю этой войны немало ярких страниц мужества и милосердия. Несколько характерных примеров. «29 мая (1915 г. — *Т.А.*) абхазская сотня была послана в самое опасное место, говорили, что сотня направлена на гибель. Противник наступал силами четырех рот (600 человек) с пулеметами и артиллерией. Сотня держалась в тяжелейших условиях 14 с половиной часов. И только получив приказ командира бригады, отошла на две версты назад. Поставленная задача была выполнена. Когда сотня присоединилась к своему полку, то люди с трудом верили, что кто-либо мог остаться в живых в этом аду. Всадники Асланбей Инал-ипа, Михаил Ермолов, Кяг Джинджолия, Капба и еще трое получили ранения, было убито 10 лошадей, ранено 15, но абхазы ничего не оставили противнику: раненых лошадей увезли, даже сняли седла с убитых коней, из-под обстрела было вывезено немало раненых черкесов-пехотинцев. Когда сотня прибыла в расположение полка, полковник (командир полка. — *Т.А.*) снял шапку и сказал: «Низко кланяюсь героям-абхазцам, вы не только поддержали славу ... превзошли всякое ожидание».

Абхазы в той войне показали пример выручки товарища в бою, как этого требовала военная традиция. Корнет Константин Лакербай в письме родственнику сообщал: «Работая с абхазцами, я ни одной минуты не думаю о себе, а только о молодых всадниках, как бы кто из них не был ранен, оставлен и т.д.» Сам Лакербай, рискуя своей жизнью, неоднократно выносил с поля боя раненых однополчан, чем приводил в удивление даже противника. Военный корреспондент Н.Н. Брешко-Брешковский сообщает: «В одном из боев К. Лакербай заметил, что его товарищ по кавалерийскому училищу корнет Асенков лежит раненый в какой-нибудь сотне шагов от неприятельских окопов. И вот Лакербай, нахлестывая коня, вынесся из леса галопом и, все развивая аллюр, все горячее «посылал» своего кабардинца прямо маршем на тирольские окопы. Тирольцы (выходцы из западной Австрии. — *Т.А.*) обалдели, ошеломленные такой дерзостью одинокого всадника, а потом обстреляли его, но неудачно для себя и удачно для Лакербая. Корнет осадил коня возле Асенкова, стонавшего от боли в простреленном плече. Асенков был крупный телом, пудов около 6, так что маленький Лакербай не поднял бы его. И вот новое чудо для затаившихся изумленных австрийцев. Лакербай, тронув нагайкой передние ноги своего кабардинца, заставил его лечь. И тогда уже было не трудно положить Асенкова поперек седла. Кабардинец поднялся уже с двойной ношей. Лакербай гикнул и, взмахнув нагайкой по направлению тирольцев, спокойным шагом поехал к своим, ему даже не стреляли вдогонку... наоборот, кое-кто из тирольцев, высунувшись поверх окопов и забыв всякую вражду, с восторгом аплодировали Лакербаю и его безумному подвигу».

Мужество и человечность абхазы проявляли не только непосредственно в бою, но

и при общении с местным населением. В ходе боевых действий они в населенных пунктах, как писала газета «Отклики Кавказа», кормили и поили «чужих голодных детей». По свидетельству корреспондента И. Толстого, «как только они снимались со своих стоянок... жители жалели об их уходе, благодарили их за то, что они не только за все платили но и помогали им своими подаяниями».

Примечательно, что абхазские бойцы во время Первой мировой войны за гуманное поведение впервые в истории российского воинства были награждены правительством специальной оригинальной по назначению медалью «За человеколюбие». «Важно отметить, что в этой кровавой и жестокой войне горцы-абхазцы, в числе многих других боевых наград, получили медали на Владимирской ленте за человеколюбие. Это единственный в своем роде пример в истории войн» — сообщалось в прессе.

Покоренный мужеством и человеколюбием, проявленными воинами-абхазами император Николай Второй дал специальное и неординарное поручение командиру третьей бригады Кавказской дивизии князю генералу Гагарину «поцеловать каждого абхазца». Выступая на построении дивизии в Карпатах, генерал сказал: «Император очень доволен дивизией за хорошую службу. В особенности ему понравилось геройство и мужество абхазцев, проявленные в боях за Родину... По поручению Его Императорского Величества я должен поцеловать каждого абхазца, но я старик и не смогу это сделать, поэтому и прошу вашего командира, и за всех я его поцелую». Так генерал Гагарин поцеловал исполняющего обязанности командира сотни Алексея Дмитриевича Шервашидзе-Чачба.

Для абхазов большим позором считалась добровольная сдача в плен, что почти не наблюдается в военной истории народа. Самовольно сдавшегося в плен считали «живым трупом». Перечисляя причины поражения грузин в грузино-абхазской войне (1992—1993 гг.), полковник С. Маргишвили в газете «Дрони» от 22 августа 2000 года, помимо таких факторов, как дисциплина, отвага, превращения войны в Отечественную и других, подчеркивал, что абхазы в плен не сдавались.

Несмотря на то, что статус пленного считался весьма оскорбительным, сдавшегося в плен врага абхазы не убивали. Не убивали прежде всего потому, что он считался трусом, а убийство труса, по понятию абхаза, было «не мужским делом» — унижало достоинство воина. Кроме того, в абхазском обычном праве отсутствовала смертная казнь как мера наказания, а также не допускалась пытка и любая форма физического воздействия на человека для получения сведений или признания, что свидетельствует о гуманном характере традиционной этики абхазов. Физическое и даже словесное оскорбление пленного, особенно если он был ранен, не допускалось по морально-этическим нормам.

Над населенным пунктом Меркула в один из дней грузино-абхазской войны был сбит только что бомбивший село грузинский самолет СУ-25. На катапультировавшегося летчика напали женщины и начали бить. Однако подоспевшие абхазские солдаты спасли его и доставили в штаб. В этой войне немало фактов спасения абхазскими медиками раненых военнопленных грузинской армии, чего, к сожалению, не скажешь о противной стороне.

На войне, как и в мирной жизни, гуманное отношение к женщинам оставалось незыблемым правилом, в том числе и к пленницам. Пленниц отделяли от мужчин и приставляли к ним самых почтенных мужчин, главным образом немолодых воинов, чтобы никто не покушался на честь и достоинство пленницы. Оскорбление, насилие над пленницей, недостойное обращение с детьми и стариками считались верхом низости, и человек, посягнувший на такое, мог быть отторгнут от общества. Это была самая высшая мера наказания.

Правила войны требовали гуманного отношения к парламентарю. «Парламентар не может быть ни задержан, ни убит» — гласит абхазская мудрость.

Заслуживает уважения правило, укоренившееся у абхазов: как бы ожесточенна ни была битва, победитель даровал жизнь нескольким или хотя бы одному из стана врага и отпускал его в качестве горевестника на родину. В годы грузино-абхазской войны были факты, когда во время наступления абхазское военное командование, чтобы избежать лишних жертв, предоставляло коридор грузинским подразделениям. А во время освобождения столицы республики в сентябре 1993 года сам Верховный главнокомандующий вооруженных сил Абхазии обратился по средствам связи, по радио и телевидению к грузинским военным на русском и грузинском языках с предложением по специально оставленному коридору покинуть Сухум. Благодаря этому была спасена жизнь тысяч людей — как гражданских, так и военных.

Абхазские военнослужащие по возможности, как этого требовала традиция, спасали мирных граждан и непосредственно в ходе уличных боев. Например, 8 июля 1993 года, когда шло ожесточенное сражение за село Шрома, бойцы Пицундского батальона услышали неистовые крики и плач пожилой женщины — грузинки, которая оказалась на середине улицы между двух огней противоборствующих сторон. В любую секунду она могла бы погибнуть от непрекращающейся перекрестной перестрелки. Недолго думая, комиссар абхазского батальона, явно рискуя своей жизнью, выскочил из блиндажа и завел ее в укрытие. Таких примеров в грузино-абхазской войне было очень много.

Вышеприведенные конкретные факты свидетельствуют о том, что традиционные нормы поведения абхазов в условиях войны и во время вооруженных столкновений во

многим перекликаются с современными нормами международного гуманитарного права — Гаагского и, особенно, Женевского. Из практики абхазской жизни можно к ним отнести гуманное обращение с ранеными, пленными, женщинами, детьми и стариками; ненападение на невооруженного человека, в том числе на врага, неприкосновенность гостя-врага и парламентаря, отсутствие в обычном праве и на практике по отношению к преступникам и врагам смертной казни, физических методов наказания, в том числе пыток.

Все это свидетельствует о высоком уровне традиционной нравственной культуры абхазского народа.

Марина Барцыц,

Абхазский институт гуманитарных исследований

Международное гуманитарное право и традиционные нормы войны у абхазов

Общеизвестна истина о воинственности кавказской культуры. Здесь до начала XX века правом и обязанностью каждого было защищать свою жизнь, имущество от любого посягательства, беречь личное достоинство, честь своей семьи, рода, воевать за народ (не только мальчиков, но и девочек учили защищать себя). Здесь с детства учат принимать вызов, не уклоняться от агрессии, не убегать. Поэтому на Кавказе всегда легко развязать войну. Одним из столпов нашей культуры, наряду с такими базовыми ценностями как гостеприимство, уважительное отношение к старшим, был институт кровной мести. Общество давало добро на эту социализированную форму агрессии, и, с другой стороны, угроза кровной мести сама по себе являлась тормозящим фактором.

Как отмечают кавказоведы, воинская организация, превратившись в свое время в форму существования, пронизывает всю структуру общественных институтов, материальную и духовную сферы, определяя многие этнопсихологические черты народа.

Многие социально-психологические черты народа уходят корнями именно в военизированный быт. В советской этнографии это явление называлось военной демократией. Кавказоведы единогласно отмечают, что в абхазо-адыгском обществе война имела даже характер промысла (институт набега, в том числе и морские набеги). Война, как говорит Инал-ипа, была регулярной функцией народной жизни, «сродни

хлебопашеству» — добавляет Панеш. Войны носили хронический характер и зачастую длились десятилетиями.

Этим объяснялась максимальная милитаризованность общества, когда основная часть населения — все мужчины, начиная с подростков, а зачастую и женщины, были вооружены. «Оружие было постоянной принадлежностью всякого мужчины». «Я никогда не видел человека верхом на коне без ружья», — сказал удивленный черкесский мальчик, увидев невооруженного всадника. Обезоруживание было равносильно моральной смерти (бесчестию). Характерно, что даже в советский период в законодательстве был зафиксирован пункт, позволяющий в виде исключения ношение с национальным костюмом холодного оружия. Первым актом президента Абхазии после окончания войны, было разрешение оставить себе оружие, зарегистрировав его.

По сей день соблюдаются четко разработанные правила обращения с оружием: не направлять на человека, заходя в чужой дом, снимать с себя оружие и отдавать хозяину, чтобы он повесил, куда положено — жест покорности, нельзя без позволения, даже в шутку брать чужое оружие. Оно было чуть ли не единственной личной собственностью мужчины (кроме одежды), почти все остальное — семейное, родовое, общинное. Путешественники отмечали, кавказец может отдать все, кроме оружия и коня.

Кавказцев часто называют людьми в черкесках. Так вот, эта самая черкеска является воинским костюмом наездника, все детали которого имеют функциональное военное значение (воину принадлежит только то, что с ним, все, что нужно, он носит с собой (ср. газыри — это современный лифчик для патронов). Не случайно костюм, считающийся и сегодня национальным, у абхазов тоже военный — сапоги, галифе, китель и папах.

Материальная культура, продукция традиционного ремесленного производства — в основном оружие, свидетельствует о воинских ценностях.

Вся система жизнеобеспечения была подчинена потребностям военизированного общества (например, постройка домов, имеющих задние двери в никуда на втором этаже вплоть до 70-х годов XX века). Абхазский этикет, как и в целом адыгский, — это воинский этикет. Этнический идеал — образ рыцаря-воина. Жажда славы, воинская доблесть, честь, которая была дороже смерти (воздаяние за все это славой, а значит бессмертием на земле, и славой, которую он завоевывал и для своих потомков, родственников (в отличие от религиозного воздаяния на том свете, после смерти). Как отмечает Б. Бгажноков, «Желание заслужить славу удачливого наездника, храброго воина, человека неутомимого во всех делах, к тому же гостеприимного и галантного превратилось в господствующую тенденцию жизненных устремлений... это была страсть,

близкая к идее фикс». Все спортивные игры были военизированы, демонстрировали воинскую удаль.

Каждый народ должен заниматься тем, что у него лучше всего получается — писал Монтескье. Диаспора, в отличие от тех, кто остался на Кавказе в основном делала карьеру именно в военном деле (начиная от династии мамлюков до современных абхазских, черкесских генералов).

Многие традиционные, проверенные веками тактико-стратегические приемы ведения войны используются и поныне в войнах на Кавказе. Например, мобильность, подвижность, стремление не уходить в глубокую оборону (и абхазы, и чеченцы предпочитают сдавать города, чтобы потом взять их обратно).

Ориентация на мужчин — маскулинность — еще одна черта традиционной культуры, подтверждаемая имущественно-правовыми отношениями, а также половой иерархией в семье и общественных отношениях (что не снимало рыцарского, этикетного, жестко регламентированного уважительного отношения к женщине). Женщины-наездницы, вооруженные и одетые в черкеску, участвовали в набегах, войнах.

Третий пол в традиционной абхазской культуре выбирал себе мужскую роль, костюм, образ жизни и ни в коей мере не наоборот, что является проявлением ценностных установок в обществе.

Этносоциолог Г. Солдатова, говоря о современных процессах на Северном Кавказе, отмечает, что доминирование мужчин в северокавказских культурах — это одна из (возможных) причин радикализации отношений в регионе. Мужчины чаще всего склонны поддерживать насилие как средство социального контроля. Женщина в силу своей природы всегда на стороне мира.

Как такая высоко милитаризованная (поголовно вооруженные люди), воинственная, с воинскими идеалами культура не уничтожила себя, многочисленные (на сравнительно небольшой территории) воинственные народы не истребили друг друга? Но, как писал Ф. Гельдерлин, «где есть опасность, там возникает и спасительное». Народы с высокоразвитой воинской культурой имели в наличии большой арсенал разработанных механизмов миротворчества (к примеру, греческое общество в эпоху демократии). Утеря же таких механизмов, как правило, приводила к деградации, а порой и к исчезновению различных цивилизаций и народов. В целом можно сказать, что высокая этикетность кавказской культуры — обратная сторона ее воинственности.

Как ни покажется парадоксальным, но в воинской культуре заложено стремление к

снижению агрессии и ее упорядочению. Поэтому собственно кавказская культура мира и ненасилия требует пристального внимания. Кавказ относится к коллективистскому типу культур, где внутренняя сила немногочисленных народов и государств была в солидарности. Моральный кодекс носил подлинно коллективный характер. Здесь высшей ценностью было благосостояние общины. Абхазская культура относится к типу культур, где сильны переговорные традиции. Здесь есть специальные культурные нормы, которые работают на сохранение и поддержание мира. При этом внутренняя и внешняя стратегии различаются. Внутри — стремление к гармонии и согласованности действий. Здесь гасят конфликты увещаниями, шутками, смехом. (Кстати, известный этолог Конрад Лоренц подчеркивал, что смех эволюционно сформировался из переориентированного агрессивного жеста). Убивший своего становится изгоем, неприкасаемым — «*амахагя*» (высшее преступление, равнозначное предательству Родины).

В милитаризованном обществе, где каждый был вооружен, сама угроза кровной мести была сдерживающим фактором, этим, в некотором роде, объясняется церемониальность, дипломатичность этикетной речевой культуры абхазов. Кровная месть, являясь своего рода системой наказания, могла стать поводом для развязывания небольшой, иногда длительной войны между двумя фамилиями. В конце XIX века Рыбинский писал, что обычай кровной мести среди абхазов имеет распространение «в грандиозных размерах», поскольку «в случае обиды, нанесенной члену одной фамилии, все остальные вступались за него, как будто бы она нанесена каждому из них лично».

Кавказоведы отмечают, что здесь и сегодня сохраняется традиционное правовое сознание и в основе адыгской (абхазо-адыгской. — М.Б.) жизни продолжает лежать принцип примирения, который способствует созданию атмосферы и общего мнения, направленного на сохранение мирных отношений.

Инструменты экономии агрессии. Здесь в рамках морали, традиции и обычаев развивались, поддерживались механизмы, ограничивающие применение силовых методов разрешения противоречий.

В традиционном обществе, если это не касалось базовых потребностей, были собственные инструменты сдерживания агрессии:

— культура ненасильственного разрешения конфликтных ситуаций — институт посредничества (сегодня «примирительные комиссии», «Совет старейшин»), переговоры, разработанные процедуры примирения;

- институты гостеприимства, искусственного родства;
- обучение с раннего детства нормам этикета (речевого, поведенческого), дипломатичности, владению эмоциями, умению не провоцировать физическое и психическое насилие;
- воспитание мальчиков сильными, ловкими, способными защитить свою честь, честь сестры, рода (слабый провоцирует насилие);
- воспитание девочек неконфликтными, терпеливыми, дипломатичными (поскольку женщина сама считается конфликтогеном), хотя их учили умению постоять за себя, владеть оружием;
- недопустимость насилия по отношению к женщинам, детям, старикам — локальное и временное ограничение конфликта;
- разработанные правила поведения во время конфликтов и войн.

Правила в войне. Существуют определенные нормы не только в мирное время, но и во время войн, которая должна вестись по определенным правилам, согласно кавказскому воинскому кодексу, с соблюдением свода неписанных норм.

В отличие от Запада, который культурологи относят к «культуре вины», Кавказ относится к «культуре стыда» (в этом он близок Востоку). Здесь можно и убить, но главное — как?, соблюдая неписанные правила. Абхазская пословица гласит - «врага убей по совести».

Итак, если конфликт оказывался неизбежным, в нем нужно было соблюдать определенные правила (ср. с Международным Гуманитарным Правом): не убивать парламентаря, женщин, детей, пленных (нормы обращения с ними), соблюдать нормы в отношении к раненым и погибшим.

Институт кровной мести на Кавказе

Поголовное вооружение, институт кровной мести, то есть неотвратимость возмездия даже после убийства самого человека — все это само по себе уже являлось сдерживающим фактором. Подтверждением этому служат слова Л.Я. Люлье (XIX век), который подчеркивал: «Вообще убийства весьма редки и считаются необыкновенным происшествием в крае... Этот факт тем значительнее, что у горцев можно было бы ожидать весьма частных убийств, как естественного и неизбежного права каждого самому преследовать оскорбителя и мстить врагу лично».

Кровная месть предполагала регламентированные нормы и правила поведения кровников, направленные на упорядочение насилия, раз оно оказалось неизбежным.

В случае кровной мести формы наказания были ограничены: не вешали, не поджигали дома и т.п.

Обязанность соблюдать этикет кровников:

дистанцированность — в общественных местах виновный должен тотчас же уходить, уступать дорогу; право первого выстрела принадлежит потерпевшему и т.п.

Кровная месть не распространялась на женщин и детей, хотя бывало, что они и сами участвовали в мести.

Предусматривались временные и локальные ограничения (на собраниях, свадьбах, на территории святилищ). «В общественных местах враги остаются в границах вежливости и даже оказывают нередко друг другу разные услужливости» — писал этнограф Ш.Д. Инал-ипа.

Порицалось вероломство (убийство из-за угла, из засады без предупреждения, не окликнув); кровомститель не только **не скрывал своих намерений, но сам предупреждал врага**: «Будь готов, я тебя преследую!»

Встретив своего кровника, кровомститель **объявлял ему, что он исполняет свой долг...**

К убитому врагу выказывалось внимание; если нужно было, кровомститель **прикрывал труп буркой, а лошадь убитого привязывал к дереву**. Исполнив священный долг мести, кровомстители шли к могиле тех, за кого мстили, и вслух объявляли о совершившемся отмщении» (М.Б — позволяя себе иногда оплакать погибшего).

Нельзя убивать спящего: «спящий человек подобен мертвому — отсутствует душа».

Совершать возмездие, когда человек беззащитен — безоружен, раздет, купается — не является героизмом.

Право первого выстрела принадлежит потерпевшему; младший может предложить старшему выстрелить первым, но тот, как правило, не пользуется этим.

Над трупом не только не издевались, но обязаны были привести в порядок, сообщить родственникам.

Важно, чем и как убит человек; для мести, как правило, выбирали холодное или огнестрельное оружие (неприменно должна была пролиться кровь). Убийство палкой («как собаку») — это двойное убийство.

Безусловное соблюдение закона гостеприимства, не имеющего исключений — он

распространяется и на врагов.

Главное — нельзя убивать человека без вины. После убийства человека совершали определенный ритуал.

Кровная месть играет значительную роль в мотивации поведения и по сей день. Рассказывая о случаях кровной мести во время войны, бывшие комбатанты говорят: «так нельзя, это не по законам мести». Они считали, что война и есть месть (восстановить справедливость, наказать, отомстить за убийства, надругательства, освободить страну). Одна из самых популярных народных песен XX века, которую знают все абхазцы, прославляет героя Соломона, героизм которого в том, что он тут же настиг и убил до обеда (успел до заката солнца) убийцу своего брата и, отомстив ему, тем самым, упокоил душу брата.

Одним словом, собственно кавказская и в том числе абхазская культура — это воинская культура: наш традиционный образ жизни, система хозяйствования и жизнеобеспечения, наша система ценностей или иерархия ценностей и т.д. (идеал — воин рыцарь). Наш этикет — это воинский этикет, этикет рыцаря. Культура воинственности предполагал низкий порог насилия. Здесь легко развязать конфликт, задев честь человека.

Значительное место в идейной модели мира занимали честь и слава. В традиционном правосознании высшей ценностью существования, за которую всегда были готовы заплатить жизнью — были честь и достоинство человека. В прошлом в право и обязанность каждого входило преследовать врага лично. Главное богатство, которое человек мог оставить потомству, — славное имя, авторитет. Более того, по абхазскому выражению человек и живет ради чести и достоинства. Страх бесчестия выше страха смерти. Кавказская этикетность — это постоянная демонстрация почтения. Вежливость, обходительность, учтивость, взаимная предупредительность — вот основные требования. Правила речевого этикета — словесное и физическое равнозначно, недопустимость публичного оскорбления.

Наш национальный костюм — это костюм воина, не просто воина, а воина-всадника. Это воин, обвешанный оружием (все свое носит с собой — ему принадлежит только то, что есть с ним). Детали костюма менялись с изменением оружия. Газыри на костюме появились в XVIII веке, с появлением огнестрельного оружия. Эта воинская культура имела свои правила, свод неписанных норм. Нормы войны, как и другие нормы обычного права, здесь в целом неписанные. Но неписанный закон не означает автоматически — недействительный. Ликург говорил: «Самые лучшие законы не те, которые написаны на бумаге, а те, которые записаны в наших умах и сердцах, по которым мы живем».

Оговоримся — любая нормативная культура (писаная или неписаная) знает, что не все следуют правилам, во все времена встречаются нарушители общепринятых норм. Но это приводило к понижению статуса такого человека в обществе. Как минимум, он не становится героем, авторитетным уважаемым человеком, о ком слагались песни (он не добивался своей цели — славы в потомках, тем самым в какой-то мере решив проблему бессмертия).

* * *

Сегодня Кавказ является одной из самых конфликтогенных зон мира.

Высокая культура и интеллект должны способствовать выработке механизмов сдерживания агрессии, многие из которых были известны и соблюдались нашими предками. Решение этого вопроса не может откладываться, это — проблема выживания кавказской культуры.

Нам всем нужно научиться защищать себя и свои интересы, не прибегая к агрессии. Используя потенциал собственной культуры, воспитывать в новом поколении культуру мира и ненасилия, культуру терпимости, в том числе традиционную и всегда характерную для Кавказа — веротерпимость.

На Кавказе, где с молоком матери усваивается принцип — не уклоняться от агрессии, сложно решать проблемы ненасилием, не принимать вызов, поскольку это дело чести, не только собственной, но и всего рода, народа. Здесь веками разработана культура смерти, страх бесчестия выше страха смерти, честь, слава, свободолюбие выше жизни — какая может быть честь в рабстве?

Если же конфликта не удалось избежать, необходимо соблюдать нормы и правила, которые регулируют, ограничивают средства и методы ведения войны. Поскольку за войной рано или поздно последует мир, его ростки, как ни парадоксально, мы должны закладывать, даже находясь в состоянии войны.

Для этого безотлагательно необходимо исследовать и кодифицировать традиционные нормы и правила войны (отражающие систему собственных ценностей) и популяризировать их наряду с международным гуманитарным правом. Данная проблема актуализируется нестабильностью, неурегулированностью многих военных конфликтов, угрозой перерастания в открытую войну тлеющих конфликтов и просто взрывоопасностью Кавказа.

Вопросы и мнения

— В Абхазии при рождении мальчика говорят: «Дай бог тебе женского мужества».

Как это понимать? Хотелось бы подробнее узнать о концепции «ахак».

— «Ахак» — это, видимо, то, что уготовано. Я больше говорила об «агунахара».

Это — греховность, но не тот перевод, не совсем то.

— «Ахак» — это нечто такое, как рок. Можно так перевести?

— Считается, что кровная месть — это не моей рукой совершенная месть. Если человеку удалось отомстить, считается, его настигла рука провидения, рука бога, рука судьбы.

— Как это сформулировать по-абхазски?

— «Тебе не дано твоей судьбой убить меня» или, наоборот, «мне дано убить тебя».

Я не уверена, что «ахак» — это абхазское слово.

Мужественность, буквально переводится как «агуагра», что означает «решимость». Женщина может решиться на такое, на что мужчина может не решиться. Женщина может быть более жестокой и даже убить.

— В старину описано такое упражнение на отчаянность, когда женщины руками доставали из кипящего котла мясо. Это описывалось как чисто женское развлечение, мужчины этим не занимались.

— Женщины демонстрируют отчаянность друг перед другом. Вы замечали, как они берут рукой горячую сковородку?

— А вот мифологическая история, когда парень попросил дать ему огня, девушка взяла уголь рукой из очага, и парень нарочно медленно-медленно закуривает. И на следующий день он прислал за ней сватов. У меня такой вывод: нравственные нормы, особенно те, которые проявляются в зоне риска, в вооруженном конфликте, моделируются прежде всего женщиной, потом транслируются уже на мужской уровень.

— Говоря о том, что насилие можно оставить в каких-то рамках. Что здесь имеется в виду? Можно ли оставить какие-то формы насилия или понизить его степень? Что из насилия можно оставить, а что нельзя? Совсем от него нельзя отказаться?

— Не получается. Во-первых, надо постараться не доводить до насилия. Хотя бы на вербальном уровне. Суметь не переходить на физический уровень насилия.

— Вербальное насилие можно оставить, а физическое нельзя?

— Вербальный уровень тоже должен быть в каких-то рамках. Как только мы перешагиваем какую-то норму, ситуация переходит в эскалацию конфликта. Некоторые формы насилия вообще непозволительны, например на Кавказе нельзя было вешать человека. Но сегодня это уже можно наблюдать.

— Какие нормы можно оставить? Вербальную степень можно оставить?

— До какой-то степени. Люди должны знать, какую черту нельзя переходить. Как

только вы задеваете честь, так уже автоматически должны ожидать агрессии. Нельзя посягать на базовые ценности, которых придерживается человек. Например, у тебя отнимают Родину, и ты уже теряешь свою самоидентичность и насилия не избежать.

— Вопрос про этимологию слова «апсы». Это понятно, что как бы «душа». Но вроде бы в этом есть оттенок мертвого. Как в этом контексте перевести «апсны»?

— «Апсны» переводится как «страна душ». Но можно перевести и как «страна мертвых». То и то другое близко к народной этимологии.

— С оттенком мертвой души?

— Не обязательно мертвой. А что без души? Только камень. Во всем остальном, присутствует «апсы». На самом деле «апсы» — это жизнь. А все живое, природу называют «апсабара».

— Но почему-то море не входит в природу по-абхазски.

— Да, «апсабара» — это все живое, растущее, могущее умереть.

— На самом деле это достаточно распространенная вещь у многих народов.

— Агрессия — это базовый инстинкт, наряду с самосохранением, размножением и утолением голода. Мне кажется, что кавказцы, стихийно чувствуя, что с агрессией бороться практически невозможно, и не делали этого. Они просто старались, чтобы проявления агрессии были максимально ритуализованы, по возможности могли быть переориентированы из действия в демонстрацию. Интересно, что животные, имеющие высокий уровень внутривидовой агрессии, способны к дружбе и к парному браку, любви, — другими словами, к устойчивым отношениям. Слава богу, что на Кавказе люди умели базовые вещи, такие, как инстинкт агрессии, сублимировать, ритуализировать и в основном все-таки проявлять в виде верной дружбы, верной любви — того, что в нас заложено на уровне природы Богом. Поэтому я думаю, что с агрессией не надо бороться, нужно ее проявления максимально ритуализировать, тогда это будет не зло. Этолог Конрад Лоуренц говорит об агрессии: «Так называемое зло».

— Убивать, мучить того, кто слабее тебя, издеваться над пленным — не должно быть ни в какие времена.

— Мне тоже кажется, что те вещи, которые в кавказской культуре существуют, не противоречат друг другу, а наоборот взаимно обуславливают друг друга. Статистически кавказцы воспринимаются как агрессивные или реактивные по своему этнопсихологическому складу люди. В то же время социологические исследования свидетельствуют, что в русских районах Кавказа, возьмем город Прохладный, статистика жестоких, бессмысленных, беспричинных, бытовых убийств очень высока. В кавказской культуре эта беспричинная, жестокая, необъяснимая агрессия считается аномалией. У нас

агрессия осмысленная: если человека убивают, то обязательно должны знать за что. Месть должна быть справедливой. Убийство должно быть оправдано морально. Если этого нет, такое убийство давит, оно может морально убить самого убийцу. А если он совершил морально оправданное убийство - отомстил за честь свою или своей супруги, своей сестры, то оправдывает себя и гордится этим убийством. Этот психологический момент предстоит еще исследовать.

— Я хочу предостеречь вас всех от некоторого кавказского самолюбования, которое, мне кажется, на нашей конференции ярко проявилось. Какие мы все благородные, какие мы все прекрасные, замечательные и т.д. По возможности нужно относиться к себе, как говорили древние, «с крупинкой соли», то есть с юмором, с иронией постоянно напоминая себе, что мы хотели бы быть такими и поэтому мы создаем мифы о том, что мы такие благородные, но на самом деле мы вовсе не такие. И каждое мотивированное убийство ведь имеет своей причиной немотивированное убийство. Поэтому общее число немотивированных убийств в кавказской культуре, наверное, все-таки больше, чем мотивированных. И с этой же точки зрения — я понимаю, что стучаться в наглухо запертую дверь не очень благодарное занятие, но видит бог, стараюсь быть более или менее объективным — абхазам я сочувствую больше, чем грузинам, хотя бы исходя из принципа, что маленьких нельзя обижать. И все же мне показалось шокирующим заявление, что двое-трое грузин готовы покаяться, но они в ответ ждут и от нас покаяния. Но не дождутся. Вопрос: ведь абхазское насилие по отношению к грузинам было, конечно, ответным насилием. Хотя 14 августа 1992 года предшествовала долгая цепь меньших насилий и разбираться в том, кто первый сказал «дурак», сложное и неблагодарное занятие. Но если мы возьмем цепочку событий после 14 августа, то абхазское ответное насилие было более агрессивным, более массовым, чем грузинское насилие — при всем его безобразном, гнусном характере. И исход или бегство грузин из Абхазии было поставлено так организовано, что отнюдь не соответствуют замечательным рыцарским нормам и понятиям. Так почему в абхазском обществе нет попыток такого осмысления событий? У людей которые ни сном, ни духом не были повинны в конфликте ни с той, ни с другой стороны — сожжены дома, библиотеки, родственники убиты. Есть ли в абхазском обществе перспектива осознания того, что абхазская сторона не является безвинной жертвой и что конфликт уравнивал обе стороны, и обе стороны могут с обильно омытым кровью лицом и со смытым кровью с рук бесчестьем садиться в конце концов как равноправные стороны за стол переговоров?

— Я считаю, что нельзя заниматься самолюбованием. Говоря о более агрессивном поведении абхазов во время войны, нужно отметить, что это была ответная агрессия,

которую я не оправдываю. Больше агрессии было в той части Абхазии, где шла партизанская война, чем в той части, где воевала регулярная армия.

И второй вопрос. Когда мы говорим об исходе грузин, то имеем в виду 27 сентября, когда солдаты только входили в город. Только абхазы вошли в город, и начался массовый исход.

— Основная масса жертв — это замерзшие люди, когда они шли по снегу, поскольку им просто не дали возможности идти по нижней приморской нормальной дороге. Это было гражданское население. И это была стратегия абхазского наступления.

— стратегия наступления как раз была в том, чтобы дать им возможность уйти. Никто не планировал такого. А если планировали бы, то жертв было бы больше. Их постарались бы окружить и закидать с гор снарядами. Но такой задачи не стояло. Мы должны помнить, что массовый исход был, когда армия начала входить в город. Армия еще не вошла в город, когда они начали уходить. Это было результатом мифов грузин о том, что в Гаграх абхазы и чеченцы играли в футбол отрубленными головами. Этот миф против них и послужил. С другой стороны, я не знаю народа, который вышел бы из войны безвинным. Раз уже дело дошло до войны, то без вины никак не выйти и виноваты обе стороны.

Мы только сейчас начинаем ощущать, что с нами начинают разговаривать на позициях равноправия. До этого такого не было. Все время у Грузии была установка на то, что они нам что-то дадут: «мы вам дадим автономию, вы наши младшие братья». Сегодня, когда мы начинаем говорить с равноправных позиций, я думаю, что, может быть, придем к пониманию друг друга и, может быть, завтра начнем каяться. Но это не происходит так быстро. А когда я говорила о том, что они ждут от нас покаяния и не дождутся, я имела в виду ощущения комбатантов. Почему они себя не считают виновными? Почему с абхазской стороны у комбатантов меньше посттравматического синдрома, чем с другой, — даже у тех, кто остался инвалидом после войны? Просто они считают, что это был вопрос жизни и смерти. Вопрос стоял так: грузинский генерал приказывает убить всех 99 тысяч абхазов и поэтому у абхазского комбатанта не было выбора поступать по-другому.

— Насколько мне известно, вопрос ставится так, что с грузинской стороны один из участников согласился с тем, что они готовы покаяться. И спрашивал во время дискуссии у участников с абхазской стороны, готовы ли они сделать то же самое. Ответ был приблизительно такой, что «процесс покаяния для каждого человека и для группы людей, а, может быть, даже для народа поначалу и на каком-то этапе — это глубоко внутренний процесс и не надо делать его публичным».

— Мне рассказывали, что на женской конференции в Абхазии в ноябре одна из ее

участниц в своем доме накрыла стол и пригласила абхазских и грузинских женщин. Когда кто-то из абхазских женщин предложил помянуть погибших, то она сказала: «Помянем и тех тоже». Это было проявление высоты отдельного человека и мы, наверное, все придем к этой высоте, если даст нам Бог.

— Я был в этом году несколько раз в Абхазии, и в Грузии. И говорил с разными слоями населения. Я не анализирую, почему это так, но в Грузии в маршрутках семьдесят процентов водителей именно из Абхазии. И когда разговор заходит об этих событиях, то видно, что у них есть вот это чувство покаяния. В Абхазии я такого не слышал. Это, наверное, почва для исследований. А насчет того, чтобы помянуть погибших, то в период самых горячих боев в Южной Осетии за каждым столом только что вернувшиеся из боя говорили о жертвах с обеих сторон.

Однако жизнь не заключается только лишь в сбалансированном построении отношений между людьми. И если в этом вопросе нормы кавказского, в частности, чеченского традиционного права – адата – были в состоянии выработать четкую и охватывающую большинство эмпирических случаев регламентацию, то этот же адат оказывался во многих случаях не способным ответить на другие вопросы, которые ставит жизнь – на вопросы предстояния и обращения не с людьми, но с идеальными понятиями – такими, как религия, культура, государственность... В одном из предыдущих докладов звучала мысль, что северо-кавказцы не сумели в достаточной мере развить архитектуру, музыку, письменность, но создали культуру другого типа – культуру поведения, войны и мира. Теперь, на примере попытки построения самостоятельной чеченской государственности, мы увидим, в какое сложное противоречие входят требования развития государственности и религии (духовной жизни) с законченностью и самодостаточностью адата – форма, совершенная на одном уровне истории, неподвижно-мифологическом, входит в противоречие с новыми содержаниями, возникающими вследствие развития и прогресса.

Муса Баснукаев

Институт экономики

Система норм обычного права у чеченцев

После столь интересной дискуссии, которая у нас состоялась по докладу Яна Чеснова (*см. дальше, в разделе 2. Ред.*), я постараюсь в более строгой форме показать, что из себя вообще представляло чеченское общество и насколько оно сохранилось в том виде, в каком было раньше. Этот интерес сейчас подпитывается тем, что уже более десяти лет продолжается современный российско-чеченский конфликт. И в связи с этим конфликтом ставятся все новые и новые вопросы — вообще что это за общество, которое столь продолжительное время не может успокоиться. Считается, что чеченцы создали в глубокой древности сложную систему норм обычного права. Они разрабатывали строго регламентированную систему таких процедур, как предъявление претензий противнику, объявление войны, заключение мира, решение арбитражных вопросов, правила ведения военных действий. У чеченцев также существовали строго соблюдаемые правила приема в члены рода или в широком смысле принятия гражданства, как сейчас говорят, права убежища, выдачи преступников. Эти традиции находят достаточно частое применение в условиях современных военных действий. Особенно можно было это увидеть в первую военную кампанию, когда многих солдат просто отпускали, а к тем, в ком признавали преступников, было другое отношение. Считалось недостойным покидать друга-союзника в ходе борьбы и вообще в беде. Подлежало всеобщему осуждению внезапное вероломное нападение на противника. Чеченцы всегда гордились своей прямолинейностью и с презрением осуждали коварство врагов. Исходя из этих традиций, каждый чеченец хранил в памяти и возвышал имя того, кто честно погиб, не изменив своему слову, долгу дружбы.

Общественно обязательные принципы правового института чеченского тейпа соответствовали социально-экономическому строю родового общества. Его устои были крепкие, нерушимые и каждый чеченец свое поведение и поступки строго подчинял им. Жизнь чеченца, таким образом, протекала в строго определенных рамках. Чем больше он был популярен в обществе, тем сильнее обязан был блюсти нравственные устои тейпа. Чем больше он был популярен, тем большую осознавал ответственность. Строго оберегать законность происхождения и права своих членов, славу и могущество своего тейпа каждый чеченец считал своим личным достоинством. А от тейпа, в свою очередь, зависела безопасность каждого индивида. Унаследованные от предков традиции, порожденные соответствующими социально-экономическими условиями, держали каждого члена общины строго в рамках приличия. Они же вершили суд и расправу сильнее и быстрее, чем государственные институты власти. Правовые нормы неписаного житейского кодекса позволяли предать любого нарушителя всеобщему нравственному

осуждению и отвержению, но не разрешалось наказывать его телесно и материально. К сожалению, мы в современной действительности сталкиваемся немножко с иными вещами.

В борьбе за жизнь в постоянных и довольно успешных сражениях против иноземных вторжений чеченцы создали законы, обычаи и уклад жизни, которые развили у них сильное чувство национальной индивидуальности и целеустремленности. Сила и устойчивость, появившиеся вследствие этих особенностей национального характера, помогли им пронести эти обычаи и законы сквозь века. Вот какое объяснение можно найти тому, что удалось и сегодня сохранить эти традиции. Общественный строй, в основе которого был заложен принцип вертикально возрастающей социальной иерархии от семьи до нации, позволял создать четко структурированную и управляемую общину. Горизонтальное деление общины по системе братьев, а затем сочленов единого рода, отражал ее вертикаль, так как кровно родственные связи чеченцев отличались высокой степенью развитости и не прекращались до седьмого-восьмого поколения. Тем самым чеченское общество, лишенное административного формализма и построенное на принципах родства, определенных обязательств друг перед другом, являло собой новый тип взаимоотношений отдельных индивидов.

Внешние условия и отсутствие у чеченцев сложившихся форм государственности способствовали сплочению родов-тейпов, и эта сплоченность перед лицом внешней опасности придавала всей общине вид равенства, братства, защиты интересов друг друга. Таким образом, в определенный исторический период с учетом социально-экономических и политических потребностей чеченского общества сформировались общественные объединения людей и формы общественного порядка, которые постепенно начали вытесняться государственной формой организации жизни общества. Это мы наблюдаем, прежде всего, после кавказской войны. Система норм обычного права, или адат как отражение сложившихся общественных отношений, проводили интересы тейпового строя. Адат как юридическая норма затрагивал вопросы, непосредственно связанные с бытом. К ним относились уголовный порядок, семейные, наследственные проблемы. В связи с этим я приведу цитату о том, как формировались нормы. Чеченский историк XIX века Валдаев писал: «Старики всех окрестных фамилий стали собираться для совещания о прекращении беспорядка в стране. На совете ими определялось, какое возмездие должно последовать за различные преступления. Старики возвращались домой, объявляли фамилиям устно свои постановления и заставляли клясться свято исполнять их». Вот из таких определений на советах старейшин слагался у чеченцев адат или обычное право. Чеченский тейп характеризуется правами, привилегиями и обязанностями, предоставленными его членам

и возложенными на них правовым институтом тейпизма. Мамакаев выделял двадцать три общественно обязательных принципа, установленных правовым институтом тейпизма для своих сородичей и общества. Всех я перечислять не буду. Назову только некоторые общеизвестные. Это — единство и незыблемость тейповых отношений для каждого сородича и тейпа; объявление всем тейпом кровной мести другому тейпу за убийство и общественную дискредитацию члена данного тейпа; безусловное запрещение брака между членами одного тейпа; оказание членами тейпа помощи друг другу в случае бедствия или несчастья; в случае смерти члена тейпа объявление траура всем родом и строгое воздержание от участия в увеселениях.

Каждый тейп имел свой Совет старейшин, который избирался из числа мудрых и уважаемых людей пожилого возраста, но независимо от их имущественного ценза. Совет старейшин заседал открыто. Каждый чеченец по своему желанию мог присутствовать на нем, получать слово и высказывать свое мнение. Все члены Совета старейшин имели равные права. Были и другие адаты, которыми руководствовался и на основе которых практически формировался тот общественный строй, при котором жили чеченские тейпы. Из обязательных принципов правового института чеченского тейпа складывались основные права и обязанности членов родовой общины.

Кроме того, жизнь чеченца, весь семейно-бытовой уклад был упорядочен так называемыми житейскими правилами. Они определяли, как говорить с женой при людях, в семье, как говорить с детьми при старших, при младших, при родственниках, при посторонних, как вести себя дома, в гостях, что делать при встрече с взрослым, с молодым. А также: как помочь сойти с лошади или садиться на лошадь, как ухаживать за гостем, о чем и как говорить с ним, кому уступать правую сторону от себя, как садиться за стол, как есть дома и в гостях. Эти правила тысячелетиями передавались из поколения в поколение. И этот подражательный пример в форме неписаного закона незаметно переходил в обычай, подчиняясь сложным социальным психологическим и этическим закономерностям. За соблюдением этих обязанностей и правил следил весь тейп. Они были всем известны и считались разумными до тех пор, пока не разрушались отношения между людьми и породившая их психологическая атмосфера.

Чеченское общество, сохранившее свое деление по сегодняшней день, состояло из 135 тейпов. Три четверти этих тейпов были объединены в девять тухумов. Их олицетворяют девять звезд на флаге Чеченской республики. Были также тейпы, которые не объединялись в тухумы; они входили в состав чеченского общества, но жили самостоятельно. Чеченский тухум представлял собой военно-экономический союз определенной группы тейпов, не связанных между собой кровным родством, но

объединявшихся в более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач по защите от нападения врага и экономического обмена. Тухум занимал определенную территорию, которая состояла из фактически заселенной местности и окружающего района, где тейпы, входившие в тухум, занимались хозяйственной деятельностью. Каждый тухум говорил на определенном диалекте одного и того же вайнахского языка. Или, иначе, тухум представлял собой союз родов, объединявшихся во фратрию по своему территориальному и диалектологическому единству. Чеченский тухум, в отличие от рода, не имел официального главы, равно как и своего военачальника. Поэтому он был не столько органом управления, сколько общественной организацией, тогда как тейп был необходимой и логической стадией прогресса в развитии идей управления. Возникновение союза тейпов представляло собой несомненный прогресс на неуклонном пути к возникновению нации. Хотя тенденция к локальному разделению по родам продолжала существовать.

Забегая вперед, скажу, что нынешняя попытка разделить чеченское общество на тухумы, подчеркнуть, что надо бы вернуться именно к этому принципу, на мой взгляд, есть откат назад в процессе формирования единой чеченской национальности. Совецательным органом тухума был Совет старейшин, который состоял из представителей всех тейпов, входивших в данный тухум на равных по положению и почету правах. Тухумный совет созывался в случае необходимости для решения межтейповых споров и разногласий, для защиты интересов как отдельных тейпов, так и всего тухума. Затем следовал Совет страны «мехкенкел», на котором обсуждались отдельные положения, обычаи провинций. В зависимости от экономической и правовой целесообразности, они здесь же обобщались и получали санкцию всенародной власти. Тухумный совет имел право объявлять войну и заключать мир, вести переговоры с помощью своих и чужих послов, заключать союзы и расторгать их. Однако тухум не имел каких-либо функций управления, принадлежавших тейпу, хотя и был наделен в общесоциальной системе определенными полезными полномочиями, большими, чем тейп. Вспоминая этот институт — Совет страны, многие видят позитив в том, что там всегда умели найти конструктивное разрешение конфликтных вопросов. Каждый член Совета имел право вето, которое сегодня сполна применяется в международных организациях, в том же Совете безопасности ООН. Значит, здесь действовал принцип всеобщего консенсуса. И порой доходило до того, что Совет мог заседать, не покидая помещения, до тех пор, пока не принималось решение, которое одобрялось всеми его членами.

Безусловно, чеченское общество в своем развитии претерпевало изменения, связанные с социально-экономическими, политическими, военными, религиозными

факторами. К примеру, переселение чеченцев на равнинные земли, изменение социально-экономических условий жизни способствовали ослаблению горских законов. Вместе с тем, свой отпечаток на образ жизни чеченцев накладывало принятие ислама, хотя процесс исламизации протекал с учетом сложившихся норм общественной жизни этноса. Известно, что с помощью силы не удалось заставить чеченцев принять ислам, поэтому в памяти народа не сохранилось ни одного имени исламского миссионера, который приходил с мечом. В то же время мирный путь принятия ислама оставил в народной памяти десятки имен учителей-устазов. Во время государств-имаматов в период Кавказской войны введение шариатских законов среди горских народов наталкивалось на сильное сопротивление прежде всего со стороны чеченского общества. О чеченцах говорили, что они скорее отторгнут какие-то нормы шариата, чем изменят своим устоявшимся национальным обычаям и традициям. Но несмотря на столь серьезные перемены, происходившие в окружающем мире и в самом чеченском обществе, чеченцы непременно пытались сохранить в силе свое право, свои традиции, сочетая их с новыми реалиями. Сферы влияния адата и шариата на социальную и духовную жизнь чеченцев всегда были разграничены. Регулирование части семейно-бытовых, религиозно-погребальных и других социальных явлений находилось в ведении шариата. В ведении адата также оставался большой пласт этнической культуры. Чеченский этикет, подчеркнутое гостеприимство, уважительное отношение к старшим, взаимопомощь, военная доблесть, кровная месть в большой степени базировались на нормах адата. Законы, по которым жило чеченское общество, никогда не являлись чисто исламскими.

Давая такую характеристику чеченскому обществу, я хотел подойти к современности и в какой-то степени выявить причины конфликта, который возник все же в самом чеченском обществе на рубеже веков. К началу 90-х годов — к моменту провозглашения независимости Чеченской республики — чеченское общество не имело возможности применять традиционное право на государственном уровне, но сумело сохранить возможности использования этого права во взаимоотношениях на семейно-бытовом уровне, в разрешении конфликтов, возникающих между представителями отдельных родов. Власти также прибегали через институт старейшин к помощи народного права в реализации своих задач, так как их попытки искоренить как адат, так и шариат были безуспешны. Главным законом, обеспечивающим правопорядок и безопасность людей в любом общественном строе, является принцип возмездия за совершенное преступление. В чеченском обществе это право осуществлялось, как отмечалось ранее, через объявление всем тейпом кровной мести другому тейпу за убийство и общественную дискредитацию, учиненные данному тейпу. Принцип возмездия, или кровная месть,

которая и поныне сохраняется в чеченском обществе, считается чуть ли не средневековым пережитком. При убийстве кого-либо из членов тейповой общины тут же собирался его Совет старейшин, в котором принимали активное участие и близкие родственники убитого. Установив причины и обстоятельства убийства, Совет старейшин принимал решение об отмщении за убитого. Тейп преступника также собирал свой Совет старейшин, который искал возможности для примирения с тейпом убитого. Если противоположные стороны не уступали друг другу и долго не приходили к соглашению, то вмешивались представители нейтральных тейпов. Таким образом, создавался Совет, который с учетом требований обеих сторон выработывал условия примирения. Если они принимались, дело заканчивалось. В случае же отказа примириться обиженная сторона выбирала, кого она намерена убить. Как правило, выбирали убийцу. Против такого выбора тейп убийцы не имел права возражать. Убийством виновника обычно заканчивалась кровная месть.

Правило кровной мести сохраняет свою силу и роль и поныне. Даже в советские времена никак не могли искоренить кровную месть. Принцип общей ответственности за совершенное человеком преступление, включая и общественную дискредитацию, всегда играл в основном позитивную роль и являлся сдерживающим фактором для отдельных неблагонадежных членов общества. В современных цивилизованных государствах принцип индивидуальной ответственности предполагает, что государственные институты власти являются единственным гарантом безопасности граждан. Однако государство, в границах которого находилось чеченское общество, оказывалось не в состоянии ни обеспечить безопасность отдельных граждан, ни справедливо разрешать возникавшие конфликты. В этих условиях правовые институты чеченского этноса всегда были востребованы и продолжали выполнять функции саморегуляции общественных отношений, заменив собой государственные институты власти. Попытки возродить и перенести нормы, обычаи и традиции на современные процессы государственного строительства в условиях неопределенности собственного политического статуса, придать им форму законов, на мой взгляд, не просто несвоевременны, но и губительны.

В современной общественной жизни Чечни получило развитие во многом искусственное возрождение прошлого. В начале 90-х годов стали активно проводиться съезды тейпов, избираться советы старейшин. Проведение всевозможных собраний преследовало чисто политические цели, несмотря на то, что на протяжении достаточно продолжительного времени, даже по историческим меркам, правовые институты чеченского общества использовались лишь в решении повседневных бытовых вопросов, выявлении родственных отношений, соблюдении чистоты брачно-семейных связей,

традиций в разрешении конфликтов и в спорах между отдельными членами или группами общины.

Другой фактор, играющий свою роль в развитии общественных отношений и в самом формировании чеченского общества с начала 90-х годов, — влияние религии. По вероисповеданию, как известно, чеченцы являются мусульманами — суннитами. Приверженец этого направления принимает дополнительные обязательства и дает обет своему шейху — устазу, становясь, таким образом, сюридом, или послушником. Возрождение старых традиций в начале 90-х годов совпало с активным возрождением ислама в Чечне. Тут я не соглашусь с теми, кто считает, что чеченцы начали возвращаться к исламу и поэтому у них возродились традиции ваххабизма. Нельзя вернуться к тому, чего в принципе не было в чеченском обществе. Для мусульман Чечни, являющихся суннитами, традиционно придерживающимися суфийских тарикатов, проникновение идеологии ваххабизма в их среду имело самые отрицательные последствия. Из-за отдельных радикально-противоположных идейных и ритуальных особенностей между исповедующими ваххабизм и суфизм произошли серьезные конфликты и даже кровопролитные столкновения. Идеология ваххабизма вступила в непримиримые противоречия не только с религиозными отношениями, но и с нормами права чеченского общества. Традиционный образ чеченцев, обычаи, социальные отношения, несмотря на всю сложность процесса, протекавшего в обществе, всегда базировались на адатах, а не на канонах шариата.

Возникшие противоречия негативно повлияли и продолжают влиять как на этнополитическую, так и на религиозную ситуацию в республике. Этот конфликт особенно остро ощущался в чеченском обществе в 1997—1999 годах, что в немалой степени являлось тормозом в государственном строительстве, но никак не причиной новой военной кампании, как порой это пытаются представить. Конфликтная ситуация, возникавшая в ходе реформирования государственного устройства Чечни, привела к введению шариатского правления, но не к разрешению споров между властью и оппозицией. Общество оказалось не готовым к столь кардинальным изменениям в условиях послевоенной разрухи, усугублявшейся криминальной обстановки, слабого государственного института власти. Противоречия между чеченской реальностью и желанием искусственно установить шариатскую форму правления еще более усиливали затянувшийся социально-политический конфликт, придавая ему религиозную окраску.

Нынешняя российская военная кампания отодвинула вопросы, связанные с политикой государственного устройства Чеченской республики. Сложившаяся кризисная ситуация в полной мере востребовала традиции, обычаи чеченского общества,

позволившие чеченцам выжить, выстоять в современных условиях. Это проявилось прежде всего в том, что многие чеченцы приняли у себя десятки родственников, решали вопросы их проживания, питания, лечения. Значительная часть беженцев, находящаяся в Ингушетии и других регионах, в большей степени выживает за счет материальной и иной поддержки своих близких, имеющих какие-либо возможности получения доходов. Благодаря своей национальной индивидуальности, в основе которой лежат законы, обычаи, традиции, чеченцы оказались в состоянии избежать междоусобицы, а в ходе военных действий — вымирания вследствие голода и холода. По той же причине, очевидно, они не смогли избежать российско-чеченского противостояния и предотвратить военные жертвы. В целом на рубеже веков чеченское общество подверглось жесточайшему кризису. Я приведу характеристику этой ситуации, которую дал в «Новой газете» известный чеченский этнограф Хасиев. Он отмечает, что в результате происшедших событий оказалось разбалансированным нравственно-этическое поле. Чеченцы плохо приняли шариатские, исламские нормы, но не приняли так же и европейские, утратили бережное отношение к своим адатам и находятся в неустойчивом состоянии.

В условиях непрекращающегося российско-чеченского конфликта принципиально важно, насколько чеченское общество сможет обрести устойчивое состояние, соответствующее национальной государственной политике. Один из известных чеченских политиков предлагал еще до начала нынешней военной кампании организовать государственную власть на базе национальных институтов и тысячелетнего опыта общественной структуры чеченского народа. Думаю, что это помогло бы сохранить национальные ценности, обеспечить государственный суверенитет чеченского народа, гражданский мир и национальное согласие в республике, формировать власть через многоуровневую систему отбора и выдвижения кандидатур от родов, тейпов и тухумов. Национальные меньшинства также могли и должны были участвовать в политической жизни государства, делегируя лидеров своих общин в органы центральной власти. Предлагаемая концепция была наиболее приближенной к социальному устройству чеченцев, их духовно-нравственному состоянию, являлась альтернативой шариатскому правлению. В чеченском обществе эта концепция имела определенную поддержку как возможная и приемлемая модель политического устройства Чечни. Однако, учитывая, что приобретенный народом за годы Советской власти правовой и политический опыт все еще остается устойчивым в общественном сознании чеченца, реконструкция архаичных форм социального устройства в сочетании с ценностями ислама воспринимается в обществе достаточно осторожно. Потребовалось бы время для трансформации общественного

сознания. В тот период в реформировании государственного устройства Чечни по сути дела столкнулись две религиозно-философские парадигмы, основанные на чуждых народу ваххабистских идеях и на традиционном суфистском исламе, доминирующем в духовной жизни мусульман Чечни.

В заключение хочется отметить, что в процессе разрешения российско-чеченского конфликта предлагаются различные модели его урегулирования. Российские власти не могут не учитывать современное состояние чеченского общества. Более того, по заявлениям отдельных российских политиков основной причиной конфликта является наложение процесса быстрой, практически революционной замены социалистической формации на капиталистическую, на бурный процесс распада чеченского традиционного общества. Сочетание этих двух сложнейших процессов привело к возникновению в Чечне критической ситуации, внешним проявлением которой явились воинствующие национализм и сепаратизм. Произошла, на мой взгляд, подмена истоков конфликта.

Безусловно, нельзя ставить под сомнение, что за последнее десятилетие произошли серьезные изменения в традиционном чеченском обществе. Однако это вовсе не объясняет природу российско-чеченского конфликта. Опасными и вредными представляются попытки обосновать то, что процесс распада традиционного чеченского общества, ускоренный войной, остановить невозможно. Но не меньшая ошибка – полагать, что интересам России отвечает искусственное восстановление традиционных чеченских институтов, например, института старейшин для стабилизации Чечни. В такой плоскости чеченское традиционное миротворчество не может служить инструментом в разрешении сложных политических конфликтов. Выработка подходов, основанных на сбалансированном сочетании российской идеологии с национальными особенностями традиционно чеченского общества при условии, что они не будут вступать в противоречие с российским законодательством, не может являться конструктивной базой для Чечни в определении своих жизненных интересов. Проблемы урегулирования российско-чеченских взаимоотношений в наибольшей степени лежат в политической плоскости, в рамках международного права. А вопросы стабилизации чеченского общества находятся в основном в духовной сфере, в рамках традиционного чеченского права.

Вопросы и мнения

— Какой баланс был в разные исторические периоды у чеченцев? Что превалировало — возмездие или возмещение? И чем определяется выбор между ними?

— Кровная месть, то есть возмездие, предполагалась в случае, если не удавалось разрешить конфликт через принцип возмещения.

— Трудно сказать конкретно, но принципиальная корреляция происходит по оси плебейско-аристократической. Чем больше аристократического гонора и претензий у семьи, у рода, у тейпа и, соответственно, чем он выше по положению и находится выше по рельефу местности, тем больше уклон в сторону мести. Кроме того, чем более коммерциализованно хозяйство, чем более оно связано с товарным обменом, тем больший, конечно, крен в сторону компенсации.

— Как это связано с историческими периодами?

— Это зависело от флуктуации населения в горы и на равнину и от преобладания либо военных, нацеленных на военный быт, либо, наоборот, от развития буржуазно-товарных отношений, нацеленных на коммерцию. Процесс шел волнообразно, пульсационно. Присутствовала так же дифференциация: авторитетность рода, позиции, которые он занимал в обществе, тип совершенного преступления, исторически складывающиеся отношения между родами. Много факторов влияло на этот процесс.

— Я хотел добавить, что Совет старейшин тейпа рассматривал и определял, в какой форме совершено преступление — было ли оно неумышленное или преднамеренное. Если человек был убит умышленно, то какие бы компенсации ни предлагались, возмездие назначалось в виде кровной мести. За случайное убийство можно было уплатить компенсацию.

— Здесь уместно озвучить формулу примирения в старину у кабардинцев, у восточных черкесов. Звучит она по-кабардински следующим образом: «Если между вами нет крови и оскорбления за женщину, помиритесь». В то же время за убийство кабардинского князя выкуп не принимался, обязательно следовала кровная месть. Мало того, дом убийцы сжигался, посеы вырубались, засыпались солью и семейство убийцы часто продавалось в Турцию.

— Были ли различия в кровной мести между равными и разными по происхождению родами? И в чем?

— Да, различия были. Если князя убил простолюдин или дворянин, то в этом случае — абсолютная кровная месть. Если князя убил князь, то была несколько иная месть. Князя никогда не прощали своей крови. Кровная месть длилась сотнями лет.

Я бы добавил еще один аспект. Если было совершено насилие над женщиной, разрешалось сжигать дом, уничтожать посеы, то есть нормы обычного права по отношению к такому человеку не действовали.

— Вы упомянули о том, что в начале 90-х годов очень сильно изменились ценности в чеченском обществе. Как бы вы могли это прокомментировать?

— Я отмечал, что момент объявления Чечней своей независимости совпал с периодом возрождения традиций, обычаев, которые исторически существовали в чеченском обществе, и одновременно - с возрождением ислама в республике. В период, когда Чечня находилась в условиях неопределенности в отношении своего политического статуса, попытка возродить традиции носила в большой степени искусственный характер. Чеченское общество оказалось не готово к тому, чтобы кардинально изменить свой образ жизни, многие негативные проявления не являлись традициями, обычаями чеченского общества. Они, наоборот, выходили за рамки норм обычного права. Этому пытались найти оправдания, но, на мой взгляд, они не были разумными. И попытка использовать искусственные декларации под видом возвращения традиций наложила крайне негативный отпечаток на развитие самого чеченского общества.

— Очень странно, что по правилам обычного закона мести женщины исключались как из круга тех, кому мстят, так и тех, кто сам мог мстить. То есть тейп не объявлял мести тейпу. Но сегодня есть случаи, когда право мстить на себя взяла женщина. Это извращение? Феминизм?

— Но случаев, когда бы в виде акта мести была убита женщина, пока не было. С другой стороны, модернизация — дудаевские гвардейцы разогнали митинг на площади, где было довольно много людей. Объектом мести стали воинские подразделения. Они уже воспринимались как заменитель тейпа. Солдата-служащего могли убить в порядке мести за человека, погибшего на этой площади.

— Кабардинцы и чеченцы — мы рядом живем и нет гарантий, что в принципе в Кабарде не произойдет то, что было в Чечне. Сегодня положение на Кавказе нестабильное и строить какие-либо прогнозы трудно. Старые, традиционные, институты перестали работать, западные стандарты чеченцы не восприняли, ислам тоже не сыграл роли сдерживающего фактора — и произошел подрыв моральных устоев чеченского общества. Огромные размеры принял захват заложников. Думаю, что одной из причин можно назвать семьдесят лет советской власти, которые сыграли свою роль в этом процессе. Кабардинское общество было очень сильно социально дифференцировано. И с кабардинского общества постоянно снимали сливки. Сначала уничтожили аристократию, потом крестьянство (раскулачивание). Практически выживали люмпены, а кабардинская аристократия постоянно уничтожалась. За семьдесят лет советской власти были разрушены старые устои. Вернусь к Чечне. Чечня была загнана в угол. У республики не было возможности развиваться нормально. Это был анклав. Мне кажется, что происходившие внутри Чечни негативные процессы во многом инспирировались, поощрялись извне. Общество просто не выдержало такой нагрузки. При Дудаеве же не

было системы захвата заложников, а вот после первой чеченской войны, когда Чечня была изолирована, это началось. Свою роль, мне кажется сыграли действия спецслужб различных стран, которые искусственно все это инспирировали и накачивали огромными деньгами. Чеченский криминалитет и подпитывался извне. Именно внешнее воздействие плюс семьдесят лет советской власти, когда были размыты традиционные устои, в комплексе привели к тому, что произошло в Чечне.

— Я поддерживаю высказанную точку зрения. Произошла смена формаций — распался Советский Союз. Помимо того, что распалась советская империя, в этот же период чеченская республика боролась за свою независимость. В то же время происходило внедрение новой религиозной идеологии. Одновременно с возрождением традиционного ислама началось проникновение новой идеологии, так называемого ваххабизма. Чеченское общество, может быть, и готово было бы переварить все негативные явления, которые возникали в этот момент, но при одном условии — если бы оно развивалось без давления внешних факторов. Внешняя угроза постоянно присутствовала, что бы мы ни говорили. И те, кто являются главными врагами чеченского народа, которые пришли извне в республику, сегодня в условиях внешней угрозы со стороны России воспринимаются как защитники чеченского общества. Это противоречие всегда довлело над чеченским народом. Выжить в условиях изоляционизма было, безусловно очень трудно. И общество не выдержало. Этим, на мой взгляд, и объясняются негативные всплески. Разрешение конфликта лежит в плоскости взаимоотношений России и Чечни в правовом плане, в международном плане, а стабилизация чеченского общества — уже в духовной плоскости. Вот здесь как раз традиционные обычаи и традиции, которые существовали, будут играть только позитивную роль.

— Я хотела бы зафиксировать, что мы сейчас рассматриваем кровную месть как некоторую норму, существующую в урегулировании конфликтов, и сложно вычленишь, на каких позициях основываются эти размышления: на культурологической, этнополитической или философского осмысления. Я сейчас буду говорить с позиции философского осмысления о кровной мести и буду рассматривать ее с точки зрения вторжения прошлого в настоящее и как это транслируется в будущее. Дело в том, что мы зафиксировали произошедший очень быстро разлом, или потерю одних ценностных ориентаций в нашей стране и возвращение к иным ценностям. Но если ценности такие неустойчивые, то что остается делать человеку? И тогда я обращаю внимание на кровную месть как на некоторую норму, которая пришла из прошлого и к которой обратился народ, потому что сегодня ей нет альтернативы. Я задаю вопрос: а может ли современный человек стать на позицию ответственного отношения к тому, что нам дает прошлое, имея

в виду кровную месть как физическое насилие в крайней форме проявления? Можно ли ее чем-либо заменить? Потому что перенесение в сегодняшний день прошлых норм без критического их осмысления и без учета того, куда двинулась цивилизация в разрешении конфликтов с точки зрения минимизации насилия, не соответствует норме, которая пришла из прошлого. И тогда на элите чеченского народа или вообще на элите кавказского народа лежит ответственность за то, чтобы критически осмыслить, какие нормы сегодня начинают доминировать, и вместо кровной мести выработать норму, которая бы сохраняла жизнь человеку, защищала его права. Мне, например, непонятно, из какой позиции исходит автор доклада, утверждая, что урегулирование отношений находится в политической сфере, а стабилизация — в плоскости духовной. Я бы хотела получить ответ, что в представлении автора есть урегулирование и что — стабилизация? И почему политическая и духовная сферы так резко отделены?

— Здесь опять акцент делается на то, что в чеченском обществе якобы продолжает существовать кровная месть. Но она будет осуществляться до тех пор, пока государственные институты власти не начнут справедливо разрешать конфликты и быть справедливым органом возмездия.

— У меня вполне конкретный вопрос. В межвоенный период с 1996 по 1999 год те группы, вооруженные формирования, которые принято называть отрядами полевых командиров, хотя бы номинально апеллировали к какой-нибудь правовой системе — к шариату, адатам или к чему-то еще? Имела ли место какая-то ориентация на ту или иную нравственную или правовую систему?

— Номинально да. Указом президента было введено шариатское правление. По решению шариатских судов приводились в исполнение даже публичные казни, которые мы все видели.

— Командиры боевых отрядов, бригадные генералы и другие военные чины не являются специалистами-богословами. Их представление о Коране, о шариате, об адате, обо всех этих вещах не сравнимо не только с представлениями квалифицированного религиоведа и этнографа, оно даже уступает и представлением мало-мальски грамотного муллы. И Басаев, раздраженный назойливыми вопросами журналиста, сказал: «Вы все, русские, ничего не понимаете. Наш адат — это и есть шариат».

— Мне интересно следующее: у кабардинцев были свои нормы, у чеченцев — свои, у осетин — свои. Насколько они знали права, обычаи, этикет своих соседей, в какой степени с этим считались? Может быть, для разрешения конфликтов с соседями применялись другие методы?

— Есть такой нюанс: в адыгском аристократическом праве, например, человек не может быть судьей в своем деле. Дворяне, князья при ссорах между собой всегда обращались к третьей стороне. Когда был военно-политический союз Кабарды с Россией, кабардинские князья часто апеллировали к астраханским воеводам. Для разрешения спора между кабардинцами и балкарцами иногда приглашались осетинские старейшины. Судьи не должны быть заинтересованными лицами. Другая форма — институт *баранты*. Допустим, чеченцы или абадзехи, или шапсуги напали на кабардинцев-купцов, убили, разграбили товар. Что в этом случае делается? Если просто провести ответную акцию — напасть, убить, ограбить и т.д., то возникнет непрерывная цепочка: одно возмездие будет порождать другое. Чтобы этого избежать, существовал институт баранты. Как он действовал? Сперва определялась племенная принадлежность совершивших нападение. Затем объявлялось денежное вознаграждение за информацию — круг сужался, определялся клан виновников. И после этого происходила баранта. Что такое баранта? Насильственный захват имущества этого клана. Для этой цели создавалась специальная группа. Старейшины ее строго инструктировали, чтобы они произвели нападение, но при этом постарались никого не убить, то есть чтобы не было кровопролития. Можно захватить пленных, можно захватить скот, имущество, причем оно должно превышать по стоимости потерянное, но не в два, три раза, а, скажем, в полтора. Были специальные люди, которым захваченное имущество отдавалось на хранение до урегулирования конфликта. После этого начинались переговоры. Сторона-захватчик присылала депутацию, которая регулировала вопросы возмещения ущерба, но не в плане кровной мести, а в плане стоимости компенсации. Этот институт был очень детально и четко разработан. Институт баранты в числе других существовавших на Кавказе институтов, регулировал взаимоотношения.

— Когда депортированные чеченцы и ингуши в 1991—1992 годах возвращались на свою землю, возникали в Дагестане столкновения. Ситуация была на грани войны. Если в генах есть кровная месть, то она оставалась. Очень большую роль в ее предотвращении сыграла народная дипломатия. Хорошо проявили себя Советы старейшин с обеих сторон.

— Небольшая реплика по поводу института кровной мести. Конечно, я понимаю, что после тейпового суда убить человека — это дико и не современно, а после суда в США посадить его на электрический стул — это современно и гуманно. Но проблема вот в чем. Мне кажется, что старейшинами тейпов становились люди не только преклонного возраста и мудрые, но еще и состоятельные, потому что старый человек больше прожил, больше нажил и он имеет возможность помогать более молодым. Не произошла ли смена руководства тейпов, кланов? Не пришли ли на смену старейших и мудрейших молодые,

обеспеченные ребята и не изменилось ли в связи с этим отношение к нормам адата и шариата?

— Безусловно, фактор финансового благосостояния существовал, но, на мой взгляд, не преобладал. Предпочтение отдавалось людям старым и мудрым. И в этом плане удалось все же сохранить традиции. Финансовая сторона реально никогда не играла роли в оформлении Совета старейшин и не выдвигалась на первое место.

— С одной стороны, да, традиции разрушались, с другой, — внешнее давление вполне возможно приводило к некоторой консервации архаичных черт в этносах. То, что чеченцам последние два века не давали нормально и спокойно развиваться, то, что была кавказская война, были давление, депортация, ликвидация интеллигенции, практически запрет на арабский язык, на котором было какое-то наследие, затем запрет до 1973 года жить в больших городах, то есть лишение возможности развития, создавать культурную традицию, не могло не привести хоть к искривленной, но все же к архаизации общественных отношений. Таким образом, влияние работало по двум направлениям.

И второе. Я совершенно не согласен с тем, что говорилось об исламизации Чечни и о том, что происходило в начале 90-х годов. Это как раз тот случай, когда события нельзя рассматривать в статике. Их надо рассматривать в динамике. Первая чеченская конституция была списана с эстонской. Вторая с суданской. Говорить, что так называемый ваххабизм в Чечне сразу появился и получил развитие, неверно. Во-первых, он в Чечне не появился, а пришел в Чечню из Дагестана. Во-вторых, он был вначале более маргинальным явлением, чем потом, чем сейчас. В-третьих, вспышки его развития, эта синусоида, коррелируется с войной. Рассматривать исламизацию в связи с независимостью безосновательно. Дудаев 1990—1991 годов и Дудаев 1995 года — это разные Дудаевы по отношению к этой проблеме. Мне кажется, что на это явление продолжает оказывать влияние политическая и военная ситуации. Еще раз повторюсь: эту ситуацию неправомерно рассматривать в статике.

Леван Микава

Этнопсихологические аспекты межнациональных конфликтов

Моя задача состоит в том, чтобы в тезисной форме представить основные идеи и

сформулировать их, оставляя в стороне фактологический материал, так как он займет очень много времени. Я хотел бы подойти к нашей сегодняшней проблеме с позиции человека, который анализирует события, исходя из жизненного опыта. Те исследования, которыми я занимаюсь, и выводы, к которым я пришел, стали возможны только потому, что я сам был свидетелем исторических событий, лежащих в их основе. В процессе работы я понял, какую огромную роль играет этнопсихология, психология народа, проявляющаяся в конфликтах, в жизни общества. Мне кажется, что характер народа, как и характер отдельного человека, то есть ментальность, складывается раз и навсегда. При этом менталитет может эволюционировать, но в определенных рамках, выход за которые означает фактически крах и разрушение данного этноса. Особое внимание я хочу обратить на такую черту народного характера: сложившись, он сам начинает активно влиять на судьбу народа. Народ не только приспосабливается к условиям своего бытия, но и сам приспосабливает их к своему характеру.

Формирование национального характера происходит в конкретной исторической ситуации, в историческом контексте. Мне могут возразить, что новое поколение становится непохожим на старшее поколение. Но мне кажется, что в зависимости от условий, одни черты могут развиваться, другие — заглушаться. В жизни бывают ситуации, когда характер проявляется, можно сказать, в чистом, подлинном виде, обнаруживая свою глубинную суть. Полагаю, что полностью характер народа проявляется в период войн. Проиллюстрирую это на примере и в конкретном контексте формирования национального характера абхазов. Я пришел к заключению, что стержнем абхазской культуры, абхазского менталитета является традиция воинства, культура воинов-рыцарей. Она является, на мой взгляд, аналогом западной культуры периода рыцарства. Как известно, западная цивилизация зародилась в VIII—IX веках и в последующие столетия обрела свои основные черты и характеристики. В истории Запада был период крестовых походов на восток (XI в.). Тогда и начала формироваться идеология воинства, идеология рыцарства. Расцвет на Западе она получает в XII—XIV веках. Одновременно происходит и становление кавказского менталитета. По моему мнению, основную роль в формировании абхазов как народа, как этноса сыграла абхазская государственность. Затем в XI—XII веках идет взаимообогащение, взаимное влияние культур через генуэзскую культуру, через мореплавателей, которые общались непосредственно с Кавказом и — с одной стороны, привносили сюда западные идеи рыцарства, с другой — кавказские идеи рыцарства попадали в Европу. В этот период параллельно происходит формирование воинской культуры и на Кавказе, и на Западе. В дальнейшем, как известно, на Западе в XV—XVI веках в связи с формированием армии культура рыцарства стала ненужной. На

Кавказе же произошел другой, очень интересный процесс.

Так получилось, что с падением Константинополя в XV веке Кавказ оказался в изоляции. И потому рыцарская культура, воинская культура на Кавказе начали развиваться и углубляться. Подобный процесс происходил, например, также с японской культурой рыцарства, которая окончательно сформировалась в период японской изоляции. Появился японский рыцарский кодекс — бусидо. На Кавказе рыцарский кодекс сформировался у абхазов. Это — *ансуара*.

Рыцарская идеология, воинская идеология оказывала влияние на все стороны жизни и стала стержневой в формировании культуры. Здесь мне хотелось бы сказать, что Османская империя использовала этот кавказский опыт. Источники подтверждают, что много воинов, выходцев из Кавказа, достигали очень больших военных и политических постов в Османской империи. Пример — знаменитая черкесская династия в XIV—XV веках в Египте. Янычарские полки в Османской империи также состояли из выходцев из этой среды. Характерный факт: в XVII веке в Стамбуле при султанском дворе возник новый стиль одежды, называемый «абаза». Самые изысканные аристократы и воины, которые занимали ключевые посты в Турции, носили эту одежду.

Вопросы и мнения

— Как вы считаете, заложенный в народе дух воина всегда ли способствует победе, самосохранению?

— Я говорил о том, что дух воина привел к созданию армии. Если бы этого духа не было, то не было бы армии. Но современная армия — это совсем другая армия. Она должна быть обеспечена тыловыми службами, аналитическим штабом, всеми видами вооружения. Я считаю, что создание современной армии дало возможность для создания абхазского государства. Сегодня она является стабилизирующим фактором. Те люди, которые создавали армию, стали активными строителями государства, потому что тот, кто воевал, не захочет уже второй раз воевать. Они понимают, что выход из кризиса надо искать только политическими способами.

— Всегда ли благо для малочисленных народов Кавказа то, что они так воинственны? Не лучше ли забыть про свои героические дела, про весь генетический опыт и принять какие-то другие принципы?

— Я не говорю, что война это хорошо или плохо. Оценочный момент в данном случае меня не интересует. Но вот мое наблюдение: та часть осетин, которая воевала за свою независимость, сумела сохраниться как юго-осетинский этнос. Та же часть осетин,

которая не воевала, не сопротивлялась, она ассимилировалась с грузинами.

Концепция генезиса рыцарства одновременно и на Кавказе, и в Европе несколько противоречит той, которую разрабатывал Франко Кардини в своей книге «Истоки средневекового рыцарства». Как вы можете прокомментировать расхождения в концепциях?

— То, что крестовые походы и встреча Запада и Востока повлияла на формирование западной культуры, не противоречит моей точке зрения. Я считаю, что какие-то идеи быстро распространялись через генуэзцев, которые в течение короткого времени могли оказаться и в Европе, и на Кавказе. Сегодня трудно определить, где какая идея родилась и где какое влияние она оказала. Но рыцарская культура Западной Европы XII—XIV веков и кавказская рыцарская культуры очень похожи, и они не могли существовать независимо друг от друга (тем более что они общались). Одна из положительных сторон нашей конференции, как мне кажется, в том, что наши исследования попадут на Запад. Чтобы понять нас лучше, надо знать нашу историю, нашу культуру.

— Я ожидал, что речь будет идти о миротворчестве и о поддержании мира. И мне было очень интересно услышать дискуссию о войне и военных традициях. Я понял, что большое место в кавказской культуре занимает то, как нужно вести себя во время войны и конфликта. Но все-таки мне хотелось бы услышать о ваших традициях, связанных с миротворчеством, с путями установления мира. Ведь когда вы говорите о том, что хотите строить мирное общество, то неплохо было бы поговорить о тех инструментах, о тех способах и традициях, которые связаны с миротворчеством. Мне было бы очень интересно узнать о той абхазской мифологии, которая рассказывает о миротворчестве.

— Идея моего доклада заключалась в том, чтобы показать, что военным путем против Кавказа решать проблему нельзя. Что касается миротворчества, то я вспомнил легенду, рассказанную моим дедом. Легенда умалчивает, в каком веке происходили повествуемые в ней события, но, видимо, в XVII—XVIII веках. Между абхазами и адыгами-кабардинцами шли кровопролитные войны. Они настолько истощили и тех, и других, что мудрецы с той и с другой сторон собрались на совет и приняли такое решение: обменять на перевале сто новорожденных мальчиков с одной стороны на сто мальчиков — с другой. И, как гласит легенда, после этого война прекратилась. Подобных фактов много. Когда воевал род с родом, то и тогда появлялись способы прекращения кровной мести. Были созданы целые институты примирения кровников. Эти институты как-то можно использовать в мирном строительстве.

— Я хочу воевать против войны, я не хочу войну ни в каком виде. Для меня нет такой цели, из-за которой стоит проливать кровь. Я говорю как женщина, потому что ращу своих детей и не хочу, чтобы мои дети когда-нибудь воевали. Я хочу, чтобы они жили в мире, в покое. Мне все равно — осетин, грузин, абхазец, чеченец, главное, чтобы они не убивали друг друга.

— Вся история человечества, можно сказать, окровавлена войнами. Война, по всей вероятности, связана своими истоками с тем образом жизни, который ведет гомо сапиенс. И вряд ли мы можем рассчитывать на то, что он будет вести другой образ жизни в третьем тысячелетии. С другой стороны, необходимое свойство, атрибут человека - разум. Однако не всегда разум приносит человеку благо. Многие глобальные беды человечества своими истоками связаны с тем образом жизни, который человек ведет.

Теперь о воинском менталитете и агрессии. Любому виду животных присуща агрессия. Без нее они не могут выживать. И человек без агрессивных чувств тоже оказывается, выживать не может. Эти агрессивные чувства передаются, может быть, большей частью не по генокоду, а по социокоду: от того, каковы условия социальной жизни, социальные порядки у людей, проявляются те или иные чувства. Что касается воинственности, то и европейцы, и африканцы, и азиаты — все проходили через ее этапы, только по-разному. Просто горцы Кавказа ее до недавнего времени сохранили. И когда вдруг жизнь заставила, жизнь вынудила, агрессивные чувства были использованы, причем в жестокой форме. Наши предки, между прочим, этими чувствами пользовались довольно корректно. И таких извращений, издевательств и надругательств над своей собственной совестью, какие проявляют подчас нынешние их потомки, они себе не позволяли. Здесь, конечно, непочатый край для размышлений.

— Наверное, на генетическом уровне присутствует некий инстинкт агрессивности. Но, мне кажется, что в конфликтах, войнах происходит некая социализация агрессивного инстинкта. Ее формы различны. Я согласна с тем, что человечество просто изощряется в придумывании из века в век, из года в год новых средств для собственного уничтожения. Мы единственные живые существа, причем разумные живые существа, которые своими собственными руками создаем совершенно сумасшедшие средства для самоистребления. И мы же сами ищем потом средства, чтобы от них избавиться.

— Здесь прозвучала мысль об экстремизме абхазов. Да нет сегодня экстремизма, во всяком случае у абхазов. Речь идет о том, что абхазы вынуждены были, так же, как и осетины, защищаться у себя дома, не имея ни оружия, ни намерения воевать, когда их начали грабить и насиловать. Потому что из тюрем выпустили бандитов, морфинистов, направили в Абхазию и сказали: «Даем вам танки, абхазы увидят танки и убегут в кусты.

И вы будете там господствовать». Абхазы не собирались воевать с грузинами, но грузины начали насиловать женщин, грабить. Абхазы вынуждены были отобрать у них оружие и защищать себя. Лидер Грузии, выступая в Организации Объединенных Наций, обвиняет абхазов, называя их лилипутами, а потом пигмеями, приписывает им исламский экстремизм, а абхазы ничего не могут сказать ни в ООН, нигде. Сегодня этот обман общественного мнения продолжается. И мы не смогли найти механизм, как разоблачить агрессора. Если бы Россия знала, что в чеченской войне она будет разоблачена и вся правда выйдет наружу, то она бы не пошла на это.

Я встречался с представителями грузинской стороны. Они говорят, что обе стороны виноваты в конфликте. Но в чем виноват абхазский народ? В том, что пришли в его дом? Грузины приехали в Очамчиру, сняли абхазский флаг, вывесили грузинский, арестовали главу администрации Очамчирского района и увезли его в Тбилиси. А потом удивляются, почему абхазы начали сопротивляться. Абхазов хотели превратить в рабов. Сегодня здесь уже прозвучала мысль: есть народ, есть его культура — есть проблема, нет народа, нет его культуры — нет проблемы. Такова идеология.

— Давайте подумаем о том, чтобы и культура была, и идеология. У нас погибло очень много людей. И каждый из нас приехал сюда не для того, чтобы посмотреть, какой Цахкадзор красивый, а для того, чтобы печальный опыт не повторился. И поэтому я бы очень хотела, чтобы наша дискуссия пошла в этом русле. Каждый из нас должен подумать, что он может сделать для того, чтобы не случилось всего того, что у нас было?

Я хочу наметить еще одну проблему для обсуждения. Она касается этических норм поведения моих коллег-журналистов. Я понимаю, что свобода слова — это очень хорошо, я очень ее ценю и всячески стараюсь делать так, чтобы и в моей маленькой республике эту свободу уважали, ценили и создавали для нее благоприятные условия. Но, наверное, при этом подразумевается под свободой не иметь в виду произвол, чтобы она была ограничена какими-то нравственными рамками. Я бы не смогла, например, брать интервью у пленного и требовать от него оценочных суждений в тех условиях, когда он находится в заключении, когда к нему применяются какие-то физические меры насилия. Это, на мой взгляд, безнравственно. Здесь совершенно справедливо говорили о том, что историки не виноваты в том, что возникают войны, и историки не являются причиной войн. Они — как бы оружие, которое используется в конфликтах. Я считаю, что журналисты, которые сделали много нехорошего в разжигании страстей, не сами являются причиной военных столкновений, обострения ситуации, а становятся орудием в руках политических сил. Мне кажется, что эта проблема достаточно актуальна.

И еще одна возможность для сохранения жизни – тот резерв, который ускользает от принятой в традиционных обществах подробной кодификации общественных отношений, способных в случае превышения какого-то порога концентрации сделать жизнь тесной, безвыходной: этот резерв – женщина. Та, которая дает жизнь, способна и проявить удивительный талант, изворотливость и хитроумие, когда нужно ее защитить, спасти своих близких (мужчин) от воздвигнутой ими же непроходимой стены искусственных затруднений и предначертанности смерти. Живя в обществе и подчиняясь наружно (и даже подчеркнуто) его законам, женщина все же придает меньше важности «нерушимым» общественным установлениям и инстинктивно часто острее мужчин воспринимает реальное положение дел: и если решится женщина на кажущееся неслыханным и невозможным – скажем, взять и установить мир, когда неизбежна война – то найдет она и средства добиться своего, на удивление современникам и потомкам.

Юрий Аргун

Роль женщины в миротворческом процессе

Я буду говорить о роли половины человечества, то есть о роли женщины, в данном случае абхазской женщины в миротворческой деятельности.

Мировая дипломатия сегодня серьезно озабочена урегулированием военных

конфликтов и различных проблем, возникших между вновь образовавшимися в связи с развалом СССР государствами на постсоветском пространстве. Решение этих проблем в каждом конкретном случае должно основываться только на справедливом и объективном фундаменте. Необходимо также отказаться от наличия двойных стандартов, когда для одних народов действует закон и право на самоопределение, а для других — не действует. То есть вместо прав народов вперед выдвигается политика. Но, как показывает практика, силовые методы так же неприемлемы, поскольку каждый конфликт имеет свою историю и специфику и дипломатия должна использовать не стандартные подходы, а искать наиболее приемлемые в конкретном случае варианты решения вопроса. Ибо речь идет о судьбе целого народа, пусть даже малочисленного. Культура народа, как все присутствующие хорошо знают, не бывает маленькой или большой и ее нельзя уничтожить. Тому пример Абхазия. Культуру народа надо защищать и развивать, о чем должны помнить и международные гуманитарные организации, в том числе ЮНЕСКО. Мы далеки от мысли, что успешные примеры действия народной дипломатии в прошлом можно автоматически переносить в современность, поскольку участники исторических событий всегда были очень современны для своего времени. Другое дело, что, изучая продуктивный опыт прошлого, очень важно выделить именно существенные внутренние признаки успешной традиционной дипломатии, знание которых может быть полезно для современного народно-дипломатического процесса.

Во многих исторических и фольклорных эпизодах абхазская женщина-горянка выступает не только как хранительница очага, продолжательница рода, но так же как защитница Отечества и примирительница в различных конфликтах. Устное народное творчество абхазов дает нам яркие образы из древнейшего периода, когда люди определяли свое происхождение только по материнской линии. Думается, что не случайно название главного божества абхазов — анца содержит элемент «ан», то есть «мать». И переводится этот термин как «мать» во множественном числе. Именно в этот период в нартский эпос вошла фигура матери нартов — Сатаней-Гуашья. В пластах эпоса, насчитывающего более четырех тысяч лет, она не только ни в чем не ограничена в своих действиях, но и не встречает ни малейшего сопротивления ни с чьей стороны. Сатаней-Гуашья родоначальница большого семейства, хранительница очага. Она всегда права, мудра и нежно заботлива по отношению к своим детям. Без ее согласия рожденные для славы нарты не могут совершить свои подвиги. Более того, они становятся беспомощными и жалкими.

В более поздние времена абхазская женщина неоднократно проявляла военную доблесть, на которую ее подвигали суровый образ жизни, бесчисленные нападения,

борьба с иноземными захватчиками. Так, жена прославленного героя Абхазии Пшкбач-Ипа Манча — ахаца красавица Баалоу-Пха Мадина облачилась в боевые доспехи мужа, когда он погиб в бою с захватчиками, села на его вороного коня и помчалась к месту сражения. Ее своевременное появление и храбрость решили исход битвы. Подвиг Мадины, которую воины приняли за мужчину, запечатлен в устном народном поэтическом творчестве: «Как вихрь влетел во вражью рать, трусливых начал он топтать, могучих сабля рассекала, ...как молния, сверкала, одних от копий сокрушала, других он криком оглушал, захватчиков добра чужого давил он грудью вороного, был знаменем для земляков, был пламенем для чужаков» (перевод Семена Липкина). Царь Абхазии призвал к себе воинов-победителей и решил выяснить имя храброго всадника на вороном коне, так похожего на Манчу-героя, и одарить его. Всадник, ловко соскочив с коня, предстал перед царем и снял свой шлем. На плечи девушки упали дивные черные косы. Зарделось ярким румянцем лицо Баалоу-Пха Мадины, единственной сестры семерых братьев и смелой жены Пшкбач-Ипа Манча-героя. Как гласит легенда, земля, на которой живут абхазы, дарована им самим богом как особым ревнителям гостеприимства. И господь велел абхазам ценою собственной жизни защищать эту прекрасную землю от любых невзгод.

Многовековая история абхазского народа, как свидетельствуют об этом исторические источники, представляет собой ожесточенную борьбу с различными враждебными силами, в основном иноземными насильниками и захватчиками. Борьбу, которая во все времена представляла единственную цель незыблемой свободы, независимости, утверждения справедливости, мирной и спокойной жизни в стране. Важную роль в этой борьбе играли женщины-абхазки. Как правильно отмечает абхазский фольклорист Шота Салакая, на создание творческого облика Мадины и подобных ей женщин-воительниц позднего средневековья оказывала влияние древняя традиция, живописующая грандиозные образы богатырских дев. Да и в новое время абхазская действительность дала богатый материал для создания героического образа женщины в миротворческой деятельности. В народе высоко ценилась миротворческая деятельность представительниц слабого пола. О таких женщинах-миротворцах уважительно говорят: «женщина вместе с мужчинами разбирающая дела». Способность абхазских женщин быстро реагировать на происходящее равно как и мастерство по женскому рукоделию характеризуют так: «срисовывает птицу на лету».

Еще в XIX веке, если дело разбирается в сельском сходе, а мужчина по какой-либо причине отсутствует, и чувствуется, что оно принимает дурной оборот, жена, оседлав коня, в сопровождении нескольких человек являлась на сход. Согласно обычаю абхазов, судьи сидят, а истцы и ответчики стоят, опираясь на свои посохи. Завидев женщину, судьи

поднимаются со своих мест. Поздоровавшись с ней, предлагают ей занять достойное место. После расспросов о здоровье и кратких сообщений о житье-бытье супруга просит внимания судей и народа. Сначала она очень корректно, утонченно отзывается о достоинствах судей, как того требует дипломатия в таких случаях, затем высказывает сожаление по поводу того, что волею случая мужу не представилось возможности самому присутствовать и говорить о своих делах. И уже затем жена просит разрешения сказать слово в пользу мужа которого абхазка обычно называет «хозяин дома» или же «отец детей». Говорит она стоя, сдержанно расточая похвалы судьям и всем присутствующим. Когда женщина замечает в народе сочувствие к себе и видит, что судьи не устремили взор в землю, что является дурным предзнаменованием, она незаметно переходит к сути своего дела, давая возможность говорить и противной стороне. Сама же приводит разные доказательства, доводы, ссылаясь на свидетеля. Она прекрасно знает, как и что говорить, не упускает ни малейшей подробности в защиту своего интереса. То и дело обращается к свидетелям и народу: «Так ли я говорю, уважаемые?». Судьи недолго совещаются и под влиянием страстной и убедительной речи супруги, выносят решение в пользу ее мужа.

В начале 20-х годов XX столетия жители села Кутол Баджга и Ксения полюбили друг друга. Однако родной дядя девушки, Андрей, был категорически против их брака, поскольку жених был сирота. Мать умерла вскоре после родов. Ребенка по завещанию роженицы отдали на воспитание ее родному брату Лакугу Ласурия. Мальчика воспитала супруга Лакуга Ласурия Карамсада Тураа-Пха, известная в округе как смелая, решительная женщина с незаурядным умом и соответствующей речью. Баджга умыкнул невесту с ее согласия. Почуввав отсутствие племянницы, Андрей сразу же организовал погоню. Друзья Баджги помогли ему уйти от преследователей и стали держать круговую оборону. С минуты на минуту ожидалась межфамильная война. Так продолжалось несколько дней. Приемная мать жениха мудрая Карамсада Тураа-Пха решилась на отчаянный шаг. Она смело пошла к стану осаждавших, обошла вокруг них и, встав между враждующими сторонами, произнесла яркую и убедительную речь, в которой утверждала, что молодые любят друг друга, что невеста сама назначила время, добровольно ушла с женихом и мешать их браку не только бесчестно, но и грешно. После убедительных речей женщины родственникам невесты ничего не оставалось, как снять осаду и отступить. Однако дядя не сдавался. Он во всеуслышание дал клятву, что все равно не покорится, пока не застрелит похитителя племянницы. Шло время. Андрея не покидала мысль об убийстве Баджги, хотя уже в новой семье появились первые дети. Об этом знал и сам Баджга. Воспитание мудрой Карамсады Тураа-Пха дало свои всходы. Зная место, где Андрей подкарауливает его, Баджга без всякого оружия, открыто пошел в ту сторону, где

он находился. Приблизившись, Баджга громким голосом сообщил, что он идет к нему, чтобы тот его застрелил, что ему надоело скрываться. Гордый и честолюбивый Андрей не мог так легко уронить свою честь, ибо стрелять и убивать безоружного, фактически сдавшегося, недостойно мужчины. Он молча покинул засаду. «Так что если бы не решительность Карамсады Тураа-Пха, то и нас могло не быть», — завершила свой рассказ одна из дочерей Ксении и Баджги, заслуженный педагог Абхазии Елена Корсая.

Тут напрашивается абхазская пословица: «На что решается женщина, никто не осмелится». У турецких абхазов летом 1999 года в селе Низит мною записан интересный сюжет, в котором мудрая женщина в споре враждующих сторон сыграла решающую роль. В одном селе разразилась острая вражда. С целью примирения враждующих пригласили медиаторов. Стали разбираться. Проходит день, второй, третий, однако без результатов. Тогда один из сторонних наблюдателей подошел к старейшинам и судьям и предложил пригласить женщину. Медиаторы согласились. Приглашенная женщина, выяснив, в чем суть дела, предложила вывести из состава суда двоих с одной и двоих с другой стороны, поскольку была убеждена, что с их участием примирение враждующих невозможно. И вместо них предложила ввести других. Судьи согласились с женщиной. Из состава суда были выведены указанные лица и вместо них приглашены другие. Дело было рассмотрено заново. Примирение враждующих состоялось. Село, где разбиралось дело, было названо именем этой мудрой женщины — «Эсма ханум лкею». Об этом мне рассказал абхаз Иавер агрба 81 года, потомок махаджиров.

Выдающийся абхазский писатель Михаил Лакербай в одной из своих новелл описывает такой случай. В городе Трапезунде визирь назначил Нури-махаджира шерифом и заодно решил жениться на его красавице-сестре. Однако такое выдвижение и приближение инородца не понравилось помощникам визиря и они решили убрать Нури с пути. Некий Шукри стал осуществлять этот коварный замысел. Попросив визиря принять его, завистник сказал тому, кто собирался жениться на сестре Нури-махаджира, Эсме, что в народе о ней идет дурная молва: «Эсма известная потаскуха, бесстыдно торгующая своим телом». На возражение визиря, Шукри лицемерно заявил, что он был с Эсмой в близких отношениях. На вопрос визиря, «почему Нури-махаджир так бессовестно поступает», Шукри ответил, что он — коварный карьерист, который ни перед чем не останавливается. Более того, что он мечтает о месте визиря. После таких «неопровержимых» доводов, визирь распорядился немедленно арестовать Нури-махаджира, связать его и бросить в каземат, а на пятницу после намаза назначить казнь. Весть об аресте и предстоящей казни Нури-махаджира всполошила весь Трапезунд и лагерь абхазов-махаджиров, поскольку Нури был всеобщим любимцем. Он постоянно

помогал людям. Сестра же Нури, молодая Эсма, не чаяла души в брате. Она потеряла в изгнании родителей и только Нури был ее единственной опорой в жизни. Услышав об угрозе казни брата, она вскоре приехала в город. На ближайшем рынке девушка встретила женщину-абхазку, жившую в городе, которая знала тайну гнева визиря. Ее родственница находилась в его гареме. Она также сообщила, что визирь со своим помощником сейчас вошел в мечеть и с ним Шукри, оклеветавший Нури-махаджира. Когда же визирь со своими помощниками вышел из мечети, женщина-махаджирка объяснила Эсме, кто из них визирь, а кто — Шукри. Эсма плотно закрыла лицо чадрой, подбежала к визирю, бросилась к его ногам и крепко обхватила их руками. Эсма сообщила визирю, что с ней больше месяца в гостинице жил Шукри, но потом он выгнал ее, не заплатив ей ничего и что он должен ей двести лир, тогда как она умирает с голода. На вопрос визиря: «Что это значит?», Шукри стал выкручиваться. «Пусть он поклянется на Коране, что не знает меня и не видел никогда, не жил со мной». Она открыла лицо. Шукри вынужден был протянуть обе руки над Кораном и произнести клятву, что он никогда не видел эту девушку. Затем визирь обратился к девушке с вопросом: «Что ты скажешь теперь?». Ответ Эсмы четок и ясен: «Великий визирь! Прости меня за нескромность, которую я вынуждена была позволить себе. Но видит Аллах, что иначе я никак не смогла бы разоблачить подлый и коварный поступок Шукри. Я — Эсма, родная сестра Нури-махаджира. Этот негодный человек, завидуя уму и способностям Нури, наклеветал и на меня и на него. И вы ему поверили. А теперь Вы убедились, что он обманывал вас. Казня сегодня невинного Нури, вы возьмете на себя грех, который вам никогда не простится». Визирь распорядился немедленно освободить Нури-махаджира и назначить его старшим шерифом, а Шукри заключил в каземат. Так юная Эсма спасла своего брата.

Еще один пример. Лет двести назад некий разбогатевший шейх Хасан решил создать свой гарем. Сначала он купил четырех египтянок, с которыми согласно Корану был распisan. Затем купил еще одну индианку и темнокожую эфиопку. Несколько позже у одного турецкого купца шейх хотел купить несколько красивых девушек. Но они не согласились на разобшение — а было их двадцать четыре. И он купил всех вместе. Они оказались абхазками. И вот эти молодые абхазки, оказавшиеся в гареме богатого шейха, превратили весь быт, все традиции, все обычаи в абхазские. От двадцати четырех абхазок родилось, как в сказке, 18 мальчиков и 18 девочек. Все они получили имя, прозвище и фамилию Абаза, то есть в качестве фамилии получили этноним матерей. Другие женщины, жены шейха, дали своим детям тоже фамилию Абаза. Теперь в Египте можно встретить совершенно чернокожего Абаза. Я хочу сказать, что даже оказавшись в гареме, абхазки думали о том, как сохранить свое потомство, сохранить за ним этническое лицо.

К сожалению, таких примеров немного среди кавказской диаспоры за рубежом. Это, наверно, общая наша беда.

Остановлю ваше внимание на последних годах, в частности на поведении абхазок во время грузино-абхазской войны 1992—1993 годов. У многих жителей Абхазии останутся на всю жизнь в памяти события, связанные с мартовским наступлением абхазских воинов для освобождения столицы Абхазии от грузинских оккупантов. Как известно, это наступление не увенчалось успехом. Многие воины, раненные в бою, оказались в плену оккупационных войск. По распоряжению командования Госсовета Грузии все пленные были убиты гвардейцами. К сожалению, главнокомандующий Каркаршвили официально заявил по телевидению, что грузинские войска не берут пленных. То есть все те, кто попал в плен, даже раненые были умерщвлены. Родители погибших, естественно, потребовали выдать их тела. Однако грузинские политики, как всегда, к сожалению, решили максимально использовать это людское горе. Сначала они согласились выдать тела убитых. Был согласован даже срок выдачи. Однако дело стали умышленно затягивать, чтобы спровоцировать антиправительственные акции матерей-абхазок. Грузинские власти стали выдвигать все новые и новые унижительные для абхазской стороны условия. Зал гудаутского дома культуры не вместил всех желающих туда попасть. Мудрость абхазских женщин и на этом собрании превзошла все ожидания. Женщины-матери отказались от участия в навязанном грузинской стороной торговле трупами своих сыновей. Одна из матерей заявила: «Неважно, где именно преданы земле наши мальчики. И тут и там абхазская земля. Мы их растили правильно. Они отдали жизнь за освобождение нашей Родины. Дайте нам оружие. Мы, матери, встанем вместо наших погибших сыновей».

Как показали дальнейшие события, такое поведение абхазских матерей предрешило исход тяжелейшей войны в пользу Абхазии.

Для меня историка-этнолога, изучающего традиционную культуру, образ жизни абхазского народа, такое поведение матерей естественно. Нельзя обойти еще один факт, связанный с защитой Отечества. Как известно, многие абхазские девушки участвовали в боевых действиях в национально-освободительной войне в качестве санинструкторов, медсестер, журналистов, комиссаров батальонов и т.д. На наш вопрос о том, какое влияние оказывало на бойцов присутствие там девушек, начальник одного из боевых подразделений Геннадий Маргания ответил, что оно имело не только практическое положительное значение — они участвовали в спасении раненых, проявляли чудеса в поднятии духа солдат. В боевых операциях было трудно, но без участия девушек наверняка было бы еще хуже. Когда же девушки погибали, а это все же происходило,

ребята проклинали себя, не могли себе простить, что не уберегли их. Одна из участниц этих боевых действий заявила: «Абхазские воины во всех операциях оберегали нас, делали все, чтобы мы не оказались на передовой. Когда предстояла опасная операция, находили объективные причины, чтобы нас не брать. За все время войны ни один наш солдат не подвел, о чем бы мы с ним ни договаривались. Каждый раз они исполняли нашу просьбу на все сто процентов. Ни один боец, как бы ни было трудно, не позволил себе выражаться нецензурно». Благотворное влияние девушек на дисциплину и поведение абхазских воинов в экстремальных условиях — это и есть общекавказский менталитет.

Необходимо отметить, что абхазская женщина высоко ценится в обществе. Об этом говорят вышеприведенные примеры миротворческой деятельности.

В заключение хочется отметить, что этнография войны вообще остается пока еще вне поля зрения специалистов.

Айшат Магомедова

Лига защиты матери и ребенка, Дагестан

Нормы поведения во время конфликтов и войн в Дагестане: традиции и современность

В процессе тесного общения народы Дагестана развивали свою яркую самобытную культуру и создавали значительные материальные и духовные ценности, богатые традиции человеческих контактов. На протяжении многих веков обычаи наших предков — адаты имели силу закона и представляли огромный нравственный потенциал, объединяя и консолидируя все живущие в Дагестане народы. С таким множеством адатов самого разнообразного характера редко где встретишься, ведь у нас, что ни аул, то свои обычаи. Однако они, несмотря на своеобразие и различие, воплощают в себе самобытность и национальный характер всех дагестанских народов, отражают их общие интересы, исходят из одного корня. Особая их ценность в том, что в них заключен обобщенный, испытанный временем многовековой опыт. Поскольку люди всех религий верят в воздаяние за совершенные поступки, следовательно, какое бы добро и зло ни сделаешь другому, делаешь его самому себе. Республика Дагестан сегодня является самой «горячей точкой» России, что обусловлено ее национальной спецификой и

геополитическим положением. Однако межнациональных проблем у нас нет. Дагестан — мир в мире, Кавказ в Кавказе. И сосед у Дагестана — Чечня, гордый, свободолюбивый народ.

На протяжении последних нескольких столетий Кавказ служил яблоком раздора. Большинство войн и конфликтов на Кавказе можно наверняка было бы охарактеризовать как освободительные. Но вот сложнее, когда «гора с горой не говорит» и люди начинают братоубийственную войну. Третье тысячелетие стало для Кавказа испытанием на прочность и может стать для него судьбоносным. На Кавказе самое ценное — любовь к человеку, самое скверное — предательство. Но есть на Кавказе глыба прочности — это женщина. Она хозяйка очага, она мать героя и предателя. «И сказала мать предателя Шамхала: «Если вы не убьете за предательство сына моего, я отрежу груди свои, что кормили предателя». Женщина во все времена всегда могла остановить войну. Кровная месть — один из основных, ключевых, неписаных законов в горах. Кидая между разъяренными мужчинами платок, своим одним жестом женщина могла остановить самое жестокое кровопролитие. В селении Ашино Ботлихского района кровная месть послужила началом кинжального боя между двумя тухумами. Платок старой Патимат остановил бой. Никто не мог разъединить их и никто не смог после платка продолжить бой. Совет старейшин, чтобы погасить раздор, решил поженить парня из одного тухума и девушку из другого и этим примирить самых разъяренных кровных врагов. Один из распространенных обычаев: кровный враг приходит к матери убитого им и на коленях просит усыновить его, что и использовал недавно один из дагестанцев, когда убил сельчанина. Не доводя дело до суда, встав на колени перед матерью убитого им сына, он просил усыновить его. Процедура очень тяжелая, но чтобы не пролить кровь, женщины тушат огонь в душе и через «адские муки» совершают миротворчество. Так сказала мать убитого сына Эльдара, усыновив кровника.

Как пример женского интуитивного подхода показателен такой случай: селение Годобери (которое вам наверняка известно по событиям августа 1999 года в Дагестане) и селение Шодрода поссорились за гору Ослиное ухо. Шодродинцы поняли, что не миновать столкновения. Тогда шодродинские женщины собрали мужчин-аксакалов и подсказали им, как восстановить мир: в обувь надо насыпать землю из центра селения Шодрода и на вершине горы Ослиное ухо поклясться на Коране, что земля под их ногами — шодродинская. Ни о чем не подозревающим годоберинцам не осталось ничего другого, как возвратиться в селение и объявить, что гора Ослиное ухо принадлежит шодродинцам. Когда в 1999 году на глазах потомков этих людей погибали отборные сыны России, горы молчали. Люди недоумевали: то ли земля дрожит от разрывов бомб, то ли от людской

вражды.

Сравнивая эти события, разговаривая со своей девяностолетней матерью, я не могла понять, почему так мудро решали конфликт сто лет тому назад, и почему так обесценена жизнь человека сегодня. Кто на самом деле люди третьего тысячелетия? Стоит ли женщинам рожать сыновей? Должна ли женщина, вынашивая в чреве 40 недель, рожая в муках детей, вскармливая их грудью, быть равнодушной к трагедии других людей, другой национальности, другого вероисповедания, другого цвета кожи и разреза глаз? Земля создана Создателем без границ во благо человека при жизни и укрытия его после ухода из этого мира. Понимают ли женщины свою миссию на Земле? Ценность женщины в цивилизованной Европе потеряна. И так же теряется она в диких горах. Платок в Дагестане равноценен «голубю мира», однако сегодня женщины сняли его. Может быть, поэтому они равнодушны к смерти не своих сыновей, безмолвны перед мощью оружия, предназначенного для уничтожения.

Исторически доказано, что захваченную землю возвращают рано или поздно обратно. Героями умирают освободители. «Захватчики» — слово и дело всегда мерзкое и малопочтенное. Оставлять после себя сыну кровного врага - подло по отношению к потомкам. Во время военных конфликтов одновременно с началом действий идет подготовка к победе. Другая задача — переговоры с участием старейшин — почтенных людей с седыми головами. В 1999 году в начале конфликта в Дагестане, учитывая обычаи и традиции своего народа, жители селения Ансолта обратились по телевидению с призывом начать переговоры. Но никто им не внял.

Женщины всегда убирали дом, замусоренный мужчинами. Призываю всех женщин во имя матерей и детей объявить протест всем войнам, принимать участие в переговорах. Лига защиты матери и ребенка предлагает организовать обучающие тренинги для ознакомления молодежи с традициями других народов Кавказа.

Валентина Череватенко

*председатель союза «Женщины Дона»,
председатель координационного совета Международной
постоянно действующей конференции
«Женщины за жизнь без войн и насилия»*

Роль женщины в вооруженном конфликте

В своем выступлении я хотела бы поговорить о роли женщин в вооруженных конфликтах.

Мое выступление опирается не столько на исследования, сколько на мой личный опыт и опыт тех женщин-лидеров, с которыми союз «Женщины Дона» сотрудничает с 1995 года. Начиналось это так. В Москве, в апреле 1995 года Организация Объединенных Наций организовала российских женщин-лидеров. На этой встрече присутствовали женщины из Ингушетии и Северной Осетии. Они говорили о том, что происходит в этом регионе. Было понятно, что женщины говорят об одной и той же проблеме, но абсолютно не слышат и не понимают друг друга. И это навело женщин, работающих в неправительственных организациях на мысль, что проблема отсутствия взаимопонимания становится одной из самых важных.

Надо сказать, что сам Союз «Женщины Дона», созданный в 1993 году, никогда не задумывался о том, что центральным направлением его деятельности станет миротворчество. Мы и не предполагали, что за пять лет пройдем путь длиною в жизнь. Именно женские организации в условиях нестабильности, когда общество растеряно, когда одни ценности сметены, а другие еще не сформировались, первыми увидели болевые толчки и стали активно привлекать ресурсы и средства для решения острых проблем.

Мы знаем о том, что сегодня, в сложившихся условиях, русские женщины отправлялись на поиски пропавших без вести или погибших сыновей в Чечню одни, без их отцов. И за все годы своей работы на Кавказе я только дважды встретила с мужчинами-отцами, разыскивающими своих сыновей. Но надо сказать, что эти мужчины были полностью деморализованы, в отличие от своих жен.

Приведу такой пример. В августе-сентябре 1999 года во время нападения Шамиля Басаева на Дагестан активность дагестанских женщин была чрезвычайно высока. Однако в дагестанских СМИ нам не удалось найти материалов об этом.

Между тем, миротворческие инициативы женского движения разнообразны и что особенно важно — в них нет ограничений ни по национальному признаку, ни по религиозному и ни по какому-либо еще.

Одна из этих инициатив — постоянно действующая международная конференция «Женщины за жизнь без войн и насилия». Она состоялась в ноябре 1996 года и рассматривала тему: «Женщины за мирное решение межнациональных конфликтов». В ходе конференции была разработана программа действий в этом направлении. Она содержала анализ причин межнациональных конфликтов, определяла роль женщин в достижении мира и согласия, постановку задач, стратегические и конкретные действия по приоритетным направлениям. В январе 1998 года в Ростове-на-Дону состоялась Вторая международная конференция на тему: «Построение мира после конфликта».

Если вы вспомните, что было в 1998 году, то увидите, что тема конференции соответствовала реальности. Реализация принятой на форуме программы предусматривала работу по направлениям: предотвращение и ненасильственное разрешение межнациональных конфликтных противоречий, культура мира, ненасилия, толерантности, психосоциальная реабилитация и адаптация лиц со стрессами и постстрессовыми расстройствами. В своем выступлении я могу лишь кратко обозначить то, что было сделано по выполнению такой программы. Это будет как бы продолжением, а может быть, ответом на предыдущий доклад. Потому что я глубоко убеждена, что нельзя создавать некоммерческие организации просто потому, что кто-то поставил определенную задачу. Некоммерческая неправительственная организация появляется как бы по воле тех, кто хочет решать конкретные проблемы и задачи. И он сам их определяет и сам их начинает решать и тогда уже выходит на более высокий уровень работы.

Итак, в 1998 году была сформирована служба социально-правового консультирования. С 1999 года благодаря использованию интернет-технологий и расширению информационных возможностей женских правозащитных организаций эта работа значительно расширилась. Усилению влияния некоммерческих организаций по решению социальных проблем способствует также программа «Прозрачный бюджет», разработанная союзом «Женщины Дона». Знание источников и механизмов формирования бюджетных средств позволяет общественным организациям взаимодействовать со структурами власти и говорить с ними на одном языке, что может обеспечить прозрачность бюджета для населения, а также позволяет осуществить контроль за его использованием, что чрезвычайно важно в условиях расходования бюджетных средств на войны и конфликты.

В 1998 году начала работать служба социально-психологической реабилитации и адаптации участников вооруженных конфликтов. Реальный круг людей, страдающих от последствий стрессовых и постстрессовых расстройств включает в себя не только участников военных действий, но и членов их семей, беженцев, пленных, заложников, а также командированных в зону конфликта и членов их семей.

Здесь надо сказать, что союзом «Женщины Дона» были проведены исследования, которые как бы не касались темы вооруженных конфликтов. Они касались темы насилия в семье. Но когда мы близко подошли к этой теме, мы увидели, что насилие в семье махровым цветом процветает там, где живут участники различного рода вооруженных конфликтов, работники силовых структур. И это показало, насколько эта проблема расширяется не в арифметической прогрессии, а в геометрической и она становится сегодня бичом. Выяснилось, что участники афганской войны, вернувшиеся десять лет

тому назад, испытывают постстрессовый синдром. Это касается также их детей, членов их семей, а не только тех, кто воевал. Но мы почему-то в обществе своем вообще не видим этой проблемы. Начиная с 1998 года об этом заговорили некоммерческие организации. На сегодняшний день у государства появляются некие программы, о которых мы не все знаем, но тем не менее разговоры о тихой социальной реабилитации начинают вестись уже в диалоге НПО и власти. Эта многоплановая работа предусматривает и организацию семинаров-тренингов для подготовки добровольных помощников-психологов, то есть тех лиц, которые находятся на первой линии оказания помощи участникам конфликтов, и проведение индивидуальных консультаций для участников конфликтов и членов их семей. Ведутся разработки тренингов на тему, как жить после психических травм, и навыков, помогающих в общении. Мы также начинали работать комплексно в госпиталях МВД и воинских частях.

В настоящее время в совместном проекте союза «Женщины Дона» и Института психотерапии и консультирования «Гармония» (г. Санкт-Петербург) проходят обучение 45 профессиональных психологов по специально разработанной программе подготовки специалистов для работы с людьми, испытывающими постстрессовый синдром. И надо сказать, что этот курс для всего Юга России — Северного Кавказа, краев и областей.

Не менее значимой оказалось инициирование на втором форуме конференции создания межрегиональной общественной организации «Эхо войны». Эту организацию возглавили два сопредседателя — Анна Кисецкая и Зейнаб Гашаева. Диалог инициировали чеченские женщины и матери погибших российских военнослужащих. Это был очень трудный разговор. Но его результатом стала работа по зову сердца и из чувства долга перед детьми и будущим. Основные направления усилий организации «Эхо войны» — правозащитная, миротворческая и благотворительная деятельность среди беженцев из Чечни, оказание материальной помощи детям-сиротам и малоимущим — с одной стороны. С другой стороны, — помощь матерям погибших сыновей. В 2000 году женщины провели миротворческую акцию «Белый платок». Акция проводилась совместно с движением «Добро без границ» и общественной организацией «Матери Кубани». Цель акции — активизировать миротворческие процессы в Чечне, оказать правовую и гуманитарную поддержку гражданскому населению, организовать доставку продуктов питания беженцам и жителям Чечни.

Здесь уже упоминалась организация отдыха чеченских детей на Черном море. В этой акции участвовали несколько НПО из Абхазии, «Эхо войны», Ассоциация женщин Северного Кавказа и союз «Женщины Дона».

Эта совместная работа позволяет нам не обсуждать то, чего мы не можем решить

сегодня. Мы делаем совместное дело, которое позволяет сделать следующий шаг. Очень важной является такая работа как организация поездок чеченских детей в Москву, где они живут в русских семьях, бывают в театрах, музеях, встречаются со своими сверстниками в московских школах. Все это делается для того, чтобы искоренить представление о том, что чеченцы и русские враги. Организация «Эхо войны» продолжает жить и работать, несмотря на все сложности сегодняшнего времени. В 1999 году мы приступили к реализации межрегионального проекта «Дагестан — центр миротворчества». Это наш первый совместный проект с Научно-исследовательским институтом Кавказа (г. Ростов-на-Дону) и Лигой защиты матери и ребенка (г. Махачкала, Дагестан). На первом этапе работы по проекту сотрудники НИИ Кавказа провели комплексный анализ ситуации в республике, выявили и описали миротворческий потенциал женских и других НПО, изучили общественное мнение, настроение населения Дагестана, определили зоны повышенной конфликтности, а также возможности влияния НПО на утверждение мира и стабильности в регионе. Мы стараемся опираться на результаты аналитической деятельности ученых для того чтобы повышать эффективность деятельности НПО на Северном Кавказе. Особое место в миростроительстве занимает деятельность Айшат Магомедовой. Речь идет о ее благотворительной больнице для женщин, пострадавших от насилия в семье и на улице, созданной пять лет назад в Махачкале. И это очень важно, потому что сегодня уже говорилось о народах Дагестана. Айшат — годоберинка. Ее больница, находящаяся в центре Махачкалы — камень преткновения и сплетения многих интересов, но она продолжает работать. Это — уникальное явление, которому нет сегодня равных на территории России.

Женщины — участницы миротворческой деятельности организовали проверку уровня знаний, уровня развития детей-беженцев, которые находились в Хасавюрте. Надо сказать, что уровень знаний и развития только двух процентов детей соответствует их возрасту. Это — страшная проблема. И поэтому дальнейшие шаги — разработка образовательной программы для национальных школ совместно с Институтом педагогики в Махачкале. Без интенсивного курса начальной школы нет возможности подтянуть детей десяти, двенадцати, пятнадцати лет до уровня их сверстников. Пока государство этой проблеме не уделяет внимания, ею начинают заниматься НПО. Работают также курсы санитаров-добровольцев для девушекгорянок. В рамках нашего проекта ведется работа по возрождению народных промыслов. Имеется в виду Ботлих — артель по пошиву бурок, разрушенная в августесентябре 1999 года. Сейчас, после исхода населения, — это очень важная составляющая.

Мы проводим семинары для социальных работников, для студенческой молодежи

по правовым основам и по основам толерантности. В 1999 году в Нальчике состоялась кавказская межрегиональная конференция: «Проблемы заложничества и перспективы правозащитной деятельности».

Особое место в нашей работе занимает образовательная деятельность. Нами разработан модельный проект, который называется «Права женщин: шаг за шагом». Надо сказать, что внимание на него обратили НПО других регионов и сегодня такая организация как «Емина» (Татарстан) проводит этот же курс, запросив у нас право его использовать. Этот проект там осуществляется при финансовой поддержке как один из успешных.

Я говорю об этом подробно, потому что это не деятельность одной общественной организации, а межрегиональные и достаточно большие проекты, которые включают в себя от 17 до 25 субъектов Российской Федерации и других государств. Так, по программе «Женщины в российской политике» состоялись четыре семинара, проведенных в партнерстве с английской организацией «Парити». В них участвовали 17 субъектов Российской Федерации и представительницы Абхазии. Некоторые итоги нашли отражение в брошюрах, которые мы издаем. Мы считаем, что продвижение женщин на тот уровень, где принимаются решения, направленные на укрепление мира и безопасности и на утверждение равных прав и равной ответственности и женщин, и мужчин за достижение мира очень важно.

Но основной вопрос — каков миротворческий потенциал гражданского общества, достаточно ли воли в обществе, чтобы урегулировать конфликты на Кавказе — оставался и остается открытым. Мы понимали и понимаем: чтобы нам верили и за нами шли, результатом должны стать не громкие слова, а конкретные дела и достижения. Поэтому мы и приняли решение о третьем форуме, который состоялся в апреле 2001 года и тема его была «Миротворческий потенциал гражданского общества и его роль в урегулировании конфликтов на Кавказе». Для нас это новый уровень постановки проблемы. Он потребовал новой оценки сложившейся ситуации и новых подходов. Перед нами стояла задача выработки таких технологий построения мира, которые были бы реальны и осуществимы на практике. С этой точки зрения очень важным было изучение всеобщего опыта.

Другая сторона обсуждаемого вопроса — что есть то общество, в котором мы живем? Мы понимаем, что власть не может подходить к проблемам войны и мира, к проблемам конфликтов так же, как общество. Она стремится к сиюминутным решениям, ибо она ограничена временными рамками своего присутствия и того доверия, которое оказано ей обществом. В свою очередь общественные структуры свободны и могут

предложить более творческий подход. Поэтому мы попытались на своем форуме найти точки соприкосновения НПО и власти в построении мира. Сегодня мы живем в условиях, когда очень важный вопрос — это межсекторное взаимодействие и взаимодействие между различными НПО. Сегодня мы живем в условиях, когда есть зоны конфликта и околосконфликтные зоны. В обществе функционирует много организаций, но не все они задействованы в теме конфликта. Это не значит, что они разъединены, но каждая из них на своем направлении стремится к тому, чтобы сохранить сообщество. Взаимодействие НПО различного стратегического направления способствует формированию подлинно миротворческого потенциала.

Последнее, что я хотела бы сказать. На нашем форуме был проведен экспертный опрос участников. И очень интересен автопортрет участника форума — это женщина среднего возраста, как правило, с высшим гуманитарным образованием. Вооруженные конфликты на Кавказе затронули ее лично, обусловив драматизм ее судьбы, а иногда и семейную трагедию. Это обстоятельство заставило ее занять активную миротворческую позицию. Как правило, общественной деятельностью она занимается более трех лет. Ее национальные черты также многолики, как и население России и стран СНГ. Она готова использовать многообразные формы общественной деятельности для достижения благородной цели — жизни без войн и насилия. И только гражданское неповиновение почему-то ее пугает. Жизнь научила ее координировать и объединять свои усилия с другими НПО, чью поддержку она высоко оценивает. Она умеет пользоваться информационными ресурсами — интернетом, компьютерными базами данных. При возможности создает свои газеты, электронные СМИ. Она требовательна к себе, не стесняется признаваться в нехватке знаний, особенно правовых. Постоянно готова к обучению. Для решения конкретных миротворческих задач она настойчиво ищет контакты с властью и, как правило, добивается успеха. Но правовую деятельность государственных структур оценивает невысоко. От власти она ожидает прежде всего координации действий, организации совместных мероприятий и обмена информацией, редко материальной помощи, хотя для успешной миротворческой деятельности именно финансовых ресурсов ей чаще не хватает. Она хотела бы, чтобы все ветви власти — военные, СМИ, система образования и церковь были более активными в миротворчестве, поскольку видит их действительный потенциал в этом деле. С сожалением она признает, что приоритеты власти и гражданского общества в миротворческой деятельности пока еще редко совпадают. Она достаточно пессимистично оценивает перспективы Российской Федерации построить мир без войн и насилия в двадцать первом веке. Но сама готова сделать все от нее зависящее для достижения этой цели и поэтому очень высоко

оценивает роскошь общения с единомышленниками на форуме международной постоянно действующей конференции «Женщины за жизнь без войн и насилия».

2. САМОСОЗНАНИЕ

*В чем все-таки коренится единство Кавказа? Все привычные факторы, приводимые в обоснование социокультурного, цивилизационного, этноконфессионального единства неких арелов, в случае Кавказа не действуют, что приводит некоторых исследователей к отрицанию самой версии о каком-либо единстве Кавказа, кроме разве что географического. Тем не менее наличие «кавказскости» – совершенно реальный факт самосознания населяющих его народов, и то обстоятельство, что факт этот не поддается верификации с помощью обычно применяющихся критериев и параметров, наводит **Олега Дамения** на мысль, что применяющаяся аксиология – по существу, западная, а в случае Кавказа действуют некие свои, особые критерии, самостоятельная система координат. Автор выдвигает несколько первичных постулатов, а в развитие идеи – предлагаем читателю обратить внимание на статьи **Яна Чеснова** и **Ара Недоляна**.*

Олег Дамения

*Институт экологии горных территорий РАН,
заведующий лаборатории социальной экологии. Майкоп*

Кавказская идентичность: миф или реальность?

Волей судьбы мне пришлось жить в последнее время по заповеди Эйнштейна — меньше читать, больше думать. Поэтому хотелось бы просить некоторого снисхождения у тех, кто больше читает, меньше думает.

Проблема идентичности, и особенно кавказской, это не дань моде, потому что сегодня в научной литературе, и в мире, и в России об этом очень много пишут, но в данном случае я исхожу совершенно из других предпосылок, поскольку проблема идентичности очень актуальна с точки зрения текущих реалий. Несомненно, она и сложна, и в известной мере нова, так как нам не приходилось осмысливать социо-культурные процессы, происходящие в регионе, с точки зрения идентичности.

Я не буду называть все факторы, которые вызывают острую надобность в постановке этого вопроса, достаточно в этой связи назвать те активные динамичные культурно-цивилизационные взаимодействия, которые происходят сегодня на Кавказе, те геополитические реалии, в условиях которых нам приходится жить, и те процессы, которые связаны с распадом совсем недавно единого в экокультурном плане Кавказа. Именно этот распад, на мой взгляд, вызывает обратный процесс, который осмысливается в понятии интеграции. В мире идут интеграционные и дезинтеграционные процессы, они же идут и у нас на Кавказе.

Сегодня политически Кавказ разделен на Южный и Северный. Но на этом процессы дезинтеграции не закончились. Они продолжаются, и нам, естественно, приходится думать о решении возникающих при этом проблем - через интегрирование Кавказа. Об этом приходится думать не только нам, живущим и работающим на Кавказе, но и тем, кто в России, и на Западе. Достаточно в этой связи вспомнить, что те аналитики и наблюдатели из различных международных организаций, которые сегодня находятся на Кавказе, рассматривают кавказскую интеграцию как некое поле, в рамках которого, по всей вероятности, появляются какие-то возможности для урегулирования, скажем, имеющихся этнополитических конфликтов. Логика здесь, несомненно, есть, основание тоже, и потому многие на Западе ищут какую-то модель интегрирования Кавказа. Но оказывается, что сконструировать такую модель в чисто правовом, политическом, экономическом плане невозможно. В основе выполнимой общекавказской модели должна лежать какая-то интегрирующая идея. В основе всех интеграционных процессов, в альянсах, существующих в мире, даже военно-политических, лежат какие-то социо-культурные реалии, какие-то исходные и интегрирующие идеи.

Вне всякого сомнения, в основе европейской культуры или европейского политического союза лежит определенная идея. Если ее сформулировать на языке рациональности, то можно сказать, что это общий европейский менталитет или

ментальность. Как бы ни отличал себя француз от англичанина и англичанин от француз, в основе их поведения, в основе социальной структуры любой европейской страны лежит один и тот же архетип. Я не буду расшифровывать, что представляет собой европейский архетип. Если мы перенесемся в другой мир, скажем, азиатский, или восточный, или ближневосточный, или дальневосточный, то увидим то же самое. Поэтому аналитики пишут, что если мы сегодня имеем какие-то альянсы или союзы в Европе, Азии или в Америке, то в их основе лежат какие-то фундаментальные идеи.

В этой связи Бруно Копитерс пишет, имея в виду, естественно, процессы, которые идут сегодня на Кавказе: «Но существует ли нечто, вроде кавказской идентичности, которая была бы основана на определенных цивилизационных ценностях, таких, как равенство и независимость, на которых может базироваться процесс интеграции?». Конечно, тот факт, что европейские аналитики приходят к этой идее, сам по себе, на мой взгляд, чрезвычайно важен и знаменателен. Конечно, однозначного ответа на этот вопрос нет.

В частности, грузинский аналитик Нодия пишет, что «несмотря на определенную популярность понятия «общекавказская культура» или «кавказский дом», никому еще не удавалось концептуализировать эту общность таким образом, чтобы она могла вписаться в мир современных политических отношений. «Кавказскость» интуитивно отождествляется с древними традициями гостеприимства, высокоритуалистичным поведением, культом воинственной мужественности, качествами, которые неминуемо подвергаются эрозии в процессе модернизации».

Я в своем докладе хочу коротко изложить, какие вообще парадигмы существуют в понимании социо-культурного феномена Кавказа, что собой представляет Кавказ? Что это за регион? С точки зрения кавказоведения, сложившегося в рамках как западной, так и российской ориенталистики, само понятие несет определенную смысловую нагрузку, главным образом географически-этнографического характера. Концепцию, сложившуюся в отношении Кавказа, я условно называю суммативной концепцией, основанной на дескриптивной методологии, то есть кавказская культура осмысливается на языке собирательно-описательном. Но существует ли в социоэтнокультурном разнообразии Кавказа некая общая идея для всех этносов, народов, этнических групп, которые образуют этно-культурную картину этого региона? На самом деле мы можем сказать, более или менее уверенно, что в научной литературе, посвященной Кавказу, нет единого мнения по этому поводу и нет самой этой идеи.

Тишков достаточно однозначно, можно сказать, наиболее четко, сформулировал и существующую парадигму в понимании Кавказа: «Кавказ — есть своеобразная мозаика

различных этнокультурных образований». Такая концепция, такое понимание сегодня является господствующим в кавказоведении, хотя есть и альтернативная точка зрения, согласно которой Кавказ представляет собой единый тип цивилизации, или единый тип культуры. Такую точку зрения отстаивает, в частности, Абдулатипов, а также адыгский, кабардинский философ Тхагапсоев. Но я должен сказать, что и эта точка зрения в конечном итоге сводится к первой точке зрения. Ибо в ней не раскрывается, на базе какого же архетипа мы можем говорить о Кавказе как о едином типе культурного или цивилизационного образования. Абдулатипов ссылается, скажем, на менталитет, рыцарские качества, кавказский этикет. На это же ссылается и Тхагапсоев. Но разительное этнокультурное разнообразие, которое имеется сегодня на Кавказе, все-таки превалирует и в конечном итоге свести его к какому-нибудь знаменателю пока еще никому не удается.

В нашей лаборатории предпринимаются попытки поиска такой идеи. В частности, я обратил внимание на процесс идентификации, который показывает наличие такой идеи у кавказских народов, если идти по возрастающей, начиная от индивида. Если обратиться к этой шкале, скажем, в отношении европейцев, то все они идентифицируют себя, как и в любом человеческом сообществе, от индивида через какие-то более широкие социальные группы, вплоть до этноса. Француз отличает себя от немца, испанца, баска, англичанина и так далее, но считает себя европейцем. Об этом пишут многие аналитики и философы, и европейская наука это четко фиксирует. То же самое мы наблюдаем и в других регионах, когда тот или иной этнос, тот или иной народ идентифицирует себя, относя к более крупной региональной или, как Гумилев говорит, суперэтнической общности. Скажем, русские относят себя к славянам, а это суперэтническая общность. Или, скажем, романы, англосаксы. Существуют различные формы общности — региональные, суперэтнические, которые отнюдь не являются эфемерными. Это — реальность и для Востока, и для Запада.

Вот если мы обратимся с этой точки зрения и к Кавказу, то оказывается, что и здесь наблюдается то же самое. Любой кавказский народ считает себя кавказским. В самосознании любого кавказского народа понимание того, что он является кавказским, имеется. И это неустраиваемая константа самосознания кавказских народов. Повторю, что кавказский социум подвергся и эрозии, и модернизации. Сегодня нам трудно, но приходится говорить о том, что кавказская действительность является, собственно, традиционалистской. Самосознание достаточно консервативно и потому сохранило в себе понимание того, что мы все являемся кавказскими народами. Но это, еще раз повторяю, с точки зрения самосознания кавказских народов. Такая идея, на мой взгляд, не оказалась там случайно. По всей вероятности, она является выражением каких-то реалий. Ибо не стали бы грузины или абхазы, или адыги, или вайнахи, или дагестанцы считать себя

кавказцами только на основе географического фактора. Хотя он, несомненно, играет определенную роль.

Я пытаюсь искать социальные реалии, потому что само самосознание — это феномен социальности. Поэтому нам нужно искать, есть ли что-то общее, скажем, в социуме грузинского этноса и абхазского этноса, да и любого другого кавказского этноса. Это очень сложная и многогранная проблема. Вряд ли мне удастся сколько-нибудь цельно и последовательно изложить это здесь. Я могу лишь наметить какие-то подходы к решению этой проблемы, а уже в статье попытаюсь подробно изложить свое видение, понимание. Здесь я формулирую некоторые наиболее, на мой взгляд, важные подходы, которые ведут к поиску и нахождению идеи кавказской идентичности.

- Первое. Единая природная среда обитания, в условиях которой происходило формирование кавказских народов. На протяжении тысячелетий кавказские народы осваивали по существу однотипные природные (горные и предгорные) условия, характеризующиеся высоким уровнем концентрации биоразнообразия. Освоение этого жизненного пространства означало приспособление и изменение горных, предгорных и прилегающих к ним равнинных природных условий. Именно эти природные условия предопределяли жизненные ресурсы, технологию жизнеобеспечения и весьма существенным образом влияли на формирование структурной организации социальной системы.

- Второе. Совместное формирование кавказскими народами своего общего социокультурного смыслового пространства. Несмотря на различия народов кавказского сообщества, четкую разделенность друг от друга и сложные природные условия, они поддерживали тесные контакты между собой и каждый из них в отдельности мог поддерживать свою самодостаточность внутри этого сообщества. Благодаря таким связям и отношениям народов сообщества друг к другу, на Кавказе сложился по существу общий тип социального уклада жизни, хозяйственной деятельности, технологии жизнеобеспечения, что дает основание говорить о существовании в регионе, по крайней мере в прошлом, единого социокультурного пространства. В рамках этого пространства можно говорить об общем мировоззрении, системе ценностной ориентации, менталитете и ментальности, традициях, обычаях, верованиях, формах и нормах социальных отношений. Именно это пространство представляло собой ту общность, на базе которой в условиях горных ландшафтов могло образоваться этнокультурное разнообразие Кавказа. Именно в рамках этого пространства сложился общий социокультурный кавказский архетип предметного действия человека, определивший цели, которые преследует коллективный социальный субъект, и смысл, который обретает действие этого субъекта в условиях

кавказской культуры.

- Третье. Этногенетическое родство многих кавказских народов, которое, несомненно, играло определенную роль в формировании кавказской социокультурной общности. Родство показывает, что этноразнообразие Кавказа не есть изначально данное, а исторически образовавшееся под влиянием природных условий региона.

- Четвертое. Общность исторической судьбы народов Кавказа, которая во многом определялась общим характером и направлением его социокультурного развития, геостратегическим положением и взаимоотношениями с внешним миром.

Здесь я не раскрыл искомый архетип, лишь только напомнил вам о нем. Обычно в западноевропейской литературе, когда говорят о той или иной региональной или суперэтнической общности, как правило, ссылаются на, скажем, конфессиональные признаки или общую политическую систему, которая в Европе хорошо наблюдается. Но на Кавказе ни того, ни другого нет. И в этих условиях мне лично представляется наиболее важным и более глубинным обращение к социальному архетипу, на базе которого мы можем на самом деле найти некое исходное начало, которое, по всей вероятности, лежало в основе формирования этнокультурного или социокультурного разнообразия Кавказа и которое позволяет нам сегодня найти эту исходную идею интегрирования. Дело еще и в том, что после распада СССР интегрирование Кавказа мыслилось на базе западных ценностей, и пока еще многие аналитики продолжают так думать. В последнее время и на Западе аналитики все больше и больше начинают обращать внимание на ценности, которые имеются на самом Кавказе. Начинают искать, есть ли тут какие-либо базовые положения, на основе которых можно предпринимать конструирование каких-то политических моделей для Кавказа. Такая работа там проводится, и думаю, нам тоже не мешало бы осмыслить многое именно в этом контексте.

Обычно человек наивен: он полагает, что Господь Бог (либо Объективная Реальность) находятся с ним в особых отношениях – отношениях полнейшей открытости и прозрачности. И существуют бестолковые Другие, которым не столь повезло и которые, в силу этого, не понимают зачастую элементарных вещей и с достойным всяческого прискорбия упрямством отстаивают свои заблуждения, явно с целью оправдать планирующие ими недостойные и непристойные действия. И если они не угомонятся добровольно или после соответствующего популярного разъяснения – то их следует проучить, если есть к тому средства, а если нет – по крайней мере возопить на весь мир о творящейся жуткой несправедливости и попрании законов естества. Именно

так и возникает конфликт.

*Однако современная философия, пристально исследовав понятия языка, смысла, ценности, коммуникации, утратила благодушную наивность и пришла к выводу, что каждому человеку либо субъекту более крупного порядка (партия, нация, политологическая школа) дается только лишь зафиксированный в языке и расхожем мышлении осадок, стоп-кадр реальности, а сама чистая реальность имеет шансы быть воспринятой только в случае диалогического взаимодействия и кропотливого сопоставления тех понятий о реальности, которые имеются у каждого отдельного участника диалога. Пока наличествует, либо остается возможным, подобный процесс – существующие расхождения, согласно **Сурену Золян**, называются проблемой, и подлежат решению, а вот когда, утратив терпение, какая-либо из сторон закрывается для понимания и прибегает к насилию – вот тогда-то и начинается конфликт. Истина – всегда впереди и в вышине, она обнимает всех, все точки зрения и содержится в точке их пересечения. И современная наука дает возможность к ней приблизиться.*

Сурен Золян

Институт иностранных языков (Ереван)

ректор, доктор философских наук

Язык политических конфликтов:

логико-семантический подход

Одним из основных достижений «попперовского» подхода в лингвистике является использование логико-семантического (смыслового) анализа применительно к языку политических решений и исторических событий. В частности, в нем проводится четкое разделение между пропозицией (логическим соответствием между фактами) и предложением (в общих чертах впервые об этом различии говорилось в Rusell, propositions&proposals), а также раскрыт дуализм фактов и решений и представлены характерные черты языка политических требований и предложений.

Я предлагаю также рассмотреть язык политических конфликтов с логико-семантической точки зрения и попытаться выстроить соответствующие модели. Семантический подход к политическим конфликтам появился в 30-е годы XX века, и он предвосхитил появление общей семантики. Одной из сфер его применения стал анализ и нейтрализация тех факторов, которые порождают конфликты, возникающие в связи с некорректным использованием языка (Корзибски, Чейс, Хайкава и др.). Было показано,

что политический язык носит не информативный или познавательный характер, а сугубо прагматический и аффективное (волевое) значение сообщения преобладает над концептуальным или референтным (объективным) значением. Но в рамках этого подхода не была рассмотрена внутренняя невозможность привести в соответствие политические требования и предложения с фактами и событиями и задача преодоления дуализма между ними. В случае, если мы предпримем подобную попытку, на первый план должны будут выйти сложные системы, нежели простые лексические замены и правильное использование слов.

Описание конфликта как методология

К большому количеству правовых, политических, военных, исторических вопросов при изучении конфликтов можно добавить еще один аспект, на который до сего времени не обращали должного внимания. Этот аспект касается методологических основ описания политических конфликтов, в частности, такой основополагающей проблемы, как соответствие между языком, используемым для описания реальности, и самой реальностью. В свою очередь, наблюдается определенная связь между неудачами в разрешении региональных конфликтов и лингвистическими неудачами в их описании. Недостатком является также и неосознание того факта, что конфликт ставит следующую методологическую проблему: к примеру, всякая военная или политическая конфронтация предполагает, прежде всего, конфликт концепций и идеологий, которые выражаются в исторической, правовой и социо-культурной формах.

Налицо довольно типичная ситуация: реальность заменяется описанием, в котором немедленно начинают проявляться такие фундаментальные философские проблемы XX века, как соотношение истории и ее интерпретации, языка и реальности, правды и системы. Политические проблемы в повседневной жизни приобретают мифологизированную форму, действительность существует не сама по себе, но в определенной структурированной форме, а именно в форме такого описания, которое имплицитно (скрытно) предлагает некое решение проблемы, приемлемое для одной из заинтересованных сторон (причем не обязательно участника конфликта). Постоянно возникающие новые описания, которые пытаются представить проблему «достоверно» или, более того, предлагающие новую интерпретацию — не более чем риторические фигуры, увлечение которыми сводит на нет реальные усилия по поиску политического решения. «Объективность» описания не может быть достигнута ни путем приведения к «общему знаменателю» всех существующих точек зрения, ни путем простого их

перечисления. «Объективность» может быть достигнута лишь путем создания такого описания, которое бы приняло во внимание влияние его (описания) собственного концептуального языка на реальную картину мира, то есть такого, которое пренебрегло бы субъективностью, присущей любому языку описания политической проблемы (сюда входит упоминание говорящим неких норм, которые он считает самоочевидными, способ постановки задач, выдвижения альтернатив и другие подобные факторы, при описании которых вступает в свои права не столько объективный мир, сколько существующие в сознании говорящего концептуальные миры). Суждения и цели не находятся вне описываемой реальности — они есть структурные компоненты самой этой реальности.

Какими бы тривиальными эти суждения ни казались, они фактически игнорируются политическими науками, за исключением нескольких направлений в философии истории. Обращаясь к современной практике, становится очевидным, что почти всегда существуют диаметрально противоположные описания региональных конфликтов — таких, как конфликт между Арменией и Азербайджаном, Грузией и Абхазией, Сербией и Хорватией и т.д. Эти точки зрения могут меняться со временем, но, как правило, они взаимоисключают друг друга. Между ними находятся описания «незаинтересованных» сторон, которые пытаются объединить эти, противоположные, точки зрения. Все усилия такого рода, как правило, бывают обречены на провал, потому что логически невозможно объединить два взаимоисключающих мнения в некоем третьем, которое не противоречило бы обоим предыдущим.

Форма адекватного описания может быть найдена только в том случае, если характерные черты языка (структуры) и тезауруса (системы ценностей говорящего) выявлены. Признав возможность различных описаний, мы тем самым признаем необходимость анализа этой самой возможности, неопределенности, то есть таких характерных черт языка, которые позволяют нам формировать различные суждения, в том числе взаимоисключающие. Такой анализ отношений между конфликтом и его описанием, так же как и между различными описаниями, делает возможным обнаружить основные черты конфликта как такого.

Нельзя забывать, что участники исторических событий (даже если ситуация не является конфликтом), даже обладая исчерпывающими и достоверными знаниями о реальном положении дел, скорее будут исходить не из реальности как таковой, а из более или менее вероятных (приемлемых для них) гипотез. Таким образом, оба языка — и язык самоописания, и метаязык, который описывает их поведение, — не могут быть признаны языками первой степени (т.е. они не могут представить действительность в абсолютной точности и определенным, однозначным способом). В конфликтной ситуации, когда

неопределенность, которую начинают рассматривать как реальность, становится конфликтопорождающим фактором, неадекватность применяемого языка критериям «первой степени» становится очевидной. С учетом этого обстоятельства, теоретическая неадекватность неизбежно перерастает в практические сложности, что логически вынуждает (миротворцев) к выбору одного из трех возможных предположений: обе стороны правы, обе не правы, одна из сторон права. Таким образом разрешение конфликта заменяется, как правило, судебным приговором, который неприемлем, как минимум, для одной из сторон.

Возможность искажения истории политическими средствами заложена уже в неопределенности, неоднозначности самого исторического факта, и было бы значительно легче решать все проблемы (включая практические), если бы мы не игнорировали эту специфическую черту социального знания и не настаивали на том, что именно наше описание правдиво, имея в виду при этом не столько критерий его совпадения с реальностью, сколько с нашей системой ценностей и интересов. Скорее, нужно принять и признать вышеизложенные особенности описания конфликтных ситуаций и использовать принцип комплементарности - то есть рассматривать также и влияние инструментов описания на объект. Если же мы не сделаем этого, споры, касающиеся интерпретации фактов, приведут к возобновлению конфликтов уже в научных кругах.

Сложная задача по поиску такой точки зрения, которая бы не стала отражением интересов лишь одной из сторон, заменяется логически решаемой задачей осознания (рефлексии) и нейтрализации (деконструкции) конфликтного мышления как такового. Неизбежно возрастающая сложность описания и превращение его в многоуровневое — это та цена, которую придется заплатить за разрешение этой задачи. Таким образом то, что на первый взгляд кажется самым простым - то есть попытка найти беспристрастного наблюдателя, который бы достоверно описал ситуацию - не более чем иллюзия. Как только описание конфликта (даже сделанное незаинтересованной стороной) перейдет границы простой хроники, оно, по определению, уже не будет являться нейтральным и станет способно влиять на политическое решение. Оно будет уже направлено не на установление истины, а на результат, или, говоря словами Поппера - «их цель не умножить знание, а достичь политического успеха». Причем результат, к которому стремится манипулятор, не бывает как правило открыто сформулирован. Он скрыт в используемом языке, который манипулирует такими понятиями как «генезис», «перспектива», «участники» и т.д., а эти понятия «имплицитно модальны», то есть обладают скрытым волевым (а не объективным) компонентом. Следовательно, любое описание, которое использует такой язык, перестает быть нейтральным потому, что

открыто или скрыто содержит ту или иную *аксиологию* (систему ценностей) или *модальность* (волевые устремления).

Аппарат *модальной семантики* в своих двух вариантах — *семантика пропозиционального отношения* и *семантика возможных миров* — кажется наиболее адекватным для логико-семантического моделирования таких описаний, которые неизбежно будут связаны (*involve*) с *пропозициональным отношением* (знание, вера и т.д.) и *модальными отношениями* (обязанность, необходимость и т.д.). *Модальная семантика* появилась в 20—30-х годах XX века как часть неклассического подхода, когда стало очевидно, что даже картина считавшегося доселе определенным и однозначным физического мира все же допускает альтернативные описания.

Развивая идею Л. Витгенштейна об описании реального состояния дел(=*миров*), Р. Карнап ввел понятие *возможных миров* — обладающих полным совпадением *пропозиций* (утверждений того, кто эти миры описывает), но все же различных в силу различного толкования смысла этих утверждений. Так как только Бог знает все, в том числе, какая из *пропозиций* совпадает с реальным состоянием дел, мы можем сделать вывод, что если хотя бы одна пропозиция действительна, то задача заключается в том, чтобы выяснить, действительны ли эта пропозиция во всех мирах — так выявляется логически необходимая правда. Следовательно, эти возможные совокупности пропозиций (возможные миры) становятся более адекватным описанием реальности. Это описание предположительно рассматривает не только то, каков мир сейчас, но и каким бы он мог бы быть. С тех пор как в 50-х годах XX века семантика возможных миров получила новый импульс, она стала применяться при описании проблем, возникающих в социуме (человеческом обществе). В ситуациях, когда нельзя быть уверенным в знании, в котором понятие «правда» (т.е. нечто, соответствующее реальности) заменяется понятием «возможность» (т.е. возможная правда), или в случае, когда описание реальности исходит из оценок, требуемых такими понятиями, как «вера», «обязанность» и т.д. (пропозиционные отношения), необходимо изучить не один мир, а систему миров, которые взаимосвязаны логико-семантическими отношениями. Это так называемая *модельная структура* С. Крипке, актуальная для нашей темы особенно в тех своих вариантах, которые были разработаны для временных отношений (Прайор), этических и моральных норм (Райт, Монтэгю), эпистемических системах (Хинитика, Льюис). Эта формализация отражает старую философскую традицию (само ее название заимствовано у Лейбница), вытекающую из предпосылки, что деятельность — это создание реальности, и что как физические, так и ментальные объекты есть та реальность, которой она — деятельность - управляет. Не только физические явления, но и их возможные альтернативы, те, которые могут стать

фактическими в будущем, также должны рассматриваться. В связи с этим необходимо вспомнить изречение Аристотеля, которое до сих пор остается актуальным: «историк говорит о том, что в действительности произошло, а поэт говорит о том, что могло бы произойти».

Для описания конфликтных ситуаций, в которых необходимо представлять мнения различных сторон в рамках единообразной системы, теоретический аппарат модальной семантики кажется наиболее подходящим как для выработки альтернатив, так и для сведения их вместе в такую модальную систему мира, в котором будет отражена процедура переноса из одного мира в другой (*трансмировая совместимость* между ними). При этом допущение возможности различных описаний не ведет к релятивизму или потери реальности.

В рамках описываемого подхода реальность не выстраивается ни как точка зрения, находящаяся между двумя взаимоисключающими подходами, ни как их сумма, но понимается как результат процедуры переноса из одного мира в другой, частично с ним совпадающий. Описание конфликта в таком случае представляется как система миров, соединенных модальными отношениями. Не просто один мир, но система миров появляется как реальность, которую предстоит описать. Как и любая другая политическая проблема, описание конфликта требует использования пропозиционного отношения (т.е. в контексте веры, обязанностей). Предлагаемый подход приводит к значительному методологическому изменению: описание направлено уже не на поиск реального, настоящего мира, т.е. мира, который существовал или существует среди возможных миров, но на указание мира, который должен быть. Этот подход позволяет нам описывать процессы с точки зрения участвующих сторон и в то же самое время показать их базисное отношение. Не требуя описать ситуацию «так, как в реальности», такой подход показывает то, как участники понимают ситуацию, следовательно, способствует осознанию реальности более высокого порядка, включающей уже и самих участников.

Более того, принцип комплементарности, рассматривающий влияние описывающего на само описание, применяется как система, которая принимает в расчет взаимодействие субъектов и которая описывает реальность на своем языке и, в то же время, позволяет судить об описании и оценках вовлеченных в нее субъектов. Подходя к конфликтопорождающей проблеме и возможностям политического урегулирования с точки зрения ценностных оценок и допуская, что перспектива сторон конфликта изначально аксиологически направлена на определенный результат, мы можем увидеть основу создания политического мифа, которым пытаются заменить реальность и таким образом разжечь конфликт. Ведение дискуссий по проблеме тогда предполагает, что она

рассматривается не в рамках «производственного» мифа, но на уровне принципиальных аксиологических систем. Вот почему возможных перспектив (точек зрения) может быть так же много, как аксиологических систем. Защита той или иной перспективы означает не солидарность с одной из сторон конфликта, а принятие определенной шкалы ценностей. Объяснение понятия ценность позволит дискуссии перейти на более высокий уровень: конфликт между сторонами будет заменен на дискуссию о иерархии ценностей. Очевидно, что в современном обществе не все ценности одинаково приемлемы, а некоторые одинаково неприемлемы (принцип примата государства над правами человека или попытки оправдать этнические чистки национальными интересами), поэтому согласие с наличием множества перспектив и даже конфликт между ними не приведет ни к признанию равной допустимости, ни к их бесконечному увеличению.

Язык и поведение

основные проблемы семиотического описания

Основная проблема семиотики (учения о знаках) поведения заключается в том, что поведение описывается посредством языка, то есть фактически поведение есть язык. Известно, что любое действие может быть зафиксировано, интерпретировано, объяснено и получает вербальное объяснение посредством лингвистических структур. Поведение можно рассматривать как текст, и его объяснение и интерпретация становятся возможными только на уровне более сложных структур, чем поведение само по себе (т.е. концептуальные модели, предполагающие цель и оценку). Поведение может быть рассмотрено на разных уровнях, а его понимание и оценка не могут быть достигнуты прямо с видимого уровня обзора, но только при вознесении на недоступные для обозрения концептуальные уровни, которые базируются на семантических структурах языка. Это комплементарные, экстралингвистические, социо-культурные кодексы, принятые и функционирующие в данном обществе.

Эти концептуальные модели также должны быть отражены в какой-либо символической форме, но уже как металингвистические тексты. Поведение субъекта требует постоянной рефлексии как по поводу самого поведения (текста), так и по поводу метаязыка, описывающего его. Интерпретация и объяснение поведенческих фактов могут быть представлены как правила соответствия между описательным текстом и метаязыком, используемым для его описания (должны быть выявлены система норм, адекватность целей и результатов). Взаимодействие, понимание и взаимосвязь между различными

субъектами поведения возможны не потому, что все они используют одинаковые метаязыки, но потому, что оно (взаимодействие) обеспечивается множественностью и изменяемостью кодексов, так же, как и поведенческими, мультилингвистическими возможностями членов общества. С такой точки зрения процессы взаимопонимания и ведения диалога можно описать как перевод. Каждый индивид обладает определенной поведенческой грамматикой и контрграмматикой, позволяя отделить правильное поведение от неправильного, и «наши» ценности от ценностей «всех остальных». Эти грамматики могут быть представлены как системы норм и запрещений, обеспечивающих правила перевода. Оценка диалога предполагает понимание поведения другого человека, то есть соотнесение с его сложной структурой, которая совместима с моей/нашей грамматикой. Такие диалоговые соотношения обеспечивают расширение первоначальных концептуальных систем и их трансформацию. Текст «всех остальных» можно описать как один из вариантов трансформации, комплементарный, но не противоречащий нашей грамматике. Внутри культур и между ними мультидиалоговые отношения становятся возможными благодаря изменяемости различных языков: на более глубоком металингвистическом уровне становится возможным описание несовместимых структур как вариантов одной структуры.

Политическое же поведение во многих случаях представляет собой *девиантный* вариант; *полиглоссия* заменяется тенденцией к *моногласии*. Та же реальность описывается несовместимыми языками, и именно поэтому совместный поиск решений обречен на провал: отсутствует возможность установить диалоговые отношения между взаимоисключающими текстами. Следовательно, возникает конфликтная ситуация.

Проблема и конфликт

попытка логико-семантического анализа

Основная цель работы — это четкое разграничение понятий проблемы и конфликта. Интуитивно всем понятно, что проблема не обязательно подразумевает конфликт, что же до конфликта, он определяется отношениями между значимыми (*involved*) факторами. Следовательно, задачей является нейтрализация конфликтоформирующего аспекта проблемы, равно как и деполитизация конфликта.

Вышеупомянутое разграничение должно быть разъяснено и объяснено настолько, что логические, концептуальные и контекстуальные черты понятий стали понятными. Процедура логической формализации ведет к следующим последствиям:

а) осознанию того, что проблематика — это обычное состояние сложной социальной системы;

- б) конфликт возникает, если разногласия пытаются разрешить силой;
- в) вследствие чего складывается новая конфликтная ситуация, заменяющая первоначальную проблему, и разрешить эту новую ситуацию становится еще сложнее.

Относительная независимость между проблемой и конфликтом предполагает относительную независимость путей решения проблем и урегулирования конфликтов. Конфликт вызван не столько элементами проблемы, сколько сложившимися в результате действий сторон дальнейшими определенными отношениями между ними.

Проблема может быть рассмотрена как определенное отношение между первоначальным состоянием дел (проблематичная ситуация) и дальнейшим развитием. Представляется возможным выделить три аспекта (три уровня) этой ситуации:

- 1) неопределенность желаемого или возможного результата;
- 2) отсутствие или неопределенность алгоритма, позволяющего перейти из первоначального состояния в желаемое;
- 3) отсутствие средств, необходимых для реализации такого алгоритма.

Следовательно, понятие «проблема» предполагает следующие компоненты:

- а) наличие первоначального состояния дел (или определенного мира W_a), которое оценивается как плохое (нежелательное, ненормальное, несоответствующие требованиям);

- б) какое-то другое состояние дел W_x , которое оценивается как хорошее (желаемое, нормальное); существование определенного алгоритма позволяющего перейти от W_a к W_x ;

- в) существование субъекта оценки S и системы ценностей (норм) N , в которой возможно оценить ряд возможных миров.

Вот основные элементы проблемы:

- оценка W_a ;
- выбор W_x ; переход W_a в W_x .

Предлагаемая модель исключает конфликт, потому что мы позволили действовать только одному субъекту. В случае наличия нескольких субъектов или системы конфликтная ситуация может случиться на всех вышеупомянутых уровнях. Переход из одного состояния мира в другое имеет особую важность, вне зависимости от того, каким путем решен вопрос — голосованием или насилием. В обоих случаях (при условии наличия более чем одного субъекта) проблема остается открытой, но во втором случае она перерастает в конфликт и возникает новая ситуация.

Где здесь конфликт?

Помещение субъектов и системы оценки в рамки одного мира, который оценен, делает необходимым принять во внимание ряд дополнительных факторов. Полное описание мира включает не только пропозиции, но также и прагматические (контекстуальные) измерения, так же, как и модальные понятия. Описываемый мир будет включать в себя контекст и результат его оценки. Описание мира будет состоять из набора пропозиций, модальных утверждений о пропозициях и оценки этих утверждений. Переход из одного состояния мира в другое может быть рассмотрен как замена одного набора пропозиций другим. Другой описывающий желаемый мир W_x , в котором негативно оцененные пропозиции будут удалены, заменяет набор пропозиций описывающий мир W_a . В случае фактической или логической несовместимости пропозиций для разрешения сложной ситуации допускается как философский, так и лингвистический подход. Первый связан с объяснением первоначальных идеологических оценок и модальных стандартов; конфликт между сторонами сменится на дискуссию, касающуюся иерархии ценностей. Неразрешимая задача по поиску «золотой» середины между противоположными точками зрения заменяется на поиск логического решения. Лингвистический подход связан с очисткой (или онтологической редакцией) форм затронутой пропозиции: иногда несовместимость вызвана лингвистическими формами выражения, но не самой пропозицией - язык может создать иллюзию противоречия даже там, где этого можно избежать.

Третий подход — это традиционный политический подход, когда только одна точка зрения является правильной, а остальные не принимаются в расчет. Таким образом, окончательного успеха можно добиться лишь путем уничтожения противной стороны. Это приводит к конфликту. Поиск решения между двумя кажущимися несовместимыми альтернативами заменяется стратегией подавления и даже уничтожения субъекта, имеющего противоположное мнение или занимающего противоположную позицию.

Некоторые последствия

К сожалению, нам не дано знать все, а следовательно, при описании мира и изменений в мире, мы неизбежно заменяем набор пропозиций на утверждения. Соответственно, мир описывается как текст (пропозиции имеют место в данном мире). Изменения в мире ведут к изменениям в тексте.

Ранее, рассматривая возникновение конфликта, мы описали его как результат

политического подхода к проблемной ситуации. Возможно ли соединить то, что обычно называется политическим поведением с так называемым лингвистическим или философским подходом?

*Насколько можно доверять словам и применяющимся терминам? - вслед за **Олегом Даменией** и **Суреном Золяном** задается вопросом **Александр Искандарян**. Наступление нового типа жизни (при котором будет решена походя и задача урегулирования конфликтов) в последнее десятилетие принято связывать с развитием неправительственного сектора, из которого родится гражданское общество. Но, может быть, неправительственный сектор и гражданское общество существовали всегда? Не есть ли политические партии, самодеятельные военные формирования, кланово-общинные и кровнородственные структуры, по большей частью слагавшие традиционно кавказский социум – не есть ли они самые настоящие неправительственные организации, а все то, что стало известно под этим названием последние десять лет – лишь группы для получения западных грантов? На этом завязалась большая дискуссия, дающая о себе знать во многих последующих материалах сборника, при этом обрисовалась следующая дилемма: да, ново-НПО достаточно слабы в плане своих реальных свершений, а традиционные НПС – короли реальности (и сегодняшней, и вчерашней). Но, с другой стороны, ново-НПО обладают (в замысле) тем, чем не обладают «реалы» – «проектом» будущего, создающим новую систему слов, понятий и терминов, наполняющихся с течением времени реальным содержанием и действительностью.*

Александр Искандарян

Эскиз неправительственного сектора и гражданского общества
на Кавказе

То, о чем я буду вам говорить - это не доклад, не статья, не результаты исследования, это размышления и попытка пригласить себя и вас к анализу такого явления, как «неправительственный сектор», который существует на Кавказе уже десять с небольшим лет.

Начать я хочу, если позволите, с анекдота. Анекдот такой: вертолет приземляется в горах, где чабан пасет баранов. Из вертолета выходит человек и говорит чабану: «Если я скажу, сколько у тебя всего баранов, ты мне дашь одного?». Чабан подумал: «Ну, откуда этот человек с вертолета может знать, сколько баранов я пасу». И согласился. Человек вытащил сотовый телефон, компьютер, связался через сотовый телефон, через Нью-Йорк, через World-Bank и т.д. с кем-то, и сказал чабану: «Ты пасешь 382 барана». Чабан сказал: «Бери». Человек взял, пошел, после чего чабан сказал: «А если я скажу тебе, кем ты работаешь, отдашь ли ты мне обратно то, что ты взял?». «Отдам» — сказал человек, подумав, откуда чабан может знать, где и кем он работает. Чабан сказал: «Ты работаешь консультантом для НПО в Америке». «Почему, как ты это узнал?» — спросил человек. Чабан ответил: «По трем признакам: ты пришел ко мне, хотя я тебя не звал, придя, ты у меня тут же что-то отнял, обманув меня, и третье — отдай собаку». Это была собака, а не баран. Консультант не разобрался.

Много раз, в том числе и на этой конференции, звучал тезис о том, что на Кавказе гражданское общество, неправительственный сектор не развиты. Популярен также, и не только на этой конференции, тезис о том, что на Северном Кавказе неправительственный сектор развит менее, чем на Южном. Да, если мы будем считать неправительственным сектором сообщество англо-говорящих людей, обучившихся птичьему языку некоторых областей современной англоязычной конфликтологии и умеющих писать proposals для получения грантов и на эти гранты жить, то да, тогда это правда. Если же мы будем называть неправительственным сектором и гражданским обществом то, что является действительно неправительственным сектором и гражданским обществом, а именно в его самом широком понимании, — то, что располагается между семьей и государством - то эти сектора чрезвычайно развиты на Кавказе. Они развиты на Кавказе больше, чем на Западе. Вот государства на Кавказе не развиты. Те государства, которые образовались на территории Кавказа порядка десяти лет назад, и признанные и непризнанные, они не развиты, они еще не государства. Они протогосударства, квазигосударства, или, как это называют некоторые исследователи, это пока лишь идеи государств, идеи наций.

А вот гражданское общество, неправительственный сектор имеют очень глубокие корни в кавказской культуре последних как минимум 6-7 столетий, и они чрезвычайно развиты. И эти две вещи: неразвитость государства и развитость неправительственного

сектора - связаны.

Кавказцы имели свои национальные государства очень давно. Например, армяне имели последнее государство семьсот лет назад... Да, я должен оговориться, что опыт 18—20-го годов прошлого столетия я не беру как релевантный; хотя бы в виду кратковременности эти государства не успели стать частью национальной культуры соответствующих народов. Соответственно мы, кавказцы, привыкли относиться к государству как к чему-то чужому, к чему-то враждебному. Кавказцы привыкли жить в составе империй. Кавказцы привыкли воспринимать государство как что-то, что приходит извне, что навязывает некие правила. Этими «правилами» могут быть исламские ценности, если речь идет о турецкой или персидской империях. Этими «правилами» может быть коммунизм, если речь идет о советском периоде. Этими «правилами» могут быть национально-территориальные устройства, точнее просто административно-территориальные устройства, в частности то, которое было в российской империи и т.д. Это все некие привнесенные извне модели. С ними приходится считаться, но относиться к ним как к своему, как к родному, как к национальному, не нужно. Тому можно привести много иллюстраций — скажем, вошедший в обычай у чеченцев обряд, традиция устраивать праздник для человека, отсидевшего в лагере или в тюрьме за какое-то преступление. Это ведь совершенно неприменимо к тем людям, которые совершили преступление не с точки зрения уголовного права государства, а с точки зрения чеченских традиций. Ну, или широко распространенное на всем Кавказе явление — то, что называлось в советское время «несунством». Это не осуждалось обществом. Любой работавший на заводе брал генератор, отрывал его от стенки и приносил домой, и это не осознавалось как преступление, это было нормально, завод-то государственный. Это было социальной нормой. Люди, привыкшие жить в таких ситуациях, таких государствах, естественно, адаптировались к такому способу существования, к существованию «вне» государства, к существованию в конфронтации с государством. Они приспособивались.

Каков механизм приспособления? Этим механизмом стало развитие некоторых форм, замещающих государство в тех местах, где оно не могло выполнять свои функции.

Я утверждаю, подозреваю, предлагаю вам для обсуждения тезис о том, что эти формы и есть гражданское общество. От соседей в Ереване, Тбилиси или Баку, которые вместе на скамеечке обсуждают проблему посадки дерева для того, чтобы была тень, или строительства беседки, где мужчины могли бы выпивать, закусывать по праздникам, или женщины, которые помогают друг другу по хозяйству и в воспитании детей, до коллективной самообороны от бандитов. Это и есть гражданское общество. Это настоящие неправительственные организации, они пронизывают все кавказское общество

вдоль и поперек, и по вертикальной, и по горизонтальной структуре.

Развал Советского Союза, распад государства привели в начале 90-х к ситуации, когда старое уже распалось, а новое еще не создано или только начало создаваться. Это прекрасно знают и армяне, и грузины, и отчасти азербайджанцы — отчасти, потому что у азербайджанцев было несколько иное положение с энергетикой. Народ этих республик помнит, как исчезло всё и сразу. Не было государства, не было реальных правительств, не было структур, которые управляют обществом, не было полиции, не было защиты от преступников, не было социальных служб, не было организованных медицинских служб, не было канализации, ничего не было.

Представим себе на секунду, что произойдет в странах, которые принято называть странами с развитым гражданским обществом, например, в Америке, если там исчезнут свет, газ, полиция, машины, из которых можно вытаскивать деньги (банкоматы), сотовые телефоны, социальные механизмы обеспечения и т.д. Что там произойдет? Так вот, этого на Кавказе не произошло. Общество выстояло, общество не атомизировалось до конца.

Традиционные механизмы, причем в это понятие я вкладываю и те традиции, которые сложились уже в советское время, позволили сохраниться обществу. И это было даже там, где шли войны, где был геноцид, уничтожалось население, происходил распад идентичности. Традиционные чеченские кхелы, например, и сельсоветы, которые тоже стали уже традиционными механизмами, смогли, представьте себе, удержать общество от окончательного разрушения, от атомизации.

Более того, неправительственные организации, в том смысле, в котором я предлагаю о них говорить, являются на самом деле создателями кавказских государств, кирпичиками, из которых строятся кавказские государства. Они являются создателями и кирпичиками, из которых строятся и кавказские армии, ибо кто, как не неправительственные организации, воевали в конце 80-х в Карабахе, Абхазии и чуть позже в Чечне. Это ведь еще не были государственные войны, даже если считать Карабах, Чечню, Абхазию полноценными государствами. На первом этапе воевало население деревень, других сообществ людей, которые смогли объединиться для того, чтобы вести войну, привлекать для этого средства, вести пропаганду. Структуры, которые это осуществляли, не были государственными, они были существующими у кавказских наций неправительственными организациями.

Когда ситуация изменилась, начал, соответственно, появляться другой неправительственный сектор — НГО. Что представляет собой система НГО на Кавказе, да, наверное, и не только на Кавказе? Я позволю себе несколько провокационных тезисов.

Во-первых: НГО — это некая форма вестернизации. Это не плохо и не хорошо. Это

форма транскультурного транслирования, привлечения на Кавказ культурных и организационных механизмов, идей, которые сложились на Западе.

Второе: система НГО — это бизнес, то есть люди, которые зарабатывают деньги, работая в неправительственных организациях. Привлечение денег извне на организационную работу, на поддержку экономики, социальную помощь — вот какие задачи стараются решать эти люди. В этом бизнесе есть конкуренция, как и в любом бизнесе, но конкуренция эта лежит за пределами Кавказа. Человек, который участвует в системе НГО, работает в НГС на Кавказе, должен соответствовать не тем требованиям, которые предъявляет ему общество, а тем, которые предъявляют ему грантодатели — та система, которая является финансовой и идеологической основой того бизнеса, в котором он работает, и он пытается им соответствовать. Он обучается техническим механизмам соответствия: владению английским языком, профессиональной подготовкой в тех областях, в которых он работает. В этом смысле на Северном Кавказе неправительственные организации по понятным причинам менее развиты, чем в Закавказье. Закавказцам легче учиться на Западе, ездить туда. У них большая база для этого. Соответственно эти критерии отбора приводят к некоему обособлению людей, которые являются субъектами неправительственного сектора. Эти люди формируются в некую, я бы сказал интернациональную, касту, которая обладает навыками, механизмами транснационального общения. В этой системе, в этой структуре, грузин может общаться с абхазом, армянин с азербайджанцем, оба они могут общаться с американцем, с англичанином, с австрийцем, шведом, говорить на понятном всем языке. (Большинство народа этого делать не могут. Грузин с улицы и абхаз с улицы не могут нормально общаться). Это несомненно очень позитивная вещь. Это — создание и привнесение в общество культуры толерантности. Я надеюсь, что произойдет взаимная адаптация западной и кавказской культур. И тогда от деятельности неправительственного сектора будет хороший результат, если, конечно, эта культура не останется замкнутой в узком сообществе людей и выйдет за его пределы.

Следующая важная, на мой взгляд, проблема состоит в том, что рынок находится на Западе, а место его использования здесь, происходит некоторое искривление тематики, над которой работают представители неправительственного сектора. Так как эти представители должны соответствовать требованиям грантодателей, то есть требованиям Запада, то и тематика зависит от обстоятельств, от моды, от различных backgrounds, имеющих место не здесь, а там. Существовавшая на Западе некоторое время назад популярность проблемы разминирования противопехотных мин очень удачно вписалась в огромную проблему с противопехотными минами, которые действительно существуют во

многих местах на Кавказе. И оказалось очень хорошо, что люди здесь работают в этом направлении. Но, например, многие проекты, связанные с развитием феминизма, с правами сексуальных меньшинств, с экологическими программами не воспринимаются у нас обществом как важные, как приоритетные, и поэтому иногда возникает некоторое напряжение между обществом и представителями интернационального сегмента неправительственных организаций.

Конечно, на самом деле всё сложнее, причем еще и потому, что кавказское общество само неоднородно. Например, почти все, что я говорю, не касается Абхазии. И не потому, что абхазцы какие-то другие, не такие, как армяне или, предположим, грузины, а потому, что в Абхазии плотнее общество. Очень тесная среда — и городская и вообще этническая. Маленькое очень место. Очень все переплетено, и разделить общество, как это можно сделать, например, в Тбилиси или в Ереване, в Абхазии не получается. Соответственно в Абхазии параметры неправительственной деятельности другие. Это там видно невооруженным глазом. Я придумал для этого такое объяснение, такую причину. Может быть, у кого-то есть другие объяснения, но мне кажется, что это именно так.

Последнее, о чем хочу сказать, — это деятельность неправительственных организаций в области миротворчества. Высказанный по этому поводу скептицизм я воспринимаю как попытку анализа. Мне кажется, что главная задача, которая стоит перед неправительственным сектором — преодоление кастовости. Необходимо расширение институционализации того неправительственного сектора, который существует, который работает, который бурлит, но просто не знает, что он так называется. Именно сюда нужно привлекать гранты, проекты, проводить встречи. Кавказский Форум является пока исключением. Я так говорю не только потому, что я у него в гостях, а потому что в Кавказском Форуме, в самой его сути, заложена попытка решения важнейшей проблемы — преодоление замкнутости сообщества участников НГО во всех регионах Кавказа. То есть, во-первых, они могут общаться друг с другом через границу, а не только с американцами и англичанами. И, во-вторых, они могут попытаться выработать механизмы выхода за пределы этой касты, этого узкого сообщества.

И еще — может быть, я обольщаюсь, но мне кажется, что 10 лет совместной работы повлияли и на западных партнеров. Конечно, западная культура толерантности не разрешает говорить очень многие вещи, но она же не запрещает многие вещи понимать. Ясно, что западные люди не виноваты в том, что приток денег из различных фондов и сфер можно распределять только определенным образом. Пример: приезжает человек и пишет удобоваримый proposal о содействии развитию движения сексуальных меньшинств в Чечне в 97-м году, и западный фонд эти деньги дает, потому что формально все

соблюдено. Это конкретный случай, и я надеюсь, что в Чечне об этом не узнали, эти господа благополучно проели деньги, выделенные им для такой благородной деятельности, и они живы, здоровы, я надеюсь. Этого не могут не понимать грантодатели. Более того, я знаю, что они осознают это как проблему и начинают понимать, что привнесение готовых моделей из одной культуры в другую невозможно не потому, что это плохо или хорошо, а потому что это не реалистично, это просто не получится. Они начинают понимать необходимость адаптации западных моделей к нашей ситуации, необходимость взаимодействия разных моделей, необходимость конвергенции различных культурных моделей — того, например, о чем говорил Сергей Александрович - о японцах, которые, если приносят европейскую посуду, то свою, традиционную, не выбрасывают в окно, а просто ее отодвигают. Такое сочетание очень развитых, но не институционализированных форм общения, мне кажется, даст нам основания для большого оптимизма в следующие 10 лет. А потом и в следующие. Спасибо.

Вопросы и мнения

— В докладе в тезисной форме сформулировано, что из себя представляет гражданское общество — НГО и как оно работает. Это фантазии или данные опроса, сделанного автором во всех регионах Кавказа? Я хотел бы знать, на что опираются выводы.

- Это не выводы, а скорее вопросы, приглашение к обсуждению. Они не опираются на результаты формализованного исследования. Это—результаты неких эмпирических наблюдений, складывающихся, конечно, из моей социологической работы, из того, что я вижу во всех регионах Кавказа, за исключением Азербайджана, куда я, к сожалению, не имею возможности по понятным причинам ездить, из наблюдений за тем, как действует этот механизм, и, конечно же, информации, получаемой в неформальном общении.

Батал Кобахия

Неправительственные организации как выражение гражданского общества

Я сейчас был свидетелем великолепного спича о том, что такое гражданское общество, что такое неправительственные организации. Спич меня так заморозил, что я уже, собственно, забыл, кем я являюсь. С одной стороны, мне приятно быть той частью гражданского общества, о котором так хорошо можно говорить. С другой стороны, я

почувствовал некоторое сожаление по поводу того, что являюсь этой частью.

Я сейчас не хочу делать оценку, каким мне кажется это выступление, но дело в том, что в определенной мере это набор стереотипов о том, кто мы такие есть и что такое есть гражданское общество. Я не знаю, кому этот набор стереотипов больше нужен — властям, донорам или представителям гражданского общества.

Честно говоря, на самом деле, мне не нравится название *неправительственные организации, некоммерческие*, потому что частица «не» — отрицание, она всегда убивает некоторые положительные качества того, что мы делаем. Мы в Абхазии, и, наверное, везде, думали, что это в общем-то организации граждан, которые хотят что-то делать, как-то реагировать. И в этом смысле мы не можем сказать, что это началось с 90-го года, когда появились инвестиции, потому что гражданские организации, во всяком случае насколько я знаю, были и 10, и 20, и 30 лет назад. Были и общественные организации, которые финансировались — неважно кем, доноры различные бывают.

В Абхазии, например, очень часто отказываются от финансирования, которое предлагают организации, фонды, ООН, ОБСЕ. Мы очень долго и внимательно думаем, для чего это делается, как будут распределяться эти деньги. Мы имеем в себе пока еще силы отказываться от них. Я предлагаю всем, кто работает в неправительственном секторе, отказываться от грантов сейчас; если вы сомневаетесь, на какие цели вам предлагают деньги, если это будет вам во вред. Подумайте о своем будущем.

В том, о чем говорил Алик, я нашел принижение того, что мы делаем. На Северном Кавказе, на Юге Кавказа, в Москве на Новом Арбате совершенно разные мотивы у людей, работающих в гражданском секторе. Я никогда не утверждал, что гражданский сектор на Северном Кавказе хуже или слабее, чем в Абхазии. Там другие условия, другие формы. Вы достаточно хорошо знаете, что в Чечне после первой чеченской войны был большой импульс в создании гражданских организаций, неправительственных, общественных организаций, которые хотели как бы собрать осколки того, чего не могут уже собрать определенные структуры. Но, к сожалению, это не осуществилось, потому что пошла вторая чеченская война. В Грузии или Армении по 5—6 тысяч неправительственных организаций, а в Абхазии 20, по количеству населения, может быть, этого достаточно. Их кажется больше не потому, что мы такие умные, такие инициативные, такие созидательные, а только лишь потому, что все эти гражданские организации были сформированы на поствоенной кризисной ситуации, в которой оказался наш регион. Наши общественные организации, неправительственные организации в основном пытаются склеить то, что разрушено войной, все они в основном занимаются правами человека, конфликтами, разрешением конфликтов, потому что именно права человека,

именно наше человеческое достоинство за эти 10 лет испытали огромное давление, прессинг. Потому что все эти войны происходили без моего желания и согласия. Да, я в них участвовал, но когда у тебя нет выбора и когда тебя бомбят, уже не думаешь о том, кто прав, а кто виноват. Ты просто в этом участвуешь, потому что за твоей спиной семья, дом.

Конечно, легко говорить о том, кто прав, кто виноват, когда находишься вдали от войны, вдали от конфликта, поэтому, может быть, на Юге Кавказа так много неправительственных организаций. Я счастлив, что на Северном Кавказе их не так много и дай Бог, чтобы их было не так много. Дай Бог, чтобы там события развивались не таким образом. Там действительно очень много организаций, но они просто ориентированы не на то, на что ориентированы неправительственные организации на Юге Кавказа, они меньше думают о войне, меньше думают о разрушениях. Потому что они больше думают о социальных проблемах, об инвалидах, о детях. И они этим занимаются. Это тоже гражданские организации, они тоже формируют общественное мнение, взгляды на жизнь. Даже в Абхазии сегодня уже очень многие общественные организации думают не столько о войне, а начинают думать о социальных проблемах, о том, как помочь детям-инвалидам, просто пострадавшим, тем, чьи права нарушаются. И, даст Бог, мы будем думать и о меньшинствах. И, кстати, у нас были круглые столы о меньшинствах, нас чуть ли не обстреливали за это, образно говоря, в газетах. И кто-то во вполне приличном собрании сказал: «Да разве сейчас время говорить о меньшинствах, может, мы еще и о сексуальных меньшинствах будем говорить». Весь зал радостно говорил: нет, нет, нас это не волнует. Такой популизм, такое отношение к делу может вернуть нас на двадцать лет назад.

Почему я спросил: это ваши наблюдения, ваша оценка? Мы тоже делаем оценку. Например, Люся Кабанова была в Абхазии и с Рейчел Клогг оценивала ситуацию. Я не думаю, что они были ангажированы организацией, которая выделила мини-грант. Мы читали эту оценку, и она совершенно не несла в себе, даже косвенно, те мотивы, о которых вы говорили. Да, эти мотивы существуют. Да, эти проблемы существуют и в Абхазии сегодня. Потому что кто-то это делает и получает деньги, а кто-то хочет просто получать деньги. Но гражданское общество - это не только неправительственные организации, составляющие небольшую часть гражданского общества.

Когда мы сами из стереотипов делаем истину, то либо надо говорить, что это стереотипы, либо разделять как-то эти вещи. Я немножко потрясен тем, что к концу третьего дня фактически вы вынесли вердикт всей моей деятельности. А это моя жизнь. Я знаю, что для кого-то это способ работы. Знаю, что многие институты, в частности в России и в Абхазии, переквалифицировались. Занимаются тем же, чем занимались, но

поскольку нет финансирования, они приставляют приставку «не» к своему институту и получают гранты. Но многие занимаются, работают в неправительственных организациях, потому что это их жизнь. Потому что если сегодня они не будут что-то строить, завтра в них будут стрелять, завтра их будут убивать. И это потребность выживания.

Мы не идеальны. Не дай Бог, чтобы мы были идеальны. Не дай Бог, чтобы гражданское общество, а представители Третьего сектора тем более, были одинаковы, глянцевые, чистенькие, хорошенькие. Тогда бы я ушел из этого сектора, и пошел бы в какие-нибудь другие ряды. Мы тоже разные, как и все общество. Так же все ругаем, и надо иметь это в виду.

Сейчас я не могу акцентировать внимание на всех пунктах. Я был потрясен. Так со мной разговаривают дома те, кому нужно, чтобы я не делал то, что я делаю. Но бывает, и мины подбрасывают, и стреляют. И достаточно часто.

Вопросы и мнения

Эльдар Зейналов:

— Первое замечание по поводу гражданского общества хочу начать с придирки, может быть, к оговорке, что отряды самообороны в конфликтных зонах тоже являются частью гражданского общества. Насколько это правомерно, — большой вопрос. Я, например, считаю, что политические партии и такого рода отряды являются частью каких-то властных структур. Даже если не прописано, что отряд боевиков является властной структурой, формально он контролирует власть. Не бывает таких НПО, которые имеют политическую власть. Как пример могу сказать, что у нас некоторое время назад создавался Форум неправительственных организаций и туда нахально включили два профсоюза: профсоюз сотрудников Министерства национальной безопасности и профсоюз сотрудников Министерства внутренних дел. Аргументация была такая, что это тоже неправительственные организации. Если подходить формально, то любое объединение граждан, не навязанное сверху правительством, является общественной организацией или частью гражданского общества.

Нельзя говорить, что если, допустим, одна неправительственная организация защищает политические права, а другая социальные, то это две разные сферы. Это одна сфера — защита социальных прав. И нечего удивляться, что спонсоры финансируют, скажем, организации, защищающие голубых и тому подобное. У них все проблемы решены, осталось только защитить животных, голубых и прочих. С этими приоритетами они к нам приходят и заказывают «музыку».

Вот этот заказ «музыки» может привести к некоторому обособлению

неправительственного сектора. Если действительно неправительственная организация зависит в первую очередь от доноров, а не от общества, ради которого она вроде бы и работает, это провоцирует опасность отрыва от реальных задач. Но, с другой стороны, это дает возможность немножко абстрагироваться и идти немножко впереди общественного развития. Если бы проводились опросы общественного мнения и на этом основании принимались бы решения в области демократического развития, то сейчас общество, в большинстве, голосовало бы только за тоталитарную и авторитарную тенденции.

Тут есть ответственность не только неправительственных организаций, но и доноров. Я, например, считаю, что не меньшая часть вины за кособокое развитие неправительственных организаций лежит на донорах. Доноры приходят со своим набором приоритетов для тех «диких» кавказцев, которые вчера с четырех лап встали на две, и значит им нужно защищать женские права, их женщины угнетены, у них распространен мужской гомосексуализм, давайте дадим им гранты на то, чтобы они их защищали. Они не понимают нас. И очень часто возникает это непонимание между донорами и теми, кто получает гранты. Это, между прочим, тоже конфликт. Я считаю, что было бы более правильным называть организации общественными, а не некоммерческими, негосударственными. К слову сказать, в азербайджанском языке слово неправительственная организация звучит как антиправительственная. Поэтому к ним относятся как к антиправительственным. Общественные организации у нас существовали и в царское время, и в советское. Объединяться — это потребность общества. Но до тех пор, пока общество не вырастет экономически или психологически до того, чтобы питать свои организации, скажем, членскими взносами, у нас сохранится опасность, что доноры будут искажать картину развития неправительственных организаций.

Теперь другой комментарий по поводу доклада Сурена Золяна по лингвистическим проблемам. Я хочу сказать, правильно отмечено, что не все так просто, допустим, в описании конфликтов, потому что есть два слоя понимания. Возьмем такое понятие как независимость. Я беседовал с людьми, которые непосредственно были вовлечены в конфликт. Они не умели говорить красиво и упрощали и конкретизировали, что они ожидали от независимости. Карабахские боевики ожидали, что будет безопасность для их дома, их семей, бизнеса, что это будет возможность принимать участие в политических решениях на местном уровне. Что можно будет сделать политическую карьеру не в Ереване, где говорят на армянском, а непосредственно в Карабахе, скажем, на русском. Политик подразумевает под независимостью участие в геополитике, геополитическом раскладе, в перекрытии каких-то границ, построении новых межгосударственных отношений. Это совершенно из другой области. И вот получается такая коллизия: человек

в конфликтном регионе хочет, чтобы у его детей было больше учебников, допустим, на армянском языке, а в ответ на его крышу падают азербайджанские бомбы, и он не понимает, что творится, почему такой ответ. А ответ такой потому, что между центральным правительством, допустим, Грузии или Азербайджана и этим регионом есть очень недобросовестные посредники, имеющие свою скрытую цель, свои намерения. Единственная возможность как-то это нейтрализовать — создать другой слой посредников, неправительственные организации. И, кстати сказать, роль гражданского общества многие представляют как слой добровольных организаций граждан, которые защищают конкретных граждан, конкретные сообщества от излишнего давления, излишних трений с государством. В нашем случае в процессе распада Союза мы оказались беззащитными. У нас не оказалось этого слоя организаций, и посредничество в конфликте граждан с правительствами перешло к политикам. Результат мы видим.

И еще. Стоит только провести параллель между западными схожими ситуациями и нашими, и увидим, что там конфликты разрешаются более мирно, более цивилизованно. Потому что там находится неправительственная организация, которая взяла бы и напечатала для армян учебники, и тогда не было бы такой политической постановки вопроса, что из-за учебников надо отделяться от кого-то.

Возвращаясь к докладу Александра, я считаю, что неправительственные организации должны глубже вращаться не в донорское партнерство, а в общество. Может, этот процесс действительно длительный, болезненный. Может быть, не стоит отказываться от грантов, а объяснить грантодателям, чего на самом деле ждет общество, которому они хотят помочь.

Любовь Цой:

— Я буду держаться в рамках трех докладов и не выходить за пределы обсуждения тезисов, которые заслушала, но не могу обойти ситуацию, которую предъявил Батал.

Три доклада, на мой взгляд, очень интересные. Первый доклад чисто аналитический, он касается поисков того, что объединяет эту территорию. Сама идея поиска общего натолкнула меня на мысль, которую высказали классики. А именно: чем ближе люди или субъекты находятся друг к другу, тем больше у них общего, тем каждая мелочь на фоне этого общего приводит к ужесточению конфликтов. Поэтому закономерность, с которой ожесточились конфликты до такой степени, говорит о том, что между регионами Кавказа очень много общего. И если в этом плане рассматривать ситуацию, то возникает вопрос, как же строить мир, когда каждая соринка, к примеру, может очень ярко проявляться в том общем, что объединяет.

Третий доклад интересен мне тем, что он проблематизирующий. Что такое проблематизация? Конечно, она выталкивает человека в самоопределение, в то, чтобы определить, где он находится. В этом плане проблематизирующий вообще-то безответственен потому, что он не говорит, где он и с какой позиции выступает. Он просто говорит о проблемах, которые важны и поднимает два серьезных вопроса: гранты, которые пришли с Запада, и модели, которые существуют здесь и теперь. И тут возникает вопрос политической корректности. На Западе говорят: об этом желательно не говорить и приставку «не» желательно не употреблять. А менталитет российского народа устроен так, что мы хотим докопаться до причин. Мне уже на этой конференции сделали замечание: «так не говори, а вот так можно». Разве это не псевдополиткорректность?

Я перехожу ко второму докладу. Он мне интересен, потому что я работаю в Институте социологии РАН, в Центре социального управления, коммуникаций и социально-проектных технологий. У меня проект — практическая конфликтология. Я сейчас учу журналистов, как описывать конфликт. У нас уже есть схемы, по которым можно описывать конфликт, не усугубляя и не внося деструктивные процессы в сам конфликт. Поэтому я хотела бы осветить одну очень важную деталь. Мы говорим о конфликте, о коммуникации и создании общественного мнения и языке описания. И вот смотрите: конфликтующие стороны имеют свой язык описания и свое понимание проблемы. Следующий уровень — аналитики и независимые эксперты стараются выявить проблему. Но если язык описания конфликтующих сторон не входит в язык аналитиков, тогда они как бы отсекают это пространство и говорят на своем языке, непонятном конфликтующим сторонам. И проблема может совершенно меняться. Когда действительно мы говорим, к примеру: нам нужен учебник, а летит бомба, предмет меняется, проблема меняется. Но когда мы переходим на самый высокий уровень принятия управленческих решений, там вообще другой язык и проблема другая. Если не будет сохранен язык, проблема и предмет, то правительства действительно не поймут конфликтующие стороны, а конфликтующие стороны не поймут правительства, которые принимают те или иные решения. В этом плане, у нас есть наработки и, я думаю, мы будем с вами сотрудничать.

Последний вопрос. Текст Александра проблематизирующий и как бы схватывает содержание, которое несет само определение человека. И на этот текст откликнулся Батал. Я здесь увидела, что позиция Батала — это позиция человека, преданного своему делу. Это образец самоопределения. Это образ миротворца. Я подумала, что же это за миротворец, если он, стремясь внести мир в этот мир войны, на втором уровне осмысления выдает реакцию, в общем-то, обиденного человека. Мне кажется, позиция

миротворца требует профессиональной реакции на критику. Тогда я говорю Баталу, что его реакция непрофессиональна, что самоопределение, которое он предъявил, мне очень близко, но форме, в которой это утверждается, его нужно учить. Поэтому мне кажется, что миротворцев надо учить.

Манана Гургулия:

— Мне бы хотелось высказаться по поводу той небольшой дискуссии, которая состоялась между уважаемым Александром Искандаряном и Баталом Кобахия. Мое личное мнение, отношение к этой проблеме такое. Я очень уважаю Александра за его такой подход. За его едкость. За тот холодный душ, который он иногда любит выливать на нас. Но это обычный научный метод, чтобы активизировать поиски решений, как говорится, от противного. Ведь все, что говорил Александр, абсолютно не противоречит тому, о чем говорил Батал поскольку это факт. Но он не определяет явление в целом. Но отрицать, что существует такая проблема, было бы бессмысленно.

Теперь, что касается кавказской культуры, нашей толерантности отношений НПО, отношений с Западом. Интересный момент: я наблюдал за представителями адыгской диаспоры, — а они проживают во всех странах Европы и Азии, то есть в разных цивилизационных этнокультурных социумах, — но где бы они ни жили, среда обитания, естественно, накладывает на них какой-то отпечаток. Это видно. Турецкие адыги немного отличаются от сирийских, а европейские, допустим, от других. Но, тем не менее, все они остаются адыгами. И самое удивительное, — это отмечают даже зарубежные исследователи, изучающие адыгскую диаспору — они очень органично входят в то общество, в котором проживают. У них нет конфликта с этим обществом. И я считаю, что эта толерантность, то, что они могут сосуществовать в других обществах, жить, работать и при этом сохранять свои национальные устои, архетипы, вот эта толерантность заложена именно в нашей национальной культуре, в нашей системе морально-этических ценностей. И это позволяет взаимодействовать с другими культурами. Но для того, чтобы взаимодействовать с другими культурами, нам, кавказцам, не надо искать их методы и брать на вооружение их принципы, потому что эти принципы не из нашей культуры.

В то же время мы, кавказцы, понимаем, при всей приверженности к нашей национальной культуре, нашим национальным идеалам, что, если мы замкнемся только в своей культуре, если будем придерживаться принципов этноцентризма, если не будем взаимодействовать с европейской культурой и мировой культурой, то мы останемся на задворках истории. Для того чтобы нам развиваться и в политическом отношении и в геополитическом, у нас нет другого выхода, как взаимодействовать с окружающим

миром. И этот процесс, я не сомневаюсь, будет проходить нормально, и мы органично вольемся со своим лицом в эту мировую культуру. Но этого не произойдет, если мы предадим забвению свои национальные устои и ценности. Потому что обезличенные кавказцы не нужны ни Востоку, ни Европе. Почему, допустим, в средневековье исламский мир использовал в свое время для своих каких-то целей воинские навыки, военную культуру черкесов? Они внесли свой вклад и в восточную культуру, и в историю России. Они служили России на протяжении столетий и оказали свое влияние на становление российского государства. Они взаимодействовали через итальянцев, через генуэзцев с античным миром, многое вобрали в себя, но при всем этом сохранили свое национальное своеобразие, свой архетип. Я считаю, что мы, представители национальных культур, национальной элиты, не должны отворачиваться от своей культуры, от своих устоев, и в тоже время не должны на ней замыкаться. Мы должны постоянно взаимодействовать, постоянно контактировать с другими культурами. И в этом плане современные НПО — при том, что они не определяют политику, не определяют жизнь нашего общества, не могут коренным образом что-то поменять, но они предоставляют прекрасную возможность.

Дело в том, что мы живем в постсоветском пространстве. У нас нет среднего класса, нет капитализма, и многие сферы интеллектуальной деятельности еще контролируются государством. Не было бы независимой конфликтологии, я думаю, если бы Запад не был заинтересован вкладывать в это деньги. Я не думаю, что они вкладывают в это деньги из чисто корыстных соображений, чтобы развалить Россию или еще что-то сделать. Это нормальный интерес. Появился новый фактор — развал Союза, и Европа хочет знать, что тут зарождается. Это закономерный интерес. И в то же время, когда конфликтологи, ученые, политологи получают западные гранты, то от нас не требуют то, что им нравится, они не задают нам какие-то параметры или рамки. Мы пишем то, что мы думаем. Думаю, что Александр — независимый конфликтолог, независимо от того, где он получает гранты. А если бы не было этой финансовой поддержки, то не было бы самого сектора НПО, независимого от местных элит, от местных структур, которые все узурпировали, всю экономику, все подмяли под себя. Гранты создают прекрасную возможность для материальной, финансовой независимости ученых, представителей интеллектуальной сферы. И в этом плане роль НПО нельзя отрицать.

Еще такой момент: есть понятие — базовая личность какой-то национальной культуры, на ком держится нация. Я не думаю, что она держится на тех представителях НПО, которые, допустим, более интернациональны. Допустим, я не могу сказать, что знаю адыгов. Я не знаю адыгов, потому что когда произошла абхазская война, на встрече

в Дагомысе наши национальные лидеры дали полную гарантию, что они знают свой народ и его контролируют, что адыгский мир никак не отреагирует на то, что произойдет в Абхазии. И даже я сам, участвуя в национальных движениях, поразился, когда произошел такой отклик, когда это вызвало такую бурную реакцию в моем народе. Оказалось, что даже я не знаю свой народ. Нация держится на людях, в которых мощно сидят архетипы, они определяют развитие наших общностей, наших народов. А представители НПО как бы немного другой тип личности. У них немного другие ценности. И вот эти ценности нам игнорировать нельзя. Я не отрицаю, что наша деятельность приносит пользу в плане толерантности, включения во взаимодействие с мировой культурой, тут проблем нет. Плюрализм мнений, многовариантность развития - все это должно быть. И в принципе, наша культура этого не отрицает, а, наоборот, этому способствует, поэтому непримиримых противоречий между тем, что говорил Александр и тем, что говорил Батал, я не вижу.

— Я хотела бы обратить внимание на одну вещь, которая мне очень понравилась в докладе Александра, с которой я тоже иногда пытаюсь выступать. Это — характер гражданского общества. У меня такое ощущение, что мы либо сами что-то недопонимаем, либо не договариваем, когда сводим гражданское общество к неправительственному сектору, причем порой мы сами неправительственный сектор, его организации называем организациями западного типа. В беседе со своими грузинскими коллегами я столкнулась с такой формулировкой: у нас нет гражданского общества, мы должны его сформировать и только после этого возможно урегулирование конфликта. Именно так в нашей среде очень часто рассуждают. Я считаю, что гражданское общество было и раньше, оно есть сейчас и будет позже. Другое дело, что гражданское общество не существует изолированно, где-то на другой планете. Гражданское общество существует в некоем геополитическом пространстве, в некоем этнополитическом пространстве и в зависимости от того, каково оно, какие там цели, какое там государство, отчасти, может быть, таково и гражданское общество. Это взаимосвязанные вещи. Все выступающие здесь говорили о многовековой истории государственности, традиций и т.д., но если были государства, были традиции, формировались социокультурные архетипы, то где они формировались? Они формировались в гражданском обществе. Другое дело, что в содержательном, функциональном и структурном плане гражданское общество меняется. Цели его меняются. Сегодня, может, они одни, вчера были другими. А вот позиция, согласно которой его никогда не было и нет, и вдруг вот мы, такие хорошие, такие умные в начале XXI века начали его строить и если построим, тогда все будет хорошо, наверно несколько

однобока.

— Теперь вопрос к Сурену Золяну. Была высказана мысль о том, что семантика предшествует конфликтам, и еще одна, что язык не только описывает, но сам порождает конфликт. Тогда у меня возникает вопрос: а когда этот язык породит конфликт, он перестает его описывать? Почему такая дихотомия: семантика предшествует конфликту? А когда конфликт появляется, куда девается семантика?

Перевод с английского:

— Дорогие друзья, спасибо, что пригласили меня на эту конференцию. Я являюсь одним из доноров Кавказского Форума и хотел бы рассказать вам, что это произошло практически случайно. Я пришел в офис «Международной тревоги» в Лондоне и хотел поговорить там по поводу конфликта в Шри-Ланка и что мы можем предпринять в связи с этим. Там я познакомился с Геворком, который спросил меня о том, хочу ли я принять участие в поддержке Кавказского Форума. Я ничего не знал, что у вас происходит, какова ситуация, какие проблемы, но идея такого взаимодействия, причем на основе Интернета, сама по себе очень хороша. Меня интересовал не только вопрос языка, на котором вы будете говорить, а в первую очередь вопрос технической организации вашего взаимодействия. А после того, как взаимодействие начинается, дела уже идут, как правило, становится гораздо лучше. Мы совместно с некоторыми другими организациями нашли финансовую поддержку для Кавказского Форума. Я с большим чувством слушал ваши дискуссии. Я многому научился. Вчера с особым вниманием слушал дискуссию о Северном Кавказе. И я очень ценю тот контекст мирного диалога, в котором велись все эти дискуссии.

Возвращаюсь к гражданскому обществу. Если, например, встречаются швед, норвежец и датчанин и начинают что-то организовывать, мы тут же избираем президента, секретаря и бухгалтера. И тут же создаем ассоциацию. Иногда у нас есть какая-то проблема, которую мы стремимся решить. То есть организация основывается на некоем общем интересе. И тогда, согласно определению, предложенному Эльдаром, это — общественная организация. Вопрос в том, каким образом принимаются решения. Почему-то в ходе конференции этот вопрос не поднимался. Как правило, в большинстве организаций решения принимаются большинством голосов.

Мы, конечно, у себя в Скандинавии привыкли сидеть на разного рода собраниях, поднимать руки и принимать решения большинством голосов, но всегда остается открытым вопрос о том, что же делать с тем меньшинством, которое проголосовало

«против» и проиграло. Вопрос зачастую тут в том, что будет делать это меньшинство после того как они проиграли. Остаются с нами или уходят? На Филиппинах, например, они уходят и создают другую организацию. И через 10 лет неправительственных организаций становится уже не 20 тысяч, а 45 тысяч. Те организации, с которыми мы работаем на Филиппинах, научились на своем опыте не игнорировать мнение меньшинства и делать так, чтобы проигравшее меньшинство оставалось внутри организации. Потому что в следующий раз будет приниматься другое решение, и, быть может, это меньшинство победит.

Стало быть, вопрос в том, чтобы, во-первых, хорошо организовать работу. А, во-вторых, уважать мнение меньшинства. В ваших прениях эти два вопроса не звучали, у вас другие темы были.

Когда мы говорим о решении проблем, мы говорим и о дефинициях, о постановке проблем. Вы ставите очень много существенных проблем, но, быть может, их можно было бы дробить далее и далее — до тех пор, пока не дойдем до менее крупных проблем, которые, вообще говоря, решаются силами неправительственных организаций. И тут, конечно, нужно выделять приоритеты. Меня немного беспокоило то, как вы говорили о Кавказе, о воинственности народов Кавказа. Вы говорили, что существует очень воинственный архетип, но я в этом не уверен, и меня это беспокоит. Я пытаюсь представить себе ваше общество не воинственным. Как оно будет выглядеть?

Я работал три года на севере Швеции, с лапландцами, которые разводят оленей. Народ этот мирный, совершенно не воинственный, они две тысячи лет ни с кем не воевали. У них и оружия-то нет. Они носят его только для охоты. А почему? Я не знаю. Конфликты у них, разумеется, бывают, но они решают их своими способами. Они и оленей-то друг у друга не воруют. Если они там что-нибудь напутают, скажем, не то тавро не на того оленя поставят, тут же это исправляют и возвращают оленя его законному владельцу. Я буду думать, почему они такие мирные. А потом подумаю о вас, почему вы такие воинственные.

Перевод с английского:

— Я упомяну две основные цели, ради которых мы и занимаемся урегулированием конфликтов.

Первое — понять самим и помочь людям понять, что произошло, и тем самым помочь им освободиться от травматичного опыта, связанного с конфликтами и насилием. Второе — на основании такого анализа и такого понимания выработать методологию того, что мы называем решением проблем, основанное на вовлеченности и

сотрудничестве. Если мы посмотрим на то, как за эти годы развивался Кавказский Форум, то увидим, что в случае Кавказа очень многие раны удалось залечить. Я хотел бы поздравить вас с тем, что вам удалось создать некую среду, в которой такое чрезвычайно здоровое развитие оказалось возможным.

Мне, как и моему коллеге Яну Ходдану, показалось, что в дискуссиях последних дней не прозвучали некоторые важные моменты, да и не могли все наши ожидания оправдаться... Я не услышал четкого определения того, какие силы в данный момент направляют развитие конфликтов в регионе. Какие структуры и организации служат скорее разделению обществ, экономик и стран, нежели объединению. Почему какие-то люди или структуры создают серьезные проблемы для развития интеграции, решения проблем. Мне, приехавшему с Запада, было странным и неожиданным оказаться в среде, которая очень сильно сосредоточена на анализе прошлого. И увидеть, как мало значения придается принципиально важным политическим и социальным факторам развития конфликтов. Кроме того, чтобы пытаться разработать типологию, понять происхождение, язык конфликтов, мне казалось бы очень важно обратиться к политической экономии войны и насилия и придать этому фактору несколько большее значение. Например, в таких вопросах, как криминализация и общества и политических структур.

Я присоединяюсь к просьбе Яна предложить нам некую картинку того, как вы себе представляете мирный Кавказ. Пока это не будет сделано, нам очень трудно будет мобилизовать все свои силы и ресурсы для того, чтобы постараться создать некую стабильную работающую структуру.

От имени «Международной тревоги», самого себя и всех моих коллег хочу еще раз сказать вам, что мы очень хотим вместе с вами идти по пути решения ваших проблем. И пока мы вам нужны — пользуйтесь нами, но если мы начнем вам мешать, пожалуйста, дайте нам об этом знать.

— Пора уже делать оценки происшедшего, потому что время утекает. Я просто хотел заметить, что вопрос криминализации общества очень сложный. Я только напомню, что Александр сказал насчет феномена «несунов». Дело в том, что когда легальные структуры не уважаются, тогда появляется криминал. Опять-таки проблема легитимации. Так как в советский период легальность советского строя не уважалась народом, соответственно «несун» не считал себя криминалом, и общество так не считало. То же самое сегодня. Так как одни структуры не признают легальность других структур, то, соответственно, трудно сказать, что есть криминал, а что есть НПО, которое является организацией бывших комбатантов или комбатантов нынешних.

— Я думаю, что здесь, в основном, собралась аудитория, которая пытается найти выход из создавшейся на Кавказе ситуации.

Я отрицаю, что какая-то модель, которая не опирается на кавказские традиции, может помочь в разрешении проблем. Это я не считаю возможным. Ответы надо находить в кавказской среде, в традициях народов, культуре кавказских народов.

Второе. Здесь прозвучала мысль наблюдателя со стороны. Будто докладчики вчера пытались продемонстрировать воинственность кавказцев. Я хотел бы чуточку поправить. Кавказцы становятся воинственными, когда приходится защищаться, но они не агрессивны. Кстати, это не наша оценка. И сидящие здесь хорошо знают, когда в конце XVIII века Наполеон столкнулся в Египте с черкесской кавалерией, он констатировал, что «встречал многих воинов, но таких кавалеристов, как черкесы, я нигде не встречал». Так что это не наша оценка.

И последнее, на что я хотел бы обратить внимание. Все-таки мы хотим найти какой-то выход из ситуации. Вот, например, функционирование закавказской железной дороги однозначно выгодно Абхазии, Грузии и Армении. Абхазия этого хочет, вроде Грузия тоже, Армения заинтересована, но вопрос не решается, хотя, казалось бы, все заинтересованы. Почему? Неужели мы хотим покончить самоубийством?

У меня такое предложение: может быть, подумать о том, чтобы на основе гражданского общества на Кавказе создать какую-то экспертную группу из представителей народов Кавказа по оценке каких-то ситуаций.

Гурам Одishiария:

— У абхазов был такой обычай: когда снаряжали в путь корабль, обязательно в экипаже должен был быть один араб, иначе корабль не отплывал от берега. По этому принципу мои друзья вспомнили про меня почти в последний день, и я оказался в этой делегации и не жалею. Здесь я услышал много интересного. Познакомился с теми, с кем хотел раньше познакомиться, увидел старых друзей. Я хотел бы поблагодарить хозяев этой земли, этого дома и прочитать стихотворение, посвященное Армении (см. в конце сборника).

— Олег Несторович поднял очень актуальную проблему, показал новый подход. Мне кажется, чтобы найти общее между народами Кавказа, мы должны воспользоваться теорией фамильного сходства как общим признаком, который у всех народов один и тот же. К чему сводится теория фамильного сходства? Представьте фотографию семьи и

градуальные переходы, и мы видим, что это один род. Это не значит, что у всех один и тот же нос, например. Просто определенная общность между любыми двумя членами рода. Эта идея кажется мне очень продуктивной.

Насчет доклада господина Искандаряна. Действительно, подняты очень серьезные проблемы. Но все-таки мне бы хотелось разграничить традиционные модели общественной организации. Естественно, общество было организовано определенным образом. Но насколько это общество гражданское? Гражданское общество предполагает определенную формализацию и определенные институты. В качестве примера приведу книгу Патмана «Чтобы демократия сработала» — анализ Италии. Все итальянцы любят петь. Но на Юге они просто собираются и поют. На Севере они организованы в певческие общества со своим уставом, секретарем, казначеем. Это определенная форма самоорганизации, позволяющая достичь результатов в современном мире. Может быть, традиционность эффективна для определенных неформальных отношений. Сегодня же жизнь требует, чтобы даже эти традиционные структуры формализовались в институты. Это серьезная проблема, и когда мы говорим о формировании гражданского общества, мы не должны опираться на традиционные структуры. Потому что в сегодняшней ситуации они зачастую не работают, а во многом даже перерастают в свою противоположность — в клановые. Сегодня те неправительственные организации, которые во многом берут на себя функции государственных органов власти, это именно клановые структуры.

Наконец, насчет собственного доклада. Было много задано вопросов. Мне кажется то, что произошло в конце конференции, как раз иллюстрация к основному положению, когда у нас есть проблема и когда она перерастает в конфликт. Если мы называем то, что сказал Батал, и то, что сказал Алик, конфликтом, то мы провоцируем его дальнейшее развитие. Но если бы мы использовали слово «диалог», то острота была бы снята, и мы могли бы найти решение. И второе, если бы мы попытались увидеть то, что стоит за этими двумя вставшими в оппозицию выступлениями в виде текста, то особой разницы не почувствовали бы. Мне кажется, это были определенные эмоциональные моменты, которые, конечно же, предшествовали самой ситуации. Они спровоцировали соответствующее обсуждение. Это как раз доказывает мой последний тезис — необходимость разграничения проблемы и конфликта. В том, что говорили оба, действительно была проблема, которая должна получить определенное решение.

Я перехожу к ответу на вопрос Мананы. Действительно, существует проблема доставки и печатания учебников, но она разрешима. Сам конфликт неразрешим, если мы опять не сведем его к проблеме. Потому что каждый новый конфликтообразующий фактор приводит к новой проблеме, которая приводит к конфликту. Смотрите, на

начальном этапе любого конфликта не было проблемы беженцев. Сейчас она есть, и она, естественно, усложняет решение самого конфликта. Нам часто приходится решать не проблему учебников, которая была вначале, а все новые проблемы, которые возникли в результате эскалации. Что этому предшествует? Естественно, политическая деятельность, особенно публичная, это, в первую очередь, вербальная деятельность. Речевые акты, например, как клятва. Когда я клянусь, я одновременно и говорю, и описываю свое действие, и совершаю это действие. Публичная политическая жизнь строится именно как система определенных текстов, которые произносятся, скажем, не во время банкета, а в парламенте, на телевидении и прочее. Опять-таки мы не можем разграничить, где описание, а где сама ситуация, не обязательно конфликтная. Но, конечно, определенная лексика здесь очень сильно влияет.

Я приведу только один пример, очень далекий от нас. Когда Линкольн объявлял войну мятежным штатам, он использовал «Я» — «Я верховный главнокомандующий». После окончания войны он использует «МЫ», имея в виду и победителей, и побежденных. Это и действие и описание. То, что вы сказали, может включать буквально весь спектр возможностей, и тогда предшествующее описание оказывается неадекватным, и мы получаем более радикальное, которое провоцирует новый конфликт. И наоборот, когда мы это описание сводим к каким-то конкретным проблемам, тех же учебников, того же возвращения беженцев, уже каждая из этих проблем имеет решение, а сам конфликт исчерпывается.

И, наконец, последнее: диалог и конфликт — это, в принципе, определенный тип коммуникаций. Я даю общую точку зрения, соглашаясь с вами. Одно дело, когда мы обмениваемся словами. Другое дело, допустим, силовые действия, мы посылаем друг на друга армии, что тоже, в конце концов, определенный тип коммуникаций. Но поскольку схема коммуникации одна и та же на глубинном уровне, то возникает и возможность конвертации конфликта в диалог, когда мы обмениваемся некоторыми культурными сигналами, символическими, а потом уже приемлемыми друг для друга ценностями. Другое дело, как это осуществить. Это уже каждый раз совершенно конкретный случай.

И еще о двух слоях понимания. Я полностью согласен с Эльдаром и сказал бы, что не два слоя, а бесконечно много слоев понимания. Важна проблема перевода. Конечно, мы остаемся разными. Каждый из нас говорит на своем языке, когда возникает конфликтообразующая ситуация, когда нет перевода с одного языка на другой или мы обречены оставаться в пределах нашего языка. Так что здесь проблема понимания, я согласен. Сама множественность понимания не опасна, опасно отсутствие перевода.

Александр Исхандарян:

— Я благодарен Сурену, потому что он сказал практически то, что хотел сказать я. Что касается доклада доктора Дамения, то он прекрасен, в частности, спорностью. В моем лексиконе спорность — очень положительное слово. Я думаю, что правильно не искать один признак, который объединяет все кавказские народы без исключения, ибо тогда мы должны будем приходить к выводу, что между армянином и ногайцем нет ничего общего. Я думаю, что проблема в том, есть ли Кавказ, или его не существует? Скажем, армяне, это кавказский народ или ближневосточный?

Я согласен с Суреном в том, что проблема, возникшая между мной и Баталом, явно коммуникативная. Это проблема разности языков, а не спора по каким-то моим высказываниям.

Я попробую отреагировать на те тезисы в вопросах, которые мне задавались, с которыми я либо не согласен, либо не знаю, согласен или нет. Те, с которыми я согласен, не буду озвучивать за недостатком времени. Легче всего мне будет с Баталом, потому что я согласен практически со всем, что он говорил. Я согласен, что это была кодификация стереотипов, это было целью моего высказывания. Я согласен, что гражданское общество существовало до распада СССР и т.д. Может быть один пункт, с которым я не согласен, — это когда он говорил об обвинениях, которые раздаются в адрес НПО в Абхазии. Он говорил об ангажированности людей, которые эти обвинения выдвигают. Мне не кажется это важным. Мне кажется, что в обвинении важно то, насколько оно правомочно, соответствует ли оно действительности, а не то, по какой причине обвиняющий выдвигает претензии.

Что касается Эльдара, спасибо. Конечно же, я говорил спорно, но я специально это сделал. Правомочно ли отряд боевиков называть неправительственной организацией? Не знаю. Они были представителями антивластных структур. В азербайджанском понимании (имею в виду язык) слово неправительственный означает «антиправительственный».

Что касается того, что неправительственными организациями являются только правозащитные организации:

а. Я не согласен с этим тезисом;

б. эти отряды воспринимали себя как правозащитные организации, как организации, защищающие некоторые права населения деревень, городов.

Идти впереди общественного мнения - несомненно, это функция неправительственного сектора и он ее выполняет хорошо.

Что касается грантов, то я никому никогда не говорил и не скажу, что надо отказываться от них, их надо брать.

Госпоже Цой: я согласен, что реакция на критику — это проблема транскультурной коммуникации. Но в моем выступлении не было критики. А если она и была, то была невольной. У меня не было задачи критиковать. Я ставил перед собой задачу анализировать, понять.

Господину Ходдану: когда собираются три шведа или норвежца, то тут же создают организацию, назначают должности. Кавказцы делают то же самое. Они просто не знают, что это так называется. Но процесс такой же. Они это делают все время, при решении каждой проблемы. Именно об этом феномене я и пытался поговорить.

— Что касается архетипа, то он, конечно, для меня не является панацеей, которая сможет избавить нас от всех тех бед, которые выпали на наши плечи. Но, скажем, он позволяет осмыслить, во всяком случае на другом уровне понять, кто мы есть на самом деле. Освободиться от тех мифов, которые мы унаследовали исторически и по-новому взглянуть на себя. Это требование, на мой взгляд, самой жизни и, кстати, если мы найдем такой ответ, он может как раз помочь нам построить некую схему, некую модель, без которой урегулирование конфликтов и существующих проблем вряд ли возможно.

Хотел бы для иллюстрации привести такой пример. Сегодня и Запад, и мы тоже потихонечку начинаем свыкаться с тем, что на Кавказе формируются государства с различными правовыми статусами. Если этот процесс дальше продолжится, то наличие в регионе различных государств, с различным правовым статусом, будет становиться конфликтообразующим фактором. Для кавказской культуры характерны горизонтальные взаимоотношения между ее составляющими, но не вертикальные. Это в порядке иллюстрации, ибо само по себе то, чего мы добились сегодня на юге Кавказа, тоже чрезвычайно опасно для будущего.

Что касается нашей конференции. Мне кажется, что Кавказский Форум набирает темп и несомненно, просматривается его развитие. На мой взгляд, теперь уже, имея такой потенциал и опыт, нужно было бы каким-то образом структурно систематизировать проблематику, которой Форум должен заниматься.

Коль скоро идет процесс самоопределения структур, которые мы представляем, хотя, может быть, слова, термины, которыми мы оперируем, не так удачны, адекватны и не всегда отражают суть этих структур, но тем не менее, видимо, нам надо продумать, какие формы и методы следует использовать, чтобы активно взаимодействовать с другими структурами общества.

*Разглядывая изнутри пристально жизнь Кавказа и испытывая нарастающую заботу о его будущем, мы смогли логически подойти к ряду вопросов: что же есть то, что может объединять столь очевидно разъединенный Кавказ? Где найти место свободному человеческому свершению в плотной сети связей, традиций и установлений? Что должно поддерживать жизненность и красоту, праведность кавказских обычаев и традиций, не позволяя им естественно деградировать в совокупность нелепых и архаичных установлений? Кто есть тот на Кавказе, кто способен, отрешившись от себя и своих мнений, вести свободный диалог и взять на себя миссию – понять правду всех и, сквозь и посредством нее – Правду как таковую? Через кого будет осуществляться конвергенция с миром западных ценностей? Каков должен быть тот свободный агент истории, способный перейти от процесса нагромождения проблем к процессу их решения? Свою версию универсального ответа предлагает **Ян Чеснов**. Этот ответ – из категории тех, слова о котором просты и известны всем, но который каждый раз должен быть произнесен неповторимым образом.*

Ян Чеснов

профессор

Институт этнологии и антропологии РАН,

**Норма «демократического аристократизма»
и социально-культурная стабильность на Кавказе**

*«Из того, что я видела прекрасного,
оно было кавказским.*

*Что я видела отрицательного,
то это всегда было общечеловеческим».*

Пола Гарб

Современное общественное сознание очень редко, к сожалению, касается исторической роли аристократии и происхождения аристократизма вообще. Сказывается, как считает Александр Пятигорский — буддолог, работающий в Лондонском колледже - то обстоятельство, что «с XIV века Европу покинул дух рыцарства, освободив место для капиталистической экономики, Инквизиции и Реформации». Но если задуматься над этим, то можно сказать, что аристократизм находится в оппозиции не к тем или иным формам хозяйствования и локальным условиям конкретной страны, а к истории как таковой – в этом смысле общечеловеческая роль аристократизма неизмеримо возрастает. В концепции Пятигорского аристократизм выступает как форма антиисторизма и даже бунта против истории. На его позиции явно сказались взгляды Фридриха Ницше, который уделил

проблеме аристократизма немало внимания в своих работах «По ту сторону добра и зла» и «Веселая наука». Аристократизм для Ницше заключался в благодарном отношении к жизни, тогда как для «черни» характерен страх перед жизнью. Уместно отметить высказывания Ницше, что горы выпрямляют дух человека, что они создают благоприятные условия для того, чтобы доброта возростала до уровня благородства. Хочется также назвать немца-страдальца, протестантского богослова, повешенного фашистами в апреле 1945 года, — Дитриха Банхоффера. Находясь в тюрьме, он задумывался о том, что полюсами исторического процесса являются, с одной стороны, единообразие (под этим он явно подразумевал тоталитаризм), с другой — отбор лучших, аристократизм. Пятигорский, таким образом, в своем стремлении «выпрыгнуть из истории» неожиданно солидаризируется с Банхоффером.

Но к чему, как не к тому же самому, стремился всем нам близкий и все же непонятный Дон Кихот? «Стать человеком», то есть, быть как все — это мечта мещанина. А Дон Кихот — одиночка, живущий в зоне риска. Он несуразен внешне, сидя в «шлеме Мальбрана» на своем Росинанте. Но зато в него вложена огромная душа. Она и по сю пору беспокоит нас неудовлетворенностью настоящим. Таким же страдальцем-аристократом был за пять тысяч лет до Дон Кихота Гильгамеш, царь Урука. Он боролся с чудовищами, искал цветок бессмертия и был рыцарски верен дружбе с гораздо менее совершенным, чем он, существом по имени Энкиду. Ну, как Дон Кихот и Санчо Панса!

Эти примеры показывают, что сущность аристократизма таится не просто в личных отношениях, а в сакрализации, освящении верности дружбе или рыцарскому слову. Аристократизм начинается там, где происходит извлечение именно благородного из всего того, что есть между людьми. В силу этого аристократизм представляет собой как бы модель, *предшествующую* реальному поведению людей, поэтому в нем наличествует ярко выраженный символический и даже игровой момент. Но такая игра стоит жизни.

Именно эта модель, принятая с незапамятных времен на Кавказе, не позволяла развертывавшимся там социально-экономическим процессам принять жесткие формы. Кавказ обычно пребывал в процессе перехода, в становлении, что, в свою очередь, создавало благоприятные условия для миротворчества. Заметим сразу, что известные нам аристократические системы на Кавказе по происхождению и по предписываемому ими образу жизни являются надэтническими, то есть предполагающими этническую толерантность.

Тайна гостеприимства

В кавказском восприятии аристократизм ассоциируется с институтом гостеприимства. Можно сказать, что это чуть ли не тождественные, взаимозаменяемые, понятия: «Зайди, пожалуйста в дом, чтобы я человеком был», — сказал мне незнакомый абхазский крестьянин в 1980 году на улице села Куланурхва. Гостеприимство находится в оппозиции к войне. В Адыгее я записал поговорку: «Враг приходит один раз, а гость столько, сколько захочет». Появление гостя в кавказской традиционной семье сразу перестраивает ее в аристократическую систему. Мы не случайно начинаем разбор кавказского аристократизма с семейного уровня. Дело в том, что семья — это механизм, где происходит неременная редукция гостя к детскому состоянию. Гость, особенно в абхазском быту, воспринимается как ребенок, которого всячески опекают женщины, вплоть до того, что в старину они укладывали его в постель, мыли ноги, расстегивали ремень. Подобная редукция повышает статус гостя до сакрального. Недаром в германских языках *king* и *könig* («король») этимологически интерпретируются Эмилем Бенвенистом как «тот, кто рожден». Обратившись в состояние новорожденности, гость как бы теряет признаки пола. Быть может, поэтому Ахилл в детстве был одет, как девочка?

Родильный принцип

Аристократизм архетипически связан с женским принципом. В этом суть распространенных, но мало понятных непосвященному кавказских обычаев. Проиллюстрируем это институтом *линтурали* у грузин. По описаниям второй половины XIX века, он состоит в том, что претендент на рыцарство должен вступить в родственные отношения с (именитой) женщиной. Если она коснется его груди, она становится его матерью. Рыцарь же в этом случае, чтобы стать сыном дамы, расстегивает ее платье, посыпает грудь солью и прикладывает зубом, трижды произнося: «Ты мать, я сын». После обряда *линтурали* мужчина мог даже спать с этой женщиной в одном помещении — никто не сомневался в нравственности их отношений. Аналогичные обычаи в Дадиановской Сванетии назывались «*ликрисд*» (христианство, = рыцарству), в Раче и в Лечхуме - *ликерцлашур*.

Обычай *линтурали* имеет некоторые черты сходства с обычаем *цацлоба* (*не отсюда ли русское цацкаться?*) у пшавов (дружбы девушки с парнем). Подобные идеализированные отношения рыцаря с дамой могут превратиться и в реальные любовные связи, считавшиеся чуть ли не обязательными в аристократической среде. У адыгов, например, женские комнаты становились чуть ли не настоящими политическими салонами. В среде карачаевских аристократов наличие любовника или любовницы

называлось «иметь березовую кору». У кабардинцев в женских помещениях мужчины собирались перед военным походом.

Рассмотренные обычаи вторично помещают мужчину в родильную стихию; он становится как бы дважды рожденным. Намек на суть такого порождения аристократизма слышится также в вайнахской героической песне: «Кто не родился, пусть родится...» Первенец у многих народов Кавказа несет с собой благодать, распространяющуюся на следующих за ним детей. Его первые волосы хранят в семье как талисман. В традиции княжество ассоциировано с порождением жизни как таковой. Этот же смысл, но в другом ритуальном обликии выступает в славянском свадебном обряде, где жениха и невесту величают «князем и княгиней». В адыгских языках женская аристократическая линия совершенно четко связана с «родильным» принципом. Так, по мнению лингвиста А. Абдокова, этимология адыгского названия княгини — «гуаша» происходит от корня «ша», означающего «рожать».

Отцовские генеалогии

Теперь мы рассмотрим этнические генеалогии на Кавказе, во многом совпадающие с аристократическими. Имеется в виду сохранение в генеалогиях отцовского родильного начала. Об этом говорит распространенный на Кавказе обычай именоваться «сыном такого-то» и возникающие отсюда самые разнообразные генеалогии. Как пример приведем легенду, зафиксированную в позапрошлом веке Р.И. Леонтовичем о приходе на Кавказ трех братьев из далекой южной страны Мислуга (очевидно, Египта) трех братьев — Оса, Картула и Лека. От них по легенде пошли осетины, картлийцы и лезгины. Такова же осетинская легенда о тагаурцах, происходящих якобы от наследника армянского престола, и поэтому обладающих умственным развитием и сдержанностью. Напомним историю о еврейском происхождении династий грузинских и армянских Багратидов.

Подобные генеалогии иноэтнического происхождения пронизывают также всю структуру карачаевского и балкарского обществ. Здесь мы находим аристократические (княжеские) фамилии сванского, дигорского, абдзехского, маджарского (мадьярского или тюркского?) происхождения, как и потомков легендарной династии Баснят. Хочется обратить внимание на то, что строгая этническая приуроченность аристократических фамилий (Абаевы и Айдеболовы из сванов, Келембетовы — дигорцы, Шакмановы — евреи, Шахановы, Урусбиевы, Сююнчевы, Кучуковы — от Басият и т.д.) свидетельствует, прежде всего, о родильном отцовском принципе. Недаром в эпосе разных народов так подчеркивается идентификация отца и сына: «Я и отец — одно». На это обращает

внимание историк мифологии М. Кэмпбелл.

Язык крови

Выражением мужского родильного принципа надо считать то, что одной из целей воинских походов была добыча детей из «хороших семей». В карачаево-балкарском названии этого института даже есть корень «рожать» (туул). Ставши взрослыми, эти дети должны были дать новый род. В карачаево-балкарском обществе люди такого рода получали социальный статус *узденей* и считались сообразительными и красивыми. Эта информация относится именно к тюркской среде (к военным походам, *жортуулам*), где в большей мере, чем в среде исконно кавказской, метафора крови связана с наследованием физических и психических качеств. В абхазском языке тюркское слово кровь (*къан*) закрепилось не как обозначение наследуемых качеств (как следовало бы), а как описание хорошего облика (как и *бзиоуп* — хорошо выглядишь). В исконно кавказском понимании понятие крови в большой мере нагружено семантикой личного достоинства. Так, для кабардинского воина считалось презренным не иметь ранений. В этом случае этнологическая интерпретация крови от героического ранения должна быть такова: ее проявление говорит о наличии у человека, претендующего на аристократизм, как бы особого внутреннего тела, которое обнаруживается только при ранении. В этом случае мы имеем дело не с обычным мужским телом, которое состоит из ритуально отдельных органов или их частей, а с цельным телом, представляющим собой тело-сосуд. Тело-сосуд, подчеркивающее женское начало, наполнено молоком, которое в народных эмбриологиях при створаживании порождает зародыш плода. Следовательно, в рамках этого понимания аристократическое израненное тело становится редукцией к женскому телу. История военных мужских доспехов на Кавказе (да и в других культурах) показывает их генетическую связь с женским костюмом: приталенная одежда всадника, юбка-броня, защищающая его ноги и т.д. В кавказском охотничьем мифе «родильную» редукцию проходит мужчина-охотник. Попадая во владения Богини Охоты, он должен забыть о своей реальной семье, о своем потомстве, то есть лишается статуса взрослого человека. В опасных ситуациях Богиня Охоты спасает охотника, практически как своего ребенка: грузинская богиня Дали опустила свои косы в пропасть (ср. также с армянской легендой о Цовинар), чтобы поднять провалившегося туда охотника.

Наблюдатель и аскеза

Наша интерпретация аристократического генезиса через редукцию к «родильному» принципу, взрослого человека к ребенку, важна, прежде всего, тем, что дает явлению аристократизма не утилитарное и не морфологическое обоснование. Аристократизм оказывается в зоне совершенно свободного человеческого действия. Аристократическая редукция — это также и освобождение души, когда аристократ не деянием, а просто своим присутствием в обществе и наблюдением строит особый мир чистых человеческих отношений. Подобные сюжеты рисуют нам генетическую сущность аристократа не как зрелого мужчины — Деятеля, а как Наблюдателя, устраняющегося от действия. Можно провести параллель между состоянием наблюдателя, «неучастника» в обычном течении жизни, и аскезой.

Аристократизм любой культуры Н.А. Бердяев видел в преодолении жадности к жизни, в аскезе духа. Бердяев считал, что культура аристократична сама по себе. А для отца Павла Флоренского аскетика выступала синонимом культуры. Аристократизм, по Гегелю — способность к риску, то есть к действию в сфере неопределенности. Иначе, аристократизм — избранничество и одиночество, позиция скорее Наблюдателя, чем Деятеля, скорее охотника и скотовода, чем земледельца. В конце концов это «внешняя» позиция по отношению к культуре, позиция рефлексивной задержки, подавления влечений, накопления знаний и достоинства, получаемых сверх и вне общественной нормы. Аристократизм антиисторичен и «обречен», но то, что приходится претерпеть Гильгамешу и Одиссею, не пропало даром.

Всяческие воздержания являются доминантой аристократической культуры на Кавказе: в еде, в неприхотливом быту, в половой жизни, даже в ее продолжительности. Кабардинские князья должны были погибнуть в бою к 25—30 годам. Гораздо позже, чем у крестьян, у аристократов в старину начиналась брачная жизнь. Первые стремились как можно раньше, лет в 15, устроить браки своих детей, чтобы как можно раньше получить дополнительные рабочие руки. Браки аристократов были сдвинуты лет на 10 позже. Их потомство было немногочисленно. Целая система аскетического поведения пронизывала жизнь кавказских аристократов. Так, в Карачае княжеский этикет требовал, чтобы аристократ посещал туалет только до восхода солнца и после захода. Удивительно, что сходные обычаи описывает у хантов и манси Юван Шесталов: князья не многословны, деликатны в еде и - воюют из-за женщин.

Женский вопрос для темы аристократизма принципиален. В средневековой Европе он создал целый круг куртуазных тем. Но генезис этого вопроса не так уж прост. Генетические линии аристократизма, сближаясь с женской родильной сферой, порождают трагические сюжеты. Таков чеченский миф о Прометее Пхармате. Его Великая Мать в

преисподней рожала бесчисленных сыновей. Чтобы они ее не покинули, она ломала им ноги в бедрах. Только она одна обладала мировым огнем. Но герой Пхармат, захватив с помощью орла частицу этого огня, поднимается на верхние уровни Вселенной, оставляя огонь и в нашем мире. В вайнахском эпосе смерть героя Сосруко наступает от злых происков женщины-ведьмы. Трагедия греческого Эдипа (*«имеющего распухшую ногу»*) из того же ряда — раненым в ногу героям нельзя действовать в породившей их женской сфере.

Глубокая древность? Но ведь до сих пор в некоторых общинах на Кавказе зять не имеет права когда-либо увидеть мать своей жены. Это связано с социальной аскетичностью аристократа, выталкивает его из микросоциальных ячеек на широкий социальный уровень служения большому обществу. Тем самым аристократ исходно оказывался в максимальной зоне риска, в зоне духа. В этой близости к духу он обязан был обрести мудрость, способность к ориентации в сфере неопределенности. Сфера определенности — семья. Неопределенности — все более широкие общности. Поэтому в абхазской культуре чертами рыцарского поведения наделен не «муж жены», а «муж среди мужей» (ахаца ихаца). В осетинской сказке есть сходный сюжет. Всадник, подъехавший к похоронной процессии, спрашивает: «Мужем одного дома ли был умерший или мужем целого селения?». (В других вариантах — села или ущелья).

Одно из проявлений мудрости как способности ориентироваться в неопределенности состоит в способности к состраданию через отождествление с другим человеком к состраданию. Полет Пхармата на орле чрезвычайно напоминает нам сюжет полета Александра Македонского на двух орлах, явно родившийся в иранской среде. (Хотя английский этнолог Артур Хоккарт в 1926 году писал, что способность левитации, как и отождествление со светом солнца, является универсальным признаком королевской власти. Кавказский материал показывает, что аристократизм находится там, где маркирована индивидуальность, а не общественные или земельные отношения. Аристократизм здесь порождается в индивиде как структура личности в результате рефлексивных самоограничений еще на уровне охоты и эйлажного скотоводства. Вопросы пола, как мы уже убедились, сыграли в генезисе аристократизма не последнюю роль.

Риск и нравственность

Можно сказать, что в позиции риска действует скорее ребенок, чем живущий по строгим канонам взрослый. Эта позиция риска позволяет человеку критически относиться к своему и чужому опыту. Вот почему мои дневники с записями о проблемах в странах

Закавказья и на Северном Кавказе полны народных сентенций о том, что роль аристократа состоит в накапливании нравственности. Народ отдает отчет в том, что среди «неаристократического» по происхождению населения есть аристократия ума, таланта и личных заслуг. Вот запись из балкарского дневника 1992 года: «Бий — не столько власть и богатство, сколько знание народных обычаев, умение трудиться и вести себя».

Рассмотрим подробнее балкарский аристократизм. Есть три неперенные черты аристократа: авторитет (*сийлалыкъ*), обаяние (*чрайлы*), физическая сила (*кюч*). Авторитет складывается из ненадуманых суждений, исполнения долга, неуклонности в достижении целей. Вот пример, как обычный человек может обрести черты такого аристократического авторитета, связанного с властью, но полученного через терпение и внимание к миру: на горном пастбище — коше старик посылает такого избранника, например, за бурдюком с айраном (кислым молоком). На его пути подкидывают палку, человек обращает внимание на эту палку и несет ее для костра. Принеся бурдюк, он передает его старшему по возрасту. Такого человека, даже молодого, лет 30, могут сделать тамадой, то есть руководителем коша. Теперь он будет планировать, кому, когда и какую работу делать, когда устраивать трапезу, когда спать. (Записано от Далхата Таумурзаева, 1992 г.). Молодой возраст избранника в аристократы предполагает, что в нем еще будут накапливаться достоинства, которых в данный момент у него пока нет.

Очевидно, таков был и сам генезис аристократизма. Ведь царь Одиссей сам построил для себя кровать. Этому эпизоду вполне соответствует современная сентенция, записанная в Кабарде в 1982 году: «Дворянство состоит в том, что человек живет на заработанное своим трудом». Но при этом в дворянстве вовсе не предполагается заскорузлость, скованность поступков и мышления. В кабардинском этикете для дворянина-уорка характерно тонкое умение интерпретировать любую ситуацию, что порождает адыгскую спонтанность поведения.

Жречество и аристократизм

Примечательно, что телесные признаки аристократизма могут иметь как бы «медицинский», но ни в коем случае не колдовской аспект. Например, на Кавказе адыгские княгини славились тем, что их слюна могла излечивать определенные болезни. То же самое относится к некоторым фамилиям в Абхазии (ср. со способностью французских королей излечивать золотуху наложением рук). Чтобы дальше не вдаваться в эту тему, отметим, что антитезу аристократизма колдовству на африканском материале установила Мэри Дуглас: князя у азанде не могли стать колдунами. Аристократизм

повсюду в мире связан с конкретными полезными обществу навыками. Так, у американских индейцев цимшиан и квакиютлей аристократы были плавильщиками меди, у бирманского народа шанов они являются серебряных дел мастерами. Заметим, что в технологических процессах аристократия скорее контролирует культурную, либо природную, среду, нежели власть над людьми. Функция власти у аристократии первоначально появляется только тогда, когда требуется вмешательство для устранения неопределенности. Это тоже культурологическая миссия, скорее коммуникативно-дополнительная, чем основная. Скажем, участие в миротворческом процессе является именно коммуникативно-дополнительной властью, где функция Наблюдателя неизмеримо важнее функции Деятеля. Коммуникативно-дополнительная власть публична и центробежна. Тогда как жреческая власть эзотерична и центростремительна. Функции аристократической власти порождаются возникшей отчего-либо неполнотой окружающего мира либо нарушениями его равновесия, которые восстанавливаются «снизу»: это может быть необходимость обороны, ликвидация внутреннего (например, земельного) конфликта. В противоположность этому жреческая власть исходит из полноты картины мира, ритуально в виде сакрального образца, переносимого на земной уровень. Если в жреческом случае сакральный образец всегда наготове, то в аристократическом случае - нет. Участие аристократа в решении какого-либо конфликта необходимо не для воссоздания образца, а для создания прецедента. Этот прецедент должен соответствовать высоким нравственным критериям. Поэтому в состав такого прецедента — образца вводятся аристократические нормы воздержания, а не действия. Имеются в виду этикетные переложения конфликтной ситуации на вербальный язык, поиски в ней принципов справедливости, совести, которая дается человеку как бы извне, щедрости (в карачаево-балкарском языке называющейся узденством — «узденликъ»).

Крестьянство и аристократизм

Отношения аристократии и крестьянства в историографии советских лет были представлены как классово антагонистические. Но при всех фактах изгнания князей (как у чеченцев - князей-иноплеменников к XVIII веку, отдельных княжеских фамилий у балкарцев и т.д.) отношения крестьян и наследственной аристократии нельзя рассматривать даже в контексте исторического прошлого в качестве классовых — это явная модернизация. Столь резкие формы социальных противоречий в адыгской среде, как восстание 1767 года и знаменитая Бзеюкская битва, явно были связаны с воздействиями совсем других миров, решавших собственные противоречия - России,

Крымского ханства, Турецкой империи. Внутреннее устройство Кавказа предполагало иные — взаимодополнительные сословные отношения. Иначе не удалось бы мне в наше время (в 1980-е годы) записывать в Балкарии слова о том, что «бий не столько человек власти, сколько держатель народных обычаев, умения трудиться и себя вести». В те же годы в Абхазии удалось зафиксировать пословицу: «Маан (княжеская фамилия) не стал бы Мааном, если бы с ним рядом не было бы Амичба (крестьянская фамилия, этимология которой идет от слова *амч*, то есть «сила»)). Эту пословицу можно толковать через противопоставление силы и разума. Последний, как известно, воплощается в слове.

Слово и слава

Слово на Кавказе вообще по своей сути аристократично. Оно должно быть сдержанным. Но и прозвучать в уместной ситуации. Человека, который в застолье, даже самом скромном, не произнесет благословения перед тем как начать трапезу, могут заподозрить в рабском происхождении. Правильно произнесенное слово надолго запоминается окружающими. Словесная информация о поведении человека (в разных кавказских языках часто именуемая «*хабар*») разносится далеко. Передатчиками молвы — «*хабара*» прежде всего выступают женщины. Именно среда «*хабара*» порождает в мужчинах благородную состязательность, в нахских языках именуемую «*яхь*».

Повторим, что аристократическая модель на Кавказе межэтнична, что вовсе не говорит о том, что Кавказ — это некий суперэтнос, как заявлял А. Авторханов и еще некоторые современные исследователи. Кавказ — это целые этнические миры. Но они нашли средство взаимопонимания и толерантности именно благодаря аристократизму. Вот почему грузины могут назвать воспитанного мужчину «*абхазы вайшкаци*», а слово «*абхазоба*» означает у них благородство. Такие примеры можно привести из северокавказских языков. Таков, например, «*черкес номус*» («черкесский этикет» в языках тюрков Северного Кавказа). Молва, распространившаяся в межэтнической среде, и является аристократической славой, то есть честью. Честь кавказца была равносильна его слову. По словам чеченского актера Мусы Дудаева, «слово кавказца было дорого, как порох, как свинец». В старинном вайнахском быту не положено было произносить что-то важное, умное от своего лица. Надо было говорить так: «Я слышал, что один ногаец сказал (кумык, грузин, русский и т.д.). В этом случае получалось, что разумная речь как бы обтекала со всех сторон собравшихся. Она не была порождением момента, а легитимизировалась через присутствие иных этносов, созданных Богом.

Некоторые выводы

В данном тексте через простые этнографические сюжеты мы стремились показать кавказскую модель аристократизма. Она оказалась как бы заброшенной в будущее. Иначе говоря, проектом человеческого поведения, реализующемся посредством архетипических символов природы, человеческих возрастов, тайны порождения жизни и ее эталонных норм справедливости. Такое понимание аристократической модели, естественно, близко к откровению, свидетельствованию о важнейшем сокрытом в человеке. Мы полагаем, что в кавказской модели аристократизма сказалось глубокое воздействие всех мировых религий, того, что иногда называется «изначальной традицией». Именно поэтому она не может так просто сойти с исторической сцены. Она имеет непосредственное отношение к порождению исторического сознания. Пылающий в конфликтах Кавказ не означает крушения этой модели, необходимой как его насельникам, так и людям всей земли. Потому что люди на земле оказываются, говоря словами Мартина Хайдеггера, *сюда брошенными*. Но они имеют средства воздействия на сегодняшний мир и его сокрытые закономерности, которые начинают появляться на том уровне рассмотрения, когда имеют дело с высочайшими, сверх-эмпирическими ценностями. Аристократизм отвечает на всеобщую потребность выхода из повседневности с ее перенасыщенностью формами к обобщенному единичному сознанию. Такое сознание обладает чертами необыкновенного, но не обязательно религиозного. Истинный аристократизм лишен чванства, национальной исключительности. Он открыт общению. Он свертывает пространство, зато удлиняет историческое время. Он превращает его в однородное и всеобщее человеческое время. Удивительно, что в аристократизме вскрылась черта, обозначенная Карлом-Густавом Юнгом как архетип Божественного Дитя. Юнг имел при этом в виду функцию бескорыстного перераспределителя блага и доброжелательного наблюдателя. Это как раз то, в чем сейчас остро нуждается Кавказ. И не только он.

Вопросы и мнения

— Вы нарисовали некую структуру общества, в котором аристократ противопоставлен крестьянину и аристократ же противопоставлен жрецу. Это очень напоминает ту структуру, которую обрисовал в своих работах Жорж Дюмезиль. Насколько четко осознают сами носители этой структуры такое противопоставление и осознают ли его вообще?

— Есть очень тонкие механизмы, которые определяют, как надо ходить, где можно наступить, а где — нельзя. Я еду, например, из Шали в Грозный в ночном автобусе. Ехать

далеко и есть хочется. В автобусе — чеченцы, один из них говорит, что скоро выходит. Я думаю, что мне тоже неплохо было бы выйти, и спрашиваю его на весь автобус: «Есть ли у тебя место для гостя и кусок хлеба?». И он ведет меня в темноту. Я не боюсь идти, так как знаю, что этот хабар прозвучал и у меня гарантия — целый автобус людей, которые потом его спросят, как он меня накормил.

Со жрецами тоже есть интересные моменты, с ними нужно говорить очень осторожно, нельзя лезть с вопросами. Я даже к *держателю аныха* Дыдрыпш не ходил, пока он сам меня не вызвал — покойный Володя Чичба. Ко мне хорошо относились, потому что я не топтал ничего. Этот сакральный образец надо беречь и помочь его сохранить. А некоторые лезут с вопросами: расскажите про свои верования, покажите, какому дереву поклоняетесь и для чего там тряпочки висят и что это такое? Нельзя касаться этого сакрального образца. Он должен трансформироваться поколениями.

— Я часто езжу в последние годы по Кавказу и столкнулась с таким явлением: в одних регионах степень девальвации и фальсификации этикета, норм традиционного поведения или обычного права выше, в других регионах — ниже. Допустим, в Армении, Грузии и Азербайджане девальвация подобных норм произошла больше, чем на Северном Кавказе. Вместе с этим, в Нагорном Карабахе, например, традиционность в большей степени сохраняется, чем на территории Армении. Может быть, это в какой-то мере свойственно и Южной Осетии, и Абхазии? Имеет ли это явление место? И если да, то каковы его причины? И не входит ли традиционное, или «аристократическое», право в противоречие с обычным правом как одним из важных условий устойчивого развития наших национальных обществ?

— И аристократическая модель, конечно, входит в обычное право, и крестьянская модель. В 1993 году сразу же после осетино-ингушского конфликта я был в Пригородном районе. Ехал на БТРе вместе с несколькими ингушами, которые хотели посмотреть, что произошло с их домами. Одна женщина подошла к своему спаленному дому, к ней подбегает осетинка-старушка, ведет ее в дом и отдает ей все имущество, которое она вытащила из огня. Что здесь сработало? Соседство. Великое правило крестьянской взаимовыручки.

— Вы говорите о некой модели поведения, этикета для Кавказа. Но ведь у разных кавказских этносов различная этническая история. Как могло получиться, что в этом регионе возобладали единые этикетные модели? Как исторически это сложилось? Вы полагаете, что произошло вхождение разных культур в одну точку?

— Я думаю, что сформировалась культура, ставшая образцовой для всего мира — от Китая до Англии.

— Как в аристократии сочетаются такие, казалось бы, противоположные качества, как, с одной стороны — альтруизм, пренебрежение собственными интересами, стремление помогать всем и работать для общества, а с другой стороны, — честолюбие, жажда преуспевания, социальная мобильность?

— Здесь дается ментальная и поведенческая модель аристократизма. Я не рассматриваю сословно-классовые, эксплуататорские отношения. Конечно, все переплетено. Но я реконструирую модель. И как сказал один мулла: «Делайте так, как я говорю, но не так, как я делаю». Этот принцип действует повсюду.

— Вы сказали, что аристократия в некотором смысле интернациональна. Не значит ли это, что из-за того, что советская власть уничтожала как аристократию духа, так и аристократию происхождения, возникают межнациональные конфликты, этнические чистки и т.д.? И может быть для того, чтобы эту ситуацию изменить, снова нужно выращивать аристократию?

Последние десять лет многие народы Кавказа, их элиты провозглашают возвращение к исходным ценностям. Но в реальности мы видим какую-то социальную архаизацию. Что это — ретронационализация, традиционализация, некая постмодернистская традиционализация? В Чечне нередко с большим усилием возвращаются к своим истокам, к исламу, причем к такому исламу, которого там никогда не было. Происходит по существу подмена процесса. Каким образом это может отразиться на дальнейшем развитии общества?

— Это очень трудный вопрос. Но попробую на него ответить. Есть такая гипотеза, родившаяся на мировом историческом материале. После XIV века во всем мире от Англии до Бирмы происходят так называемые крестьянские революции. Движения Томаса Мора, у нас Болотникова потерпели поражение. Как идет эта борьба? Одна деревня может находиться в аристократических традициях, а соседняя — в демократических. С тех пор как мне кажется, постоянно идет борьба между этими двумя тенденциями. Что они породили? На Кавказе чрезвычайно вырисовалась специфика этого региона. У адыгов на западе торжествовало крестьянское общество — после восстания шапсугов 1867 года. Сванетия дадиановская и крестьянская. Смотрим Дагестан. Там тоже получилась сложная картина: аристократическое общество находилось внутри крестьянского джамаата. Уникальность Чечни состоит в том, что эта революция победила с 1783 года, когда изгнали последнего князя и наступило абсолютное равенство, абсолютная демократизация.

Но поведенчески это была попытка населения перейти на уровень

аристократического поведения повсюду. Все получили право носить кинжал — аристократический знак. Возник менталитет, который выражается в разных формах. Вроде того, что между богом и мной никто не стоит, то есть никакой князь. Прошла аристократизация. Конечно, она корявая, не всегда утонченная. Но это аристократизация поведения. Чеченская аристократизация очень нормированная — по параметрам тела, поведению, отсутствию сутулости. Это — очень нормированная попытка крестьянского общества стать аристократическим. Тогда ставим такой вопрос: а что происходит сегодня? Вот эти крестьянские фамильные съезды — что это такое? Это идет революционное крестьянское движение за этикетные права, за то, чтобы не считать себя хуже соседей. Это — попытка принять аристократическую норму поведения. Я был на многих крестьянских собраниях и видел, что на них идет борьба за аристократическую модель: «Ты идешь в армию — нас не позорь, а ты почему от мужа убежала и т.д.» — вот на этом уровне неосознанно строится система аристократического поведения.

— С моей точки зрения, в очень интересном докладе моего коллеги все-таки представлена не реальная картина, а мечта, иллюзия, представление о том обществе, которое могло бы быть на Кавказе в какие-то исторические периоды. И уж тем более оно никак не связано с современностью. Я тоже много работаю на Северном Кавказе и думаю, что нужно обращать внимание на слова кабардинцев, черкесов о самих себе, но доверять им нельзя. Нужно обязательно изучать соотношение слов и поведения. Если проверять это по архивным материалам, то получается, что уже в XIX веке в традиционных обществах были разные варианты и нормы поведения, и в том числе соседская взаимопомощь, которая в некоторой степени есть и сейчас. Но и в XIX веке у кабардинцев среди привилегированных сословий не всегда оказывалась взаимная помощь. И князья даже обращались к российской администрации с просьбой надавить, так сказать, на родственников, чтобы они оказали помощь. В жизни есть и то, и другое, и третье. И мне кажется, что особенно опасно воспринимать такие выступления, в которых говорится, что меня обязательно примут как почетного гостя. Уже в XIX веке была дифференцированная шкала приема гостей и типология гостей и были критерии, по которым определялась почетность гостей и, соответственно, как их принимать. Это не плохо и не хорошо, это просто данность, с которой нужно считаться, нужно ее изучать, нужно относиться к ней с уважением. Не нужно идеализировать жизнь, из-за чего возникает ощущение, что произошла девальвация. Есть и гостеприимство, и взаимопомощь, но есть и совершенно другие проявления. И мне кажется, что необходим некоторый здоровый скептицизм при восприятии кавказского слова, представлений кавказцев о своей жизни. Его нужно в себе вырабатывать, может быть, даже усилием воли.

— Я приводил вам суждение Фридриха Ницше, что иллюзия свойственна менталитету аристократии. А страх перед жизнью и недоверие — свойственны черни. Это было сказано очень давно и точно.

— Какова перспектива той модели, которая изложена в докладе, в условиях происходящей коммуникационной революции на примере кавказских диаспор вне Кавказа? Как на этой модели может сказываться традиционный пиетет многих кавказских этносов к высшему образованию?

— Та модель, которую я обрисовал, названа демократическим аристократизмом. Вот на что чеченцы вытянули. Не на феодально-сословный аристократизм, а на демократический. У меня было удивительное ощущение, когда я в 1996 году работал в США, что это общество демократических аристократов в массовом количестве. Они обладают умением поддержать свое достоинство, скромность в потребностях, благородную замкнутость. Человек не бросится помогать, пока ты его не попросишь. Это «кавказские» черты... Там же я попал в одну чеченскую общину, где командует Азбек. Я с ним подружился, жил у него дней десять. Он очень активный человек. Устраивает браки между кавказцами. Сам Азбек — чеченец, жена у него — карачаевка. Ближайшее окружение — чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы. Не подходит, не нравится парню никто из избранниц, следующей идет, кто бы вы думали? Американка русского происхождения. Самой последней в очереди будет англосаксонка. Так и живет эта замкнутая, очень активная в социальной жизни община. У тех, кто в нее входит, нет никакого комплекса неполноценности. Они ориентированы во всех институтах, правах, участвуют в пикетах перед Капитолием против войны.

— Я что-то не припомню, чтобы аксакалы делились на аристократов и на крестьян. Это с одной стороны. А с другой стороны, если вдуматься, почему они дожили до такого старого возраста в сталинское время? Как они пережили сталинское время? Я не имею в виду чеченских стариков, которые разделили участь всего народа. А вот, допустим, народ, который жил все время на своей территории: чем человек больше высовывался в сталинское время, тем он больше получал. Он бы не дожился до своего возраста или дожился бы где-нибудь в Сибири. Вот эти старики — каких поведенческих норм они носители? Норм выживания под тоталитарным гнетом или, действительно, носители традиций? Здесь говорили о каком-то равномерном распределении традиций. Чему тут удивляться? Вот казаки. Они приехали на Кавказ и сходу переняли нашу одежду, традиции, обычаи, несмотря на то, что были иноязычными. Дело в открытости кавказского общества к казакам, которые первоначально были не устоем самодержавия, а просто беженцами. Чем

более открыто общество, тем более оно отходит от традиций. Теперь что касается мифов. Может быть, мифологизация есть форма самообороны. Почему всегда ценились цари, которые приходили откуда-то издали? Допустим, те же самые варяги. Потому что они не были на уровне толков, на уровне острых бабьих языков, не были вовлечены в распри, не были в них замешаны, были от них отстранены. Где-то нашли мальчика, он не от нашего грешного общества, этот образ наделен сакральностью. Это видоизменение непорочного зачатия, скажем так.

И об умении работать. Оно присуще кавказским князьям, но не всем. Грузинские князья, допустим, гордятся тем, что никогда палец об палец не ударили. А северокавказские князья должны сохранять свое достоинство даже тогда, когда их не поддерживают зависимые от них люди.

— Мне трудно ответить на все вопросы. Какие-то бытовые моменты я могу проиллюстрировать примерами. Вот в Абхазии я почему-то застелил за собой постель. И старушка, которая вошла в комнату, сказала: «Он себя ведет как настоящий *аамста*». Мне стало смешно. Потому что я не всегда так поступаю. Очень хороший вопрос по поводу возрастной мудрости. У меня есть небольшой среднеазиатский опыт. Действительно, личность человека тюркской национальности более стабильная по сравнению с кавказской. Я ее называю менторской. Туда входят близкие отношения с родственниками. Кавказец очень одинок. Особенно аристократический кавказец. Особенно одинок чеченец. Он очень интровертен. Чеченцы говорят, что они психологически ближе всего к армянам. Это так: если дерутся, то молча, а не как грузины, где будет много шума и народу. Структура чеченской личности такова: возраст человека на три периода делится резко — юношество, средний возраст и старость. Поведение человека по мере перехода из одного периода в другой кардинально меняется. В юности это абреческая личность, хулиган. Абрек — это изгой, свободный человек, предпочитающий свободу абсолютно всему. Он может быть дурным, а может быть и хорошим — на благо обществу. Но он — абрек. В среднем возрасте чеченец женится и становится работягой. Ему непременно нужно, чтобы у него в доме было на один холодильник больше, чем у соседа. Эти люди за копейку пахали по пятнадцать часов. Последний возраст — старческий. В этом возрасте человек должен стать мудрым. Этого от него требует общество. Что происходит сейчас? До 80-х годов я замечал, что модным было продержаться в абреческом статусе. В Москву смотаться, в Питер, если имеются деньжата. Есть такое чеченское выражение — «раскидисто пожить». Сейчас я замечаю, что мои молодые друзья напяливают на себя более старые модели, рано начинают солидничать. Может быть, из-за этого идет какая-то

бюрократизация. Структуры власти в Грозном окружены претендентами на всякие должности. Обязательно папочка будет, пусть тоненькая, но что-то там лежит. Это не абреческая личность.

Ара Недолян

Единство Кавказа не может предшествовать его бытию

Единителей Кавказа сегодня очень много. Горячими сторонниками этой идеи являются власти Грузии и Азербайджана, она встречает благосклонность и поддержку США, международных и европейских организаций, действующих в регионе. На территории российского Северного Кавказа эта идея существует в двух ипостасях – российской и антироссийской, конечные устремления инициаторов как той, так и другой перестают ограничиваться рамками Северного Кавказа, также тяготея к общекавказскому единству. На собственно общекавказскую идею наслаиваются другие региональные проекты - Великого Шелкового пути, Черноморского экономического сотрудничества, а также клубок проектов и прожектов, объединенных под названием "Каспийская нефть".

Есть у идеи и противники, в частности, в Армении многие склонны рассматривать общекавказскую игру, а также прочие региональные инициативы как угрозу политическому и военному присутствию России в регионе и канал для усиления влияния Турции и Азербайджана на Кавказе. Европа, по всей вероятности, видит в интеграционных мероприятиях стабилизирующий фактор, позволяющий задействовать коммуникационные возможности региона под европейским патронажем и в интересах Европы. США, возможно, видят в них же дестабилизирующий фактор, ведущий к объективному росту сепаратизма и национализма на Кавказе и тем самым гарантирующий надолго коммуникационную запертость региона для России, Ирана, Европы. Отношение России весьма двойственно - с одной стороны, в последнее время складывается система стратегического партнерства России с континентальной Европой, и появляется перспектива совместного европейско-российского экономического, политического и коммуникационного присутствия в регионе, с другой стороны, имеется существенный риск вытеснения России из региона либо в случае, если возобладает деструктивно-интеграционная линия, либо в случае, если Европа на Кавказе не возьмет Россию в долю.

Азербайджан может надеяться на создание благоприятного климата в регионе для реального разворачивания нефтяных проектов, Грузия может видеть для себя перспективу становления региональным центром экономической и политической коммуникации. Вместе с тем Грузия и Азербайджан рискуют своей государственной целостностью, точнее, унитарностью в случае, если единый Кавказ будет организовываться по федеративному типу, что, повидимому, молчаливо предполагается. Например, выдвигавшаяся когда-то тройственная кавказская инициатива Грузии, Чечни и Азербайджана (берем ее здесь как модель, поскольку в эпоху существования почти независимой Чечни контуры потенциальных процессов просматривались наиболее отчетливо) могла трактоваться как попытка присоединения Чечни к Грузии и Азербайджану, и тогда в действие может вступить уже высказывавшаяся некоторыми политиками и аналитиками формула "Чечня в обмен на..." При этом в обмен могут последовательно предлагаться Абхазия, Карабах, Аджария, Нахичевань, Ю.Осетия, Мингрелия, Лезгистан, Джавахетия, Талышстан, при этом, хотя вопрос, разумеется, как-либо решен не будет, подобные предложения будут де-факто рождать или поддерживать энтузиазм в названных регионах, служить предметом бесконечной политической игры, расшатывающей унитаризм.

Армения, как было сказано, с одной стороны боится оказаться в изоляции в случае турецкого-азербайджанского доминирования в Единстве, а с другой, испытывает соблазн форсировать процесс федерализации, рассчитывая при этом использовать преимущества своей этнической монолитности для повышения своего политического веса в регионе и при этом получить доступ ко всем благам экономической интеграции. Северокавказские республики - опасаются быть втянутыми в войну всех против всех (например, чечено-дагестанский конфликт грозил "эффектом домино"), надеются на повышение уровня своей политической самостоятельности и экономическое процветание в случае их присутствия в Едином Кавказе. Турция - с одной стороны, рассчитывает осуществить свою давнюю мечту и выйти через Кавказ в Среднюю Азию, во восстановив для себя "зависшую" после распада СССР геополитическую роль в мире, либо рискует получить на своих кавказских границах новый источник нестабильности (при том, что общий уровень стабильности как на границах Турции, так и внутри нее в последнее время стремительно падает), либо, столкнувшись на Кавказе с объединенной русско-европейской группировкой, ощутить прямое геополитическое давление на свои Черноморские проливы (ситуация кануна 1 мировой войны, только вместо Англии в новой Антанте будет Германия). Иран - в случае дестабилизации либо турецкого доминирования опасается получить сильный деструктивный импульс в Южном Азербайджане, вместе с тем,

надеется на образование зоны стратегического партнерства с Европой и Россией непосредственно у своих границ.

США - одно время казалось, что они собираются посредством Турции установить контроль над Кавказом и Средней Азией, вытеснив оттуда Россию и не дав внедриться Европе. От этого проистекли бы огромные выгоды для Турции при отсутствии оных для США. Вытеснить Россию, не пустить Европу, не дать задействовать кавказский коммуникационный узел можно и методами деструктивной интеграции, каспийская же нефть самим Штатам определенно не нужна (что бы они с ней делали?), равно как и коммуникации Китай-Европа, Европа - Персидский залив, а также дальнейшее усиление Турции. Следовательно, единственная реальная ставка США - деструктивная интеграция.

Что мы понимаем под деструктивной интеграцией? Первое, и основное - это возникновение резонанса конфликтов. Конфликты должны быть знакомы друг с другом в пределах одного региона, должно быть налажено межтеатровое взаимодействие и взаимовлияние конфликтов путем их помещения во внешнюю информационную среду, предоставление сторонам конфликта широких возможностей в информационной войне. Стать стороной конфликта, далее, приглашается как можно большее число участников - скажем, на ролях посредников и миротворцев, которых либо обижают конфликтующие, либо они сами, занимая ту или иную позицию, становятся источником различных надежд, разочарований, радостей и горестей для сторон конфликта. Далее - ведется поиск единых принципов урегулирования конфликтов (формулировать которые в последнее время поручено ОБСЕ). Ни один из реальных конфликтов, как назло, Единому принципу не соответствует. Это похоже на логику пожарника - концептуалиста, который, видя в доме несколько очагов возгорания, ждет, чтобы они соединились в один большой пожар, чтобы затем ударить из водяной пушки - возиться с огнетушителями ему неохота. С целью поддержать развитие конфликта вводятся парные принципы, противоречащие друг другу - пресловутые право на самоопределение и нерушимость границ, государственная безопасность и демократия, национализм и глобализация. Деструктивная интеграция в пределах региона - это интегрирование, сведение воедино всех конфликтов и противоречий, в регионе имеющихся, под предлогом поиска универсального решения для всех. Примером деструктивной интеграции является Кавказ 1918 года, Кавказ эпохи перестройки. Преобладает ли на сегодня деструктивная тенденция? Думается, да. Практически все перечисленные выше внешние игроки способны стать источником деструкции, поскольку между ними нет и не скоро будет внятное, рациональное и непререкаемое согласие по вопросам будущего Кавказа. Внутренний потенциал деструкции также очень велик, не предпринимается самостоятельных, решительных,

результативных и реальных (то есть "нетрадиционных", не тяготеющих к "единому решению") мер по разрешению конфликтов, не предпринимаются институциональных шагов по исчерпанию латентных конфликтов.

Существует проблема "ориентаций", например, противопоставление "русской" и "западной". Велика степень внушаемости, манипулируемости общественного мнения и национальных элит. Общественные нравы весьма деградировали, от объединения в первую очередь выиграет криминалитет, который получит возможность резко расширить размах своих операций (в компании со спецслужбами).

Таким образом, при том, что деструктивная интеграция, вроде бы, не устраивает никого, логика событий, единение Кавказа, превращение его в функциональную часть Большого пространства применяющимися сейчас политическими технологиями ведет именно в этом направлении.

КАВКАЗСКИЙ ДОМ ИЛИ ГЕТТО?

Большое пространство возможно двояко: как пространство для других - упомянутых Европы, России, Турции, Ирана - и как пространство для себя, для самих народов Кавказа. В первом случае идеальным вариантом для внешних сил является Кавказ без кавказцев: речь не идет, разумеется, о развернутом человекоубийстве, речь идет о стабильности - то есть подавлении политической воли населяющих Кавказ народов - и о стандартах существования, которые обеспечили бы бесперебойное функционирование коммуникационных систем. Для этого также надо подавить, или, по крайней мере, вытеснить ту волю народов, которая непосредственно формирует всю окружающую среду, вплоть до ландшафта, в маргинальные сферы общественной жизни. Взамен будут порядок и деньги. В этом отношении Советский Союз был на порядок гуманнее - он старался использовать не территорию, а людей Кавказа для создания общества, государства, большого пространства нового типа, что частично совпадало с интересами самих народов, по крайней мере, давало им некоторый простор для самовыражения почти во всех сферах жизни, за исключением, пожалуй, экономической (несамостоятельная индустрия - до сих пор проклятие и головная боль всех кавказских государств), а также религиозной и вообще идейной, хотя философы класса Мамардашвили или Свасьяна все же допускались, несмотря на их сомнительную причастность к построению коммунизма и борьбе с мировым империализмом. Сегодня все обстоит много скуднее - Кавказ пока воспринимается внешними силами лишь как важное пространство, на котором желательно обеспечить нейтрализацию населяющих его народов. Звизда Гамсахурдия и Эльчибея,

которые пытались выразить хоть какую-то (не вдаемся в анализ качества) национальную самость, нейтрализовывали всем миром, под всеобщее ликование. Левона Тер-Петросяна, который эту самость, напротив, недолюбливал, ликвидировали под внутреннее ликование и внешнее огорчение. Итак, мы можем констатировать наличие еще одного сомнительного типа интеграции - нивелирующе-внешнего. Не исключено, что сегодня народы Кавказа готовы принять этот сценарий, обнаружив за годы несоветской жизни в себе большой дефицит созидательной творческой способности и ностальгию по тем временам, когда регион был под внешним контролем. Бакинцы и тифлисцы с ностальгией вспоминают свои города начала века, когда они были региональными культурными столицами, смеющимися соперничать в культурности и утонченности с Москвой, Петербургом и Константинополем, а может, и с самим Парижем, неплохо обстояли дела и в советское время, хотя ухудшение уже шло. Но сегодня, напомним, нужны не они сами - нужны их территории, в городах нужны не их театры и музеи, а отели и телефоны.

Чем же может быть единый Кавказ для самого себя? Возможна ли положительная интеграция Кавказа? Пока телетайп нам доносит о коррупции, некомпетентности, разрухе, преступности, проигранных боях, вряд ли мы захотим интегрироваться. Притерпевшись кое-как к своим правительствам, мы вряд ли потерпим какое-либо вмешательство чужого кавказского правительства. Принимая как данность тяжкую руку иностранных держав, мы утешаемся маневренной игрой с ними, которую ведут наши ведомства иностранных дел, используя, как основной источник свободы маневра, именно региональные противоречия. Глядя на свою голодную и недисциплинированную армию, мы утешаемся тем, что в трудную минуту, возможно, на нее можно будет положиться. Общекавказские силы по поддержанию порядка не будут вызывать доверия ни у кого. Конкретный, созданный из конкретных нас Общий Кавказ будет Содомом и Гоморрой, станет значительно непригляднее наших и так достаточно неприглядных национальных государств, потому что национальные государства, во первых, есть неизбежность, и во вторых о них заботятся, кроме мафиози, монетаристов и политиканов, миллионы простых людей, выходящих на работу, хотя им не платят зарплаты, не убивающих на улице, хотя их за это не накажут, живущих и стремящихся к благу, потому что они - люди и живут в своей стране, на своей Родине. Единый же Кавказ пока есть абстракция политиканов, монетаристов и мафиози, и о нем некому позаботиться в человеческом смысле (разве что какая-либо нация окажется настолько сильна, что поставит весь Кавказ под свой контроль, станет "региональным жандармом"). Симптоматично, что в условиях падения нравов и одичания все постсоветские государства, от Эстонии до Армении, стремятся

ликвидировать "пришлых" и воспринимают свои диаспоры в СНГ как возможный источник боли либо позора. В условиях отступления, как известно, мосты взрываются, чтоб не дать переправиться противнику. Со взорванными мостами мы не можем стать проницаемыми.

На сегодня с нами происходит худшее, что себе можно представить - мы вступили в противоречие со своей сущностью и своим долгом. Сегодня нужна нравственная и политическая воля для того, чтобы восстановить свою правильную ориентацию в мире, стать самими собой.

ЕСЛИ ПРОСНЕТСЯ ВОЛЯ

Кавказ во многом един. Многие традиции и типические черты, которые считаются национальными, на самом деле имеют общекавказский характер. Кавказ также является географически и геополитически воистину единым регионом, но пронизанным внешними ориентациями и внешними влияниями. Потенциальный субъект, которому для актуализации не хватает воли к чему-то, автономного видения мира, способности генерировать и утверждать свои собственные идеи и ценности. Кавказ един, если он стремится ко благу, к активной человеческой роли в современном мире, при том, что уже, всего вероятнее, не найдется никого, кто бы ему эту волю навязал, даровал, показал - в этом источник независимости кавказских государств как человеческих сообществ, а не территориально-административных единиц. В настоящее время в Европе, России и Азии заметна тенденция возникновения того самого "нового мышления", отсутствие которого в свое время чуть не предопределило трагическое развитие постперестроечного процесса. Суть его - в осознании того, что есть будущее и надо жить дальше. В том, что все "бытовые" эмоции, которыми до сей поры руководствовалась политика как Европы, так и России и Азии, становятся несостоятельными перед лицом забрезжившей цели - экономического, политического, культурного, духовного, цивилизационного единства Евразии. Эта тенденция еще не видна однозначно в зеркале общественного сознания, еще очень сильны ценности экспансии и подавления, но политическая, духовно-культурная конвергенция началась - как и было сказано, "процесс пошел", несмотря на то, что "конвергенция", "новое мышление", "общечеловеческие ценности" некое десятилетие виделись сплошным обманом и вздором. Процесс все еще балансирует между деструктивной и конструктивной интеграциями, и в тех местах, особенно в тех местах, где проходят стыки прежних цивилизаций, нужно возникновение позвоночника, мозга, глаза, духа, чтобы процесс не превратился в вегетативное расползание европейского, русского и

азиатского мещанства, мещанства, стремящегося тем самым возвестись в куб, стать неодолимым, абсолютным. До нас, до зон стыков, доходит не дух новой цивилизации, а самые низменные ее щупальца - нефтяные, культуртрегерские, конфликтологические, наглые, корыстные, жестокие - и надо, чтобы они наткнулись на открытый взгляд, на жесткость руки, упирающейся в грудь, чтобы вместо прущего тела, уверенного, что оно прется в пустоту, был задействован разум, обнаруживший, что на месте предполагаемой пустоты есть кто-то, имеющий право задавать вопросы. Противодействие автоматизму происходящего, категорическое отвергание молчаливо подразумевающихся правил игры, преодоление глубокого взаимного неуважения, выражающегося в алгоритмическом восприятии Другого. Вегетативное мещанство - и местное, и прущееся - алгоритмично, дух - конкретен и индивидуален. Встречающий кавказский дух должен быть наделен плотью, обликом, формой, речью, а не быть абстрактным словесно-политическим фантомом.

ЕСЛИ ПРОСНЕТСЯ СТИЛЬ

Кавказ - особая, прекрасная, нигде не повторенная страна, населенная особым, невиданно прекрасным народом. Золотые видения истории, плавно и непосредственно перетекающие в миф, в эпос, в божественное, место великого привала и полуденного отдыха всех цивилизаций древности, всех уже и не исторических, а сказочных путей великих кочевий, когда человечество блуждало по девственной суше, окруженное богами и демонами. Старые боги этих кочевий, тайные, эзотерические пути христианства и ислама окружают нас, пролегают сквозь нас, под нами, над нами, вокруг - в облике встреченного, в священности гостя, в ритуале каждого жизненного проявления, суда и мира, дома и храма, дороги и смерти. Бывали и есть среди нас люди, которым дано чувствовать нашу кавказскую душу, притом что у каждой нации и каждого человека - свой путь и своя тайна. Но тотальная одухотворенность нашего мира просыпается у Руставели и Саят-Новы, Параджанова и Абуладзе, Пиросмани и Искандера. Потеряно и забыто многое, многое непонято и ждет своего часа. Но оно, это общее, есть и не подлежит смятению житейско-политических бурь.

Великий Шелковый путь. Путь из Европы в Персию, из Европы в Китай. Идя по этому пути, торговец или пилигрим, мудрец или вестник, проповедник или посол встречал тысячи людей, сотни городов и караван-сараев, десятки раз рассказывал и показывал, чем торгует, что проповедует, о чем думает, во что верит, сопоставлял и обменивался, становился частицей бесконечного жизненного коловращения, тока крови человечества.

Это было путешествием души, ищущей самую себя, это путешествие пролегало через людей и их духовные миры. Именно так осуществляется подлинная, а не мнимая коммуникация, именно на этом пути просыпается индивидуальность, разделяются добро и зло, взаимодействуют цивилизации, подобное знакомится с подобным. Не трубы и железные дороги, не договора и конвенции, а живая человеческая цепь, цепь индивидуальностей связывают каждое место мира со всеми остальными, только по этой цепи возможно подлинное общение. Там, где эти цепи разорваны, с легкостью прорывается зло, вполне довольствующееся железными дорогами и аэродромами, рассекающее и умерщвляющее все, мимо чего оно проносится.

Наша задача - способствовать евразийскому диалогу. Мы - стык цивилизаций. В качестве такового, одна из активно применяющихся американских геополитических концепций (доктрина Хантингтона) уготовила нам роль поля боя в "войне цивилизаций". Переломить эту тенденцию – наша миссия и наш долг. Но коммуникация должна осуществляться не только через нашу территорию, но и через нас самих. Проходя, нам должны поверять душу и мысли, называться по имени и петь свои песни. Мы должны оставить в себе, в своей памяти каждого путника и его душу, молиться за успех его предприятия, если оно добро, и решительно поворачивать обратно того, кто замыслил недоброе. Золотой мост либо край света, место привала и отчета - не столько перед нами, сколько перед самим собой. Но для этого здесь должны быть мы, Мы должны быть.

3. ВОЗМОЖНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО СЕКТОРА В КОНТЕКСТЕ СЕГОДНЯШНЕЙ СИТУАЦИИ НА КАВКАЗЕ

*Для восстановления самости на Кавказе, особенно Северном, логично оперировать именно теми единицами, где такая самость традиционно, исторически и фактически присутствует – единицами, не превышающими размера сел и подрайонов – современный административный район в условиях Кавказа – это уже слишком много. И, во-вторых, устранить такое уродливое явление, как этнократизм, всевластие «титულных наций» при фактически официальном бесправии наций «нетитулных». Однако здесь мы встречаемся с уже обозначенным противоречием – дробление до размеров «естественной идентичности» не закроет ли перед этими самыми дробными микронародами (фактически, племенами) дорогу к прогрессу «больших пространств» – духовному, государственному, культурному? Уравновешивание прав и полномочий не приведет ли к фактической стагнации, неспособности к принятию определенных необходимых решений в достаточных масштабах? Этнолог **Сергей Арутюнов** предлагает свое решение проблемы.*

Сергей Арутюнов

Институт этнологии и антропологии РАН

Этнократия или демократия? Традиции Северного Кавказа

Нет необходимости доказывать вполне очевидный факт: весь Северный Кавказ, или «Российский Кавказ», является сегодня зоной сплошных, сложных и взаимопереплетающихся конфликтов. Собственно говоря, зона эта гораздо шире и охватывает весь Кавказ в целом, однако в независимых, хотя бы формально, государствах

Южного Кавказа, именно в силу этой независимости, пусть и очень относительной, конфликтность приобретает свои особые, специфичные черты, требующие отдельного рассмотрения. Поэтому в данном сообщении я ограничусь рассмотрением только Российского Кавказа, частично затрагивая лишь сопредельные, тесно связанные с Северным Кавказом, территории Грузии, прежде всего Абхазию и Южную Осетию.

Российский Кавказ состоит из 9 регионов — субъектов Российской Федерации. Семь из них являются национальными республиками: Адыгея, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Ингушетия, Чечения и Дагестан. При этом в этническом составе этих республик русские составляют в Адыгее абсолютное, а в Карачаево-Черкессии относительное большинство, а так называемые титульные нации составляют абсолютное большинство только в Ингушетии и Чечении.

Еще два региона — это Краснодарский и Ставропольский края, где весомое этническое большинство составляют русские, хотя эти русские разделены по происхождению на казачий и неказачий, так называемый иногородний, компоненты. В этих регионах присутствуют также многочисленные, нередко компактно расселенные, притом иногда более давние, чем русские, этнические меньшинства.

Современные государства Южного Кавказа, что бы кто ни говорил, безусловно этнократичны. Их этнократизм порожден идеологией «буржуазного национализма», развившегося в грузинской, армянской, азербайджанской буржуазной среде в ходе ее становления в рамках Российской империи. Альтернативная идеология «пролетарского интернационализма», исповедывавшаяся ранними большевиками, имела результатом создания ЗСФСР (Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики). Фактический отказ от этой идеологии в период сталинизма привел к ликвидации ЗСФСР и к утверждению этнократии национальных партийных элит в рамках союзных республик при почти что гласном неполноправии всех этнических меньшинств в каждой республике, а затем к распаду СССР и оформлению нынешних этнократий.

У народов Северного Кавказа в силу неразвитости капиталистических отношений буржуазный национализм сформироваться просто не успел. Горско-русские противоречия здесь имели форму религиозной борьбы и горской антиколониальной солидарности. После Октябрьской революции соответственно первоначально образовалась Горская Республика. Ее дробление по этническому признаку было связано с тактическими целями большевиков, и в ее осколках в конце концов сформировались свои партийные этнические элиты, для которых примером и моделью послужили республики Закавказья.

Таким образом, можно считать, что формирование ярко выраженных этнократий на всем (кроме Дагестана) Северном Кавказе есть результат политики и идеологии

сталинизма. В Дагестане действует своего рода консоциальная этнократия в основном двух — аварской и даргинской — элит. Но и здесь неравноправие этнических меньшинств не меньше, если не больше, чем в других регионах Кавказа. Наконец, и Краснодарский, и Ставропольский края суть тоже этнократические организмы, но здесь элита этнически русская.

Характер этнократических элит во всех регионах Северного Кавказа сущностно одинаков. Это — наследники прежней советской номенклатурной элиты, вступившей в симбиоз с новой крупной буржуазией (так называемой олигархией). При этом все компоненты элит так или иначе имеют свои коррумпированные, криминальные, компрадорские грани. Для «олигархов» этничность менее релевантна, чем для номенклатурников, но вне зависимости от этнической принадлежности, они обычно поддерживают местную этнократию, ибо это условие благополучия их бизнеса.

Конечно, почти все, сказанное выше насчет криминала, можно повторить и в отношении общероссийской суперэлиты, но без этнического аспекта. Сегодня общероссийская, питерская, московская элита бизнеса и власти явно не этнократична. Напротив, этнократичны в своей идеологии как раз ее маргинальные оппоненты — от ампиловцев и лимоновцев до макашовцев и баркашовцев.

Кроме того, существует немаловажное различие в отношениях центральной суперэлиты и местных этнократий в советское и постсоветское время. В СССР региональные этнократы были послушной и надежной опорой центра. В РФ интересы центра и этнических элит часто расходятся. Отсюда стремление центра выстроить вертикаль власти с рычагами, ограничивающими этнократию, отобрать у нее в свою пользу большинство присвоенных ею полномочий. Но этот путь бесперспективен. Россия слишком велика, своеобразие ее неславянских регионов слишком значительно, чтобы все местные процессы были управляемы из единого центра.

Обращаясь к историческим традициям реализации власти на Северном Кавказе, легко заметить, что этнократическая централизация, вертикальная и пирамидальная структура власти на протяжении многих веков до русского завоевания Кавказа были чужды местным традициям. Власть верховных князей была отнюдь не абсолютной, а напротив, более символической, нежели реальной. Адыгское общество в своей западной части состояло как из *демократических племен*, в которых княжеская власть вообще была отменена, так и из аристократических племен с иерархией князей и дворян-уорков различных степеней. Притом даже дворянин не очень высокого статуса, если он был владельцем селения, именовался «*куажэти*» — буквально «князь села» и был в значительной мере независим от своего серьора. Кабардинцы, — восточные адыги, были

более организованной силой, самой мощной на Кавказе, но и тут власть делилась между несколькими фамилиями, а верховный князь обладал скорее почетным, нежели реальным административным авторитетом; иноэтничные вассалы, хотя и несли в пользу своих сеньоров ряд довольно тяжелых повинностей, тем не менее в пределах своих небольших владений оставались довольно независимы.

Никакой единой ингушской или чеченской власти никогда не существовало. Общество делилось на племена-тухумы и роды-тейпы, властные решения принимались только через консенсус старейшин, через советы (кхел) и касались только отдельных крупных сел или их групп. В Дагестане отдельные небольшие феодальные владения строились в основном на этнической основе, но никогда не охватывали всего этноса в целом. Часть территории была в более или менее реальном подчинении у феодала (хана, шамхала, эмира, уцмия). Одна часть общин (джамаатов) была связана с ним относительно вассальными формами зависимости, а другая, и весьма значительная, часть джамаатов вообще представляла собой так называемые вольные общества, — небольшие независимые «республики» полисного типа, управлявшиеся опять таки на основе консенсуса старейшин. Характерен пример джамаата Кубачи, населенного кубачинским этносом, родственным даргинцам и кайтагцам. Джамаат Кубачи имел яркую специализацию по металлообработке и оружейному делу и формально был вассально зависим от кайтагского уцмия. Однако посещать Кубачи уцмий мог только заручившись личными гарантиями какого-либо влиятельного члена общины, который встречал его за пределами села, сопровождал и охранял во все время пребывания на территории джамаата.

Таким образом, можно констатировать, что нынешнее этнократическое всевластие «удельных князей» — президентов кавказских республик, равно как и губернаторов краев, не соответствует традициям кавказской этнографической ментальности. Напротив, оно скорее ей противоречит. Именно это всевластие, использование властных вертикалей для создания явных преимуществ элите одного этноса или даже племени либо клана, является источником этнических конфликтов и напряжений, так как оно препятствует консоциально-демократическим горизонтальным связям как низовых, одноэтносных, так и в особенности полиэтнических ячеек сложного общества — мелких ущельных обществ и отдельных джамаатов.

Стихийный протест снизу против всевластия коррумпированной властной вертикали проявился осенью 1999 года в Дагестане, притом среди даргинцев, стоящих, наряду с аварцами, на вершине шкалы этнократического престижа, однако в той части даргинского общества, в той его джамаатной ячейке, которая не только не могла

рассчитывать на привилегии, но и подвергалась самым наглým поборам и терпела наибольший властный произвол. Это — промышленяющее автомобильным извозом население сел Кадарской зоны (Карамахи, Чобанмахи и др.). В данных конкретных условиях протест принял религиозную, — «ваххабитскую» форму. Но суть его была не в этом, а в том, что группа джамаатов объединилась горизонтальными связями в самоуправляемый по собственным нормам «кантон», который изгнал со своей территории полицейскую власть «вертикали». Вторжение боевиков из Чечении в Дагестан дало повод властям военным путем ликвидировать мятежный кантон. Однако следует признать, что его кратковременное существование было закономерным и во многом правомерным явлением, что, в частности, признал при посещении его в 1998 году С. Степашин.

Ныне джамааты, аульные и ущельные общества никак не представлены в структуре власти. Между тем их скрытое влияние остается значительным. Даже сами этнократические лидеры и политики местного масштаба опираются нередко на поддержку тех джамаатов и аулов, где сосредоточены их родственники и связанная с ними клиентела. Сходную роль играют тухумные и тейповые связи, также коррелирующие с отдельными поселениями и группами.

В настоящее время республики и края Кавказа административно делятся на районы. Районы эти слишком велики для дробных масштабов Кавказа, они почти не имеют властных прерогатив, далеки от уровня принятия решений, их границы определялись во многом произвольно и не совпадают с реальными границами этносов и обществ.

Я полагаю, что оптимизация межэтнических отношений и снятие предпосылок конфликтов много выиграют от введения в республиках и краях Кавказа кантонально-общинной модели швейцарского конфедерационного типа, с предоставлением на уровень кантонов и общин полномочий принятия решений по вопросам местного масштаба.

Такое преобразование, несомненно, вызовет ожесточенное сопротивление местных этнократических баронов. Однако на федеральном уровне оно может быть поддержано. Ныне немалая часть власти у местных баронов так или иначе изымается, но пока только для передачи ее вверх, в федеральный центр, который с таким многообразием проблем явно не справится и будет вынужден снова делегировать эту власть вниз. Разумно будет, если адресатом такого делегирования окажутся власти местного значения. Сходные идеи недавно вновь выдвигал А.И. Солженицын касательно русского народного (земского) управления, но в нерусских областях необходимость их еще более настоятельна.

Представляется, что введение такого самоуправления соответствует традициям народов Кавказа и будет в их интересах. Но в целом оно не противоречит и интересам

федерального центра. Сопротивляться ему будет только номенклатурно-олигархическая элита. Напротив, местные жители среднего достатка, фермеры, мелкие и средние предприниматели, интеллигенция — врачи, учителя и другие поддержат его, так как их проблемы станут более легко решаемы. Принятие кантонального устройства с преобладанием мелких относительно этнически однородных кантонов может отчасти облегчить и преодоление абхазского и южно-осетинского кризиса, решение проблем кистинского населения в Панкисском ущелье, армянского населения в Джавахетии, способствовать частичной репатриации грузин в Абхазию, а месхетских турок в Грузию, поможет создать человеческие условия существования для другой их части в Краснодарском крае и т.д.

Конечно, относительно крупные города должны при этом выделяться в особые городские кантоны, которые неизбежно будут многонациональны. Для таких многонациональных единиц могут быть разработаны нормы пропорционального этнического представительства, что также не противоречит историческим традициям городской жизни на Кавказе.

Вопросы и мнения

— У меня вопрос к москвичам, которые не являются этническими русскими: каково ваше отношение или как вы интерпретируете общественное сознание Москвы, русских, России по отношению к событиям на Кавказе?

— Мрачно интерпретирую. Если употреблять аналогии, которые, конечно, всегда натянуты, всегда неполны, всегда могут вызвать массу возражений, то я бы сказал, что сегодняшняя российская власть — это, конечно, не Сталин и не Гитлер, но это молодежавый Гинденбург, при котором прокладывается, мостится дорога к приходу виртуального Гитлера. И в русском общественном мнении, которое сейчас, я бы сказал, явно правее, шовинизируется, нацифицируется, в настроениях этнических русских масс все более и более укрепляются этноцентристские и ксенофобские черты, которые в конце 20-х — начале 30-х годов в Германии привели к приходу нацистов к власти. Есть и противоположные силы. И главное, что истеблишмент русский, вот этот олигархический истеблишмент при всех его неприятных чертах, он, в общем, не заинтересован в таком приходе. Он сам по себе разделен, но он в таком приходе не заинтересован. Заинтересован больше многочисленный, к сожалению, очень многочисленный в России люмпен-класс. Но он настолько многочисленен, что может привести к власти нацистские силы где-

нибудь в 2008 году.

- К сожалению, есть объективные данные, проведено довольно много социологических опросов по этому поводу - вспомню только один, по-моему очень характерный, который проводился по поводу освещения в прессе событий, происходящих в Чечне. Результат получился поразительный, но, к сожалению, логичный. Люди знают, что официальные телевизионные каналы им врут, но люди не хотят информации объективной. Они на самом деле понимают, что в Чечне происходит не борьба с террористами, а уничтожение народа, но они с этим согласны, они просто не хотят, чтобы им это показывали. К сожалению, общественное мнение в этнически русской части российского народа таково.

— Если эта тенденция все-таки возобладает в российской политике, то каковы последствия? К чему это может привести? Я имею в виду, как на это Кавказ отреагирует и вообще к чему это может привести в рамках российского государства? Какие перспективы у российского государства?

Сергей Арутюнов

— К чему это привело в Германии, мы знаем. Но в Германии не был реализован план Моргентау и Германия смогла возродиться как могучее единое государство. Я думаю, что в случае с Россией, эта ошибка допущена уже не будет.

— Я являюсь сотрудником британского проекта, а также координатором добровольцев ООН в Джавахетии. Вы упомянули, что Чечня является постоянным источником напряжения. Я бы хотел обратить ваше внимание на Джавахетию. О ней особенно часто в последнее время идут дебаты. Является ли Джавахетия источником напряжения? И если да, то какие факторы влияют на это?

Сергей Арутюнов

— Джавахетия долгое время, к счастью, не была фактором напряженности. Я неоднократно говорил, что великое счастье армян, живущих в Грузии, что они не пошли по пути Абхазии и Южной Осетии. Но оказалось, что это было временно. И что все-таки пошли. Конечно, Джавахетия может стать мощным фактором напряженности. Что бы ни предприняло армянское население Джавахетии, оно ничего не выиграет. Это можно сказать заранее. А вот интересы Армянской республики от этого могут чудовищно

пострадать.

— Я хочу вернуться к тому вопросу, который был задан господину Арутюнову и касался корней национализма в Закавказье вообще. То есть корней абхазского, армянского, азербайджанского, грузинского и, конечно, осетинского национализма. Я не получил ответа на свой вопрос. Но я бы не стал выступать с этой репликой, если бы не вторая часть, которая представляется мне очень опасной. Дело в том, что господин Арутюнов позволил себе исторический экскурс. А это то, чего не надо делать. Я тут предвосхищаю некоторые части своего выступления, своего доклада, где как раз пытаюсь отстоять это представление.

Почему? Потому что война на Кавказе начиналась именно с предварительной идеологической обработки и подготовки. И участвовали в этом в основном историки. Каждая сторона пыталась доказать свою правду и именно это спровоцировало, на мой взгляд, те столкновения, которые потом произошли и в Южной Осетии, и в Закавказье. Исторический аргумент — это тот самый аргумент, который может нас всех здесь перессорить. Я специально просмотрел тематику нашего сегодняшнего форума, в том числе и секций, и в них нет ни одного слова, которое бы предполагало какие-то исторические экскурсии. Я вас всех призываю — не надо этого делать.

И хочу еще раз сказать о том, что я сюда ехал в составе грузинской делегации, по отношению к которой была проявлена высокая степень толерантности. Сегодня это слово было употреблено неоднократно. Если бы они меня или я их спровоцировал на историческую тематику, то уверяю вас, что я сюда бы не доехал. В лучшем случае, меня бы просто высадили, а в худшем — трудно предположить. Мы друг друга не провоцировали и, более того, первые уроки народной дипломатии были нами уже продемонстрированы в дороге. Я думаю, что грузинские коллеги это подтвердят. Я доволен и надеюсь, что и они тоже довольны. И я надеюсь, что вместе с ними вернусь тем же самым маршрутом. Уверяю вас, что я в своих выступлениях постараюсь не сказать ничего такого, что бы могло спровоцировать их на проявление агрессии или конфликта. Я предвосхищаю некоторые пункты своего выступления, но исторический момент является той самой загвоздкой, которая приводит к идеологическому обоснованию конфликтов.

И еще. Я себя не считаю специалистом по истории Южной Осетии. Если здесь присутствуют специалисты по Южной Осетии, которые готовы вступить в дискуссию, то я хочу сказать, что, наверное, надо пригласить и другую сторону, которая могла бы им оппонировать. Я оппонировать не могу. И еще раз повторяю — наша тематика не предполагает исторического аспекта.

— Чего вы боитесь? Ваше выступление через месяц тоже будет историческим аспектом. И что же мы не будем ссылаться на него?

Сергей Арутюнов

— Я нахожусь в парадоксальной ситуации. Сначала мне был задан вопрос, каковы исторические корни национализма на Кавказе? Затем выясняется, что на этот вопрос я должен ответить, не прибегая к историческим экскурсам. Должен сказать, что мне, в общем, как профессиональному историку сделать это довольно сложно. Я не представляю, как это можно было бы сделать. Мне представляется, что вообще большая опасность для мировой цивилизации в двадцать первом веке состоит во всевозможных этических запретах на науку. Нельзя заниматься ядерной физикой, это совершенствует оружие. Нельзя заниматься генной инженерией, нельзя заниматься клонированием, это, мол, выпустит из бутылки каких-то генетических джиннов. Нельзя заниматься историей, это выпустит из бутылки джиннов ненависти, подозрения и т.д. Многие стоят на этих позициях. Но я считаю, что человек, заинтересованный в прогрессе цивилизации, верящий в идею поступательного движения, верящий в идею прогресса, на таких позициях стоять не должен. Историей заниматься нужно, исторические экскурсии нужны, нужно исследовать исторические факты, историческую демографию, историческую статистику. Точно так же, как нужно исследовать ядерную физику.

Не нужно делать другого. Не нужно создавать запасы ядерных вооружений и не нужно недобросовестно, фальсифицируя историю, ставить ее в те же ангары, где хранятся ядерные вооружения. Не нужно создавать исторических вооружений. Здесь много говорилось, и это очень модно, о приоритете прав личности над правами группы, в том числе и этнической группы. Это является вообще-то прикрытием для того, чтобы сделать и группы, и входящих в них личностей безоружными перед агрессией глобализации, деэтнизации и, в конце концов, перед декультуризацией, которые являются характерными для двадцать первого века. Я считаю, что исторические экскурсии нужны хотя бы для того, чтобы показать, что этногенез данного народа проходил на данной территории и поэтому данный народ имеет несколько большее право считать данную территорию своим домом, чем те группы, этногенез которых не проходил на этой территории. Это очень важно, иначе будут растоптаны в России якуты, буряты, хакасы, мордва. Эти этносы будут просто растоптаны и их культуры будут просто уничтожены. Другое дело, что это должно делаться цивилизованным образом. Это всегда должен подчеркивать честный гражданин, честный историк, честный общественный деятель. Это никоим образом не означает изъятия у человека права жить в доме, который выстроил его отец, независимо от того,

откуда этот отец приехал и какой он был национальности. Здесь просто должна быть совесть, честность, гуманность каждого, кто говорит, каждого, кто пишет историческое исследование. И в этом плане должна осуществляться самоцензура, а вовсе не отказ от исторических экскурсов. Я не могу сказать, что я в осетино-грузинском конфликте стою на осетинской стороне или на грузинской стороне. Я как независимый эксперт, как исследователь вообще не стою ни на какой стороне. И я не говорю, что кто-то прав, а кто-то виноват. Как только начинается конфликт, даже самые правые очень быстро становятся столь же виноватыми, как и самые неправые. И мы, конечно, должны способствовать тому, чтобы конфликты смягчались. Но исторические экскурсы, а точнее говоря, исторические исследования не должны быть по этому случаю запрещаемыми.

— На мой взгляд, это очень распространенное заблуждение. Заблуждение не в том, что это совсем неправда, а заблуждение в том смысле, что это не вся правда. Я имею в виду точку зрения, согласно которой историки являются причиной конфликтов. Может быть, недобросовестные историки, может быть, историки вообще являются оружием в конфликте, но они никогда не являются собственно причиной конфликта. Когда в обществе есть социальный запрос на обоснование своих прав и общество воспринимает историю как достаточную, а на Кавказе это всегда так, то тогда появляются соответствующие историки, соответствующие писатели, соответствующие журналисты и т.д. Без социального запроса на конфликт этого не бывает. Не надо говорить, что у армян и у азербайджанцев не было причин для того, чтобы обосновывать свое право на ту или иную территорию, не было внутренних глубинных причин для конфликта, что конфликт вообще не имел истории и это сделали Балаян и Буниятов. Нет, это не так, социальный запрос на соответствующее идеологическое обеспечение конфликта если есть, то люди, которые будут писать историю соответствующим образом, найдутся. И причина не в них. Они не причина, а они орудие.

- Я хотела обратить внимание на то, что наша конференция научно-практическая. И каждый раз, принимая участие в этих конференциях, я вижу, как сложно практикам понимать теоретиков, а теоретикам практиков. Но те общественные, групповые и индивидуальные стереотипы, которые влияют на действия конфликтующих сторон, очень важны. И если между теоретиками и практиками не будет построен язык взаимопонимания, то вряд ли практики могут выйти из порочного круга собственной практики, потому что практикой практику не познать и в этом плане теоретики позволяют выйти на новый уровень абстракции и вводят понятия, которые позволяют видеть новые

проблемы и, соответственно, возвращаться в практику. Если мы с вами сможем в течение нашей конференции развенчать несколько устоявшиеся стереотипы, то, мне кажется, это будет большой вклад в продвижение к миру и пониманию, хотя бы на нашем уровне, потому что давайте признаем, что есть конфликтующие стороны, есть первичный конфликт и есть сообщество интеллектуалов или элитная группа интеллигенции, которая формирует отношение к конфликту. Мне кажется, что наша конференция — это та интеллектуальная элита, которая позволила бы себе иначе посмотреть на конфликт. И в этом плане без теоретиков вообще не обойтись, потому что язык понимания не будет совершенствоваться, язык будет оставаться в тех же рамках. На этом уровне — уровне коммуникации мы можем позволить себе обострить некоторые противоречия, но как некоторую модель, из которой мы можем найти выход вместе с практиками. Поэтому говорить обо всем, что непонятно в практике, мы здесь имеем право, потому что возвращение конфликта в коммуникацию гораздо эффективнее, выгоднее и рациональнее. Нежели обострение конфликта в практике. И вот здесь, уходя с этой конференции с новым видением и взглядами на конфликт, мы можем в общем-то развенчивать стереотипы, которые к концу конференции я как социолог представляю.

— Я нахожусь в большом смущении, ибо тут прозвучала некая оппозиция теории и практики. Но я — этнограф, я собираю народные обычаи по какой-либо научной программе. Я практик или теоретик? Так вот, с точки зрения этнографии, той науки, с позиции которой прозвучал здесь доклад Сергея Александровича Арутюнова, я целиком должен с ним солидаризироваться. Потому что тот материал, та субстанция, о которой он говорил, этническая, она всегда находится в оппозиции к государству. Раз уже речь зашла об истории, давайте я вам напомню об Августине Блаженном, основателе христианской церкви, одном из отцов церкви, авторе книги «О граде божием». Он воспел этот град божий после того, как готы захватили в 410 году Рим. И вы знаете, что сказал Августин о городе, о цивилизации римской? Он сказал, что государство — это шайка разбойников. Помните, пожалуйста, об этом и сейчас. И что он противопоставил? Он противопоставил духовные ценности. С этой позиции я слушал Сергея Александровича, когда он говорит о швейцарской модели. А что такое швейцарская модель? Это — уставы монашеских орденов. Вот только так стала на ноги эта маленькая республика, среди крошечной антагонистической центральной Европы. А что такое Соединенные Штаты как не порождение пилигримов, приплывших на этом самом «Мейфлауере»? В каждом таком государстве снижена роль властной иерархии, повышена роль институтов общежития. Вот о чем мы должны говорить, если мы касаемся истории.

Теперь опять об этом этносе. Вы знаете, иногда меня тягают куда-то, например в Совет федерации. И однажды я там слышал такие речи: «Ну и что, если не будет чеченцев? Мировая история разве остановится?». И это человек с украинской фамилией мотивировал тем, что «шумеров нету и мы же без них обходимся великолепно». И я кричу с места: «А если не будет украинцев (а у этого человека была украинская фамилия) или русских?». И вот здесь повисла какая-то тишина. Нет, нельзя представить мировую историю без украинцев и русских. А вот без тех этносов, которые называл тот человек, получается, можно? Вот такая мораль с двойным дном. Цивилизация в начале третьего тысячелетия должна как зеницу ока беречь каждый этнос и сделать это своей гуманитарной программой, ибо сказано, что Бог создал народы разными, как пять пальцев на этой руке.

— Я хотел бы задать вопрос уважаемому Сергею Александровичу. Вопрос такого характера: кто формирует, определяет, на основе чего формируется национальная государственная политика в Российской Федерации? У нас есть прекрасные ученые, есть Институт этнологии. Насколько я знаю, в нем работают высококвалифицированные интеллектуалы, там сосредоточена так называемая интеллектуальная элита. Но когда мы говорим «элита», то подразумеваем под этим разные вещи. Есть интеллектуальная элита, а есть элита, которая находится у власти, которая правит. Вот это, действительно, элита, если брать политический аспект. Она определяет политику, конкретные действия. И насколько политическая элита прислушивается к рекомендациям интеллектуальной элиты? Насколько то, чем мы занимаемся, важно и насколько это работает? Кто пользуется нашими рекомендациями? Я глубоко сомневаюсь, что все, что мы пишем, делаем, становится теоретической базой, руководством к действию для нашей политической элиты, потому что если бы это было так, то я сомневаюсь, что первая чеченская война была бы возможна. Совершенно ясно и очевидно, что первой чеченской войны можно было избежать, что там можно было договориться, найти множество политических решений этой проблемы. Мне кажется, что не происходит применения тех рекомендаций, тех интеллектуальных наработок, которые разрабатывают наши ученые. Они остаются на бумаге, а власть, политики действуют, исходя из совершенно других интересов — частных, узких, монопольных. И я хотел бы задать Сергею Александровичу вопрос, насколько прислушиваются к вашему мнению и насколько все, что наработывают ученые, политологи, этнологи, используется властью предрешающими в их политике в Российской Федерации?

Сергей Арутюнов

— Это очень сложный вопрос. И на него трудно ответить кратко. Но если ответить кратко, — власть и научное сообщество — я имею в виду честное академическое сообщество, а не тех его представителей, которые на корню закуплены и ангажированы властью — конечно, находятся на диаметрально противоположных позициях в отношении того, какой должна быть национальная политика. Научное сообщество в основном, как поддерживавший меня Ян Чеснов, стоит на тех позициях, что каждый этнос, даже самый маленький, представляет собой уникальное сокровище, так же как уникальное сокровище представляет собой каждый редкий цветок, хотя бы он был совершенно невзрачен, мал и не заметен среди листьев более высокой травы. Но когда исчезает какой-то маленький цветок, как, скажем, в Сибири исчезла мегадения Борзунова, которая росла на тридцати квадратных метрах, совершенно никому не нужная невзрачная травка, при строительстве дороги ее засыпали щебнем. Казалось бы, никому не нужный вид, никому не нужная обычная травка. А этому были посвящены книги. Ботаники в специальных научных книгах оплакивали безвозвратную утерю маленькой травки. Так неужели мы не будем оплакивать исчезновение юкагирского этноса или генухского этноса в Дагестане, или абазинского этноса? Действительно, мир может жить без них, мир живет без шумеров и без этрусков. Но мне кажется, что если бы сегодня где-то в Ираке было бы хотя бы несколько деревень, населенных шумерами и говорящих на шумерском языке, если бы где-то в Тоскане было несколько деревень, в которых продолжал бы сохраняться разговорный, бытовой этрусский язык, наша жизнь была бы гораздо богаче, гораздо ярче, гораздо лучше. Но власть так не считает. Народы, этносы, в особенности малые народы, мешают этой коррумпированной бюрократической, сращенной с новой олигархической буржуазией, власти хищнически эксплуатировать ресурсы нашей общей родины. Я говорю не только о России, а имею в виду все СНГ, всю Евразию. Поэтому власть, демагогически эксплуатируя псевдодемократический принцип примата интересов индивида над интересами этнической группы, стремится построить свою национальную политику так, чтобы задвинуть эти этнические группы куда-то на задворки общественно-политической жизни. Предлагаемый вместо этно-терриориального принцип национально-культурной автономии является именно таким хитрым обманым оружием в том арсенале разнообразного пропагандистского оружия, которым власть стремится достигнуть этих целей. Поэтому, честно говоря, ни о каком сотрудничестве нормального честного академического сообщества с нынешней властью не может быть и речи. И, соответственно, поэтому его и нет.

Алик Искандарян

— Сергей Александрович, у меня есть маленькое дополнение к тому, что вы говорили. Ведь состояние власти и то, что она такова, — это объективная реальность. Власть нужно воспринимать тоже как объективную реальность. Она такова не случайно. Она такова по очень многим причинам.

Сергей Арутюнов

— В подтверждение этого я хотел бы привести один факт: за восемь лет у нас девять министров по делам национальностей. Это говорит о серьезности отношений.

- Здесь было два мнения насчет того, каким путем мы все должны идти. Использовать или нет историю для разрешения конфликтов? Конечно, историю надо использовать, потому что даже в конфликтологии, мы все знаем, есть два основных направления. Одно направление основывается на том, что надо учитывать только интересы враждующих сторон и не надо учитывать историю, потому что это болезненно и вызывает эскалацию конфликта. Второе направление основывается и на интересах и нуждах сторон, и на истории. Но именно в этом для меня и существует проблема. Дело в том, что история не всегда правдоподобна для какой-то стороны и приведение примеров, которые хотя бы для одной стороны неприемлемы, конечно, вызывает эскалацию конфликта. Поэтому я считаю, что сторонам надо основываться на интересах и нуждах друг друга. Нужно также договариваться насчет правдоподобности истории и насчет источников и документов, которые устраивают обе стороны. И этот вопрос самый трудный и самый болезненный. Но если мы будем вести переговоры, которые основываются на интересах и нуждах, желательно учитывать также правду и справедливость. Сторонам надо обязательно договариваться, какая история, какие аргументы для них приемлемы. Конечно, мы знаем, что существует много источников и документов, и разные стороны используют разные документы и источники. Но для реального примирения сторонам необходимо опираться на правдоподобную историю. Только это поможет избежать конфликта.

Хочу сказать еще и о том, что миростроение, философия примирения в принципе, еще не стали вопросом для дискуссий. Именно в философии примирения предполагается, что сторонам надо до конца договориться насчет правды, насчет справедливости и насчет будущего. Мы должны ориентироваться на будущее, но не забывать о прошлом.

— В продолжение этой же позиции я скажу философски: мы живем в эпоху,

которая на Западе уже давно была признана «кризисом легитимности». Как я это вижу? Нет ценностей, на которые можно было бы опереться на всех уровнях нашей жизни. Нет власти, которую уважаешь. Нет истории, в которую все стороны одинаково верят. Нет моральных принципов, которые невозможно игнорировать. И Кавказ как бы является экспериментальным полем, где все это очень ясно и ярко выражено. Наша конференция затронула именно этот вопрос. Почему возникает этот разговор? Потому что люди формировались под знаком определенной истории. В школе они учили определенную историю. Они — не специалисты, но они так считают, они так верят. Одни школы - в соответствии с советским уставом «националистические» - учили историю в одном варианте, другие (русские) — в ином варианте. Как устанавливается правда? Каковы тут источники истины?

*Взаимоотношения государственного права, традиционного (адат) и религиозного (шариат) – это именно взаимоотношения, а не непременно конфликт. В жизни (в тех случаях, когда нет стремления непременно превратить проблему в конфликт) они зачастую удивительнейшим образом образуют симбиоз-компромисс, позволяющий даже в отдельных случаях иметь более широкое и предоставляющее человеку больше возможностей правовое поле. Так бывает не всегда, зачастую наличие нескольких видов правосознания приводит к его спутанности и неэффективности, однако важно помнить, что при терпеливом и умелом регулировании процесса можно добиться прогресса, того, чтобы жизнь становилась лучше, а не хуже. На фоне нынешних мрачных известий из этой области – материал **Ирины Бабич** дает основания для осторожного оптимизма.*

Ирина Бабич

Институт этнологии и антропологии РАН

Эволюция правового сознания кабардинцев

Тема моего выступления — попытка анализа и описания эволюции правового сознания кабардинцев. Известно, что правовая культура в целом включает три основных блока: правовые нормы, правовая практика и правосознание. В последние годы по многим причинам возрос интерес к изучению традиционного права на Северном Кавказе и все ринулись, в том числе и я, изучать правовую практику. И довольно хорошо ее изучили. Есть уже публикации. Но в какой-то момент я поняла, что собственно изучения правосознания мы касались лишь частично. Это не совсем правильно, потому что при попытке правового урегулирования на Северном Кавказе, допустим проведения судебной реформы, нужно продумывать не только отношение к традиционно-правовой практике, но и к правосознанию. С моей точки зрения, это наиболее важно.

Совершу краткий экскурс в историю. И российско-имперская администрация в XIX

веке, и советская власть начинали реформирование правовой системы, в частности в Кабарде, именно с попытки реформирования правового сознания. А сейчас больше говорят о правовой практике, что тоже правомерно, и я сама этим увлекалась. Но пришло время, как мне кажется, больше анализировать правосознание, и здесь не так все просто. Почему я ставлю такую проблему? Есть некий дисбаланс между правосознанием и правовой практикой. По идее, правосознание является отражением действительности. Но в реальности это не совсем так. При анализе правосознания важно изучать также общинную идеологию и общинные санкции, поскольку они тесно пересекаются с правосознанием и в какой-то степени его выражают. И вот здесь особенно проявляется дисбаланс. Я хотела бы коснуться традиционного правосознания кабардинцев, существовавшего в дореформенное время. Основные существенные преобразования, повлиявшие на жизнь кабардинцев, в том числе и в области права, начались во второй половине XIX века. Поэтому дореформенный и пореформенный периоды кабардинского общества четко различаются. В дореформенное время (XVIII — первая половина XIX века) правовая практика основывалась в основном на нормах обычного права и шариата. По нормам адата регулировались уголовные и большинство гражданских дел, а по нормам шариата, как правило, семейные дела, связанные с разводом, с разделом имущества или наследства. В основе правосознания кабардинцев дореформенного времени лежало представление о совершенном деянии — будь то телесное повреждение или имущественный ущерб — как о причинении ущерба потерпевшему и его семье. У кабардинцев не были сформулированы понятия преступления и наказания. Несмотря на то что в этот период кабардинцы уже исповедовали ислам, сфера его воздействия была ограничена главным образом ритуальными и культурно-бытовыми аспектами и практически оставляла в стороне собственно правовые нормы, правовую практику и основные понятия; в частности преступления и наказания.

В основе урегулирования как межличностных, так и групповых конфликтов самого разного характера лежали два принципа обычного права — принцип возмездия, то есть кровной мести, и принцип возмещения. Осуществлялись они путем посредничества или примирения с помощью медиаторского суда. Вначале в кабардинской общине, как во многих доклассовых обществах, превалировал принцип возмездия и существовали общинные санкции против тех, кто по каким-то причинам не мстил за причиненный ущерб. Некоторые из подобных санкций можно было наблюдать даже в прошлом столетии у чеченцев. Но уже к XVIII — началу XIX века у кабардинцев стал доминировать принцип возмещения. Институт мести из обязанности трансформировался в право потерпевшего и его родственников на совершение возмездия. Важно подчеркнуть,

что общинная идеология в этот период стала активно поддерживать мирное урегулирование конфликтов путем возмещения ущерба. Однако надо отметить и то, что мусульманская правовая культура уже частично проникла как в правовую практику, так и в правовое сознание кабардинцев. В этот период мусульманские лидеры, наряду с другими общинными лидерами, старейшинами и т.д., принимали активное участие в процессе примирения. Благодаря их участию, сформировались некоторые черты правовой идеологии кабардинцев, а именно — скорейшее примирение конфликтующих сторон, поскольку это угодно аллаху. И только те общинники могли считать себя мусульманами, кто стремился к такому примирению. В правовой практике присутствовали также некоторые мусульманские ритуалы. Например, примирение конфликтующих сторон часто осуществлялось во время мусульманских праздников. В ходе судебного процесса медиаторы использовали присягу на Коране, а в процедуру примирения включался намаз, проводимый муллой.

Правосознание кабардинцев было групповым, общинным, тем не менее можно выделить тех, кто являлся носителями правовых знаний и кто обычно и проводил медиаторский судебный процесс. Существовала четкая система отбора людей, которые могли быть медиаторами. Дореформенное правовое сознание и поведение кабардинцев во второй половине XIX века стало подвергаться воздействию как со стороны российской администрации, так и со стороны кабардинской общины с помощью собственных общинных и введенных российской администрацией санкций. Помимо того, что российская администрация модернизировала правовое сознание кабардинцев, на нем отражались и изменения общинных традиций. Как известно, к концу XIX века многие традиции ослабли, что привело к их кризису, в том числе и в области права.

Итак, в Кабарде российская администрация придумала такой механизм воздействия на правосознание, который, сохраняя в целом традиционную правовую практику кабардинцев и введя контроль за ее осуществлением, начал постепенно его модернизировать. Этот процесс включал в себя два основных момента. Во-первых, введение для определенного слоя населения системы русского образования и воспитания. Во-вторых, создание новых судебных органов - горских словесных судов, которые ввели комбинированную систему наказания, включив в нее и нормы традиционного права, и нормы русского права. Такой механизм воздействия на правосознание кабардинцев оказался действенным. Во второй половине XIX века в кабардинской среде появились люди, ориентированные на русскую культуру, образование, право, социальные привилегии. Как правило, это были представители привилегированных сословий, состоявшие на военной службе в русской армии. Кабардинские князья чаще всего не

имели специального военного образования и производились в офицерские чины в русской армии главным образом для поощрения. А вот уже их дети получали хорошее образование и воспитание в российских учебных заведениях и действительно обладали российским правосознанием.

В этот период кабардинское правосознание потеряло свойственную любому доклассовому обществу монолитность. В кабардинском обществе появились пророссийски настроенные люди, которые, с одной стороны, и я берусь это утверждать, уже отказались от совершения кровной мести, а с другой — от права мириться со своим противником путем медиаторского суда, предпочитая судиться по нормам российского права в горском словесном суде. Это были люди из привилегированного сословия. Община, разумеется, не одобряла пророссийски настроенных кабардинцев и к тем, кто желал рассматривать свои конфликты в горском суде, относились плохо. Общественное мнение считало, что между кабардинцами, которые мирились с помощью медиаторов, отношения быстро восстанавливались, тогда как между участниками конфликта, рассмотренного горским судом, лишь ухудшались. Люди с пророссийской ориентацией, подвергающиеся нападкам со стороны своих односельчан, обращались за защитой, как правило, в российские административно-судебные органы.

Наблюдавшийся во второй половине XIX века кризис функционирования большинства общинных институтов затронул и традиционное право. Как показывают многочисленные архивные материалы, многие конфликты не заканчивались примирением сторон. Во многом это связано, как мне представляется, с изменением структуры кабардинского правосознания. В пореформенное время следование принципу возмещения уже не являлось обязательным для кабардинцев. Чаще всего к медиаторам обращались добровольно или полудобровольно под давлением близких и окружения. С этого времени можно четко различать общинное и индивидуальное правосознание. Причем общинная идеология оказывала давление на личное правосознание, пытаясь подкрепить свою позицию общинными санкциями. Тем не менее, общинные санкции в этот период имели уже слабое воздействие на сельчан, в силу чего российская администрация, стремясь сохранить традиционную правовую практику, ввела свои санкции для того, чтобы решения медиаторских судов выполнялись неукоснительно. Советская администрация свое правовое реформирование, как мы знаем, начала с поддержки традиционной адатно-шариатской практики. Но уже к концу двадцатых годов была установлена единая советская система, а традиционная правовая практика кабардинцев признана нелегальной и уголовно наказуемой. Советская администрация также начала проводить модернизацию правосознания кабардинцев. Первоначально на всем Северном Кавказе, в том числе и в

Кабарде, государственную и правовую власть осуществляли выходцы из России, не пользовавшиеся среди кабардинцев авторитетом. Поэтому довольно скоро было принято решение об укомплектовании большинства советских судебных органов кадрами из кабардинцев и балкарцев. В то же время была начата кампания под лозунгом: «Крестьяне должны знать свои права». Для популяризации советских правовых норм были организованы сельские юридические кружки и районные юридические справочные бюро. Эти действия сыграли положительную роль в деле сохранения традиционной практики и традиционного правосознания. В результате такой правовой политики была сформирована система двойного урегулирования конфликтов. Она заключалась в том, что люди, попавшие в конфликтную ситуацию, могли обратиться и в народный суд, и к помощи медиаторов. Практика двойного стандарта помогала кабардинцам частично сохранить традиционное правосознание и традиционную правовую практику.

Структура современного правосознания кабардинцев неоднородна. Остановлюсь на сельском правосознании. Кабардинцы до сих пор продолжают придерживаться традиционной модели понимания преступления как причиненного имущественного или физического ущерба и необходимости, независимо от осуждения виновного в государственном суде, возмещения ущерба и последующего примирения участников конфликта и их родственников. Как и прежде, в основе миротворческого правосознания лежат религиозные убеждения. Часто односельчане просят конфликтующие стороны примириться во имя аллаха. Те, кто отказывается это сделать, ведут себя не мусульмански. Причем, если какой-либо сельчанин стал свидетелем серьезной ссоры или драки, то, согласно общественному мнению, вмешательство в это дело — его обязанность, а не право. Анализируя уголовные дела в верховном суде Кабардино-Балкарии, я сталкивалась с материалами, когда те сельчане, которым не удавалось, допустим, удержать убийцу от совершения преступления, чувствовали за это свою моральную ответственность. Сохраняется традиционное отношение к такому распространенному в кабардинском обществе преступлению как изнасилование. В кабардинских селениях бытует мнение, что если насильник предложил потерпевшей выйти за него замуж, то ей неприлично с ним судиться. Она должна согласиться на брак. Если же парень отказывается от брака, то она и ее родители вынуждены возбудить уголовное дело. Если они этого не сделают, то сельчане начинают думать, что потерпевшая сама виновата в содеянном над ней. Наряду с обычными правовыми аспектами правосознания, можно говорить о появлении в современном кабардинском обществе, причем скорее городском, нежели сельском, отдельных элементов мусульманского правосознания.

Сейчас наблюдаются два явления. Во-первых, появляется категория молодежи,

получающая высшее духовное образование. В Нальчике есть Исламский институт, где преподают правовые нормы ислама, в том числе и нормы по разделу имущества и раздела наследства. Окончившие институт, как правило, разъезжаются по селам, где работают и исполняют должность муллы. Во-вторых, в городской среде женщины часто обращаются к духовным лицам с вопросом о возможности их развода по шариату. Но это пока бывает очень редко. Мне думается, такая традиция не получила и вряд ли получит поддержку у прихожан, и мусульманская правовая практика вряд ли в ближайшее время будет востребована в кабардинском обществе. Все же кабардинское правосознание — это обычно правовое правосознание. Вместе с тем сельские кабардинцы частично восприняли советскую, российскую категорию наказания. Но восприняли очень своеобразно. Примерно с 70-х годов вплоть до настоящего времени кабардинцы используют государственную систему наказания как форму мести. Таким образом, вновь возродился в иной, модифицированной форме принцип возмездия как один из институтов обычного права, во многом утративший свои функции даже в первой половине XIX века.

Я много работала с материалами Верховного суда Кабардино-Балкарии, посмотрела уголовные дела за последние сорок лет и в них часто встречались ситуации, когда потерпевший или, если он убит, его родственники просили суд назначить виновному смертную казнь, утверждая, что в противном случае они сами совершат над ним кровную месть. Причем это было зафиксировано письменно. В послевоенный период возникла новая форма мести, когда потерпевший или его родственники просили государственный суд вынести решение о выселении семьи виновного на жительство в другое селение, если она не хочет уезжать добровольно, особенно когда участники конфликта живут по соседству. Подчеркну, что подобные просьбы и о смертной казни, и о выселении делаются кабардинцами с наивной уверенностью в том, что это возможно и что советское и российское законодательство никак не может препятствовать этому правильному, с их точки зрения, разрешению ситуации.

В реальной жизни кровная месть у кабардинцев очень слабо развита, случаи ее просто единичны. Традиционными правовыми знаниями в республике, как и прежде, обладают общинные лидеры, в том числе и духовные, являющиеся, как правило, и медиаторами. Отношение кабардинцев к традиционной правовой практике до сих пор является положительным, тогда как опыт следственной работы сотрудников прокуратуры Кабардино-Балкарии и Верховного суда свидетельствует об отсутствии уважения кабардинцев к российскому кодексу. Кабардинцы до сих пор не воспринимают российское законодательство и судопроизводство как важный для них этап в урегулировании конфликта. Скорее, это вынужденная неизбежность, которую они, в свою

очередь, стараются приспособить к своим традиционным правовым понятиям. Осуждение виновного в совершении любого уголовного преступления государственным судом ни в коей мере не освобождает его и семью от угрозы совершения мести со стороны родственников потерпевшего. Но не обязательно это была кровная месть. Освобождение от мести может быть осуществлено только после медиаторского примирения или выселения семьи виновного за пределы селения, района или даже республики.

Приведу пример воздействия общины. В кабардинском селении парень совершил попытку изнасилования одноклассницы. Поскольку имелась лишь попытка совершения преступления, а парень был из семьи, пользующейся в селении авторитетом, его влиятельные родственники без труда склонили сельчан на свою сторону. Сельчане пытались уговорить родственников потерпевшей и обвиняемого примириться и не возбуждать уголовного дела. Тем не менее девушка и ее мать были непреклонны, и парень был осужден. В результате девушка начала подвергаться моральному и психологическому воздействию со стороны односельчан, что побудило ее переехать жить к родственникам в другое селение. Однако преследования продолжались. Наконец, девушка и ее мать были вынуждены дать согласие на примирение. Потерпевшая подала в Верховный суд заявление, в котором она изменила свои первоначальные показания. Суд пересмотрел дело и снизил виновному срок наказания.

Практика государственного права в Кабардино-Балкарии, как советского, так и постсоветского, тесно связана с правосознанием тех, кто вершил и продолжает вершить государственное правосудие в республике. Обычно сотрудники прокуратуры, которые расследуют дела, и судьи Верховного суда, к которым эти дела в дальнейшем попадают на рассмотрение, — люди, имеющие высшее юридическое образование, но, независимо от возраста, продолжающие уважать традиционное правосознание и традиционную правовую практику кабардинцев. Верховный суд и в прошлые годы, и до сих пор не обращает внимания на информацию о попытках или фактах выплаты родственниками обвиняемых компенсации семьям потерпевших. В первые годы Советской власти подобные действия жестоко преследовались правоохранительными и судебными органами. Позднее в республике к применению традиционного права стали относиться более терпимо. Если человеку был причинен физический ущерб во время бытовой ссоры или при аварии, то, как свидетельствуют материалы прокуратуры Кабардино-Балкарии, уголовные дела в этих случаях возбуждаются либо по заявлению потерпевших или их родственников, либо по решению правоохранительных органов. На практике потерпевшие редко сами проявляют инициативу, и милиция вынуждена составлять протокол только тогда, когда случившееся получило широкую огласку. В целом, как показывает опыт

правоохранительной работы в республике, если потерпевшая и виновная стороны еще до начала судебного процесса примирились между собой, то правоохранительные и судебные органы прекращают дело. Во многих случаях органы милиции и прокуратуры не возбуждают уголовных дел даже по фактам изнасилования, ссылаясь на отсутствие жалоб. Даже при групповых изнасилованиях возможно примирение с помощью брака. Девушке предлагают самой выбрать из группы насильников своего будущего мужа.

Подчеркнем, что общинная идеология пытается влиять не только на индивидуальное правосознание кабардинцев, но и на правосознание государственных судей, на их решения, на государственное судопроизводство. Каким образом? Как только произошел конфликт в селе, там проводят собрание, на котором обсуждаются обстоятельства совершенного преступления и принимается решение об оказании общественной поддержки либо родственникам потерпевшей стороны, либо родственникам обвиняемого. После этого сельчане сообщают суду, какое наказание они считают нужным назначить виновным. При том, что традиционно-правовая практика приветствуется и общинными, и государственными судебными структурами, тем не менее далеко не все кабардинцы, даже сельские жители, хотят мириться с помощью традиционного способа примирения. По моему мнению, общинная идеология в большей степени направлена на примирение, чем реальная практика.

В этой ситуации мне хотелось бы сказать о том, что общинная идеология, направленная на примирение, очень ярко проявляется в создании и популяризации многочисленных общественных организаций, которые работают по принципу народной дипломатии. На традиционную правовую практику в урегулировании конфликтов возлагаются большие надежды. На самом деле она занимает свою нишу, которая не настолько распространена и действенна как, может быть, хотелось бы общинным лидерам. В настоящее время общинная идеология хотя и сохраняет отчасти свою регулятивную роль, но в большей степени выполняет идеологическую роль. В реальной жизни довольно много людей обращаются в государственный суд.

Трудно сегодня сказать, в какую сторону пойдет решение вопросов правового урегулирования в республике. Здесь два момента. Первый — соотношение традиционной правовой практики и государственного судопроизводства. Второй — восстановление баланса между ярко выраженным общинным правосознанием, нацеленным на примирение, и более ослабленной правовой практикой. Какой путь выбрать? Либо, как поступила российская имперская администрация, пытаться изменить правосознание с помощью внедрения системы государственного образования — здесь возможны несколько вариантов развития. Либо направить общинное правосознание в сторону

российского. Либо усиливать традиционную правовую практику. Но для этого надо вводить российские санкции, потому что общинных санкций практически нет.

Вопросы и мнения

— Вы говорили о кабардинской общине. Кабарда — одно из самых социально градуированных на Кавказе обществ: шесть свободных сословий и три зависимых. Для каждого сословия было свое право. Социальная градация в Кабарде сохраняется даже до сегодняшнего дня. Когда вы говорите, что российская администрация с помощью образования или еще чего-то внедряла российское судопроизводство, согласны ли вы с тем, что основным методом внедрения имперского, потом советского судопроизводства было снятие сливок, в результате чего часть кабардинских дворян и князей, не согласных с этим, ушла за Кубань, часть — к Шамилю, в махаджирство? Опять же в семнадцатом году вырубали дворянство и высшие сословия, а в 30-е годы борьба с кулачеством уничтожила остальных. Можно ли сказать, что говоря «община», вы имеете в виду три бывших зависимых сословия, которые уравнили в правах с бывшими свободными сословиями?

— Я, безусловно, говорю о пореформенном обществе, когда после проведения социальной реформы сословия действительно, были уравнены. Применяя слово «община», я говорю об обществе, причем обществе, так сказать, равных возможностей. Социальные привилегии у высших сословий во второй половине XIX века были очень потеснены, и их жизнь во многом изменилась.

— В качестве справки: кровная месть совершается, но она не попадает по судебным делам в раздел кровной мести. Дело в том, что у кабардинцев, в отличие от чеченцев, была не тейповая организация, а фамильная. То есть кабардинцы — это сборный народ и тейповая структура там не действовала. Она давно разрушена. Кабардинцы вопрос кровной мести не обсуждают и не выносят какое-то общее решение. Каждый кабардинец индивидуально принимает решение о кровной мести. Причем, кровная месть в социально привилегированных слоях — у дворян и князей — считалась обязательной. В кабардинском обществе до русско-кавказской войны князья и дворяне составляли значительный процент населения — до 30—35%. После различного рода репрессий потомков княжеских, дворянских фамилий осталось, может быть, два-три процента. Приведу конкретный случай. В кабардинском селе произошло убийство и члены семьи убитого не предпринимали никаких действий. Убийца был осужден и, отбыв

срок, спокойно жил. Но через три года был убит. Убийца до сих пор не установлен, но никто не сомневается, что это сделали братья убитого. Все об этом знают, но в судебной практике это не отмечено как кровная месть.

— В докладе неоднократно звучало, что во время решения конфликтов одной из сторон выступает община. Это, мягко говоря неверно, это искажение действительности. Вы, наверное, имеете в виду попытки влиятельных родственников преступника повлиять на родственников потерпевших, поскольку в таких конфликтах раньше нередко на страже закона, на страже обычая стоял высший член общины, вотчины. Он выступал как посредник и наблюдал за тем, чтобы восторжествовало не право сильного, а право истины. Сейчас общины как таковой в Кабарде нет, и преследование богатыми родственниками преступника бедных родственников потерпевшего или самого потерпевшего нельзя рассматривать как общинное давление на потерпевшую сторону. На место князя заступила официальная юриспруденция, официальные власти но, как видно, они очень плохо выполняют свои функции, которые взяли на себя сто пятьдесят лет назад. Из доклада можно сделать вывод, что кабардинская община — это организация, которая пытается решать вопросы даже в пореформенный период. Однако общины в современном кабардинском обществе как социальной структуры, регулирующей бытовые конфликты, не существует. То, что две конфликтующие стороны оставлены один на один и правом пользуется сильный — факт. А то, что официальная власть плохо выполняет ту функцию, которую довольно-таки хорошо выполняла кабардинская аристократия — еще один факт. По-моему нужно об этом четко говорить.

— Я хотела бы сказать, что до сих пор есть односельчане — подчеркиваю не родственники, — которые пытаются оказывать воздействие на конфликтующие стороны. Об этом свидетельствуют результаты моей полевой работы в нескольких селах. Но я согласна, что существуют разные варианты правовой жизни, разные типы правосознания. Просто я акцентировала внимание на проблеме, которую мне хотелось бы проанализировать вместе с вами.

— Я понял так, что речь идет и о правовом плюрализме в обществе Кабардино-Балкарии, где живут не только кабардинцы, но и балкарцы, и дигорцы, и русские. У меня вопрос: этот плюрализм осуществляется одинаково в отношении людей всех национальностей, или по-разному?

— Я специально изучала опыт урегулирования конфликтов между кабардинцами и другими народами — балкарцами, русскими. Отмечу, что в республике проживают те русские, которые переселились сюда в XVIII и XIX веках, и те, что попали сюда в ходе советских миграционных процессов в городах Нальчик и Тырныауз. Русские, которые века и десятилетия живут рядом с кабардинскими селениями, восприняли традиционную правовую практику и, как правило, соглашаются на примирение с помощью компенсации. Но здесь есть свои особенности. При изнасиловании, например, русской девушки кабардинцем, он не предлагает брак, он предлагает деньги. Русские обычно соглашаются. Происходит примирение без уголовного дела. Если же русский изнасиловал кабардинку, примирение осложняется. Тут есть нюансы.

Что касается балкарцев, то разрешить конфликт проще, так как у них была та же традиционная правовая практика, такое же правосознание. Правовая культура была сходная. Приведу, кстати известный конфликт, который произошел в 1993 году, когда пьяный балкарец-милиционер зашел в магазин и убил молодого кабардинца. Балкарское и кабардинское села были соседними. Все кабардинское село решило мстить, хотя мать убитого просила, чтобы не было мести. Кабардинцы настояли на том, чтобы верховный суд вынес решение о смертной казни. Дело передали в Москву и там его пересмотрели. Через три года милиционер вернулся, и конфликт был как-то урегулирован.

— Существует реальная правовая система, которая действует по отношению к чеченцу одним образом, по отношению к армянину другим, по отношению к еврею третьим, по отношению к русскому четвертым, соответственно.

— Вы работали в судебных архивах. Насколько я знаю, в уголовных кодексах республик, в том числе в уголовном кодексе РСФСР, существовала статья о совершении преступлений, связанных с религиозными и феодальными пережитками. Попадались ли вам такие дела?

— Такие дела мне не попадались.

Известный повод для оптимизма в отношении установления мира на Кавказе, прекращения ссор между народами и перехода от фазы разворачивания конфликта к фазе решения проблемы дает заметно изменившееся отношение обществ к историкам и идеологам, к использованию «исторического аргумента» в политических спорах. Создается впечатление, что социальный заказ на сегодня приметно изменился – от требования к историкам любой ценой обосновать свою правоту общества сегодня, вроде бы, находятся недалеко от требования – установить истину и перечислить (хотя бы) аргументы противной стороны. Заметно стремление разобраться наконец с историей – и это весьма плодотворно, история содержит массу весьма неожиданных и интересных фактов, которые могли бы позволить общественному сознанию не упираться в одну точку, один миф, а осознать, что действительность много богаче и шире актуальных политических мифологем.

Юрий Дзицойта

К этнопсихологическому аспекту грузино-осетинского конфликта

В основе любого межнационального конфликта лежит целый клубок экономических и политических противоречий. Однако интенсивность и формы развития конфликта зависят не только от этих факторов. Межнациональный конфликт, как правило, имеет определенные исторические, социальные и психологические корни. Чтобы приостановить конфликт, нужны, несомненно, политические и социально-экономические мероприятия. Для исчерпывающего разрешения конфликта необходимо устранить все его причины, но прежде всего — психологические. Позволю себе высказать убеждение, что именно этот аспект конфликта является наиболее деликатным и в то же время — наиболее сложным. Разрушить этнические стереотипы, складывающиеся на протяжении столетий, оказывается подчас задачей более трудной, чем принятие политических решений лидерами конфликтующих сторон. Политические решения способны приостановить конфликт, перевести его в латентное состояние, но не завершить окончательно.

Психологическая неприязнь к противоположной стороне является благодатной почвой для возобновления конфликта при первой же благоприятствующей возможности.

Не имея в виду обозреть данную проблему на широком фоне, я попытаюсь привлечь ваше внимание к некоторым аспектам социально-психологической стороны грузино-осетинского конфликта.

Грузино-осетинский конфликт, как и любой другой межэтнический конфликт, сопровождался жестким идеологическим противостоянием. Я остановлюсь на некоторых этнических стереотипах, а также — на попытках привлечь историю в качестве одного из аргументов в решении грузино-осетинских противоречий. Начну с последнего.

Наиболее частым в посвященных осетинской проблеме исторических изысканиях грузинских ученых, является мотив пришлости (неавтохтонности) южных осетин на территории их нынешнего проживания. Этот же мотив с различными вариациями встречается в посвященных абхазской проблеме работах современных грузинских ученых. Осетинские и абхазские ученые, в свою очередь, пытаются доказать историческое право своих народов на занимаемую ими территорию. Политическая подоплека подобных изысканий не вызывает сомнений, однако позволю себе обратить внимание на два следующих обстоятельства.

Первое. Хорошо известно, что в странах западной демократии «исторический аргумент» не играет решающей роли в межэтнических конфликтах и вообще во взаимоотношениях западных стран. Считается, что земля принадлежит тому народу, который на ней проживает.

Одно из коренных отличий этноконфликтов на Кавказе заключается в диаметрально противоположном подходе к «историческому аргументу». Здесь считается, что истинным хозяином земли является тот, кто здесь поселился раньше. С помощью определенных манипуляций с историческими данными можно доказать приоритет своего народа, и тем самым изменить геополитическую ситуацию в свою пользу. Ничто не предвещает того, что в скором будущем такой подход к истории будет оставлен в стороне.

Второе. Грузины — народ с древней и относительно богатой письменностью. Свод грузинских хроник под названием «Картлис цховреба», наряду с так называемой «Армянской географией» (VII в. н.э.) являются едва ли не единственными историческими сочинениями, в которых более или менее подробно освещены исторические судьбы большинства современных народов Кавказа. Осетины же, как и абхазы, являются народами младописьменными и весь их исторический опыт сосредоточен в их языке, фольклоре и этнографии, историческая ценность которых, разумеется, несопоставима с ценностью нарративных источников.

Осетинские и абхазские ученые в своих исторических изысканиях, естественно, обращаются и к грузинским, и к армянским, и к античным источникам, однако проблема в

том, что выводы, к которым они приходят, полностью противоречат выводам их грузинских коллег. Воистину, трудно себе представить другую область гуманитарной науки, в которой одни и те же источники порождали бы столь разные и взаимоисключающие выводы. В этом, пожалуй, заключается еще одна особенность идеологического противостояния на Кавказе. Причем, существует негласное убеждение, что лучшими знатоками грузинских хроник могут быть только грузинские, но никак не осетинские или абхазские исследователи. Таким образом, судьба спорных исторических вопросов оказывается заранее предreshенной.

Как выйти из этой ситуации? Проще всего было бы объявить мораторий на любые разработки и публикации в области истории грузино-осетинских взаимоотношений. Можно даже попытаться развернуть пропагандистскую машину в обратном направлении и поставить ей задачу воспевать многовековую дружбу осетинского и грузинского народов. Такая политика частично уже проводится и она, несомненно, приносит положительные плоды. Однако, во-первых, в условиях свободы слова государственный аппарат не в состоянии контролировать деятельность независимых средств массовой информации, поэтому негативная информация нет-нет да и находит дорогу на страницы печати. Во-вторых, при таком подходе главная задача остается нерешенной, поэтому в любое время можно ожидать даже рецидивов «холодной войны». Проблема заключается в том, чтобы освободить историографию от груза политических амбиций и конъюнктурных установок, а политику — от исторических аргументов негативного содержания.

Задача эта не столь уж невыполнимая. Следует вспомнить о положительных опытах в деле изучения исторических взаимоотношений грузинского и осетинского народов. Научная объективность таких ученых как В.И. Абаев, Г.С. Ахвледиани, М.К. Андроникашвили, А.И. Робакидзе и некоторых других не вызывает сомнений даже у самых взыскательных критиков. Не отягощенные политическими и околонучными интересами, эти ученые стремились создать объективную картину взаимоотношений двух народов. И если даже порой мы находим у них определенные неточности и ошибки, то при этом не возникает и тени сомнения относительно природы этих ошибок — их можно объяснять как угодно, но только не стремлением подыграть своему народу.

К сожалению, в периоды обострения межнациональных конфликтов голоса серьезных и объективных ученых бывают заглушены выступлениями других, как правило, — менее профессиональных и менее объективных ученых. Для нормализации грузино-осетинских взаимоотношений в области идеологии необходимо вернуться к разработкам и идеям названных выше ученых. Не помешало бы в связи с этим переиздать осетиноведческие труды Г.С. Ахвледиани, давно ставшие библиографической редкостью,

а также издать в русском переводе труды М.К. Андроникашвили. Это поставило бы барьер на пути современного исторического мифотворчества.

Сложнее обстоит дело с этническими стереотипами. Они глубоко укоренились в сознании грузинского и осетинского народов и являются питательной средой для националистически настроенной части интеллигенции. Их изучением, к сожалению, мало кто занимается, хотя совершенно очевидно, что они имеют прямое влияние на психологический климат в зоне конфликта. Мне уже приходилось писать об этнических стереотипах осетин, ссылаясь на данные фольклора и художественной литературы. Вот некоторые результаты этого исследования.

Осетины считают, что грузины недоброжелательны по отношению к ним. Считается также, что грузины пытаются ассимилировать осетин, прогнать их с насиженных мест, завладеть их землей и имуществом, присвоить себе осетинскую культуру и историю (буквально «славу предков осетин») и т.д. В подтверждение этих и подобных утверждений обычно ссылаются на исторические предания, притчи, пословицы, поговорки.

Любопытно при этом отметить, что когда речь заходит о виновниках тех бед, которые выпали на долю осетинского народа, то на первом и втором местах называются предки осетин и современные политические лидеры, а уже на третьем месте — грузины. Излишне утверждать, что перечисленные оценки носят субъективный характер. Более того, не все они возникли в результате грузино-осетинского конфликта. Позволю себе подробнее остановиться на последнем блоке стереотипов.

Претензии осетин к предкам появились, скорее всего, в XX веке в связи с внедрением в массовое сознание мысли о былом величии предков осетин — скифо-самато-аланских племен, владевших, якобы, всем Кавказом, а также территорией от Дуная до Алтая. Сопоставление реальных и мнимых аланских и скифо-сарматских земель с современной территорией Осетии породило представление о беспечности предков, несколько не позаботившихся о благополучии и благосостоянии своих потомков. Впоследствии, в связи с известными событиями 20-х и 90-х годов XX века, когда часть южных осетин вынуждена была покинуть родину и поселиться на Северном Кавказе, претензии к предкам оформились окончательно. Оказывается, предки осетин виноваты в том, что их потомки живут в горах, а не на равнине, они же виноваты в том, что не оставили памятников письма, из которых прямо следовало бы право осетин на их нынешнюю территорию; виноваты они и в том, что этой территории так мало; виноваты также в том, что их потомки живут в окружении недружелюбно настроенных соседей.

Вариацией на эту же тему являются претензии, предъявляемые к известным

историческим деятелям осетинского происхождения. Так, мужу грузинской царицы Тамары (XII—XIII вв.) осетинскому царевичу Давиду-Сослану предъявлено обвинение в том, что он усердно расширял пределы Грузии, но ничуть не позаботился о расширении границ родной Осетии. Это обвинение впервые сформулировано классиком осетинской литературы Сека Гадиевым (1855—1915 гг.) в статье, написанной в самом начале XX века; с тех пор оно неотступно следует за ним, так, будто Давид-Сослан присягнул на верность Осетии, но затем нарушил присягу.

Все это является следствием развивающегося у осетин комплекса неполноценности. Неудивительно, что последние годы отмечены небывалым всплеском паранаучной литературы, создатели которой, пытаясь преодолеть отмеченный комплекс, внушают массовому читателю мысль о культурном, политическом и военном превосходстве предков осетин над соседними народами. К благам древнеосетинской цивилизации были приобщены не только кавказские, но и другие народы. Оказывается, в основе всех мировых религий (христианства, ислама, буддизма и зороастризма) лежит древнеосетинская монотеистическая религия.

Следующая позиция в разбираемом блоке стереотипов касается ответственности политических лидеров народа, включая руководителей советской эпохи. Многим из них вменяются в вину вполне конкретные «провинности», как, например, сдача Грузии той или иной части этнической территории. Практически все без исключения политические лидеры Осетии виноваты так же и в других бедах осетин. Это касается и разобщенности народа, и полунищенского существования подавляющей его части, и неудач во взаимоотношениях с грузинами и ингушами, и многого другого. Из всех известных современному осетину лидеров Осетии один лишь легендарный Ос-Багатар в памятниках осетинского фольклора заслужил добрые слова в свой адрес. При этом легендарному предку вменяется в заслугу именно то, в чем наиболее часто обвиняют нынешнее поколение руководителей Осетии: это — «собрание» осетинских земель, укрепление границ Осетии, объединение всего народа в один кулак.

Причины столь критического отношения осетин к политическим лидерам кроются, на мой взгляд, не столько в их действительных недостатках или политических просчетах, сколько в традиции, уходящей корнями в глубокую древность. На память приходит притча о святом Йомере, рассказанная известным турецким сатириком Азизом Несином.

Йомер был халифом. Однажды ночью он бродил по улицам Медины в надежде узнать, как живет народ. Из одного полуразрушенного дома доносились голоса плачущих детей и Йомер решил зайти в этот дом. Вид голодных и плачущих детей потряс халифа, однако слова, исторгнутые из груди отчаявшейся матери, привели его в полное смятение.

Не подозревая о том, кто стоит перед нею, несчастная женщина принялась проклинать Йомера, обвиняя его во всех своих бедах: «Раз он халиф, — значит он и виноват».

Традиция взваливать на правителя вину за все мыслимые беды прослеживается во всех архаических обществах. По словам Дж. Фрэзера, изучившего данный вопрос на обширном этнографическом материале, правитель несет ответственность даже «за рост посевов и за погодные условия». Следовательно, в попытках современных осетин обвинить во всех смертных грехах, в том числе и в неудачах во взаимоотношениях с соседними народами, именно политических или социальных лидеров нет ничего неожиданного.

Полезно сравнить суть этих обвинений с теми, которые осетины, по крайней мере южные, предъявляют грузинской стороне. Грузины, в отличие от «беспечных» предков и политических лидеров Осетии, повинны не в судьбе осетинского народа в целом, а в конкретных фактах из истории осетинского народа. Так, если говорится об изгнании осетин с места их постоянного проживания, то называется конкретное село или район, из которого они были изгнаны, а если говорится об ассимиляции осетин грузинами, то называются конкретные фамилии или семьи, которые стали «рenegатами».

Подобные стереотипы существуют, несомненно, и в Грузии. Их воздействие на политическую обстановку в зоне конфликта обычно усиливается с помощью пропагандистской машины. Именно благодаря этому исторические мифы и этнические стереотипы овладевают умами масс, вытесняя из них все положительное.

Можно ли добиться того, чтобы историческое прошлое не довлело над сознанием масс и чтобы оно перестало быть определяющим фактором в их отношениях с соседним народом? Ведь не секрет, что конфликтующие стороны вспоминают об историческом прошлом не только с целью отстоять свое право на данную территорию, но очень часто и с целью напомнить соседям о старых обидах, — с тем, чтобы попытаться взять реванш за неудачи прошлых лет. Такая мотивация конфликта имеет место лишь в тех случаях, когда обиды на соседей держатся в народной памяти и передаются участникам конфликта через фольклор, а не через письменные источники. Речь идет, как правило, об обидах, нанесенных в недавнем прошлом, то есть в течение последних столетий.

О старых обидах, нанесенных друг другу в эпоху, именуемую в этнографической литературе термином «óсоба», вспоминали и осетины, и грузины. Мысль поквитаться с соседями не стала элементом идеологии политических партий и движений, однако она двигала частью населения, проживающего в зоне конфликта. Характерно, что в середине 90-х годов в Грузии и Осетии, независимо друг от друга, были опубликованы статьи, авторы которых пытались разобраться в сути данного явления.

В советское время в Южной Осетии было наложено табу на всякие упоминания об этом. Показательно, что даже этнографический очерк К. Хетагурова (1859—1906 гг.), озаглавленный автором словом «Особа», и переизданный после его смерти в Южной Осетии, по воле издателей был переименован в «Быт горных осетин» (Сталинии, 1939 г.). Однако в памяти обоих народов, особенно той их части, которая проживает в контактной зоне, отчетливо сохранились воспоминания об этом страшном явлении.

Как быть с этой памятью и как заставить два соседних народа забыть о тех страницах своего прошлого? Попытаться ли снова наложить запрет на упоминание о них или же стоит предпринять какие-то другие шаги?

Не претендуя на истину в последней инстанции, я рискну высказать предположение, что в данном случае лучше говорить правду, чем замалчивать сам факт. Замалчивая правду, мы даем возможность недобросовестным интерпретаторам и просто провокаторам окрашивать факты в сугубо мрачные тона и в таком виде внедрять их в массовое сознание. Рассказать же правду не означает подстрекнуть два народа к новому противостоянию. Ведь взаимоотношения, скажем, французов и англичан или французов и немцев, или немцев и русских тоже не всегда были безоблачными, однако каждый из этих народов знает правду о своем прошлом, что не мешает их мирному сосуществованию.

Но что значит рассказать правду? Ведь у каждого народа своя правда. Действительно, особа — это историческое явление эпохи позднего средневековья, не поддающееся однозначному определению, так как два участника этого явления — осетины и грузины — представляли его себе по-разному. Для первых особа — это борьба за выживание, а для вторых — бич, избавиться от которого не было никакой возможности.

Если поставить перед собой задачу разжечь страсти, то можно долго перечислять голые факты той трагической эпохи. Если же пытаться урегулировать взаимоотношения двух народов, то важны будут не столько сами факты, сколько их интерпретация.

Страсти по поводу эпохи особа разгораются именно по той причине, что до сих пор наука не сформировала и не обнародовала конкретные социально-экономические и политические причины, породившие и питавшие это явление. Такое положение приводит к превратному представлению как о сторонах, участвовавших в этом конфликте, так и о методах, которыми они достигали своих целей.

Повторяю, что в этом явлении не было ничего хорошего, однако у любого явления бывают свои порождающие его причины, вскрыть и проанализировать которые необходимо для возможно более объективного освещения исторического прошлого двух народов. Пока этого нет и восприятие событий тех далеких лет остается на уровне эмоций, которые при благоприятствующих условиях легко могут перерасти в агрессию.

Обычно осетинские ученые описывают события той эпохи с позиций осетинской стороны, а грузинские — с позиций грузинской стороны. Надо ли доказывать, что подобный подход ущербен и не отвечает ни требованиям науки, ни целям мирной политики.

Что же явилось причиной, породившей такое явление, как *óсоба*? На мой взгляд — это экономический упадок, в который пришли народы Закавказья в постмонгольскую эпоху. Оказавшись в этой ситуации, каждый народ пытался выйти из кризиса доступными ему средствами. Для осетин это были систематические набеги в Грузию, а для грузинских феодалов — обложение южных осетин непосильной данью. В результате и возник конфликт, последствия которого и ныне ощущают на себе представители обоих народов.

Но если известно, что *óсоба* на практике означала систему набегов в Грузию, и если в научной работе, посвященной этому явлению, нет ничего, кроме упоминания этого факта, то перед нами всего лишь часть правды, не дающая возможности составить объективное представление о предмете исследования. Без упоминания о том, что рассматриваемые набеги обычно следовали за походами феодалов в горные селения за данью, описываемые события не могут претендовать на объективность.

Национальному менталитету кавказских народов не свойственно признавать свои ошибки и тем более каяться в них. Я никого не призываю к покаянию, однако уверен, что правильная оценка грузино-осетинских взаимоотношений возможна только в том случае, если мы признаем, что они не всегда были мирными и не всегда отвечали требованиям общечеловеческой морали. Признав это, мы имеем шанс попроситься с прошлым.

Движение к миру каждый из нас должен начать с наведения порядка в своей душе и в своем доме.

Вопросы и мнения

— Вы считаете, что только субъект, который живет в регионе, может предоставить наиболее корректную информацию об ее истории и более объективно исследовать этнические стереотипы?

— Совсем наоборот. Наиболее точную картину может дать специалист, независимо от своего происхождения и места жительства. А стереотипы — это дело политологов, социологов, этнологов. Этническими стереотипами могут заниматься даже журналисты при желании и соответствующей подготовке.

— На моей памяти — может быть, я всей полнотой информации не обладаю — единственную попытку исследовать конфликт с двух сторон, предприняла знаменитая южноафриканская, так называемая «комиссия правды», когда стороны сели и потихоньку, по крошкам, по фактам старались воссоздать истинную картину. Мы живем в условиях непрерывных конфликтов и еще ни разу, несмотря на горячие споры, которые ведутся столетиями, историки не сели рядом и не попробовали воссоздать картину, без чего все разногласия сводятся к принципу: «дурак — сам дурак». И впору согласиться с тем, что история — это служанка господствующего класса или господствующей идеологии. Действительно очень мало нам пока дают исторические дискуссии. Один негатив. Может быть, стоит поучиться у африканских негров, как они с этим разобрались.

— Какова роль масс-медиа в закреплении стереотипов в отношениях между грузинами и осетинами?

— Все зависит от того, какую цель перед собой ставят масс-медиа. В большинстве случаев СМИ тиражируют эти стереотипы и являются рупором, через который они выходят на очень широкую аудиторию. А нередко в той или иной мере искажают их, что-то добавляют от себя и тогда получается картина, не совсем адекватно отражающая действительность.

— Мне кажется, что конфликтология является, по своей сути, междисциплинарной наукой. Тенденция, когда доминирует либо мнение историков, либо мнение этнографов, либо социологов приводит к некоторым деформациям, которые в определенной степени осложняют решение практических вопросов. К сожалению, конфликтология не находится на том уровне, который позволил бы наладить сотрудничество представителей различных научных школ. Это — один из важных аспектов, ориентируясь на который мы можем в будущем избегать подобных конфликтов. Еще один важный момент — что особенно проявилось в докладе — касается этноцентризма в работах социологов, психологов, историков. Это результат того, что наши ученые изолированы от общества, не находятся под его наблюдением. Я хочу сказать, что не только теоретики должны учить чему-то практиков, но и практики должны корректировать теоретиков. Сотрудничество теоретиков и практиков приведет к успеху.

— Позиция тех, кто считает, что история не должна оказывать большого влияние на политику, расценивается как слабая. Не имея достаточно веских оснований на то,

чтобы претендовать на территорию, являясь там пришельцами, некоторые пытаются закрыть этот вопрос на том основании, что история якобы отрицательно влияет на мирное урегулирование. Но в нашем варианте это не совсем так.

— Мое нежелание говорить об истории воспринимается как слабость. Уверяю вас, что это вовсе не так. Просто наша конференция преследует цель — наметить пути ухода от конфликтов, создать предпосылки для мирного сосуществования.

— В докладе подняты две проблемы, очень важные с точки зрения и исследователей, и практиков. Первая проблема — это сохранение культурной дистанции между предметом исследования и самим исследователем, потому что человек, который включен в ситуацию, все равно будет руководствоваться некоторыми стереотипами, которые в принципе очень трудно разотождествить. Технология разотождествления человека очень сложна. Разотождествив стереотип, мы делаем человека беззащитным. У него ничего не остается и поэтому выплывают на поверхность архетипы, стереотипы, которые управляют нами в конфликте. Первая проблема — дистанция. Вторая проблема — изучение стереотипов. Дело в том, что стереотип — это устойчивое образование. Выявить наиболее устойчивые стереотипы можно только в конфликте, потому что в обыденной жизни мы придерживаемся некоторых ритуальных норм и правил и в общем-то не являемся тем, чем мы есть. А в конфликте проявляется то, что устойчиво. И вот это устойчивое нам нужно уметь из иррационального перевести в рациональное. Александр Русецкий говорит, что конфликтология — междисциплинарная наука. Но конфликтология не является наукой. Ей еще надо заработать этот высокий статус. В этом плане я противопоставила себя всей Академии наук, которая уже признала то, чего еще нет.

— Право собственности на землю является одним из основных моментов конфликта. Юрий Дзицойты сказал, что земля принадлежит тому, кто на ней проживает, а не тому, кто на ней раньше появился. Что вы имеете в виду под этим?

— Я имею в виду правосознание западного общества. Если бы в Америке пошли по этому пути, тогда ясно, что англосаксы должны собрать свои чемоданы и уезжать домой. Потому что земля принадлежит исконно индейцам. И других вариантов решения, если идти по этому пути, просто нет. Это — тупиковый вариант. И поэтому считается, что раз уж англосаксы живут на этой земле, то не должно быть споров о том, являются ли они здесь хозяевами. Они являются. Одно дело — этногенез, исторические данные,

написанные, кстати, руками испанцев и англосаксов, а другое дело — право. Именно это я имел в виду. Мы — народы Кавказа в психологическом смысле менее защищены. У нас на первый план в спорах и конфликтах обычно выходит такая сторона дела: кто раньше. И это было четко сформулировано. Правда, может быть, не столько в отношении Южной Осетии, сколько всего пространства бывшего СССР. Было сказано, что если данный народ сформировался или его этногенез происходил на данной территории, то он имеет на эту территорию преимущественное право. Формулировка моя, но идея была именно такая.

Все в мире относительно. Но это не должно быть определяющим фактором в наших взаимоотношениях. Я считаю, что в данном случае нужна прежде всего политическая воля. Мы принимаем политическое решение и мы, может быть, на какое-то время говорим себе: «Давайте вначале говорить о положительных моментах нашей истории, временно забыв негативное, и решим, как нам с вами жить». А историю изучать надо. Например, в истории грузино-осетинских взаимоотношений есть такие моменты, о которых мне не хотелось бы говорить, например набеги осетин в Грузию. Но они должны не стать определяющим фактором в наших взаимоотношениях в современной ситуации.

— Там, где конфликтологи заранее умыли руки, правозащитники и миротворцы из числа непрофессионалов-практиков что-то смогли сделать. Это, между прочим, не пятно на репутации конфликтологов, но вечный вопрос соотношения практики и теории. Есть над чем задуматься.

— Мы все прекрасно знаем, что исторические исследования становились детонатором конфликта. К сожалению, с разрушением Советского Союза историческая наука продолжает быть идеологизированной. Мне кажется, что привлечение различных источников и участие разных стран поможет в изучении Кавказа и позволит построить какие-то взаимоотношения, потому что объективная история снимет много проблем.

— Я считаю, что на первом месте в данном случае все-таки стоит письменный источник, потом археологический, потом уже языковые, фольклорные и прочие этнографические данные. Но голоса объективных ученых обычно остаются где-то там, за семью горами. Их не слышно. Существует определенный социальный заказ. Приведу пример. У нас в Южной Осетии имеется стоянка древнего человека. Нашелся осетинский историк, который договорился до того, что это предки осетин. Происходит много искажений. Историки ведь работают на огромную аудиторию — не только на историков, а и на малограмотную аудиторию, которая понимает дело так: «Если тут в каменном веке

жили мои предки, то что еще хотят эти грузины, я не понимаю». Но спросите вы у грузинского историка и он вам расскажет совершенно другое про эти же каменные стоянки. Я говорю о перекосах. И если мы пойдем по этому пути, то никогда не договоримся.

—Вы все время призываете к объективности и ссылаетесь на историю. Но при этом знаете, что существуют объективные историки и необъективные. Иногда я не понимаю, с чем связаны ваши выводы. Пример с Америкой мне много разъяснил, но утверждение, что земля принадлежит тому, кто на ней проживает, мне кажется достаточно циничным постулатом. Можно, например, сегодня вырезать все население и через пятьдесят лет сказать: «Извините, но здесь проживают другие». Я не хочу, чтобы мы были свидетелями и главное идеологами такого положения вещей. Я думаю, что можно и нужно найти разумное решение этой проблемы. Другое дело, когда разговор идет о том, что две тысячи лет здесь жили одни, а потом две тысячи лет — другие. Но и американский пример не самый хороший, а, может быть, даже и очень плохой, потому что американцы, когда активно влияют на решения конфликтов у нас на территории, сознательно не берут пласт исторических аргументов и все время говорят: «Давайте думать о будущем». Они сами не хотят заглядывать в прошлое, потому что это лишает их почвы. Но в отличие от американцев, народы, населяющие Кавказ и вообще европейские народы — это народы, которые вообще формировались практически на тех территориях, где они сегодня проживают, не считая пяти километров туда, десяти — сюда. Теперь насчет объективности историков: скажу то, что сказал Сергей Александрович Арутюнов. Мессия появляется тогда, когда люди ожидают его. Иногда бывает, что мессия есть, но людей нет и он так и уходит незамеченным. Вы сами найдете для себя историка, которого захотите слушать. Марика Лордкипанидзе в Грузии появилась в свое время не потому, что она вдруг стала гениальным ученым, а потому, что потребность в ней возросла. А в Грузии есть действительно замечательные объективные ученые, на которых все ссылаются. Но они были забыты. Это не означает, что Марика Лордкипанидзе сегодня является тем же востребованным историком, каким она была десять лет назад. Все преходяще. Но меня немного пугает, когда вы призываете нас к объективности, к осторожности, но тем не менее даете изначально самоуверенный взгляд на то, кому принадлежит земля. Я несколько раз спросил о том, с чем это связано, но вы уходите от ответа. Может быть, вы опасаетесь, что это сузит пространство для диалога в вашем конфликте. Не надо этого бояться. Если об этом думать, то конфликт и непонимание усугубятся, а нам нужно от этого уйти.

Выступления Эльдара Зейналова и Карена Оганджяняна, кроме интересной фактуры, дают представление о том, до какой степени два отдельно взятых НПО, которые они представляют, способны пойти напролом против доминирующей в обществе тенденции, настояния: причем если в случае с Эльдаром Зейналовым его мотивация – гуманистическая – совершенно ясна, то в случае с Кареном Оганджяняном ситуация странная – «наша война совершенно справедлива, но я тем не менее решительно за мир!» С другой стороны, никакого противоречия нет – закончив войну, надо заключать мир, а не канителиться годами и десятилетиями, подобно политикам.

Эльдар Зейналов

Правозащитный центр Азербайджана

Коллизии различных норм в конфликтах

Я бы не хотел, чтобы мое выступление обзывали докладом, это скорее всего маленькое повествование, которое претендует единственно на то, чтобы продемонстрировать коллизии различных норм. Здесь очень много говорилось о конфликтах между обычным и кодифицированным правом, о конфликтах этнокультур. Я хотел бы упомянуть еще одну культуру, или субкультуру, о которой пока не говорили, а именно криминальную, уголовную субкультуру, которая во всех конфликтах присутствует. Об этом многие говорят скороговоркой, но до сих пор, мне кажется, не было серьезного исследования этого вопроса. Я тоже на это не претендую. Просто хочу рассказать один конкретный случай, чтобы вы видели, как в конфликте гуманитарного, кодифицированного и уголовного права последнее оказалось наиболее гуманным, наиболее привлекательным.

Итак, в начале 1991 года в Нагорном Карабахе произошло в общем-то рядовое событие — из засады карабахскими боевиками-армянами была расстреляна машина с советскими военнослужащими. В машине сидел полковник, к которому у местного населения были какие-то счеты. Но случайно погибла и журналистка, которая ехала в машине и о которой никто не знал. Журналистка была азербайджанская. И убийство женщины произвело большее впечатление, чем убийство русского полковника. Поднялся большой шум. Он продолжался почти год, пока виновников не отловили и очень строго не

осудили.

Надо отметить, что здесь есть коллизия между гуманитарным правом и обычным уголовным правом, то есть водораздел проходит по признанию или непризнанию конфликта войной. В советской время войн внутри Советского Союза быть не могло, потому что был пролетарский интернационализм. Там были бандиты, были убийцы. То же самое происходит в Чечне, где идут полномасштабные боевые действия, но это называется антитеррористической операцией. И соответственно, правосудие не признает за участниками боевых действий, за реальными комбатантами права на пользование привилегиями, предусмотренными Женевской конвенцией. То же самое произошло и с теми армянами, которые были арестованы. Их осудили за убийство при отягчающих обстоятельствах и в соответствии с нормами кодифицированного права приговорили к смертной казни, хотя в дальнейшем это, конечно, не практиковалось. Но это был 1991 год, это был еще Советский Союз, и в марте 1992 года они попали в корпус смертников, где и содержались до 1996 года. В отличие от других пленных, они считались уголовниками и их не посещал Красный Крест. Это создало обстановку бесконтрольности, над ними всячески издевались, били. Есть достаточно отработанная методика, как человека можно сжить со света. Его избивают так, чтобы повредить внутренние органы. При плохом питании это приводит к болезням и смерти. Формально фиксируется смерть по естественным причинам. В феврале 1994 года от таких естественных причин вымерла половина армян-смертников. Это гораздо больший процент, чем в общем среди смертников. На фоне издевательств со стороны администрации тюрьмы солидарность с этими армянами проявляли простые заключенные, и прежде всего, азербайджанцы. И скоро армяне получили продуктовую посылку с запиской: «Мы попали сюда разными путями, но клеймо у нас у всех одинаковое». Эта записка отражает наднациональный характер уголовной субкультуры. Национальное происхождение людей одного уголовного круга не имеет значения. Более того, некоторые из заключенных видели, не разбираясь в тонкостях политики, в действиях этих армян то, что они убили так называемых погонников, то есть военных, и видели со стороны охранников месть одних погонников за смерть других погонников. Я хочу сказать, что именно эта поддержка со стороны заключенных азербайджанцев спасла половину армян от неминуемой смерти. Некоторые пытались как-то выразить, определить свое к этому отношение. Один из заключенных написал мне такую фразу: «От бога полагается не издеваться над пленными, то есть помогая этим армянам, мы выполняли долг мусульманина». Здесь видно напластование самых различных культур. И все они противостояли в данном случае официальному отношению к этой группе заключенных.

В 1994 году после побега группы смертников положение изменилось. Стали издеваться над азербайджанцами, но к этому моменту армян уже посещал Красный Крест. И если азербайджанцы недоедали, то армяне получали каждое утро молоко, мед, белый хлеб на подносике. Из отверженных они превратились в аристократов. Это перекликается, может быть, с прошедшей дискуссией о происхождении аристократии. Армяне до самого последнего момента посылали ответные посылки тем заключенным, которые были с ними дружны. При всем при этом лиц этих людей они не видели. Они не встречались с ними даже на прогулках. Тут та же традиция, что у уголовников. Это выражение уважения друг к другу. К 1996 году армяне полностью интегрировались в это уголовное сообщество, не будучи уголовниками по своему происхождению. Они прониклись этой идеологией, прониклись традициями. И даже сейчас, например, они плакали, когда рассказывали о том, как расстреливали фактически на их глазах азербайджанцев, которые говорили: «Сначала расстреляйте армян. Что вы на глазах у врагов нас расстреливаете?». В мае 1996 года армян после больших усилий и правозащитников, и Красного Креста в результате долгих переговоров освободили. И в дальнейшем они выполнили обещание, которое дали азербайджанцам — рассказать о том, что там происходило. Их рассказы были одним из главных источников информации о том, что происходило в пятом корпусе смертников.

Я хочу в двух словах подытожить, не претендуя на какой-то анализ: юридические коллизии и пробелы в выполнении гуманитарного права были с успехом заполнены традициями уголовной субкультуры. Это не единственный случай, когда уголовная субкультура накладывается на этноконфликты. Есть много сведений о том, что уголовные элементы или проявление каких-то уголовных традиций были заметны в самых различных кавказских конфликтах. Я подозреваю, что есть какие-то коллизии даже в отношении обычных российских уголовников к чеченцам, которых сейчас отлавливают и осуждают не как комбатантов, а как уголовников. Я думаю, что эта тема требует осмысления, анализа, проработки. Я как практик на это не претендую, но вас призываю обратить на это внимание.

Вопросы и мнения

— Не секрет, что на постсоветском пространстве достаточно много уголовных авторитетов и криминала именно кавказского происхождения. Перекликается ли традиционная культура Кавказа именно с уголовной культурой? Есть ли параллель между кодексом уголовного поведения с кодексом поведения на Кавказе?

— Некоторые параллели действительно есть, но они притянуты за уши. Просто эти две субкультуры в чем-то общие. Допустим, в определении аристократии или солидарности. На самом же деле кавказская субкультура в большинстве своем этнична, а уголовная субкультура надэтнична. Можно наблюдать множество «трогательных» проявлений уголовной солидарности. На эту тему написаны целые книги. Как, например, уголовник-азербайджанец, случайно попавший, допустим, в Армению во время конфликта, был спасен уголовником-армянином, но не как сосед, а как коллега, то есть как профессионал профессионалом. Или как уголовники-армяне ездят в Азербайджан на мероприятия, которые устраивают их коллеги-азербайджанцы. Но это едва ли проявление кавказской суперкультуры. Это совершенно другая культура.

— В мемуарной литературе есть свидетельства. В частности, например, о взаимоотношениях между политическими заключенными армянами и азербайджанцами в советскую эпоху, контактах между членами партии мусаватистов и членами партии «Дашнакцутюн» на Соловках. Это же недавние политические противники. Вы не касались этих источников?

— Дело в том, что ситуация с политическими заключенными первого периода советской власти и последнего периода — совершенно различна. Грузинские меньшевики, находясь в тюрьме или в эмиграции, были просто раздавлены чувством ответственности за то, что они не смогли найти общую почву с другими национальными партиями Закавказья. Это их даже часто сближало. Я что-то не припоминаю воспоминаний о том, что дашнаки продолжали ругаться или устраивать вооруженные разборки с мусаватистами в Париже или в тюрьмах. Повторяю: у них было общее чувство вины за то, что они позволили советизировать Кавказ. В отношении политзаключенных в другой период была совершенно другая подоплека. Подавляющее большинство армянских политзаключенных были радикальными националистами, в то время как азербайджанские политзаключенные, которых было намного меньше, были, скорее, антисоветчиками, чем националистами. У меня нет никаких сведений об их контактах, например, в Мордовском лагере. Тогда было другое время, другие традиции, другие обычаи.

— Вообще интересно то, о чем говорит Эльдар, потому что я замечал, что в конфликте Карабаха и Азербайджана прослежено достаточно много аспектов взаимоотношений различных сторон. Тут был задан вопрос о том, насколько проявляются традиционные нормы в уголовной культуре. Я думаю, что их как бы и нет, потому что в

абхазо-грузинском конфликте не было перешкаливания в жестокости по отношению к военнопленным. Хотя, конечно, отдельные проявления жестокости были. Однако все-таки какие-то нормы соблюдались. И если человек попадал в плен, то он проходил инстанции в соответствии с международными нормами. Но криминальные люди находили контакты. И в связи с этим я хочу сказать, что несмотря на войну абхазы и грузины тем не менее находили возможность заниматься торговыми сделками на Ингурском мосту. Другое дело, когда проводят параллели построения мер доверия, приводят две совершенно крайние формы. Одна — это Ингургэс. Сотрудничество абхазов и грузин происходит здесь не потому, что они доверяют друг другу, а потому, что ресурсы Ингургэса рассредоточены так, что без сотрудничества ни та, ни другая сторона не будет иметь свет. Иная крайняя форма — экономическое сотрудничество уголовных элементов. Им наплевать и на этнические, и на идеологические проблемы. Для них главное — выгода. Я не против сотрудничества, но если оно прозрачное и имеет общие цели в будущем. Но когда армяне и азербайджанцы друг друга поддерживают ради извлечения личной выгоды, я — против. Уголовные элементы чаще провоцируют ситуацию конфликта и его эскалацию, потому что в этих условиях они еще лучше могут проворачивать свои дела. И действительно, трудно сейчас в случае Абхазии и Грузии провести параллель — кто эксконтант, а кто уже становится уголовником.

Вы знаете, что в 1993 году фактически закончились боевые действия на территории Абхазии, но террористические бандформирования до сегодняшнего дня нагнетают ситуацию. И это привело к тому, что в мае 1998 года мы были практически в состоянии войны. Собственно, это была война, но она продолжалась девять дней. Такая же ситуация сложилась в апреле 2002 года, когда были взяты заложники. Дело в том, что представители террористических банд были в то же время комбатантами и я не знаю, как их теперь классифицировать. Было бы неплохо, чтобы мы подумали, как классифицировать, структурировать эти новые, поствоенные взаимоотношения, выяснить, насколько они влияют на процесс построения мира в наших регионах, что можно извлечь из их опыта и взаимоотношений. Может быть, есть смысл демифологизировать такие взаимоотношения и не рассматривать их как возможное позитивное сотрудничество, потому что я, например, не хотел бы жить в стране, где в качестве концепции для будущего могли даже просто предположительно приниматься примеры сотрудничества людей из криминального мира, независимо от того, успешное это сотрудничество или нет.

— Я думаю, что действительно нужно дифференцировать эти различные группы и четко выделить, кто есть кто. Нельзя говорить о том, что криминальные авторитеты

играли только негативную роль в конфликтах. Были случаи, когда криминальные авторитеты играли весьма положительную роль, в том числе и в вопросах народной дипломатии. Первые переговоры, которые прошли в Цхинвали по вопросам грузино-абхазского конфликта, были инициированы и поддерживались именно криминальными авторитетами. Нужно четко отделить криминальные традиции от национальных и региональных кавказских традиций. Криминальные традиции весьма серьезно влияют на вытеснение, выдавливание национальных и региональных традиций и тем самым находятся в открытом конфликте с региональными традициями, которые могли бы более эффективно содействовать миротворческому процессу.

— Дело в том, что и уголовный, и большевистский интернационализм как правило, имеет какую-то криминальную подоплеку. И пролетарская солидарность трудящихся всех народов Кавказа базировалась на лозунге: грабь награбленное. Интернационализм, который действовал на территории Кавказа семьдесят лет, был немножко нездоровым и я хотел бы его демифологизировать.

— Существуют определенные нормы в условиях войны и в условиях, когда нравственные ценности подвергаются эрозии и возникают некие гипертрофированные нормы, которым люди придают такое же значение, как традиционным нормам. Я хотел вам привести один пример, который для меня является очень показательным. В период боевых действий был взят в плен русский доброволец. Это был мой коллега — археолог, искусствовед, который просто приехал к нам в гости. Началась война, и он попал в плен. Мы в течение четырех месяцев его искали, а он находился в уголовной гражданской тюрьме. И он рассказывал поразительные вещи о том, как люди из уголовного мира помогли ему выжить в критической ситуации. Два года назад в Грузии была издана книга «Двух истин не бывает». В ней приводятся материалы допроса человека в присутствии журналиста. Человека в течение двух месяцев очень жестоко пытали и при этом допрашивали. Доведенный до отчаяния человек для того, чтобы выжить, говорил какие-то одиозные вещи. И это все публикуется. Меня поразило, что при пытках и допросах присутствовала журналистка, которая потом издала об этом книгу, в которой были даны глобальные политические заключения. Потрясает не то, что книга была издана, а то, что правозащитные организации в Грузии, — а их очень много, больше, чем население Абхазии сегодня, в том числе Хельсинкская гражданская группа — никак не отреагировали на это. Материалы допросов с пытками, на которых присутствует журналист, издаются как документ, обличающий одну из сторон, вместо того, чтобы это

осудить.

— Вы говорите, что они его пытали?

— В книге опубликованы материалы допросов в тюрьме, но не говорится прямо, что человека пытали, потому что введение психотропных веществ или избиения не считаются пыткой. Я не говорю, что такое может быть только в Грузии, допускаю, что такое могло быть и в Абхазии, в других местах. Бьют заложников. Этого не избежать. Это другой момент. Но мы должны помнить о том, насколько человек, находясь в плену, волен говорить правду или неправду. Меня потрясло, что такая книга издается и о ней даже в прессе и по радио говорили. Я хотел бы, чтобы на нее отреагировали, потому что эта книга получила достаточную известность в Абхазии. Поскольку этот пленный был моим другом, все стали обращаться ко мне, говоря, что он нас предал. И мне чуть ли не пришлось доказывать, что тут не вопрос предательства, а состояние человека, которого пытали. Это еще один из новых стереотипов отношения к правам человека и к нормам поведения во время войны и после войны. Правомочно ли это? Нормально ли это в демократическом обществе, ценности которого вы провозгласили и которым вы соответствуете?

— Батал поднял очень важную тему. Дело в том, что война действительно проходит по каким-то своим законам и они часто не совпадают с международными. То, что заложников пытаются, абсолютно точно. Что я хочу сказать в этой связи? У нас никто не удивляется, если человек побывал в плену и вернулся. Совершенно естественно, что его пытали, били, сломали ногу или выбили зубы. Об одном человеке, который вернулся из плена, где его не пытали, ходят легенды. Каким образом ему удалось избежать пыток? Говорят, что у него там оказался знакомый.

— Все страны, все стороны конфликта заявляют о своей приверженности гуманитарному праву. Но очень много сведений об издевательствах над пленными. У нас, например, сложилась такая ситуация: несколько десятков человек, вернувшихся из армянского плена, где их принудили к сотрудничеству, были осуждены за государственную измену на большой срок, одному дали даже смертную казнь. Насколько правомерно на родине такое отношение к бывшим пленным после того, что они пережили в плену? Это большой вопрос. И нам только в прошлом году удалось переломить ситуацию, когда были уже готовы уголовные дела на целый десяток наших пленных,

которых армяне какими-то уговорами или методами принудили заявить об отказе возвратиться на родину — а это состав уголовного преступления. На них уже готовились уголовные дела. И только совместными усилиями армянских и азербайджанских правозащитников это удалось предотвратить. Буквально в принудительном порядке заставили прокуратуру закрыть дела, после того, как пошли публикации о том, что за этим стоит. Это странная вещь — и то, как относятся к пленным в плену, и то, как относятся к вернувшимся из плена. Не знаю, насколько это соответствует кавказским традициям. Но как практикующий правозащитник вижу, что тут не все соответствует нормам международного права.

Красный Крест, на который мы рассчитывали несколько лет назад, видоизменился, и очень сильно. Происходит незаметная для глаза, но заметная по результатам деградация международных организаций, которые в принципе и должны быть главными носителями гуманитарного права, его защитниками. Почему-то мы, правозащитники, больше защищаем гуманитарное право, чем международные организации. Как это произошло? Может быть, это не тема нашей конференции?

— Это как раз основная тема, но об этом еще никто не говорил. Я просто поймал себя на мысли, что мы говорим о том, как плохо, когда человека берут в заложники и мучают. Выходит, что мы в некотором смысле смиряемся с тем, что взятие человека в заложники стало нормальным. Институт заложничества вошел в нашу жизнь и мы сейчас более акцентируемся не на самом этом факте, а на том, чтобы с заложниками вели себя по-человечески. Я хотел бы четко разграничить вопросы положения военнопленных и заложников. С террористами, которые берут в заложники людей, в нормальном обществе не должно быть никаких компромиссов. С другой стороны, мы должны видеть, что террористы так же являются жертвами тех социально-политических процессов, которые у нас происходят. Исходя из этого, я считаю, что работа с террористами и с теми группами, которые потенциально могут стать террористическими, должна быть одной из приоритетных задач и миротворческих организаций, и научных кругов.

— Заложничество ведь не чуждо кавказской этнокультуре. Институт *азамата* — захвата заложников существовал испокон веков. И в кавказских войнах двухсотлетней давности заложничество тоже использовалось. Поэтому здесь мы должны идти, может быть, поперек традиций, если эти традиции далеки от современности, если они дикие. Мы должны иметь смелость им противостоять.

— Я хотел бы, чтобы мы возвратились к основной теме нашей конференции: «Нормы поведения людей во время войн, конфликтов». В условиях конфликтных регионов терроризм — это некие структуры, которые ведут боевые действия. Их нельзя назвать такими террористами, которые в Москве в масках что-то делают. В наших регионах террористы пытаются соблюдать нормы поведения, ссылаясь иногда на международные стандарты. Эта наша конференция должна была проходить в Абхазии 14 мая. Но в связи с тем, что в Абхазии сложилась ужасная ситуация, общественное мнение и просто люди не готовы были воспринять такую конференцию. Вместе с тем, в «Кавказском акценте» была опубликована позиция грузинской интеллигенции. Грузинские общественные деятели, правозащитные организации осуждали террористические акты, которые совершаются с территории Грузии, обвиняли свои власти и призывали их к тому, чтобы они на это реагировали достойным образом. Такая позиция произвела положительное впечатление, она снизила накал страстей в отношении Грузии. Это и есть те ниточки, по которым мы строим доверие. Это те ниточки, по которым строим взаимоотношения и моделируем наше будущее. Может быть, мы не очень сильно реагируем, но честно говоря у нас и нет террористических банд, которые пересекали бы границу Ингури. Но если бы они были, то мы обязательно реагировали бы.

— Правильно ли я понял, что в Азербайджане все еще действует старая советская норма, согласно которой отказ возвратиться на родину является уголовным преступлением?

— Формально, да.

— Здесь говорилось о проблеме военнопленных. Мы встречались с представителями азербайджанского правительства и планируем встретиться с представителями Армении и Карабаха. Наша задача — призвать их к соблюдению тех гуманитарных норм, о которых мы здесь слышим. То, что мы здесь услышали сегодня, для нас очень продуктивно. Когда в последний раз наши представители были в Баку, они долгое время не смогли получить доступ к тому, что нас интересовало. Заложники и военнопленные есть и с армянской, и с азербайджанской стороны. Но факт наличия заложников продолжают скрывать. Мы должны переломить это и способствовать их освобождению.

Карен Оганджян

Нагорно-Карабахский комитет ХГА

Проблема Нагорного Карабаха в контексте традиционных методов разрешения конфликтов

Дефиниция конфликта у многих специалистов-конфликтологов является сама по себе конфликтной. Разброс дефиниций от межэтнического и территориального до религиозного, межгосударственного и правового мешает не только разрешению конфликта, но во многом способствует формированию опасных мифов, предубеждений и неправильного определения потребностей в решении проблемы. Я не буду концентрировать свое внимание на самой истории конфликта вокруг Нагорного Карабаха, отмечу лишь, что результат его неразрешенности печален - более тридцати пяти тысяч убитых и тяжело раненых, более семисот пятидесяти тысяч лишенных крова, работы и уверенности в будущем. Неприязненность между армянами и азербайджанцами достигла такого уровня, что семь лет хрупкого перемирия в любой момент могут перейти в жуткое военное противостояние с глобальными последствиями для многих народов и, в частности, для Кавказа.

История карабахского конфликта — это в то же время история многочисленных попыток его урегулирования. Она вобрала в себя как мировой и региональный опыт, так и традиционные методы разрешения конфликта, основанные на инициативах самих конфликтующих сторон. Несмотря на достаточно длительный период существования конфликта, направления его трансформации в основном определялись волевым решением третьей стороны и создавали условия, при которых конфликт из «горячей» стадии переходил в состояние «спячки» и затем вновь пробуждался с грузом неразрешенных проблем, главной из которых был и остается вопрос реализации права народов на самоопределение. В эпоху, когда разрешение конфликта было прерогативой Советского Союза, последний, исходя из своих геополитических интересов и используя репрессивные рычаги, переводил конфликт из исторической и правовой плоскости в плоскость межнационального примирения в контексте глобальной доктрины великой дружбы

народов СССР. Последняя подобная попытка использовать традиции советской империи, предпринятая Президиумом Верховного Совета СССР 18 июля 1988 года, перевела конфликт уже в область дезинтеграционных процессов, охвативших социально-экономические, культурные и политические сферы всего бывшего Советского Союза и ставших одной из причин его распада. Война между Нагорным Карабахом и Азербайджаном возвела водораздел между старой советской традицией разрешения конфликтов и новыми возможностями, в которых, помимо международного права и политического диалога, стороны традиционно делали основной упор в урегулировании проблемы на военное решение. Миф о том, что победа на войне навсегда решит проблему, стал с 1992 по 1994 годы доминантой конфликтующих сторон. Каждая из них неумолимо стремилась поставить на колени другую и тем самым навсегда решить проблему. Однако военное решение карабахской проблемы натолкнулось на противодействие международных, межправительственных и неправительственных организаций, причем происходило это в условиях, когда мировой опыт «урегулирования» стал после боснийского конфликта базироваться именно на военном решении проблемы.

Очевидно, что мировое сообщество не намерено признавать победу в войне в качестве инструмента для достижения цели конфликтующими сторонами. Но вместе с осознанием этого факта военные круги Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха все еще не исключают войну как средство решения карабахского конфликта. Массированные поставки вооружения, усиленные тренинги армий трех конфликтующих сторон убеждают в том, что концепция войны и военного решения проблемы все еще остается одной из самых привлекательных для достижения цели. Альтернативой военному решению выступали мирные инициативы, выдвигаемые как религиозными кругами, так и политиками, дипломатами, гражданскими активистами.

С самого начала современной стадии карабахского конфликта — я имею в виду массовое выступление армян Нагорного Карабаха за свое самоопределение в 1988 году — были предприняты и первые попытки использования демократических традиций и институтов в мирном урегулировании отношений. На Кавказе очень сильны традиции уважения к аксакалам, к творческой интеллигенции и руководителям конфессий. История карабахского движения богата примерами использования их усилий как в периоды эскалации напряженности, так и в процессе примирения. Бесспорно, что призывы армянского патриарха Вазгена I со словами «Пощадите Арарат» удержали армян от ответного насилия после событий в Сумгаите, всколыхнувших у них память о геноциде 1915 года в Османской империи. К сожалению, традиции аксакалов, в свое время умело регулировавших напряжение, возникшее в связи с волевой передачей Сталиным

Нагорного Карабаха Азербайджанской ССР, в 1988 году продемонстрировали свою недееспособность. Более того, многие аксакалы, призывавшие к миру и благоразумию, не были поняты основной массой населения и новой правящей элитой и явно воспринимались как маргиналы.

С начала 1992 года проблемой урегулирования карабахского конфликта стало заниматься СБСЕ (теперь – ОБСЕ), создавшее специально для этого группу, базирующуюся в Минске, главным достижением которой является заключение договора о прекращении с 12 мая 1994 года огня между конфликтующими сторонами. Основопологающим и наиболее противоречивым во всех дальнейших дискуссиях о мире стал вопрос о будущем статусе Нагорного Карабаха. Должен ли он иметь статус автономии внутри Азербайджана, или Азербайджан должен стать конфедеративным государством, либо должно быть создано общее с Азербайджаном государство или НК должен находиться под общим управлением Армении и Азербайджана? Предметом переговоров являются вопросы возвращения оккупированных или, как говорят армяне, освобожденных территорий, ухода армянских войск из Нагорного Карабаха, гарантий функционирования Лачинского коридора (между Арменией и НК), а также проблемы, связанные с транспортным коридором для сообщения между Азербайджаном и анклавным Нахичеваном, а также вопросы безопасности, возвращения беженцев и восстановления ущерба, нанесенного в ходе конфликта. Практически все предложения сопредседателей Минской группы СБСЕ-ОБСЕ затрагивали эти вопросы. Но по тем или иным причинам то одно, то другое предложение отклонялось одной из сторон. И в результате Минский процесс вошел в состояние глубокой стагнации. Отход Минской группы (ставшей келейным институтом) от первоначальной широкой и гласной концепции ведения посреднических действий, на мой взгляд, делает теперь невозможным даже само проведение предусматриваемой первоначально Минской конференции, целью которой должно было стать окончательное определение статуса Нагорного Карабаха.

Минская группа ОБСЕ, бесспорно, стала заметным международным институтом, фактически формирующим принципы и формы урегулирования конфликтов вообще. Опыт работы Минской группы является методологически значимым в вопросе трансформации конфликта; в результате ее усилий было достигнуто соглашение о прекращении огня между враждующими сторонами. Однако наряду с тенденцией разрешения карабахского конфликта политическими методами, где главную роль играют Минская группа ОБСЕ и переговоры президентов Армении и Азербайджана, важное значение, на мой взгляд, могла бы иметь установка на разрешение конфликтов в рамках

международного права, которое позволяет при наличии необходимых факторов реализовывать право на самоопределение. Такими необходимыми факторами в карабахском конфликте являлись массовые нарушения прав человека, дискриминация национального меньшинства в праве избирать свою власть, в вопросах свободы самоидентификации и развития культуры, языка и религии. А также - игнорирование исторической принадлежности территории национальному меньшинству, непризнание референдума по вопросу о самоопределении, непризнание законно сформированных государственных институтов, позволяющих проводить переговоры на международном уровне, и многое другое. В Нагорном Карабахе все эти факторы существуют. Если в начале своей деятельности Минская группа ОБСЕ рассматривала варианты решения проблемы также и в рамках международного права, то со временем неверная трактовка сторонами конфликта основополагающих принципов международного права — права государств на территориальную целостность и права народов на самоопределение — сделала это невозможным, хотя остается очевидным, что любое политическое решение должно в конечном итоге базироваться на принципах международного права.

Нагорно-карабахский конфликт до сих пор не разрешен. Но тем не менее попытка его мирной трансформации обрела уже четкую традицию, и в первую очередь в гуманитарной сфере. Тут наибольших успехов достигли представители неправительственного сектора Азербайджана и Нагорного Карабаха. Они исходили из убежденности, что защита прав человека, создание гражданского общества, развитие демократии и учреждение открытых плюралистических организаций с высокими функциональными возможностями, ориентированных на общечеловеческие ценности, являются основой начала процесса примирения. Нагорно-карабахский комитет «Хельсинкская инициатива — 92» с момента эскалации конфликта и перевода его в военное противостояние с массовым кровопролитием и нарушением международного гуманитарного права выступил за немедленное прекращение военных действий и вместе с азербайджанским национальным комитетом Хельсинкской гражданской ассамблеи начал кампанию за немедленное начало переговоров по поиску мирных путей разрешения конфликта. Сегодняшнему состоянию доверия и дружественных отношений, в котором находятся наши комитеты, предшествовали военный психоз и истерия, когда любая попытка говорить о мире квалифицировалось обществом как предательство национальных интересов. Против нас была развернута кампания морального подавления и угроз физического уничтожения. Но мы не испугались, поскольку были свидетелями того, как война опасно трансформирует не только психику людей, но и нравы. Ксенофобия и этнофобия становились постоянной доминантой в обществе. Стремление победить и

желание реванша и являются теми составляющими, которые в основном двигают конфликтами. Люди начинают терять чувство меры и дозволенности, а это самое страшное.

Сегодня в обществах Армении и Азербайджана снова иницируются военные настроения. Стороны опять пытаются силой изменить военно-политическую ситуацию в регионе. Это самый печальный ответ на действия всех миротворцев, которые уже добились серьезного прорыва в трансформации конфликта и продолжают плодотворно сотрудничать во имя мира. Еще в 1992 году нагорно-карабахский комитет «Хельсинкская инициатива — 92» впервые в истории карабахского конфликта публично осудил действия карабахских войск в отношении мирных граждан — азербайджанцев в селении Ходжало и принес за это извинения азербайджанскому народу. Затем последовала кампания по освобождению 500 военнопленных и заложников с обеих сторон, состоялись совместные поездки азербайджанских и карабахских общественных и политических деятелей в Нагорный Карабах и Азербайджан, способствующие не только началу интенсивного гуманитарного сотрудничества и мирным переговорам, но и изменению стереотипа, «образа врага». Во время первого приезда азербайджанской делегации в Нагорный Карабах в самый разгар военных действий в 1994 году, когда слово «азербайджанец» совпадало в сознании всего карабахского общества со словом «враг», произошло то, что свойственно нормальным людям: здание, где происходила встреча, стихийно было окружено огромным числом людей, скандирующих лозунги: «Мир! Мир! Мир!». Мы были свидетелями истинных чувств этих людей, проявления того мирного начала, которое богом заложено в каждом человеке. Имидж врага, столь усиленно подогревавшийся политическими и военными кругами, моментально растворился при виде мирных азербайджанцев.

Сегодня мы являемся свидетелями широкого сотрудничества не только неправительственного сектора Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха, но и усиления контакта между правительственными организациями и представителями средств массовой информации, играющими ключевую роль в формировании общественного мнения. Роль прессы особенно важна в поисках путей мирного урегулирования конфликта, в предупреждении его разгорания, в сглаживании острых противоречий. Предотвращению и урегулированию конфликтов эффективно способствуют развитые демократические институты и гражданское общество. Активная позиция антиконфликтных сил способна не допустить кровопролитие и насилие.

Вот уже два года как президенты Армении и Азербайджана регулярно встречаются друг с другом с целью выработки взаимно-приемлемого соглашения. Я приветствую их

усилия в этом направлении. Но меня пугает тотальная конфиденциальность этих переговоров и отсутствие на них представителя Нагорного Карабаха, населению которого предстоит реализовать подписанное соглашение. Меня пугает и наступление на демократические силы в регионе, и призывы не мешать подписанию договора с конфиденциальным содержанием и с конфиденциальными последствиями. То, что мы все должны содействовать заключению эффективного мирного соглашения, отвечающего интересам наших народов — бесспорно, как и то, что договор строится на компромиссной основе.

Мы вступили в XXI век. Каким он будет? Нетрудно предположить, что по крайней мере его начало будет ознаменовано войнами и провозглашением новых независимых государств наряду с широкими интеграционными процессами и распространением процессов глобализации на все сферы жизни людей и человеческой деятельности. Что нужно сделать, чтобы процесс образования новых государств проходил мирно? На мой взгляд, необходимо признать приоритет права народов на самоопределение и предусмотреть обязательный и четкий во временном отношении алгоритм их отделения. Если отделяющийся народ будет знать, что он защищен международным правом, а народ, от которого отделяются, будет знать, что и он находится под защитой международного права, и обоим народам предстоит долгий, но цивилизованный бракоразводный процесс, то у многих исчезнет охота воевать и бороться и многие призадумаются над своим выбором.

Вопросы и мнения

— Дело в том, что в докладе слишком оптимистично рассматривается роль Минской группы ОБСЕ по Карабаху. Кто является посредником этой группы в переговорах? Россия, которая имеет военный договор с Арменией и свои военные базы в этой стране. США, которые заинтересованы в азербайджанской нефти. Франция, которая затеяла какую-то свою игру с Арменией. После признания геноцида 1915 года во Франции освобожден террорист, который был осужден на пожизненное заключение за взрыв в аэропорту Орли. Его здесь встретили как национального героя. Эти три посредника не могут вызвать доверия. Не является ли это нарушением вообще самой идеи посредничества? Скорее всего, Минская группа ОБСЕ — это показатель военно-политического баланса, чем наметка какого-то прогресса. А больше всего вызывает удивление, что остальные межгосударственные объединения от проблемы Нагорного Карабаха отстранились. ООН, которая в 1993 году пыталась поучаствовать в разрешении

конфликта, в 1996 году отдала свои полномочия Минской группе. В прошлом году, когда было принято решение о вступлении Армении и Азербайджана в Совет Европы, там тоже заявили, что оптимальная рамка для ведения переговоров — Минская группа. Это очень странно. Мне кажется, что действительно карабахский конфликт всех напугал и все от него как-то испуганно шарахнулись, отдав решение вопросов тому, кто первый за это взялся. Невовлеченность гражданского общества в разрешение этого конфликта — дикость. По-моему, сегодня больше нет таких конфликтов, к урегулированию которых не пытаются привлечь посредников, не используют потенциал религиозных лидеров, потенциал неправительственных организаций. Находясь в очевидном идейном кризисе, посредники не обращаются к гражданскому обществу. По поводу вовлеченности неправительственных организаций в этот конфликт, конкретно Хельсинской гражданской ассамблеи или других организаций, можно сказать, что это имело место в 1992—1994 годы. Неправительственные организации как-то заполняли вакуум при отсутствии прямых встреч сторон конфликта. У населения Степанакерта вызвал оптимизм приезд в 1992 году азербайджанцев. А в 1995 году, когда президенты и министры плотно уселись за стол переговоров, нас как ненужный элемент задвинули назад. Нынешнее оживление связано с тем, что к 1998 году были перебраны все возможные варианты решения карабахского конфликта и снова возник идейный кризис. Поэтому мы опять оказались востребованными.

— Когда власти не могут прийти к какому-то решению, они допускают вмешательство в процесс представителей гражданского общества. Вот и сейчас опять наступает такой вакуум. Вы говорите, что нет особого доверия к институтам гражданского общества. Но складывается впечатление, что именно вы своими усилиями создавали пространство для диалога, которое используют власти. Потом этот наращенный потенциал они исчерпывают и снова начинают испытывать нехватку идей. Может быть, есть смысл не ругать власти, а влиять на них и сотрудничать с ними?

Я думаю, что в любом случае надо использовать все варианты диалога внутри страны. Но сегодня самая опасная тенденция заключается в том, что даже посредники призывают власти изолировать неконструктивную оппозицию. А где расположена грань между конструктивной и неконструктивной оппозицией и кто должен ее определять? Властям просто развязывают руки в устранении неудобных лиц. Если в 1992—1994 годах во время войны мы были более активными, нежели сейчас, то это объяснялось тем, что 1992 год был близок к 1988 году, когда демократические изменения коснулись практически всех сфер общества. Сегодня инерция отхода от демократических традиций

достаточно высока и очень трудно привлечь гражданское общество к решению этой проблемы и активизировать его инициативу по влиянию на правительство в принятии тех или иных решений.

— Я хочу сказать, что можно усилить динамику переговорного процесса, если он постоянно будет подпитываться идеями, которые в изобилии имеются у неправительственного сектора. Действительно, по прошествии восьми лет перемирия накопилось с одной стороны безразличие, с другой стороны недоверие к переговорным процессам. И это может вылиться во что-то страшное. Когда стартовала очередная милитаристская кампания, очень трудно было разобраться, кто оппозиция, а кто правительство. Все друг с другом соревнуются. Оттого, что оттерли все-таки от переговорного процесса неправительственные организации. Приведу очень характерный пример. Когда в 1995 году под крышей Хельсинкской гражданской ассамблеи состоялись переговоры или, может быть, диалог неправительственных организаций из Баку, Еревана, Степанакерта — с одной стороны, и посредниками Минской группы — с другой, то было предложено освободить пленных и их действительно освободили. Но почему-то эта простая идея, которая способствует достижению доверия между сторонами, внутри правительственных кругов не возникла. Ее подсказали посредники. А с 1995 года диалога с Минской группой у нас уже нет. Это только во вред переговорному процессу.

— Я не могу понять, что вы имеете в виду, когда говорите «дипломатия»: действия неправительственных организаций или властей? У меня в связи с этим вопрос: может быть, вам не хватает идей для новых импульсов миротворчества? Я хочу привести пример народной дипломатии в абхазо-грузинском конфликте... У нас были достаточно интенсивные двусторонние встречи и мы захотели расширить их формат, сделать многосторонними, чтобы медиаторами выступали представители различных регионов Кавказа. Так сформировался Кавказский .Форум, который сейчас этим не занимается, а существует просто сам по себе. Может быть, имеет смысл подумать о том, чтобы включить в процесс миротворчества Карабах—Азербайджан людей из других регионов Кавказа? Возможно, их участие даст импульс для новых идей.

—Неофициальная дипломатия — это, примерно, как в азербайджанских традициях мужская свадьба и женская свадьба: на одной гуляют только мужчины, на другой только женщины. Сейчас с дипломатией происходит то же самое. Стороны еще не соединились в одной спальне.

Посредник должен быть беспристрастным и иметь огромное влияние на участников конфликта. Это — очень важный момент. Я не против участия представителей Кавказа в урегулировании карабахской проблемы, но, по большому счету, представители других кавказских регионов не имеют такого влияния на участников конфликта. И это очень большая проблема, которая отражает менталитет наших народов.

Алан Плиев

Центр социальных и гуманитарных исследований

Института управления, Владикавказ

Организация процессов народной дипломатии

Я перед собой поставил более узкую задачу — остановиться на вопросах, связанных с народной дипломатией, в плане прагматическом: что такое народная дипломатия, кто может участвовать в этом процессе, как его организовывать?

Опыт последних десятилетий показывает, что межнациональные конфликты являются результатом, в первую очередь, деятельности политических элит, а не народа. Межнациональные конфликты возникают и обостряются, переходят в стадию вооруженных столкновений и преодолеваются в результате деятельности политических структур, соперничающих друг с другом государств или наций, международных организаций, но не народа. Что же тогда остается на долю народной дипломатии и кто может осуществлять эти акции?

Дело в том, что понятие народной дипломатии весьма расплывчато, хотя и взято на вооружение неправительственными организациями НПО. Но и само понятие НПО не совсем четко определено. Кто именно, какие силы туда входят? Если все негосударственные структуры, то можно говорить и о политических партиях, и о национальных и о националистических движениях и т.д. Если брать всю совокупность общественных движений, социальных групп, организованных и неорганизованных, то не всегда можно организовать их успешную акцию. У нас в Осетии, например, представители различных организаций, собираясь вместе, вместо того, чтобы сделать какие-то шаги навстречу друг другу, приходят к полнейшему и глубокому взаимному непониманию. Это происходит потому, что четко не определены задачи и цели этих встреч. Они получаются чисто формальными и безуспешными.

Я неоднократно общался с представителями противостоящих сторон, как независимый эксперт участвовал в грузино-юго-осетинских и четырехсторонних встречах и убежден в том, что успешным все-таки является государственный уровень. Когда же эти встречи проводятся массами, народом, различными организациями, то получают прямо противоположное содержание. Очень часто националистические организации, способствующие разжиганию конфликтов, участвуя в этих переговорах, играют негативную роль. Думаю, что причины этого — отсутствие толерантности, неспособность выходить к народной дипломатии, помогающей сблизить позиции во взаимоотношениях и в решении конфликтных проблем. И здесь я должен отметить такой момент: многие лидеры, желая показать, что они решают вопросы, начинают утверждать, что конфликт почти разрешен.

После вооруженного конфликта обычно проходит три этапа. Первый — установление мира. Второй этап — восстановление разрушенного хозяйства и возвращение беженцев. И третий этап — развитие и совершенствование экономики и хозяйства, попытка как можно быстрее подняться на уровень, которого достигли другие народы. На всех трех этапах роль НПО различна. И входить в эти НПО должны разные силы. При этом националистические организации всегда стараются вклиниться во все три этапа.

Вопрос о прекращении войны, о мире, как правило, решается государственными структурами. В восстановлении хозяйства и возвращении беженцев основную роль играют как раз неправительственные организации. Почему? Потому что без преодоления взаимного недоверия невозможно считать конфликт исчерпанным. Иногда можно услышать, что если вернулись семьдесят процентов беженцев, значит можно и должно говорить о том, что конфликта уже нет, а есть постконфликтная ситуация. Я с этим в корне не согласен. После окончания военных действий продолжают действовать националистические организации, в том числе этнократические, этноцентристские. Их нередко используют в своих целях политические элиты. И в этих условиях особенно важна активная работа НПО.

Первая действительно успешная встреча между молодыми ингушскими и осетинскими журналистами была организована благодаря спонсорской помощи Фонда Сороса. Она прошла великолепно. Журналисты работали два дня и действительно слышали друг друга. Удалось обойти острые вопросы, которые могли бы этому помешать. В эти же дни состоялась встреча маститых журналистов, которая закончилась руганью и никакого согласия не было достигнуто. Причина в том, что не была конкретизирована задача встречи. Все было сведено к одному — к обострению

противоречий. Две эти встречи показывают, что можно полагаться на интуицию, но лучше все-таки использовать аналитические данные специалистов по межнациональным отношениям.

Второй момент. Был проведен широкий социологический опрос об отношении к разным проблемам русских, ингушей и осетин, проживающих в Южной Осетии, для того, чтобы найти те точки, где наши позиции более или менее сходятся. Надо было обнаружить тот пятачок, от которого мы должны были начинать плясать. Важно, что на первой встрече решено было не поднимать вопросов, связанных с историческими территориальными претензиями, так как они только разжигают противостояние. Основными в рассмотрении шагов сближения являются социальные проблемы жизни сегодняшнего поколения, сегодняшних людей.

Вопросы и мнения

— Ни в коей мере не оспаривая важности решения социальных проблем, я хотела бы спросить: а куда уходит политическая составляющая конфликта?

— Политическая составляющая начинает играть основную роль на втором этапе. Это — восстановление и возвращение беженцев, выработка взаимного доверия. Как оно может появиться? Только благодаря совместному труду, в результате совместной деятельности. Между прочим, ингуши и осетины, живущие в Москве, прекрасно работают вместе.

Что касается политического становления, то Южная Осетия формирует в течение десяти лет свой политической аппарат. Если говорить о суверенитете, то моя позиция такая: этот вопрос не является главным. Главное — жизнь людей, экономика, где совместно работают разные народы.

— Я совершенно с вами согласен в том, что статус неправительственной организации определяется не столько тем, находится ли она на государственном обеспечении, сколько ее гражданской позицией. Форум неправительственных организаций Кавказа находится во Владикавказе. Какие там существуют условия для его деятельности? Вообще, каково состояние гражданского сектора в Осетии? Будут ли власти способствовать его нормальному развитию?

— Будут власти способствовать или нет — мне очень трудно на этот вопрос

ответить. Но могу сказать, что необходимо в каждой республике создать координационный совет. У нас огромное количество организаций, но они поодиночке не имеют никакой силы. Мы сейчас объединили двенадцать организаций — и это уже сила.

Партий реальных в Южной Осетии нет, кроме КПРФ. Есть национальное движение. После встречи молодых журналистов я зашел к ним и сказал, что она получилась очень удачной. В ответ на это меня спросили: «А кто вам позволил организовывать такую встречу? Вы спросили жителей Пригородного района?». Я ответил, что при такой позиции никогда ни один вопрос не будет решен.

— Вы сказали, что в процессе народной дипломатии должны участвовать неправительственные организации, обладающие высокой толерантностью. И в то же время вы отрицаете хотя бы на каких-то этапах участие объединения националистически настроенных людей. Но разве они тоже не часть гражданского общества, хоть и не такая лицеприятная?

Как вы полагаете, на каком этапе должны включаться и националистические объединения? Думаю, что встреча людей с высокой толерантностью приводит, как правило, к образованию «мафиозной» кучки добропорядочных людей, а общество должно как бы реагировать на их видение проблем.

— Иногда даже так говорят: «Вот собрались предатели интересов своего народа». Это если прямо открывать ваш вопрос. Дело в том, что можно и нужно работать через средства массовой информации, показывать каждый, пусть даже маленький шаг к толерантности. Конкретно. После первой встречи журналистов организовали передачу на телевидении, в которой вместе участвовали ингушские и осетинские журналисты. Важная мысль: ни в коем случае нельзя ограничиваться только отдельными точечными мероприятиями. Если не будет последовательной системы, ничего хорошего не получится. Мы планируем организовать встречу ученых Осетии и Ингушетии, посвященную разрешению межнационального конфликта. Дальше будем организовывать встречу творческой интеллигенции. Без серьезной программы нельзя рассчитывать на успех.

— В политическом воздухе носятся идеи о ликвидации национальных республик. Как бы вы предсказали отношение движения НПО к такой тематике?

— Полтора месяца назад была встреча ученых у руководителя Администрации

Президента РФ Волошина, где я говорил о том, что любые попытки провести губернизацию России, забыть о национальных проблемах, когда только начинают формироваться национальные интересы, будет грубейшей ошибкой, которая приведет к страшным событиям внутри России. Это шаг к тому, чтобы все республики превратились в субъекты, подобные Чечне.

— Я из Ингушетии и хочу сказать, что с большим интересом и с удовлетворением выслушала ваш доклад. Но у меня вот такой вопрос: иногда месяцами на Черменском круге стоят беженцы из Ингушетии, которые хотят пройти к местам своего прежнего проживания. Их встречают люди камнями и говорят, что они не хотят, чтобы беженцы вернулись в эти села. Кто должен решить эту проблему? Власть, опираясь на Конституцию, или, может быть, общественные организации?

— Давайте исходить из того, что официально зарегистрировано 34 тысячи беженцев. Недавно начали говорить о том, что на территории Ингушетии есть еще 70 тысяч беженцев. Я очень прошу не допускать таких вещей, которые опять разжигают страсти. Надо исходить из статистики. Что касается Черменского круга, то это задача для НПО. Проблему надо решать так, чтобы после того как беженцы вернутся, не обострился конфликт.

Я открыто говорю, что многие ингуши живут в своих деревнях, как в резервации и не могут из них выехать в Осетию. Это — ненормальное положение. Невозможно к каждому из них приставить по милиционеру. Значит, надо создавать обстановку взаимного доверия. И не торопиться с тем, чтобы еще 70 тысяч беженцев-ингушей забросить в Осетию. Не надо доводить до взрыва.

— Я хотел бы знать, что должны делать НПО для укрепления взаимного доверия? Разве власти не имеют к этому отношения?

— Перед властью мы ставим конкретные вопросы, но ответа на них не получаем. Тогда мы попросили, чтобы нам дали деньги на исследование ситуации и выработку необходимых решений.

— На Кавказе большинство людей используют в жизни обычное право или традиционную культуру, нежели конституцию, государственные законы. Не считаете ли вы, что необходимо изменить или отменить обычное право и традиционную культуру и в

соответствии с этим изменить этнический состав?

— Я думаю, что обычное право тоже еще может послужить. Например, когда фамилия собирается, скажем, для организации сбора денег больному однофамильцу или на то, чтобы послать кого-то на учебу или поддержать те или иные семьи, то это право должно работать. Есть другая вещь: если бы вовремя еще Ельцин собрал руководителей республик на Совет руководителей Кавказа, где бы слушали и Дудаева или Масхадова, то я уверен, что можно было бы многое преодолеть. Много есть положительного, но не нужно закрывать глаза на то, что вместо гражданского общества мы формируем на основе обычного права те самые общества, где могут возникать столкновения, межэтническая борьба.

Александр Русецкий

Комитет Хельсинской гражданской ассоциации Грузии

Народная дипломатия и либеральные ценности

Не каждому человеку из нашего общества, из наших сообществ или разбитых обществ удастся в этой жизни побывать вместе за одним столом в определенное время. Может быть, многие хотят встретиться друг с другом, многие хотят друг с другом поговорить и многие хотят приложить свои силы именно для того, чтобы найти те болезни, какие у кого есть, определить, в чем проблема, покопаться, разложить на более мелкие проблемы и совместно, разделив и ответственность, и судьбу за наш регион, начать строительство — после такого длительного периода разрухи и после такого длительного периода катастроф и кризисов. Я считаю, что в этом отношении мы, в первую очередь, должны опираться на тот опыт, который был накоплен нашими народами. И потому я с таким большим вниманием слушал доклады, которые мне были очень интересны, постольку, поскольку то, что было вами изучено, это действительно и составляет систему ценностей наших народов, вообще кавказского региона, который отличается от других регионов мира. Много общего тоже есть, но чем-то все-таки Кавказ отличается от других. Именно поэтому я хочу сказать, что у меня тоже существует идентификация с этими понятиями, несмотря на то, что я — этнически разнородное существо. Но я хочу поговорить о том, что произошло в последние годы такого, что

фактически сняло всякие барьеры и выпустило джинна из бутылки.

Я помню новый район — Воронцовскую площадь в Тбилиси. Там тоже были конфликты, происходили разборки на улице. Я говорю не о мелких ссорах, а о крупных, когда шел район на район — до двухсот человек. Если кто-то кого-то поцарапал гвоздем, ножом, то это обсуждал весь город. Это было десять-пятнадцать лет назад. Что произошло с нашим городом? Что произошло с нашим регионом в целом? Разумеется, есть более ответственные, менее ответственные люди. Предыдущий докладчик, я считаю, очень правильно упомянул фразу «Запад — Восток». Эти связи идут издревле. Насколько эти взаимоотношения сегодня содействуют именно деэскалации конфликтов? Не являются ли они факторами, содействующими разрушению нашей традиционной морали и тем самым снятию тех барьеров, которые существуют между человеком и насилием? Я говорю именно о том глобальном конфликте, который реально присутствует и в нашей среде сегодня. Это — конфликт между традиционной системой ценностей и либеральной, к которой сегодня фактически многие политики и общественные деятели стремятся.

Какой должен быть компромисс между этими двумя системами? Что можно, а что нельзя? Способны ли мы, находясь в таком агрессивном состоянии, думать о том, что мы можем взять сегодня у Запада, у этих условных генуэзцев, а что мы не должны брать у них? Что мы должны изучать в нашей истории? Что мы должны проповедовать с большей силой, чтобы создавать психологические барьеры для наших людей, наших соплеменников, чтобы их действия были бы в определенном смысле отличны от тех, которые совершаются сегодня? Я тоже считаю, что наши предки не могли себя так вести в идентичных ситуациях. Это в некотором смысле перекликается с той позицией, что в Цхинвали с некоторым критицизмом относятся к нашим предкам. Я думаю, что это не к предкам, а к отсутствию авторитета в обществе и именно разлому нашей системы ценностей относится, когда мы приравниваем всех друг к другу. Я считаю, что если мы, допустим, находимся на Кавказе, то здесь должна доминировать не просто демократическая мораль, что, например, все за этим столом равны. Это утверждение лживо. За этим столом не все равны. Здесь есть люди взрослые, люди авторитетные, есть женщины, то есть различные категории. И нам надо именно вот эту новую либеральную систему ценностей адаптировать к тем нашим традициям, которые существуют. Чтобы не происходило конфликта, чтобы не обиделся человек, который старше меня возрастом, что ему не дают слово.

Я хотел бы продолжить мысль о том, что, приехав за многие сотни километров и потратив определенное время, мы получили бы не только позитивные эмоции от встречи со своими друзьями, со своими коллегами, но чтобы мы пришли к некоторым осязаемым,

может быть, даже пусть и очень маленьким, но результатам, чтобы мы что-то сделали вместе. Какую политику мы должны сформировать? Кто такие эти люди, которые сегодня берутся за оружие? Для одних — они криминал, для других — бандиты, для третьих — они партизаны, для четвертых — национальные герои. Каким образом мы должны сформировать нашу политику? Как мы должны функционально распределить наши обязанности перед нашим народом, перед миром и что мы должны сделать? Потому что я считаю, — это мое личное субъективное мнение, — что эти люди тоже жертвы конфликта. Человек мог бы защитить свои права цивилизованным способом, если бы он знал о том, что такие способы существуют, если бы он имел соответствующую культуру. Правильно здесь говорили, что нужно дифференцировать эти категории и по отношению к каждой из них планировать действия. Я думаю, что смысл нашего дальнейшего сотрудничества заключается в том, чтобы мы не искали врагов друг в друге, а чтобы мы искали общих врагов.

Я согласен с тем, что агрессивность должна присутствовать. Когда художник рисует или из металла что-то делает, он затрачивает свою психическую энергию. Но он не делает этого в ущерб другому, и мы не должны ничего делать в ущерб другому.

Последнее время очень многие стремятся к тому, чтобы все свалить на Россию. Я против таких политических мнений. Я считаю, что необходимо искать настоящие причины возникновения проблем и думать о будущем, создавать образ будущего. Когда такая интеллектуальная элита собирается, то она должна думать о таком образе будущего, в котором должны жить наши потомки, чтобы был ориентир для простых людей, куда идти. Ведь люди сегодня находятся в хаотичном беспорядке и не знают, что делать. Уезжают лучшие, интеллектуальные умы. Все мы от этого страдаем, весь регион в целом несет ущерб.

— Я понимаю, как сложно на таких встречах пытаться говорить о причинах войн, конфликтов. Когда мы планировали эту конференцию, то провели встречу экс-комбатантов, ветеранов войны, людей, которые непосредственно во время войн стреляли друг в друга. И тем не менее они нашли в себе силы сесть вместе за стол и не говорить о причинах, почему они друг в друга стреляли. Они нашли в себе силы говорить о будущем. К сожалению, сейчас трудно говорить о том, как предотвратить войны. Это длительный процесс, но в любом случае должны быть какие-то определенные нормы, которые должны соблюдаться той или другой стороной. Мы пришли к выводу, что нужно апеллировать к традиционным нормам — у всех очень хорошие традиционные нормы — и ответить на вопрос, почему они в условиях этой войны частично нарушались. Мы пришли к выводу,

что это было связано со страхом. Если я не знаю, что такие же традиционные нормы существуют у противника, то думаю: зачем мне соблюдать мои нормы, когда со мной все равно будут поступать по-другому. Но как только выяснилось, что в принципе у всех одинаковое представление, например, о том, как принято относиться к гражданскому населению, к пленным, страхи на какой-то момент немножко снизились и был сформулирован совместный документ о том, что если даже начнется война, все должны соблюдать свое личное человеческое достоинство. Многие являются жертвами ситуации, но в конце концов цель гражданского общества сделать так, чтобы мы не являлись этими жертвами, чтобы мы влияли на процессы.

Юрий Анчабадзе

Институт этнологии и антропологии РАН

**Миротворческий потенциал
институтов традиционно-бытовой культуры**

Если попытаться вычленить основное содержание современного этапа истории Кавказа, то есть указать на те основные, эпохальные процессы, которые в наибольшей степени оказали влияние на динамику исторического движения, формировали социально-политическое сознание, определили общественные ожидания, надежды и тревоги в регионе, то, вероятно, это будет этническая конфликтность, реалии которой стали основными «маркерами» исторической ситуации на Кавказе последних десятилетий.

Общеизвестно, что Кавказ едва ли не самый конфликтный регион в мировой этнополитической классификации. Действительно, по некоторым подсчетам в регионе существуют десятки так называемых «горячих точек» социально-этнической напряженности. Часть этих точек уже полыхнула пламенем открытых межнациональных столкновений, часть находится в латентном состоянии, оставаясь потенциальным очагом возможных конфликтов. Такая ситуация не удивительна, учитывая полиэтничность региона, поликонфессионализм жителей, этнодемографическую чересполосицу территории, груз конфликтогенного исторического наследия. Хотя открытых военных действий на Кавказе в данный момент нет, за исключением партизанской гериллы в Чечне, однако ситуация остается крайне противоречивой. Это проявляется, в частности, в том, что сохраняются и углубляются основополагающие факторы социально-политической

нестабильности, угрожая новым взрывом открытого насилия; неопределенность статуса сторон и неструктурированность взаимоотношений между ними генерируют, с одной стороны, ужесточение позиций и радикализацию требований как «победившей», так и «проигравшей» сторон, а с другой, — продолжаются активные поиски достижения «полной» победы и наказания оппонента, не преодолена психологическая неготовность сторон сделать шаги навстречу друг другу, отказаться от крайних позиций и идти на компромиссные варианты, обеспечивающие возвращение населения этих территорий к мирной жизни.

Миротворческое движение на Кавказе зародилось едва ли не с началом открытого силового противостояния, а, возможно, и до него, так как попытки найти взаимоприемлемые компромиссы предпринимались и до «горячей» фазы современного этапа истории региона. У миротворческого движения накопилось немало традиций, наработанного опыта, имеются свои достижения, равно как и неудачи. Значение миротворческого движения возрастает. Этому способствуют бесплодность политических усилий в разрешении существующих в регионе конфликтов и кризис конфликтологии, поскольку ее инструментарий оказался неэффективным для разрешения внутренних и межгосударственных споров.

Впрочем, миротворческое движение также не лишено кризисных моментов, так как затрачиваемые усилия в ряде случаев не оправдывают надежд, проходят впустую, порождая разочарования, а порой и активное неприятие практики и методов миротворческого процесса. Поэтому самому миротворческому движению необходимо искать новые пути развития идей и совершенствования методов своей деятельности. В этом смысле весьма плодотворным представляется обращение к традиционным методам миротворчества, которые являются составной частью традиционно-бытовой культуры народов Кавказа.

Историко-этнографический материал свидетельствует, что на Кавказе были достаточно развиты традиции межгруппового диалога, направленного на снижение конфликтности ситуации и возможного столкновения противостоящих сторон. В условиях традиционного быта, когда отдельные общины представляли собой самодовлеющие социумы, выступавшие самостоятельными единицами по отношению к внешнему миру, общинная практика выработала специфические институты, которые несли миротворческие функции.

К таким институтам относилось, например, медиаторство. Если в общине происходил конфликт, то по взаимному согласию сторон выбирались облеченные доверием лица, которые осуществляли челночное курсирование между сторонами,

пытаясь склонить их к мирному решению проблемы.

Медиаторами выступали люди старших возрастных групп, имеющие высокий авторитетный статус в традиционных обществах. Я должен с сожалением констатировать, что этот институт понемногу сходит на нет на Кавказе и реально замещается другими авторитетными слоями общества — людьми образованными и политически активными. Программа, которую мы осуществляем, фактически и есть современное медиаторство, которое имеет определенные успехи и достижения. Однако в таком виде медиаторство менее эффективно, чем тот институт, о котором я говорил и который сможет сыграть большую роль. Существовали другие традиционные способы принуждения к диалогу. Например, женщина из виновной группы проникала в дом «потерпевших», хватала первого попавшегося ребенка и имитировала или реально осуществляла кормление. Установившееся в таком случае молочное родство исключало в дальнейшем враждебные отношения между этими группами. Миротворческую функцию имела и другая акция: виновник проникал в дом жертвы и становился таким образом «гостем» — особой, по народным понятиям, священной и неприкосновенной.

Традиционное миротворчество применялось на Кавказе и при межэтнических конфликтах, точнее — в ситуациях, когда противостоящие стороны принадлежали к различным этническим группам. Хотя не совсем ясно, как действовал традиционный диалог в этом случае, — здесь нужны дополнительные исследования — но то, что он реализовывался, неоспоримый факт.

Обращаясь к традициям миротворчества в народной культуре, необходимо отделять уже ушедшую архаику, пережиточность, полностью потерявшую корни в быту и мироощущении современных жителей Кавказа, от тех элементов традиционного быта, которые продолжают функционировать в живой практике и социо-этническом сознании населения региона. Только в таком случае возможно раскрыть миротворческий потенциал традиционных методов установления мира и попытаться внедрить их в современную практику.

Одним из таких социально-бытовых институтов, на мой взгляд, является институт соседства. В этнографической литературе основным предметом изучения стало лишь наиболее яркое его проявление, а именно институт *супряги* — соседской взаимопомощи, в частности, те его формы, когда соседи, прежде всего ближайшие, а затем и дальние объединялись для совместной помощи своему сообщиннику. Эта помощь могла проявляться по разным поводам и в самых разных жизненных ситуациях: при обработке земельного надела, строительстве дома, изготовлении вина и т.д. Были и сугубо мужские формы взаимопомощи, и женские, когда собирались исключительно женщины, чтобы,

например, помочь соседке чесать шерсть.

Супруга была очень ярким событием общинной жизни. Помимо основного трудового процесса, она сопровождалась различными обрядовыми действиями, часто развлекательного и игрового характера, ее обязательным элементом была совместная трапеза, завершавшая рабочий процесс.

Аналогом традиционного соседства в современном быту является совместное территориальное проживание семей, принадлежащих к разным этническим группам. В этой микросреде налаживались тесные кооперативные отношения, а также личные взаимоотношения, эмоционально связывающие соседей. Существует понятие «Бакинский дворик», где отражен менталитет братства и единства, которые связывали членов этого мирка.

И сейчас у многих соседей есть ностальгические чувства по утраченному быту, тоска по людям, которые составляли ранее круг непосредственного общения. Они помнят своих друзей и соседей иной национальности (в настоящее время это, в основном, беженцы) и их отношения могли бы стать мощным эмоциональным каналом миротворческой идеологии.

В этническом сознании народов Кавказа огромное значение имеет этническая идентификация по крови. Кровная принадлежность к этносу является важнейшим критерием в различении «наш» — «не наш». Существует много смешанных семей. Люди с двойственной этнической принадлежностью как по крови, так и по самосознанию могли бы быть также задействованы в миротворческой деятельности.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Геворк Тер-Габриелян
Координатор Кавказского Форума НПО (Лондон)

Кавказскому Форуму—пять лет⁵

Опыт народной неправительственной дипломатии

Война—жажда завладеть миром
умерщвлённым, но мир нужен нам живым.
Фахри Угурлу

Возникновение

Как известно, Кавказский Форум (КФ) неправительственных организаций (НПО) возник в июле 1998 года в Приэльбрусье, во время встречи по построению доверия грузинских и абхазских НПО, куда были приглашены также НПО из других регионов Северного и Южного Кавказа и Москвы. Общекавказский формат способствовал тому, чтобы участники грузино-абхазского процесса, особенно абхазская сторона, не чувствовали себя силой вовлекаемыми в миротворческий процесс с другой стороной. Это была не первая общекавказская встреча НПО—со времён распада Союза их было немало. Эта встреча, пожалуй, была знаменательна тем, что организаторами была сделана попытка пригласить на неё представителей НПО как Северного, так и Южного Кавказа, как из признанных государств, так и из "конфликтных регионов" ("непризнанных государств", "непризнанных образований"). Съехавшиеся представители гражданского общества не были уполномочены официально представлять свои политико-административные или государственные структуры, ни даже своё гражданское общество (трудно вообразить себе легитимную процедуру выбора одного представителя НПО из тысяч существующих гражданских инициатив). Они не представляли официально ни свой этнос, ни свою нацию. Каждый из них был просто выразителем своего угла зрения: национального, политического, общегражданского. В то же время, каждый из них—неофициальный «посол» своей идентичности, культуры.

Процесс был изначально грузино-абхазским, но общекавказский формат возобладал. На встрече произошло "самоопределение", самоидентификация: собравшиеся представители гражданского общества решили создать **общекавказскую** сеть, которая бы работала на преодоление отчуждения, разрешение конфликтов, узнавание друг друга, на общекавказское гражданское пространство. Так возникла Эльбрусская Декларация (ЭД), каждое слово которой было согласовано со всеми теми, кто её подписал (если вчитаться, там можно найти одну важную в

⁵ Статья написана в преддверии юбилея, который произойдёт в июле 2003 года. Жанр: обзор-анализ на основе личного опыта и мнения, и не претендует на завершённость.

смысловом отношении стилистическую ошибку, которую в своё время все, подписавшие её, пропустили мимо внимания, что, наверное, свидетельствует об эмоциональном накале и нехватке времени при достижении консенсуса). Это "скромная" декларация. Она не ставит перед собой политических целей. Не ставит невыполнимых задач. Она—и КФ—провозгласили, что они за то, чтобы конфликты разрешались (и разрешились) мирно, чтобы люди могли свободно и безопасно передвигаться по Кавказу, и чтобы народы-соседи, особенно молодёжь, знали и ценили друг друга. Во имя большего знания друг о друге, нежели мифологизированных представлений—во имя терпимости и избавления от образов врагов.

Контекст

Контекст в 1998-м году был типичен для Кавказа последнего десятилетия: армяно-азербайджанский конфликт был заморожен. Чечня быстро впадала в кризис в постхасавюртской атмосфере. Только что, в мае, в Гальском районе произошла эскалация, в итоге которой всё вернувшееся туда за последние годы население покинуло его. Это было наиболее крупное ухудшение ситуации в грузино-абхазском конфликте со времён окончания военных действий. Грузинская делегация произвела фурор в Нальчике: так как волонтёры из Кабардино-Балкарии активно участвовали в войне на абхазской стороне, нечасто можно было видеть грузин в составе такой представительной делегации, посещающих Нальчик. Продавщица авиабилетов не знала, что Грузия стала членом СНГ, и её гражданам не нужны визы для приезда в Россию (к сожалению, с тех пор визы стали нужны). Во многих регионах Кавказа, как христианских, так и мусульманских, стали развиваться те или иные фундаменталистские тенденции, которые, будучи далеки от классической религиозной доктрины, стали механизмом для формирования у молодёжи экстремистских взглядов, на фоне падения уровня образования и отсутствия перспектив по работе. Война, через которую прошли многие народы Кавказа, поставила неизгладимый отпечаток не только на экономику и политику, но и на социально-психологические характеристики всех поколений кавказцев, на отношение к насилию, к ценности человеческой жизни, уважение к праву, закону, отношению к оружию и т.д. Много представителей Южного Кавказа жило, временно или постоянно, и занималось бизнесом на Севере. Аэропорт в Минводах был известен по особо строгому отношению к лицам кавказской национальности, а также, как и все аэропорты постсоветского пространства, своей коррумпированностью, направляющейся в первую очередь против кавказцев, особенно—мужчин. Стихийные рынки определялись грузопотоками, сложившимися в итоге блокад и распада советской инфраструктуры, и развивались на перекрёстках Грузии, Армении и Азербайджана, Грузии, Армении и Турции, в Южной Осетии, по рекам Псоу и Ингури; полицейские или милиция, таможенники, а также другие непонятные категории вооружённых людей останавливали эти грузопотоки, собирали дань. Становилось понятно, что реальный Кавказ претерпевает необратимые изменения, приспособившаяся к бедности, унижениям, насилию, конфликту, и становясь ПРОСТО МЕСТОМ, ГДЕ ЛЮДИ ЖИВУТ ВОТ ТАК. В общем на Кавказе количество людей, видимо, не поубавилось, но ключевые

потоки экономических и интеллектуальных мигрантов покидали его территорию в сторону большой России или более западных стран, в поисках счастья на чужбине, в лучшем случае навсегда, в худшем случае даже не посылая части заработка близким. Во многих регионах Кавказа происходит моноэтнизация, из-за нарастающей ксенофобии меньшинства уезжают или принимают характеристики доминантного этноса. Беженцы и переселённые лица со всех конфликтов стали заложниками политики, и их беженский образ жизни, опять же, из временного неустройства перешёл в категорию постоянного временного неустройства. Всех аспектов ситуации не перечислишь. Регион, живущий в последние советские годы, по советским стандартам, вполне сносно, стал зоной сплошного неустройства, бедствия и насилия. Эльбрусская Декларация была направлена против этого вырождения цивилизности, за восстановление прав людей на отсутствие ненависти и подозрительности друг к другу, на свободу передвижения и жизни, на цивилизованную свободу и свободу цивилизованности.

Идеи

На этом фоне существовал ряд идей общекавказского формата. Лидерами новопринятых стран, как Шеварднадзе, Тер-Петросян, Кочарян, Алиев, или их западными советниками не раз выдвигались идеи Кавказского Дома, Общекавказского Дома, Общего Дома, Пакта Стабильности на Кавказе, Мирного Кавказа и т.д. Обычно такая структура понималась как союз трёх южнокавказских государств, который бы или возник после того, как три основных конфликта были бы разрешены; или, хотя бы, способствовал созданию мер доверия, позволил бы предпринять всем сторонам компромиссные шаги, например, совместные экономические или экологические мероприятия; или, наконец, стал бы тем самым механизмом, который бы позволил разрешить конфликты и создать систему безопасности и сотрудничества на Кавказе. Были и другие варианты, скажем, 3+3, где 3 южнокавказских государства участвуют вместе с Россией, США и Европейским Союзом (а Иран, по понятным причинам, забыт). Некоторыми экспертами выдвигались даже идеи кавказской организации по другой схеме 3+3, где 3 признанных государства участвуют наряду с 3-мя непризнанными; или 3+3+3, куда вошли бы Россия, Турция и Иран, и так далее (скажем, 3+3+3+2, включая Евросоюз и США). Предполагалось, что в конфигурации 3+3+3 интересы сторон будут сбалансированы, и что, отказавшись от независимости на международном уровне, непризнанные приобретут региональный статус; ну а признанные, в ответ на региональный статус своим восставшим регионам, получают территориальную целостность, поколебленную, но всё же восстановленную. И всё это будет утверждено неким региональным соглашением, с гарантом в лице крупных держав. Выдвигались идеи "Кавказской Швейцарии", "Кавказской конфедерации (федерации)", "Кавказской ООН", или "Кавказской ОБСЕ". Во время грузино-абхазской войны возникло объединение другого типа: Конфедерация Горских Народов (объединившая ряд народов Северного Кавказа и абхазов), которая тоже не была общекавказской, хотя и была довольно представительной и оставила после себя смешанные воспоминания, как позитивные, так и негативные. Адыго-черкесские народы

(абхазы, абзины, кабардинцы, адыги, черкесы) создали Международную Черкесскую Ассоциацию. Наконец, Кавказ был включён в ряд международных /межгосударственных систем: ОБСЕ, ООН, СНГ, Совет Европы. Создавались новые межгосударственные организации: Черноморское Экономическое Сообщество; ГУУАМ; программа Партнёрство Ради Мира с НАТО. Лидеры южнокавказских государств периодически напоминали о своем интересе и о своей готовности вступить в Евросоюз или в НАТО. Каспийская нефть и центральноазиатский газ сфокусировали внимание Кавказа и мировой общественности на трубопроводах, идея которых также заключала в себе объединяющее начало.

На неправительственном уровне существовал ряд сетей и проектов, в том числе уделяющих внимание миротворческой проблематике, под эгидой УВКБ, Норвежского и Датского Советов по Беженцам, Фонда Евразии, Хельсинской Гражданской Ассамблеи, и т.д. Некоторые фонды, как, например, Фонд Сороса/Институт Открытого Общества, сами являлись сетевыми структурами.

Таков был контекст, в который вошла Эльбрусская Декларация. Среди её "подписантов" были такие лидеры НПО, которые прекрасно знали о многих существующих инициативах. Были и такие, которые не были полностью осведомлены о параллельных процессах, или не сопоставляли свою инициативу с существующими. В дальнейшем развитие Кавказского Форума до некоторой степени определялось тем, какие отношения он и его лидеры могли развить с параллельными, братскими, соседскими проектами и сетями, а также госструктурами.

Открытость

Итак, КФ не политическая и не «представительская» сеть (ее лидеры не уполномочены представлять никакие организации или сообщества, кроме самого себя, максимум—свои НПО, в исключительных случаях—консенсуальное мнение ряда НПО из своих регионов). С самого начала создавалась сеть, принципиально открытая для всех НПО, миссии которых соответствуют Эльбрусской Декларации, из любых регионов Кавказа. Объединение обычно означает разъединение: объединительные усилия в рамках Южного Кавказа, скажем, означают дальнейшее разделение Южного и Северного Кавказа. Построение национальных государств означает их отделение от соседей, разграничение суверенитетов, полномочий. Трубопровод, объединяя Центральную Азию, Азербайджан, Грузию и Запад, еще более разъединяет от них Россию, Армению, Иран. Таким образом, объединительные идеи можно классифицировать с точки зрения - создают ли они явный или скрытый альянс между определёнными силами и поэтому могут показаться невыгодными другим силам, или действительно являются «общевключающими» (inclusive)?

КФ утверждает, что он—открытая, «общевключающая» сеть. Что значит эта открытость? Чем она ограничивается? Она означает, скажем, что в принципе в его мероприятиях могут участвовать

любые представители НПО, гражданского сектора, эксперты, ученые и т.д., с Кавказа или занимающиеся Кавказом и миротворчеством. Чем же ограничивается такое участие?

(а) незнанием о мероприятии (информация о мероприятии—«раннее оповещение» —не всегда равномерно распространяется по региону).

(б) финансами: КФ может покрыть расходы только определенных участников; кого, обычно выбирается по ряду критериев (см. дальше). Остальные, если могут найти самофинансирование, могут участвовать.

(в) несоблюдением процедур (узнав о мероприятии, которое вы хотите посетить, надо обратиться к Исполнительному Секретарю или местному Координатору, они должны поставить вопрос перед КС или организаторами\ фасилитаторами семинара).

(г) целесообразностью (скажем, врачу может быть нечего делать на мероприятии юристов).

(д) типом мероприятия (скажем, если КФ организует или способствует организации диалога между осетинами и ингушами, организаторы могут отклонить желание абхаза в этом участвовать).

(е) интересом (многих общекавказские мероприятия просто не интересуют, или не все такие мероприятия интересуют)

(ж) соображениями баланса и справедливости (предпочтительно, чтобы на таких мероприятиях был выдержан баланс представительства из различных регионов, особенно тех, которые находятся в конфликте между собой)

(з) отсутствием Координаторов по ряду регионов и недостаточностью иметь только по одному Координатору из многонациональных регионов и стран (обе причины приводят к отсутствию информации про Форум в ключевых неправительственных кругах этих регионов).

В остальном—КФ открыт, прозрачен и очень нуждается в участии и инициативе. Этим дышит!

Развитие

После своего провозглашения, КФ в 1998-м году не организовал ни одного мероприятия. В 1999-м, однако, произошла вторая встреча КФ в Сочи. И тут возникли его первые структуры. В 2000-м они укрепились и развились на встрече в Кисловодске. Наконец, в 2001-м, в Цахкадзоре, возникла идея создания Положения (устава) и международной регистрации. Положение было создано, регистрация находится в процессе.

1998-2000 был периодом «хаотического» роста. Частично это объяснялось тем, что не было проведено различия между участием и управлением. Съезжалось, скажем, человек 50, один активный участник поднимал вопрос, и все 50 хотели решить его. Вопросы могли быть любыми: где следующая встреча, когда, кто участвует, у кого какая проблема, чей проект может быть поддержан . . . Трудно добиваться консенсуса, когда функции не уточнены, и присутствуют 50 человек.

Этот турбулентный период развития завершился кристаллизацией системы Координаторов и Координационного Совета (КС), зафиксированной ныне в Положении. До сих пор, однако, список Координаторов не одинаков с точки зрения того или иного Координатора; более того, Координаторы не совсем четко представляют свои функции. Тем более, что это—добровольная и почетная, неоплачиваемая позиция. Но это проходит.

Выживаемость

В чём, однако, причина того, что КФ выжил? Ведь инициатив, подобных ЭД, на Кавказе за последние 15 лет случалось ох как много . . . Как случилось, что он сумел выйти из пелёнок и проявить достаточную «независимость» от своих «родителей»—грузино-абхазского проекта, и своего «спонсора»—МТ?

Одна из причин, вероятно, в людях: КФ притянул к себе личностей, многие из которых с удовольствием работают друг с другом, разделяют идеи друг друга и КФ, толерантны и верят в гражданские ценности, а также в общекавказскую суперидентичность (ср. с общеевропейской суперидентичностью).

Другая причина, быть может, в формате: действительно, мне, как армянину, легче общаться с азербайджанцем, тем более незнакомым, легче с ним знакомиться, устанавливать доверие, сидя в общем кругу, чем поставленным с ним лицом к лицу. Я узнаю о других конфликтах, осознаю, что я не одинок, и мой конфликт не столь уж уникален, но также—чем он действительно не похож на другие. Если у меня возникает осложнение с представителем «другой стороны», другие, «нейтральные» к моему конфликту кавказцы придут на помощь, «сфасилитируют», уладят наше противостояние. Ведь, худо-бедно, почти два века жили «в одном пространстве», хоть в империи, но всё же. . . . Сколько интересных культур бы я не узнал, во скольких уникальных уголках Кавказа не побывал . . . Одно дело—3 культуры, другое, там—6 или 10, и совсем другое—50 культур! Богатство Кавказа—его этносов, его географии—действительно поражает воображение. Мы живем друг около друга, и многие из нас не знают, кроме серии мифологизированных, часто враждебных представлений, кто их соседи, какова их культура, почему они таковы!

Более того: если бы, скажем, КФ объединил в сеть только представителей Южного Кавказа, это бы уже было более «политизированным» решением. Присутствие представителей Северного Кавказа (Российской Федерации) снимает проблему, которая в Южнокавказском формате сохранилась бы: об участии НПО из «непризнанных» сторон. Мало того, что КФ родился на основе консенсуса между грузинскими и абхазскими представителями (а следовательно, вопрос «непризнанности» уже был снят: стороны приглашали, кого считали нужным). В дополнение, если, скажем, в рамках Южного Кавказа еще может быть поднят вопрос: кто является суверенным народом Карабаха? В рамках всего Кавказа такой вопрос бессмыслен: армяне Карабаха—такие же кавказцы, как и азербайджанцы Карабаха, и любые другие народы Кавказа.

Идентичность

Но есть ли Кавказ как единое целое? Кого считать народом Кавказа? Есть ли кавказская (супер) идентичность? На этот счет высказаны различные мнения. Пытаясь обобщить опыт КФ, я бы сформулировал так: кавказский уровень идентичности существует как у жителей Северного, так и Южного Кавказа. Чем южнее, тем, может, эта идентичность слабее (независимо от национальности). Чем севернее, тем она более связана с идентичностью российской. Эта идентичность имеет элемент супернациональности, она надрелигиозна, но она также и иногда территориально и исторически определена более, нежели национально. Скажем, армянин, торгующий во Владикавказе, чувствует себя кавказцем намного более, чем ереванский рафинированный интеллигент (чувствующий себя европейцем, представителем русскоязычного культурного пространства, ближневосточным или глобальным армянином-космополитом—но почти не кавказцем. Отталкивающийся от своего кавказского соседства). Я знаю многих кавказских русских или украинцев, которые «больше кавказцы, чем сами кавказцы». В чем выражается эта «кавказскость»? В знании многих кавказских культур. Уважении к ним. В чувстве собственного достоинства, в приверженности определённым ценностям (уважение к старшим, структура отношений в семье), в определённой исторической судьбе . . . Даже в специфически кавказском типе некультурности может выразиться . . . В юморе, естественно . . . О кавказских столах уж не говорю . . . Также, как трудно уловить, что такое «европейскость», так и трудно, в итоге, определить «кавказскость». Быть может, страницы книги по народной дипломатии дадут дополнительную пищу для размышлений по этому вопросу.

Кавказская идентичность есть, хотя и зыбкая; на картах Кавказ есть; а в реальной жизни кавказский регион, по словам Тома де Валя, не существует. Он раздроблен, народы враждебны друг другу, даже не враждебные не дружат, не знакомы друг с другом, связи разрушены . . . И это не сегодня случилось: эти тенденции развивались практически весь 20-й век . . . если не ещё раньше . . . И теперь, казалось бы, когда весь бывший соцлагерь получил возможность свободно (более или менее) развиваться, глобальные процессы, войны, да и просто сами тенденции национального становления ставят один этнос на Кавказе против другого, как будто развитие

одного этноса означает конец другого . . .

Региона нет. Объединительные тенденции становятся разъединительными. Трубопровод, объединяя одних, разъединяет других, тем самым увеличивая враждебность и состязательность на Кавказе. Если раньше НАТО и СССР встречались на советско-турецкой границе, то теперь Россия и США состязаются на территории самой Грузии . . . За весь период существования КФ на Кавказе преобладали тенденции дальнейшего раскола, разъединения: началась вторая война в Чечне; еще более ухудшились грузино-российские отношения . . .

Раз региона нет, а идентичность всё же есть, значит, есть проблема. Вот эта-то проблема и является одной из движущих сил существования КФ, мотиватором энергии его лидеров.

Возможности

Другая причина выживания КФ—финансовая подпитка. Долгие годы у КФ было очень мало денег. Так уж случилось, что в этом году денег именно столько, сколько КФ может реально выдюжить. В будущем опять может быть мало денег. И всё же, обычно находились деньги, чтобы поддержать дыхание в сети, деньги из независимых источников—частных международных фондов.

Еще одна причина—возможности, предоставляемые КФ-ом: хотя КФ в финансово-материальном отношении скромн, это всё же возможность, которых не так много у многих НПО на Кавказе, особенно тех, кто не из южнокавказских столиц. КФ поддержал компьютерами, интернет и мобильной, междугородней связью, обучением различным навыкам (пользование интернетом, компьютерами, организационное развитие, английский язык, разрешение конфликтов) многих представителей гражданского общества Кавказа.

Методология: перекрёсток традиции и инновации

Можно также отметить определенное совпадение «западных» методологий групповой динамики и кавказских традиций. Так, на «западе» на «воркшопе» садятся в круг без столов—чтобы видеть друг друга, лица и тела, чтобы не было разделяющего барьера. На Кавказе—тоже. А как трудно уговорить официальных лиц убрать столы из комнаты, где будет проходить семинар! Они только и знают, что «круглые столы». Столы, говорят, нужны, чтобы записывать. Хотя чаще просто чёртиков рисуют на бумажке. Барьер—психологический—позиционный—создаёт чувство безопасности, отчуждённости, комфорта—не надо пытаться дотянуться до другого! Собеседник выражает свою позицию—из своего укрепления. И другое чувство комфорта, доверия—когда этот барьер снят. Преодолен. Столы—даже без председательствующего—тянут к официозу, восстанавливают иерархии. Круг—органичен.

К тому же, если подробно записывать, перестаёшь активно слушать. Записывать надо, чтоб было

не очень удобно: на коленях. Тогда будет вкратце и по существу. КФ—сеть действий более, нежели анализа, или других форм текстообразования. Он продуцирует много текстов, но не случайно книга по народной дипломатии—его единственная крупная публикация, да и то, с «опозданием» на два года (всё ещё не издали). А между тем все, кто знает КФ, знают, что он отнюдь не бездействует! Просто он более ориентирован на действие, чем на отражение оною в знаках. Так же, как есть разница между исследовательским институтом и административной организацией; между учёным-экспертом и практиком из НПО; так и есть разница между КФ и, скажем, сетью FEWER (Форум раннего оповещения и раннего реагирования—некоторые его участники близко стоят к Кавказскому Форуму). Хотя можно надеяться, что книга по народной дипломатии создаёт мостик между двумя типами сетей.

Итак, сесть в круг и выслушать друг друга, и помолчать, если не чувствуешь, что есть что сказать важному кругу—вдруг оказалось, что этот почти «квакерский» приём, перепрыгнув через советский период семинаров, оргсовещаний и пятиминуток, протягивает руку, скажем, таким традиционным кавказским формам принятия решений, как Адыга Хасса! Оказалось, консенсус в той или иной форме, смешанный с тем или иным вариантом оставления преимущества авторитету—так же близок, скажем, правилам ОБСЕ, как и духу КФ! Оказалось, анализ—кого приглашать на встречу, так называемая «картография заинтересованных сторон» (то, что «западный» тренинг по разрешению конфликтов предлагает)—столь же распространены в ежедневной дипломатической практике Европейского Союза, сколь и в старых традициях кавказских деревень (да не только: и казачьих, и русских, и центральноазиатских . . .) Да и вообще это, видно, общечеловеческое: если принятие решений не хотят подменить угнетением власти, к нему привлекают заинтересованных в нём, его процесс делают включающим, нежели исключаящим, в пределах реалистичности.

Язык

Русский язык. Общий язык межкультурного сетевого общения способствовал успешному построению доверия и взаимному уважению. Ведь язык—это не только средство общения, это и культурная среда. На русском—языке межнационального общения царского и советского периодов, можно общаться практически всем нациям Кавказа без дополнительных инвестиций, и для большинства общаться более непосредственно, неформально, чем на английском, даже для тех, кто им владеет, так как английский всё ещё остаётся намного более иностранным, чем русский. К сожалению, отдаление от русского—понятное с точки зрения национализации культур и языка—оказывается также отдалением от того общего, что кавказские нации связывает друг с другом. И как остановить распад Кавказа, не прибегая к помощи русского языка—непонятно.

К этому же можно добавить принадлежность Кавказа к советской/постсоветской культуре. Скажем, иностранцы, не владеющие знанием атрибутов советской культуры, даже знающие русский и Кавказ, часто не могут понять, почему КФ работает так, а не этак. Одна из причин,

почему в КФ нет пока участников из Турции или Ирана—столь желанных с точки зрения целей КФ—опять-таки, языковая и культурная. Сети, основанные на английском языке—более избирательны в чём-то и менее избирательны в чём-то ином: в них участвуют те, кто хорошо знает английский, а их существенно меньше на Кавказе вообще, не говоря о том, что эти круги обычно принадлежат к советским и/или постсоветским элитам.

Россия

Понимание этого приводит к обсуждению роли России на Кавказе вообще и в частности, в работах КФ. Россия—полноправная участница, часть культурно-географического региона Кавказа. Она к тому же—бывшая владелица Южного Кавказа и нынешняя—Северного Кавказа. Наконец, она региональная сверхдержава. Она—основной бизнес-партнёр Южного Кавказа. Основная работодательница мигрантам. Одновременно заинтересованная сторона и фасилитатор в конфликтах. Враг или друг настолько крупный, что почти уж и не то, и не другое, и то, и другое для каждого кавказского образования. В Координационном Совете КФ есть Координаторы с сугубо русских регионов России, таких, как Кисловодск или Новочеркасск. Нет—но есть вакансии—на Краснодарский Край. Нет НПО из Москвы, но есть представитель внешних связей, который сидит в Москве, есть участники Форума и фасилитаторы из Москвы.

Так же как и любая другая суверенная страна, особенно страна в конфликте, Россия, через свои СМИ и другие службы, местные или центральные, через своих экспертов и свои НПО, то хвалит, то ругает КФ. Отношение у России к этой инициативе неоднозначное. Другого и не могло быть.

Понимая значимость роли России, КФ в своих мероприятиях пытается подчеркнуть свою неполитизированность, независимость, политическую неангажированность. В частности, важно, чтобы у России не сложилось мнение, что представители Северного Кавказа развивают тенденции к сепаратизму, общаясь с представителями Южного Кавказа. Северный Кавказ имеет чему научить Южный Кавказ, также и в плане избегания крупномасштабного насилия. Так, системы взаимоотношений Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Дагестана внутри себя, а также с российским центром—важный источник обмена опытом между Северным и Южным Кавказом. Я думаю, основная нужда Кавказа в России—сделать её в целом более чувствительной к Кавказу (Caucasus-sensitive).

Запад-Восток

Ещё одна причина выживаемости КФ—поддержка Международной Тревоги (МТ). Как и многие другие «западные» НПО, в 1997-м году МТ вступила в этот проект и помогла образоваться КФ, не владея достаточной экспертизой, что такое Кавказ. Я сам, хоть и конфликтолог и востоковед, до того Кавказ не изучал. Приехав на Кавказ, мы предложили свою экспертизу в ведении процессов и в фасилитации, пытаясь помочь, чтобы встретились люди, которые бы иначе, на фоне тенденций

распада современного Кавказа, не имели бы шанса встречаться. Нельзя даже сказать, что мы предложили деньги—деньги получались совместно, нами вместе с кавказскими партнёрами. Без работы партнёров на Кавказе нам доноры денег бы не давали. Причина и оправдание, почему нам дают деньги—ежедневная деятельность наших партнёров на Кавказе.

Фасилитация была нашей до определённой степени. Списки участников, сценарий процесса, итоги—вся легитимность процессов принадлежала кавказским партнёрам. Одним облегчающим моментом было то, что я, сам кавказец, помогал партнёрам «предохранять» процесс от «чересчур активного» вмешательства иностранцев, а так как сидел в Лондоне, видел Кавказ, так сказать, с птичьего полёта, как иностранцы, вместе с ними пытался помочь кавказским партнёрам «уравновесить», сделать более «справедливой» работу Форума.

Однако быстро стало ясно, что КФ, его «костяк», не нуждаются в фасилитации иностранного НПО. Может, дело тут не в иностранности, а просто, в определённых стилях фасилитации. Но так уж произошло, что почти лишь для того, чтобы избежать роли фасилитатора, и в то же время остаться нужным Форуму, МТ была включена в состав КС и посажена в общий круг! Так, наша возможность «влиять» ослабла, хотя не исчезла: теперь она зависела больше от нашего (МТ) интереса, энергии, вклада в работу КФ, потому что по практике многосторонних организаций, таких, как Европейский Союз, известно: те стороны, которые более инициативны, больше влияют. И хотя у нас всего одна/тринадцатая общего голоса Координационного Совета КФ, МТ не чувствовала, что «бразды правления» ушли из её рук. Наоборот, полностью в духе наших принципов, принятие решений перешло в более демократическую, многостороннюю плоскость.

Конечно, остался тот факт, что большинство денег в КФ шло всё ещё через наш офис. Мы поддерживаем идею регистрации КФ как международной организации, с тем, чтобы КФ имел независимый от МТ бюджет и счёт.

Влияние наше исчерпывалось в основном желанием возбудить инициативу—чтобы кавказские участники выдвигали выполнимые общекавказские миротворческие инициативы. Одного права вето, которым обладает каждый член КС (так как КС работает по принципу консенсуса), было достаточно для обеспечения существенного влияния. Ведь мы именно хотели инициатив, поэтому приветствовать выполнимые и участвовать в их оформлении, отклоняя невыполнимые, исходящие как от нас, так и от других форумовцев—было именно тем, что надо. Часто бывает, что идея нравится кому-то, но другие её блокируют. Это значит, что она или недостаточно хороша, или невыполнима по политическим или каким-либо другим причинам. В таком случае, надо использовать своё право Координатора, пытаться построить коалицию из других членов КС, которая эту идею поддержит.

Также бывает, что идея понравилась, но она всё равно не реализуется: ресурсов не хватает. Или денег, или человеческого ресурса—энергии, умения осуществлять идеи, претворять их в жизнь. Отсутствует, так сказать, «стратегический кто»—осуществитель.

Приняв представителя МТ в КС, форумовцы тем самым не только добились того, что по-английски называется «empowerment» (дать возможность тем, кто не имел власти, взять её), но и сняли напряжение противоречия между «западом» и «востоком», сделали саму МТ, её офис в Лондоне немножко своим, своей частью. Противоречие между Западом и Востоком сыграло положительную роль для самоидентификации КФ: «Мы это можем сами»: фасилитировать, организовывать и проводить встречи, миссии, писать проекты, быть сбалансированными, непредвзятыми даже по отношению к противоположной стороне, чувствительными к тому, что может спровоцировать другую сторону . . . Ведь обычно бывает как? Приезжают иностранцы, хорошо ещё, если с достаточным знанием русского, или хотя бы симпатичные, и «лезут» в конфликт. Те, кто видит своё будущее с «западом», кто отождествляет демократию, гражданское общество, экономическое благоденствие, права человека с западными ценностями в позитивном смысле—принимают их авторитет. Те же, кто, будучи за демократию, толерантность и разрешение конфликтов, всё же предпочитает определённые местные ценности, традиции, и считает, что только та система справедливости возможна, которая зиждется на положительных аспектах культуры народов, чувствуют отторжение от нескромного, по их мнению, торопливого, нетерпеливого вмешательства извне.

Противопоставление между Западом и Востоком в контексте КФ проявлялось только в тех ситуациях, когда сопровождалось иерархическим противопоставлением, когда «западные» гости говорили: «Мы—лучше, так как сильнее, благополучнее, богаче, и у нас деньги»—и тем самым восстанавливали иерархические, властные отношения, поддерживали их внутри Кавказа, нежели снимали эти противоречия посредством равноправного диалога. Часто возникал диалог, основанный на уважении к культурам друг друга.

МТ—международная организация, международная также и в этом смысле. Только в отделе Евразии за последние годы работали и работают американец, англичане, русские, болгарка, чешка, армянин, азербайджанка, словачка, казашка . . . В отделах Африки работают ганийцы, зимбабвейцы, котдивуарцы . . .

Работа с КФ помогла МТ задуматься над своей идентичностью: кто мы? Куда мы идём? Один из возможных ответов: мы—организация-пространство для диалога. Наш офис—для тех, кто из разных сторон конфликта желает что-то сделать для его преодоления. Несмотря на трудности финансового характера, мы стараемся предоставить ресурс и сделать саму нашу организацию пространством для диалога. Так, через взаимодействие, преодолевается противоречие Восток-

Запад между КФ и МТ.

Неправительственность

Одним из основных компонентов КФ являются НПО. Почему НПО? Мы можем вообразить все варианты возникновения НПО, или НКО (некоммерческие организации), в постсоветском пространстве: диссидентское движение породило правозащитные организации. Многие учёные, отделения научно-исследовательских институтов, ознакомившись с западными методологиями и системой донор-грант-реципиент, лишившись местных источников финансирования, создали НПО. НПО возникали из женского движения, молодёжных организаций, на базе общественных организаций советского периода, из благотворительной деятельности, из традиций общин (скажем, институт старейшин), из самых обычных побуждений оказать помощь, сделать что-то полезное для своей общины—и долго существовали, даже не зная, что они являются НПО Наконец, НПО возникали также при госорганизациях, при партиях, этнических организациях, при политических лидерах, ушедших в отставку НПО возникали «под грант», и после завершения денежного потока оставались на бумаге, не существуя в реальности И вся эта масса организаций хочет денег, грантов, возможностей—у доноров, в основном западных; но также и права быть независимыми, свободными, критиковать существующую власть, но и пользоваться при ней правами и уважением Хотя НПО и типичное явление так называемого гражданского общества, но не единственное. И хотя, при своей мобильности и гибкости, они могут сыграть много положительных ролей: экспертизы, фасилитации, катализа социальных действий, миротворческой или правозащитной акции; хотя они создают коалиции—но, естественно, ими не исчерпывается гражданское общество. Что оно такое—мы до сих пор спорим.

По-моему, это такое же «рыхлое» понятие, как понятие «интеллигенции» (понятие, существующее в русскоязычном и бывшем «втором» мире и оттуда перешедшее в «третий» мир: в «первом» мире оно принципиально отсутствует). В принципе, я считаю, что человек может быть интеллигентом и работать в правительстве, или заниматься бизнесом. Я пытаюсь использовать это слово в его наиболее свободном, расширительном значении, не ограничивать его какими-либо социальными рамками. В том же смысле, скажем, Ян Чеснов говорит об аристократизме кавказских культур, а Грант Матевосян говорил об аристократизме крестьянства. Трудно поместить явление в рамки понятия, и наоборот. Является ли экономическая война метафорой? Спросите иракцев. Может, и есть элемент метафоричности в том, что представитель гражданского общества может занимать государственный пост; хотя гражданское общество самоопределяется как сфера именно (в)негосударственная—посмотрите, однако: кто такой Паата Закареишвили? Есть ли разница между Паатой—гражданином, и Паатой—государственным деятелем?

Гражданское общество—помощник и советчик государству, те, кто занимается делами, до

которых руки государства не доходят. Это и критик, если государство не выполняет свои обязательства перед обществом. Это осуществлённая свобода—мысли, слова, совести, передвижения—всех тех прав, которых мы добивались, борясь с социалистическим лицемерием прошлого периода. Журналисты, учителя, врачи, юристы, учёные, так же как и нпошники—легитимные компоненты гражданского общества.

Но НПО, журналисты и др. блоки гражданского общества не обязательно, не во всём работают на миротворчество. Даже если они искренне считают, что не на войну, не на конфликт они работают—им всё же надо решить трудные дилеммы: а как же патриотизм? А как же безопасность этноса, нации, государства? А как же интерес? А как же обиды—исторические или недавние? А как же нерешённость ни одного конфликта, судьбы беженцев?

Я думаю, НПО и другие группы гражданского общества тогда становятся миротворческой силой, когда систематически предпочитают в своих акциях общегражданские интересы, общечеловеческие, общерегиональные—интересам меньшего калибра, но при этом—не вступают в противоречие со своими убеждениями.

Иногда внешний формат, некий механизм, ритуал этому помогает. Вот есть у меня коллега-азербайджанец. Если я не уверен в чём, касающемся региональной инициативы—спрошу. Выслушаю его мнение. Если оба согласны—это сила! Если он со мной не согласен—прислушаюсь! Засомневаюсь в том, что собирался предпринять.

У КФ, в общем, положительное сальдо миротворчества. Хотя, надо признать, это далось путём извлечения уроков из акций, которые вызывали подозрение в несбалансированности с точки зрения той или иной стороны—а следовательно, являлись таковыми. Мы, кавказцы, любим мечтать. Да всё человечество любит. Однако, может быть, советский образ жизни, лишив нас власти над собой, умения и права руководить своей жизнью, судьбой, сделали нашу мечтательность необоснованной, нерешительной, нереалистической. КФ пытается, сохранив мечту, сделать что-то конкретное, выполнимое, маленькое—и при этом не запачкаться. Самокритика у КФ в целом развита, так как это многосторонняя организация: один другого критикует—вот и самокритика!

«Кому он выгоден?»

Особенно выгоден КФ, конечно, тем, у кого других каналов выхода на общекавказскую или, тем более, международную арену нет. То есть НПО из «непризнанных», или, скажем, северокавказских регионов. Вот и обвиняют КФ иногда в том, что он больше нужен представителям тех образований, которые стремятся к большему суверенитету, чем они имеют. Это обычная дилемма для миротворца, опирающегося на гражданское общество: мы верим, что гражданское общество есть везде, хотя бы в потенциале. Мы верим, что оно независимо. Ему надо

помогать быть независимым. Объединяясь в общегражданское пространство, оно укрепляется. Выходя из изоляции, оно «добрее», и уже в жанре диалога можно с ним дискутировать: как решать конфликт? Но, выводя его из изоляции, мы, действительно, оставляем открытым вопрос: А как, в конце концов, политически эти конфликты решаются? Простых ответов нет. Кое-что ясно: ненависть, образ врага любых сторон, изоляция порождают менталитет осаждённого. Нерешённость конфликтов порождает реваншизм. Отсутствие возможностей озлобляет. Наличие возможностей, доступ, участие, порождают толерантность, но как-то не сразу, тут нет прямой зависимости—толерантность надо развивать и напрямую, а не только через экономическое и демократическое развитие.

НПО в конфликтных регионах сыграли особую роль. В ситуации, когда структуры управления международно непризнаны; в ситуации, когда целые регионы чуть ли не объявляются НПО—местное гражданское общество становится чуть ли не единственно легитимным—в общечеловеческом плане—органом. Намного легче договориться о встрече в таком формате—формате неправительственном—представителей из регионов с различными юрисдикциями, нежели в любом более формальном. В эпоху кризиса легитимности власти (а «признанные» власти находятся на Кавказе иногда в не меньшем кризисе легитимности, чем «непризнанные»)—неправительственность становится представительной. Международные организации, не желающие выделять помощь непризнанным или нелегитимным структурам, однако желающие способствовать восстановлению разрушенного—ищут, на кого можно положиться, с кем можно работать—и конечно же, приходят к идее поддержки и развития гражданского общества. Это возлагает на него особую нагрузку: с одной стороны, его легко можно обвинить, что через него оказывается помощь непризнанным или нелегитимным образованиям; с другой—НПО становятся настолько ключевыми в своих малых обществах, что на них начинают давить власть и общественное мнение. Тем самым признаётся их значение.

Минимальный консенсус

Другое наблюдение: наиболее успешные решения принимаются, если наличествует некий предварительный феномен, я назвал его минимальным консенсусом. Вот, скажем, армянин и азербайджанец о чём-то договорились. К ним присоединился некто «нейтральный» по отношению к этому конфликту, скажем, аварец. Вот это и есть минимальный консенсус! Он будет ещё тверже, если не 2, а 4 стороны из двух конфликтов (скажем, армянин, грузин, абхаз и азербайджанец) выдвинут совместную инициативу. Ну а тем более—6 или все 8, 10 сторон! Но даже если не конфликтующие, только лишь соперничающие или соседствующие, скажем, армянин и грузин, ингуш и чеченец, кабардинец и балкарец—уже эмбрион консенсуса! Такие инициативы более вероятно найдут согласие у всего КС, нежели те, которые в сознании кого-либо из Координаторов ассоциируются с односторонностью, нарушением баланса.

Одним из наиболее интересных результатов работы Форума являются его миссии. Совместная

поездка грузинского писателя и представителя абхазского гражданского общества в Армению, Карабах и Азербайджан, кроме того, что способствовала формированию книги писателей Южного Кавказа о войне, сыграла миротворческую роль по направлению общественной мысли в сторону роли народов Кавказа в миротворческих усилиях своих соседей.

Достижения

Итак, за эти годы Кавказский Форум выстоял. Добился некоторых скромных успехов. Некоторого признания у международного сообщества. Если не поддержки всех правительств Кавказа, то хотя бы нейтральности ключевых. Он создал некую базу данных—людских ресурсов и ноу-хау в развитии гражданского общества, в миротворчестве—которую могут использовать и используют многие другие организации, сети. Пожалуй, внутри своих сообществ он менее известен и значим, чем между ними. Внутри сообществ более известны его лидеры, Координаторы—как деятели—нежели сам КФ. Это нормально. Но можно предположить, что не оставляя работы в общекавказском формате и в пространстве между обществами, в последующие годы КФ пойдёт внутрь, углублять свою роль в каждом регионе по отдельности.

КФ работает напряжённо. Его лидеры имеют много обязательств в рамках своей деятельности у себя дома—и принимая на себя также обязательства по работе меж регионами, сквозь линии противостояний, совершают почти невозможное. КФ нужны человеческие ресурсы. Но ему также нужно органическое и устойчивое развитие, так как понять его логику—понять логику общекавказской модели принятия решений—непросто. Если новые поколения поторопятся со своими идеями, на мгновение не примут во внимание, что они не добились консенсуса—такое добровольное образование может и погибнуть.

Основное достояние и достижение КФ в плане капитала—это человеческий и методологический ресурс. Основное его достижение в области действий—это умение сделать то, что без его существования было бы невозможно: организовать встречу людей, которые иначе бы не встретились, например. Основное его достояние и достижение в области принятия решений—это моделирование консенсуса на сегодняшнем расколотом Кавказе. Как и все многосторонние организации—он не очень быстр на реагирование. Но это компенсируется его гибкостью и неправительственностью—он всё же намного более быстр, чем государственные структуры, в рамках своих полномочий. Как и в любых таких организациях, огромное значение имеет его секретариат: Исполнительный Секретарь (ИС), фактически, гарант консенсуса, многосторонности и сбалансированности КС. Поэтому от личности ИС настолько зависит самочувствие сети. Как и все решения, базирующиеся на консенсусе, некоторые решения КС оставляют чувство неудовлетворённости даже у тех, кто их поддержал. Они оставляют чувство того, что единственный вариант консенсуального решения был не наиболее оптимальным и эффективным. Ну что ж, консенсус—вещь медленная, иногда поверхностная. Не стоит иметь преувеличенных ожиданий от него. Консенсуальные решения действительны только постольку, поскольку стороны от них не отказались. Поэтому часто они не могут быть резкого характера. Они обтекаемые.

Согласие на Кавказе—а тем более многостороннее согласие—хрупкая вещь. Тем не менее, тем оно и ценно.

Нужды

В чём нуждается КФ? В первую очередь, в дополнительных человеческих ресурсах: в людях, которых мы называем «миротворцами». Каковы они? Это люди, которые могут стать выше своего узко интерпретируемого национального интереса в рамках сегодняшнего Кавказа. Это люди, которые воспринимаются представителями других народов Кавказа, включая народы-оппоненты, как справедливые. Это люди, которые имеют общекавказское видение, люди, у которых ёмкий взгляд. Люди, которые умеют мыслить стратегически, но и реализовывать свои идеи. Люди, которые умеют работать в командах с представителями других национальностей, создавать команды из «сбалансированных» национальностей, чтобы обеспечить восприятие справедливости. Люди скромные, которые ради обеспечения восприятия справедливости согласны пожертвовать своим интересом, смягчить свою позицию, чтобы построить консенсус.

Легитимность

КФ—не демократическая структура в том смысле, в каком демократичны выборы на основании воли большинства. Его Координаторы назначались самим КС, или до КС—инициативной группой, нежели отбирались среди делегатов НПО своих регионов и городов. Невозможно себе вообразить съезд НПО, скажем, города Нальчика для выбора представителя в КС КФ. Однако, кристаллизовав свою структуру, КС сам пошёл на то, чтобы создать чёткую систему сменяемости Координаторов, так что у гражданского общества того или иного региона есть прямая возможность повлиять на КФ через предложение новых кандидатур (см. Положение). И при этом окончательное решение по отбору должно оставаться за самим КС, так как иначе нельзя исключить возможность включения в КС людей, которые своими действиями, сознательно или несознательно, попытаются торпедировать работу Форума. Так что легитимность КФ не в его демократичности, а в его общекавказской представительности; не в том, как отбирались его Координаторы, а в том, что вместе они моделируют принятие решений в кавказском кругу.

Значение

Итак, на Кавказе возникла уникальная структура, базирующаяся на моделировании межнационального согласия, толерантности, уважения друг к другу, отказа от стереотипов; восстанавливающая целостное видение гражданского общества расколотого Кавказа; связывающая Север с Югом, НПО из столиц—с НПО из непризнанных образований; конструктивно решающая проблему Восток-Запад; способствующая конструктивной роли России в её отношениях с сегодняшним Кавказом; и восстанавливающая связи между традициями народной дипломатии Кавказа и сегодняшним творчеством гражданского общества. Я желаю этой сети дальнейших успехов и надеюсь увидеть её десятилетие.

Оптимизм

Два года назад, к заседанию КС КФ непосредственно перед конференцией по народной дипломатии в Цахкадзоре, я написал выступление, где в основном проанализировал трудности КФ. По своей сути это было пессимистическое выступление. С тех пор произошли события 11 сентября, война в Афганистане и Ираке. Кавказ расколот как обычно. Что же является причиной того, что в данной статье я не чувствовал причин к пессимизму? Наверное, то, что Форум выстоял в это трудное время. И не просто выстоял, а упорным, кропотливым трудом улучшал себя, делал себя более устойчивым, независимым, сильным своими ресурсами. И хотя его успехи скромны, как обычно, сама его выживаемость и уверенность в том, что кропотливым трудом можно добиться чего-то, вселяют в меня оптимизм.

Апрель 2003г.

Мнение Международной Тревоги не обязательно совпадает с мнением автора.

Мнение Координационного Совета Кавказского Форума не обязательно совпадает с мнением автора.

Гурам Одишария

Писатель. г. Тбилиси

О современном Кавказе и некоторых нормах поведения во время грузино-абхазского конфликта

Когда в декабре 1991 года в Беловежской пуще был окончательно и документально оформлен распад гигантского государства — Советского Союза, для 250 миллионов его жителей кончина коммунистической родины оказалась такой же болезненной, как и рождение новой страны. Мир в считанные секунды подхватил, молниеносно распространил и миллион раз повторил информацию о ликвидации государства, владеющего одной шестой частью суши. Очень скоро весь мир почувствовал, как начал меняться и сам.

Сигнал из Беловежского леса страшным эхом отозвался в горах Кавказа, дав толчок беспорядкам и насилию. Из гор в горы, из лесов в леса — эстафетой передалось последнее «достижение» Великой Октябрьской революции. Творцы великой державы не

смогли ни построить как следует государство-коллос, ни разрушить его.

Кавказ стал не «горячей», а «сверхгорячей» точкой на карте мира — начатые еще до Беловежского решения «юные» конфликты обострились. Из их искр возгорелись новые пожары. В бой втянулись и равнины Кавказа, и моря, и воздух. Вчерашние братья — «старшие», «младшие», «средние» стали убивать друг друга... Убивали родственники, друзья, соседи, знакомые, незнакомые, коллеги — партийные, беспартийные, «новопартийные» — даже ветераны Второй мировой войны, те, которые бок о бок воевали против фашизма. Больше всех, разумеется, погибали молодые, уничтожался генофонд, уничтожалась и природа Кавказа, но еще больше страдало мирное население, погибали ни в чем не повинные люди. Такова религия войны — она всегда требует души невинных.

Несмотря на многие нюансы, кавказские войны очень похожи. Идентичны причины их возникновения — земля, свобода, независимость, территориальная целостность, требование защиты прав — страны, народа, человека. В кавказских конфликтах вырисовываются политические интересы многих стран. Многие политические группы единомышленников, различные структуры использовали эти конфликты для достижения своих целей. Они и завтра и послезавтра постараются использовать ситуацию, и в этом нет ничего удивительного. Кавказ доказал, что он не является единым, монолитным регионом, имевшим собственные, четко определенные цели. Кавказ разрознен и одна часть его народа противостоит друг другу, а другая не в состоянии помирить их. Создается впечатление, что включен какой-то механизм саморазрушения, что кавказские народы плохо знают свое прошлое, что они не до конца осознают общности своих культур и так и не определили общие интересы; для своего спасения и спасения других они почему-то пренебрегают уникальным кавказским менталитетом, уникальными традициями.

Мы все барахтаемся в океане губительных стереотипов. Только если в современном Вавилоне кавказцам удастся вместе проанализировать наше ближайшее прошлое, нынешнее состояние, тогда завтра, для того, чтобы сделать шаг вперед, у нас под ногами будет твердая почва. В противном случае регион обречен на многолетние, затянувшиеся, хронические войны. Когда у каждого народа растет число могил, погибших в конфликтах людей, сожженных домов, число замученных и несправедливо наказанных, тогда, конечно, уменьшается (если не исчезает совсем) взаимодоверие, уважение и вообще надежда на будущее. И тогда призывы «Давайте извинимся друг перед другом, забудем обиды и начнем новую жизнь» — становятся абсурдными. Ситуацию так просто уже не разрешить. В природе не должны были вообще существовать такие конфликты, но

история не любит лирики — то, что случилось, случилось. Это факт и никуда от него не денешься. Тяжела пролитая кровь. На залечивание ран нужно время, время и усилия тех, кто рожден для примирения людей, обществ, Богом благословенного дела.

Наши конфликты постарели, вернее — растянулся процесс их урегулирования. Грузино-абхазскому конфликту вот уже десять лет, а карабахскому и южноосетинскому — больше десяти лет. Для истории это небольшой срок, но для человека — огромное время.

Кавказ стал тупиком старых конфликтов. К сожалению, несмотря на возраст наших конфликтов, мы еще недостаточно ясно видим их истоки, а еще хуже — не видим ни друг друга, ни себя. И причиной этого является отнюдь не только все еще чадающий дым войны. Мы — усталые, пережившие войну, обманутые общества. Виновные в разжигании конфликтов силы зря надеются на массовый склероз людей. Все, в том числе и их ампутированная ответственность, будет взвешено на аптечных весах. Жертвами войн являются народы, и именно волею жертв произойдет великое примирение. Это обязательно произойдет, так как нам некуда друг от друга деваться. Реалии жизни, грядущее поколение поставят точку на всех наших недоразумениях. Они реально наметят пути налаживания взаимопонимания друг с другом, с другими обществами, со всем миром. Мы станем опорой друг для друга. Это вне всяких сомнений.

Конфликты раскололи общество на части. Сложившаяся ситуация породила политических мутантов — «манияграндиозов», «масмедиазавров», «всегда правых», «жертвенных» и т.д. Стагнация конфликтов вызвана стагнацией мышления. Лидеры старого мышления и направления постепенно отходят от своих обществ. Время требует новых перемен, новых людей, неиспользованных ресурсов. Конфликты серьезно повредили, но не сумели уничтожить культуру взаимоотношения людей и обществ. Выдержала испытание величайшая из всех культур — культура мира, но ее место временно все же заняла конфронтационная антикультура. Постсоветские взаимоотношения были неспособны упорядочить хаос. Созданное годами одно общее понятие «мы» окончательно было разрушено и раздроблено на множество порой неопределенных «мы». Новые маленькие «мы» учатся и привыкают жить без старого и большого «мы». Гигантская взрывная волна войны отбросила нас в разные стороны. Мы, давно не видевшие друг друга, издалека машем рукой друг другу, разговариваем почти на языке жестов. Сложилось положение, когда не только с другими, но и с самими собой общего языка не находим. Это положение войны или же мира, который совсем не похож на мир. Мир тоже стал бесчеловечным. В такое время многие слова и понятия теряют свое значение. Фактор доверия стал падать внутри самого общества. Из ближайшего прошлого

мы унаследовали и традиции массовых расстрелов, наказаний, переселения народов. Нас учили, что это нужно для достижения высшей цели, этим оправдывали всякого рода преступления. Свойство массовых идеологий — растоптать все человеческое, назвать массами объединение людей, создать иллюзию «бесконечных успехов».

Агрессивному массовому психозу не смогли противостоять люди -жертвы политической беспощадности, политической спекуляции. Говорим о великих целях, о сверхполитике, о экополитике, экокультуре, а людей забываем. Говорим о справедливости, о несправедливости, о нескончаемых обвинениях, об устройстве государств, а людей не помним. Может, поэтому и протекали так жестоко, так несправедливо, так не по-мужски наши конфликты. Может, поэтому стало так легко совершать тяжкие преступления. Сведение феномена человека к нулю исказило все. Вместо того, чтобы говорить не только о своей боли, но и вникнуть и углубиться в проблемы друг друга, мы питались иллюзиями и с психологией спринтера вздумали одолеть большие расстояния, расстояния, которые требовали усердия стайера.

Ни вековые традиции, ни родственные связи не смогли остановить наши народные конфликты. Например, в Тбилиси члены одной семьи, родные братья стреляли друг в друга из автомата в центре города. Нам не хватило культуры, чтобы решать проблемы, а ведь у нас были великолепные институты упорядочения конфликтов. Куда делись эти институты? Мы сами должны уважать друг друга и самих себя, мы сами должны стать лучшей частью человечества — не путем принуждения другими, а сами должны прийти к этому.

Существует мнение, что на Кавказе легко начать и развернуть конфликт. Для подтверждения этого приводится много аргументов. Я думаю, что они и в самом деле имеют под собой реальную почву. Но как можно избавиться от начатого конфликта, как его остановить, этого, видимо, пока не знает никто. Порой мы становимся свидетелями даже «конфликта терминов». Я имею в виду ожесточенные споры в связи с тем, что люди по-разному применяют термины, обозначающие одни и те же явления. Например, грузино-абхазский конфликт часто трактуется как «грузино-абхазская война», «абхазо-грузинская война», «конфликт в Абхазии», «грузино-российская война», «российско-грузинская война»; зафиксированы и такие определения: «американо-русская война», «русско-американская война» и т.д. Почти такая же ситуация в отношении карабахского и южно-осетинского конфликтов. Добавлю, что, по-моему наблюдению, из вышеупомянутых конфликтов самый «сложный и тяжелый» — карабахский конфликт, «сравнительно легкий» — южно-осетинский; абхазский конфликт относится к конфликтам «средней тяжести». При подобном определении конфликтов я

руководствуюсь характером взаимоотношений противостоящих обществ. Что же касается политического урегулирования конфликтов, то все они политически почти одинаково неурегулированы.

Для защиты человека от самого же человека создано множество правил и законов, но, несмотря на это, ультрасовременные войны все же имеют своих убийц, палачей и мародеров. На Кавказе почти каждый конфликт протекал с неопишуемой жестокостью. Я думаю так — у палачей хромосомы устроены совершенно по-другому, поэтому бессмысленно судить их по нашим законам. Но, к счастью для всех нас, у каждого конфликта свои рыцари — то есть люди-спасатели. Я употребил слово «рыцарь» — слово, которое сегодня не употребляется в нашей лексике, в адрес тех людей, которые в самых экстремальных ситуациях не теряют высокий дух, мужество, любовь к Богу и делают все, ради спасения ближнего, ради торжества справедливости, ради сохранения лучших традиций. Эти люди не влияют на текущую политику, но они меняют жестокий мир и сохраняют ему благородное лицо. К моему счастью, я лично знаком с такими людьми. Многие из них точно и не знают, что означает слово «толерантность». Они мало говорят о «делах добрых», но просто и без лишних слов совершают добрые поступки, в том числе в самых сложных ситуациях. Доброе дело важнее многих заседаний. Воистину, человек, спасающий человека от смерти, спасает мир.

Вот что рассказал беженец из Абхазии Л. Микава в 1996 году (Л. Микава скончался в Тбилиси в 2000 году): «В сентябре 1993 года абхазская сторона взяла село Ахалидаба Очамчирского района. Я находился дома, меня взяли в плен. Кто-то сказал обо мне: «Он учитель местной школы». Создалась угроза для моей жизни. Меня могли расстрелять. Опасность была большая. В это время к нам подбежал бородатый абхаз моего возраста. Он сказал: «Я с ним разберусь, взял меня за руку и повел к своей автомашине «Жигули». По дороге он спросил: «Ты меня не узнал?» Я не смог его вспомнить. Он назвал свое имя и фамилию. Несмотря на то, что я был напуган и ошеломлен, все-таки вспомнил. Во время войны я потерял корову. Ища ее, я очутился в соседней деревне. В этой деревне в основном жили абхазы. Во время войны большинство из них оставило свое село. Ворота их домов были распахнуты, а дома ограблены. Свою корову я искал по дворам, думал, может, забрела куда-нибудь и не может найти обратную дорогу. Так оказался я во дворе того бородатого абхаза. Но моей коровы там не было. Во дворе находилась могила 20-летнего сына того человека. 10 лет тому назад я побывал на похоронах этого парня. Около могилы стояло огромное грушевое дерево, а на могиле валялась сломанная большая ветка. Я перетащил ветку в сторону, очистил могилу от листьев и положил на могилу парня три груши. Потом закрыл двери и окна дома, ворота и

ушел. Тот абхаз сказал мне: «Я тебя тогда видел, я прятался в орешнике, иногда тайком приходил к своему дому, навещал могилу мальчика, я видел, как ты ухаживал за могилой моего сына». Он отвез меня в дом своего родственника. Я провел там три дня. В доме прятались еще семеро грузин. С ними была и одна грузинка с грудным ребенком. Двенадцатилетний сын хозяина ежедневно приносил для младенца молоко. Он тайком доил коров, пасущихся в поле. На четвертый день нас переправили через Ингури».

Беженец из Абхазии (г. Тбилиси, 1996 г.): «Мое село Кочара было взято абхазами в ноябре 1992 года. Большинство односельчан оставили деревню. Я повредил себе ногу и отстал от беженцев. Абхазские воины взяли меня в лесу. Повели в другое село и оставили в доме одного старика. Мне сказали: «Не вздумай бежать, все равно отсюда никуда не убежишь». Иногда приходили незнакомые люди и избивали меня — мол, во время войны грузины завезли в твое село много оружия и ты, как один из руководителей села, наверняка знаешь, где находится склад. Я о складе ничего не знал. Они угрожали расстрелом. Ситуация осложнилась. Я исхудал, ослаб, не мог есть, ночами не спал. Однажды попросил старика, чтоб он сообщил моему абхазскому другу детства о моем местонахождении. Он исполнил мою просьбу. Скоро друг навестил меня. Мы обнялись, плакали. Я попросил друга помочь мне выбраться отсюда. «Ты знаешь, мы фактически находимся на осадном положении, но ничего, я что-нибудь придумаю» — успокоил он меня. На второй день он пришел вместе со своими товарищами и сказал: «Скоро должен прилететь вертолет, он завезет продукты и медикаменты, а обратно заберет тела убитых солдат, мы тебя завернем в брезент, как будто ты мертвец и таким образом отправим». Так и поступили. У вертолета толпился народ, все хотели уехать, но никого не пускали. Меня, завернутого в брезент, уложили на автоматы и понесли к вертолету. Дайте дорогу, убитого боевика несем!» — кричал товарищ моего друга людям. В вертолете рядом, в трех гробах, покоились убитые ребята, а еще два покойника были завернуты в брезент, как я. Не помню, как долго летел вертолет. Приземлились где-то в снегу. Позже я узнал, что находился на Северном Кавказе. Спускаясь с вертолета, я столкнулся со знакомым абхазом. Он очень удивился: как, мол, ты сюда попал. Мы с ним в институтском ансамбле вместе танцевали. Он дал мне денег. На второй день я был уже в Минводах».

Конфликт, протекающий достойно с соблюдением гуманных правил, неписаных законов войны — гарант своего быстрого урегулирования, а конфликты, сопутствуемые убийствами, тяжелейшими преступлениями, как правило, долго не разрешаются. История помнит рыцарские войны, когда из уважения к побежденным победившая сторона давала пушечные залпы, отдавая дань их мужеству и отваге. В таких войнах трогать мирное

население было просто невысказано. Человеческие отношения выше любой политики, они вечны. Культура человеческих отношений — наивысшая категория. Даже во время одной из самых кровопролитных войн — Второй мировой войны радиостанции СССР передавали немецкую классическую музыку, издавались тома немецких классиков.

Человек-избавитель, человек-спасатель часто оказывается в тяжелом положении: с одной стороны, ему угрожает опасность, исходящая от противостоящих, а с другой стороны, — от своих, не прощающих ему покровительства врага. В омуте войны часть людей попадает под влияние обостренных стереотипов, а вторая часть становится психологически парализованной. В таких ситуациях лишь избранные способны действовать цивилизованно. Лишь им удастся преодолеть эмоционально-психологический барьер. Во время войны испытываются традиции, историческое прошлое каждого народа. Любая красивая легенда прошлого в экстремальных ситуациях проходит испытание. Каждый из нас всегда стоит перед испытанием. Людям бывает трудно поверить, что их соотечественники совершили тяжелейшее преступление. Часто приходилось слышать: «Нет, грузин этого не совершил бы». Слышал и другое: «Этого абхаз не сделал бы». Такие факты говорят о многом — любой человек хочет, чтобы его общество было лучше. А общества становятся лучше благодаря тем, кто любит людей и готов подвергнуть себя ради них опасности. Почти каждая религия призывает к любви к ближнему. Спасение человека, сохранение его достоинства в сложнейшей ситуации неотделимо от высшей совести. Любовь принадлежит небу, а ненависть — преисподней. Человека убивает не только человек, но и ситуация. И эту ситуацию тоже создают люди. Война — это арена для злодеев. Зло порождает ответное зло. Во время грузино-абхазского конфликта были случаи, когда перед обменом одна из сторон расстреливала пленных. Узнав об этом, другая сторона совершала аналогичное преступление.

Люди-спасатели не становятся популярными ни во время конфликта, ни после его завершения. Как я уже отмечал, они стоят перед двойной опасностью. Никто не хочет признаваться в преступлениях войны, поэтому отделять людей-спасателей от других, обособлять их и разглашать их дела нежелательно для них самих. Писать о них, это как ходить по минному полю. Малейшая ошибка может повлечь за собой очень скверный результат. Поэтому часто приходится скрывать их имена. Для их разглашения требуется время и истинный мир.

Создаются мифы как о преступлениях во время войн, так и о геройстве. И в первом случае, и во втором мифы питаются реальными историями, однако отличить правду от вымысла всегда легко, тем более спустя годы. Как говорится, «правду сердце чувствует». Особенно интересны фронтовые истории. Для чужестранцев некоторые из этих историй

могут показаться странными и непонятными. Приведу примеры.

«В ноябре 1992 года две небольшие группы грузинских и абхазских бойцов столкнулись на высохшем кукурузном поле. Группы шли в один ряд. Первыми шли командиры. В пяти шагах они остановились и уставились друг на друга. Группы были готовы к бою. Напряженную тишину, которая длилась всего несколько минут, разрядил один из командиров: «Что-то очень холодно, может, выпьем водки». У второй группы нашлись хлеб и лук. Бойцы сели на землю, поговорили, выпили, пожелали друг другу скорого окончания войны и мирного возвращения в родные дома. А через полчаса разошлись по своим дорогам. Позже с помощью выпущенных в небо трассирующих пуль они дали знать друг другу, что все в порядке».

«Грузинский боец (из Кахетии) опьянел, поднял руки вверх и крикнул в сторону окопов абхазов: «Не стреляйте, я иду к вам». Передав свой автомат товарищу, боец взял десятилитровую бутылку с вином и направился к абхазам. Прошел час, два часа, думали, что убили его, но видим, идет и что-то несет — оказалось, абхазы дали ему черного вина, кастрюлю горячей мамалыги и сулугуни».

«Мой знакомый парень выпрыгнул из окопа и, ругаясь, кинулся в сторону абхазского окопа. Оттуда кто-то крикнул ему: «Грузин, ты пьян, вернись к своим!» Парень очнулся и побежал обратно. В него не стреляли».

«К находившемуся в засаде в лесу абхазу со спины подкрался грузин. Когда абхаз оглянулся, грузин уже целился в него из автомата. Грузин несколько минут смотрел на него, потом сказал: «Иди своей дорогой, ты мне ничего плохого не делал».

«Грузинские воины оказались в окружении. Находясь в подвале здания, они отстреливались, отбивались от абхазов. Трех убили, в живых остался только один. Абхазы думали, что он тоже убит. Один абхаз спустился в подвал. Грузин выстрелил в него, но рана оказалась несмертельной. Грузин разоружил абхаза и спустя некоторое время сказал ему: «Живым я не сдамся, если можешь ползти, иди». Абхаз с миром добрался до своих, грузин вскоре погиб. Мне сказали, что после войны тот абхаз старался установить имя и фамилию грузина».

В мире не существует «вечного врага», хотя, к сожалению, нет и «вечного друга», но есть возможность вообще никогда не становиться врагами. И эта возможность остается неиспользованной. Частично все мы знаем кавказские конфликты, но полностью в них

разбираемся плохо или вовсе не разбираемся. Правая рука не ведает, что творит левая. Над нами витают отрицательные местные и международные стереотипы. Нет, мы не народ мандаринов, кинжала, кепки-аэродрома, мы носители больших культурных ресурсов. Если наши общества не поймут боли друг друга, сколько бы решений ни подыскивали политики, все равно ничего не получится. В этом мире никто другой перед нами не извинится, мы сами должны спасти друг друга. Для этого у нас есть прекрасная возможность — народная дипломатия. Она поистине богатство благородного и мудрого народа. Но неофициальная дипломатия не должна стать замаскированным продолжением официальной дипломатии и политики. Если она изменит свое лицо, то утратит и свое значение. Она должна постоянно искать новые эффективные пути, не быть убежищем для конформистов и лжеэрудитов-нигилистов, не стать истоком падких на гранты, лжемирных беспочвенных, пустых инициатив. Ее дорогой должны идти светлые люди, те, что даже в самые сложные минуты сохраняют человечность, продолжают наилучшие традиции и своим существованием служат обществу.

«Абхазы контролировали высоту Ануаа-рхуы, внизу на трассе ими был взорван мост. Беженцы-грузины доезжали на автобусе из Сухума до взорванного моста, переходили речку вброд, а затем садились в автобус, который в это время прибывал из Очамчира. Беженцы знали, что высоту контролируют абхазы, и поэтому переход из одного автобуса в другой занимал считанные минуты. Правда, по мирным гражданам никто не стрелял, но на войне всякое бывает...

И вот в один из дней подошел автобус из Сухума, переполненный стариками, женщинами, детьми. Среди беженцев был старик с тремя внучками. Взяв одну внучку и нехитрый скарб, он перенес их в автобус, быстро пошел за второй внучкой, перенес и ее в автобус. Третья внучка стояла на другом берегу речки, ожидая дедушку. Но в это время автобус с беженцами, где был дед с двумя внучками, рванул вперед. Видимо, водитель, забыв от страха о совести, бросил девочку на произвол судьбы. Все это наблюдали воины с абхазской и грузинской сторон. У абхазов был единственный гранатомет с тремя снарядами, его держали на крайний случай. И вдруг впереди уходящего автобуса, на безопасном расстоянии, разрывается снаряд гранатомета. Водителя предупредили: остановись, забери ребенка, но автобус продолжал мчаться. И вновь перед автобусом разорвался снаряд, и опять автобус продолжает движение. Раздался третий выстрел, и вновь взорвался перед автобусом — он остановился, из него вышел пожилой мужчина и медленно, неспешно пошел по дороге, перешел речку, взял внучку на руки и снова спокойно, медленным шагом направился к автобусу. Посадив девочку в автобус, он опять

вышел из него, встал на колени лицом в сторону Ануаа-рхуы, искренне помолился и снова спокойно вошел в автобус, тот тронулся с места и скоро исчез из виду. И тут раздался салют — так грузины приветствовали человеколюбие абхазов».

«В одно абхазское село с боем вошли грузинские военные подразделения. Жители в спешке оставили село. Трое грузинских бойцов вошли в один заброшенный двухэтажный дом. В это время их окружили абхазы и открыли огонь. Двое из грузин погибли. Третий решил выпрыгнуть в окно. И только собрался выпрыгнуть, как в углу комнаты увидел маленького ребенка. Как потом выяснилось, члены семьи думали, что его забрали соседи, а ребенок, видимо, спрятался под кроватью. Грузин взял ребенка на руки, прижал к груди и выпрыгнул в окно. Добежал до леса и там спрятался в яме. Ждал, пока стемнеет, чтобы в темноте к своим перебраться, но к вечеру его нашли два абхаза и взяли в плен. Грузин сказал им: «Я боец, можете меня расстрелять, но здесь, в яме, ребенок». Один абхаз, заглянув в яму, узнал своего племянника. Он удивленно спросил: «Где ты взял моего племянника?» Грузин все объяснил. После этого абхазы взяли грузина в горное село, в дом дедушки ребенка. Когда во всем разобрались, дедушка ребенка сказал грузину: «Ты спас продолжение моего рода, ты настоящий воин». Потом в честь грузина абхазы закололи теленка, накрыли на стол и пили за его здоровье. На утро дядя ребенка вывел грузина в безопасное место. Прощаясь, сначала вернул ему его автомат, а потом поменял на свой и сказал: «Несмотря на то, что мы воюем друг с другом, сегодня расстанемся, как друзья».

Война испытала каждого из нас. И мы, испытавшие на себе весь ужас войны, помним все. Помним и то, как люди из противостоящих сторон спасали друг друга от смерти, как в угнетающем ужасе войны сохранили высокий, рыцарский дух, любовь к Богу и к человеку. Будущее поколение должно знать все о тех светлых людях, перед благородством которых в Абхазии, как всегда и везде, война потерпела поражение.

Заключительные выступления

— Прежде всего, хочу выразить свою радость по поводу того, что Конференция состоялась. Она была чрезвычайно полезна. Я много нового узнал, многому научился и думаю, что все мы друг от друга много нового узнали и многому научились. Процесс взаимного обогащения проходил не только в этом зале во время формальных докладов и обсуждений, но и в кулуарах, и просто во время общения. За это большое спасибо всем, кто внес свою лепту в создание такого прекрасного собрания.

Мы слушали много очень интересных докладов. Значительная их часть, может быть даже большинство, действительно были посвящены традициям наших народов. Традициям гуманности даже в моменты военного вооруженного столкновения, традициям миротворчества, общежития, преодоления конфликтных ситуаций. И очень мало было сказано о том, что сейчас на Кавказе растет новое поколение, которое в силу тяжелых условий безработицы, бесперспективности, нестабильности, общей варваризации очень слабо воспринимает эти прекрасные традиции. Люмпенизированное поколение, которое не уважает эти традиции, не уважает старейшин, священников и даже собственных родителей, способное поднять руку на собственных родителей, не говоря уж о всех прочих гуманных традициях Кавказа. Вот об этом мы сказали мало.

Мы также только наметили растущую опасность усиления влияния сил варварства, враждебных силам цивилизации. Растущие тенденции «фашизации» или «нацификации». Растущие тенденции «ваххабизации» или «савафизации» на Северном Кавказе и мусульманских регионах. Все эти термины я употребляю в кавычках, потому что ни один из них не является полностью корректным, они очень условны. И фашизм нынешний — это не фашизм Муссолини, и нацизм нынешний — уже не нацизм Гитлера, и ваххабизм нынешний — это не ваххабизм Мухаммеда ибн Абдаль-Ваххаба и все прочее тоже. Тут разница между словами и содержанием, о чем так хорошо говорил господин Золян. И тем не менее, это явления реальные и очень опасные. При этом, если сейчас на страницах массмедиа фашисты и протофашисты выступают врагами, обвинителями, контрагентами, оппонентами так называемых ваххабистов, совершенно не исключено, что с поворотом политической ситуации между ними может состояться хотя и временный, но союз. Примеры есть Рим—Берлин, Пакт Молотов—Рибентроп позволяют думать, что такие вещи возможны. Но это не конец света и не конец истории.

Мы часто задаемся вопросом, как случилось, что немцы — народ философов, поэтов, композиторов — вдруг превратились в кровожадных зверей. Но эти же немцы вновь превратились в народ демократичный, прогрессивный, законопослушный, играющий большую позитивную роль в современном мире. И между прочим, многие те

люди, которые в современной Германии поддерживают демократию, либерализм, порядок, прогресс, входили в Гитлер-югенд, а некоторые даже служили рядовыми в Вермахте и СС. Поэтому не исключено, что те молодые люди, которые сейчас стоят под зелеными знаменами ваххабизма или красно-черными знаменами Лимонова и Баркашова, могут в дальнейшем стать либерально настроенными, демократичными, прогрессивными гражданами. Но для этого нужно кое-что сделать. По-моему мы реально, каждый из нас, кое-что делает в этом направлении. Но нужно делать больше. И об этом нужно думать, говорить, планировать действия.

— Я не буду говорить, как много я узнала на самом деле. Во-первых, я узнала много замечательных людей. Не могу сказать, что для меня было неожиданностью встретить здесь так много выдающихся людей, потому что знала, что Кавказ богат совершенно потрясающими людьми. Хочу сказать одно: я приехала из Молдовы и, наверное, у многих из вас возникнет вопрос, почему именно из Молдовы да еще и на Кавказский Форум. Объяснение очень простое: я представляю институт Вильяма Нельсона, который работает с университетом Джеймса Мелиса и мы разрабатываем исследовательские проекты, связанные с Кавказом. У нас было, в частности, много проектов по Чечне. И я приехала сюда, чтобы встретиться со всеми вами и найти экспертов для тех проектов, которые у нас сейчас в разработке. А также предложить вам сотрудничать с нами. Я знаю, что проблема финансирования исследовательских проектов для многих очень актуальна. Считается, что на исследовательские проекты денег не дают. Мы заинтересованы в этих проектах. Если вы можете и хотите что-то для нас сделать, то у нас будет возможность найти на это деньги. Я предлагаю вам информацию о нашем институте. Мы попробуем и финансово помочь, и сами поработаем с вами. Я рассчитываю на сотрудничество с вами.

— Работе Конференции немножко мешало то, что параллельно обсуждался абхазо-грузинский проект. Приходилось все время отвлекаться. Я думаю, что в следующий раз нужно будет спланировать работу так, чтобы все участники приехали специально на Кавказский Форум.

Другое дело, что мы разделили людей по секциям. Мне очень хотелось быть в той секции, где обсуждались проблемы, касающиеся Северного Кавказа, но приходилось работать и в другой секции. С одной стороны было много дискуссий, которые мы опубликуем, но с другой стороны меньше точек зрения.

Я думаю, что нам надо бы определиться. Потому что сама цель конференции была

более конкретна, мы думали о традиционных нормах поведения людей и как это трансформируется в современном обществе. Конечно, у нас получился больше взгляд в историю, но, думаю, это было необходимо, потому что мы должны знать почву, из которой вышли. Может быть, есть смысл на следующей конференции больше уделить внимания современности. И чтобы это было не просто описанием ситуации и маркировкой наших позиций, сосредоточиться на рассмотрении тех положительных моментов, которые способствуют построению мира и доверия. Постараться получить более конкретные результаты.

У нас был уже опыт проведения конференции по абхазо-грузинскому диалогу. Конечно, первые три-четыре сборника были больше ориентированы на прошлое, там было больше фольклора, этнографии. Оказалось, что это нужно. Потому что, когда выяснилось, что мы очень много говорим о культуре, традициях, мы сумели в какой-то переломный момент начать говорить о будущем и конкретных вещах, не о позициях, а об интересах. В принципе, мы все находимся в ситуации конфликта, и тут неоднократно говорили, что очень сложно отойти от своих проблем, когда, допустим, в Баку идентифицируют проблему Карабаха с проблемой Абхазии. Я хотел бы, чтобы мы от этого ушли, и говорили больше о том, что может нас сближать, об общих интересах.

— Здесь Батал подчеркнул, что мы говорили больше о прошлом. Я не считаю, что это плохо. Дело в том, что когда Олег Дамениа говорил об архетипе, особенностях нашего национального менталитета, известный абхазский исследователь Станислав Лакоба в одном из своих эссе сказал, что наш язык отражает наш менталитет, в нем многое зашифровано из нашей культуры. Он, в частности, сказал, что в абхазском языке три прошлых времени, одно настоящее и два будущих. То есть абхазы, то же можно сказать и об адыгах, всегда идеализировали свое прошлое. Всегда считали, что настоящий период, в котором они находятся, это период упадка. Они всегда как бы занимались самокритикой и всегда верили в свое хорошее, светлое будущее. Это в нас заложено. И в архетипе кавказской культуры, мне кажется, заложено то, что мы повернули наши головы как бы назад, и пытаемся то, что было в прошлом, перенести в будущее. Наш золотой век, мы считаем, находился в прошлом. Мы его идеализируем и пытаемся тот прошлый идеал, который у нас за спиной, перенести в наше будущее. Это наш архетип и хотим мы или не хотим, никуда от этого не уйдем. Все, что мы говорили о традициях, традиционной культуре, оправдано, мы поневоле делаем это всегда, и всегда будем делать, потому что это глубоко сидит в нашем архетипе.

— Многие говорили о том, что в докладах было очень много интересного этнографического материала, чуть меньше того, насколько эти нужные, важные в нашей жизни традиции работают сегодня либо будут работать в будущем. У меня большая просьба к выступавшим расширить свои доклады таким образом, чтобы прошлое, история служили полезным уроком для движения вперед.

— Для того, чтобы нам двинуться дальше, если мы озабочены тем, чтобы конфликты выходили на другой уровень решения проблем, то нужно обязательно выработать некоторые правила, по которым могут жить народы на Кавказе и которые мы должны выполнять. Не государственные законы, а правила, которые нужно обсуждать в СМИ.

— Как мы должны относиться к традициям? Построить всю свою работу и идеологию только на традициях не совсем правильно. Но опираться на наши традиции — необходимое условие.

Какие негативные внешние явления проявляются? Вот такой факт: сразу после грузино-абхазской войны лидеры Грузии спровоцировали самые развитые передовые страны мира в лице Великобритании, Германии, Франции, США и России объявить, что они являются друзьями Грузии. Как это было воспринято в Абхазии? Про Абхазию всюду говорят, что это дикари, лилипуты, что это самый плохой народ и он во всем виноват. И на этом фоне появляются друзья у Грузии. Не было до сих пор случая, чтобы на каком-то международном форуме, в ООН, Совете Европы выслушали абхазскую позицию.

В феврале этого года в Пицунде состоялась встреча грузино-абхазской делегации с участием экспертов. Когда была выслушана абхазская позиция, эксперты вообще удивились — неужели это так. И до сих пор эти эксперты, которых объявили друзьями Грузии, не знают, что делать. Вот к чему приводит непродуманная позиция - любой ценой поддерживать одну сторону. До сих пор абхазскую сторону никто не выслушал. Это не будет способствовать разрешению конфликта.

Геворк Тер-Габриелян:

— Что такое Кавказ? Есть ли общий Кавказ? Есть ли на самом деле на Кавказе конфликты или в принципе все в порядке? Мы, к сожалению, изолированы друг от друга.

Ученые, этнологи, а также конфликтологи, которые дают нам рецепты, говорят о том, что история может дать практике и что практики могут дать ученым. Мы хотели поставить вопрос - в каком смысле нужны история и традиции. Существует ли

современность как нечто оформленное, или мы даже не знаем сами, где, в каких условиях, в рамках каких мифов живем.

Мы хотели, наконец, поставить вопрос о том, что такое для нас Запад, западное влияние, каковы его истоки и что такое Восток, Кавказ. Есть ли взаимодействие. Есть ли точки соприкосновения или речь идет о конфликтом взаимодействии.

Я думаю, мы в рамках Конференции эти вопросы поставили и начали их обсуждать. Впереди еще очень долгий путь. Соотношению международных и кавказских норм был посвящен только один доклад. Об этом говорилось также в дискуссиях. Больше упора было на традициях, нежели на современности. На ряд вопросов так и не были получены ответы.

Многочратно ставился вопрос о морально-этических нормах поведения представителей гражданского общества.

Говорилось о том, что нужны правила, которые отличают НПО комбатантов от НПО миротворцев, о том, на какие морально-этические категории они ориентируются.

Говорилось, наконец, о том, что не все участники конфликтов получают адекватные права для выражения своих взглядов на международном уровне. Это тоже большая проблема.

Говорилось о том, что нам нужен образ будущего Кавказа. И в то же время мы осознали, что так легко забыть то настоящее, ту реальность, в которой мы живем.

От вашего имени я благодарю всех за то, что нам позволили провести эту конференцию. Благодарю те умы, которые позволили эту конференцию обосновать. Благодарю те руки, ноги, улыбки, которые позволили, чтобы все это произошло так, как произошло. Благодарю правительство России, а также Абхазии, Грузии, Армении за то, что они позволили, чтобы люди приехали и собрались здесь вместе. А также правительство Азербайджана за то, что оно не помешало. Насколько я знаю, оно не было осведомлено, но во всяком случае не создало проблем. Я благодарю наших коллег из международных организаций, которые здесь присутствуют, за предоставление возможности, за критический отдельный взгляд со стороны и за то, что они поняли, что здесь происходит.

Геннадий Аламия:

— Не вовремя сказанное слово всегда смешно, но так получилось, что вы не дали мне слово чуть раньше. Дело не в стихах, а дело в том, что конфликт отнял у меня возможность видеть моих друзей. И вот вы, которые боретесь против конфликтов, вернули мне это. Сегодня вечером я встречаюсь со своими друзьями, которых не видел

уже 13—15 лет.

Еще хотел бы сказать, что вы ищете причины конфликтов, кто их начал, как, но ищете в нас, в тех, кого называют мастерами слова. Все начиналось со слова. Это тема отдельного разговора. Если вы разрешите сотрудничать с вами, это будет отдельный доклад, где будет, наверное, сказано о том, какую страшную роль сыграли «мастера слова» в развязывании всех этих конфликтов. Потому-то я и хотел просто прочитать одно стихотворение, переведенное на русский язык, в котором говорится о том, что у армян есть такое поверье — если при въезде в Армению ты увидишь лицо Масиса, значит эта земля тебя приняла как своего. И вот как раз, когда абхазская делегация подлетала к Еревану, как никогда, это лицо было сияющее и открытое. Значит, эта земля после всего, что произошло, опять принимает своих братьев, гостей. Я очень рад, что все, что здесь происходит, происходит именно здесь.

Я никогда не говорю, что плохо пишу, но всегда говорю, что плохо читаю. Это цикл, он переведен и на армянский язык, но я читаю на русском одно из стихотворений этого цикла. Весь цикл называется «Нежность камня».

Посвящено Масису

Когда у порога хозяин не встретит тебя,
Ты всякое можешь подумать,
Обидеться, в тайне, пришел, упреждая обиду, по дому скорбя,
Я слушаю голос высокий, тоски и скитаний.
Не так уж и часто меня посещает Масис.
Мы друг от друга за тучами не ускользаем.
Ты искренне встречен и так же к друзьям относишь,
Терпеньем у них одолжись, и вернется хозяин.
Он напоминает несчастную, скорбную мать,
Лицо свое светлое скрывшую трауром шали.
Ей камень глухой о своих сыновьях вопрошать
И тихо брести в благодарных седирах печали.
Он напоминает сестру, молодую сестру,
Которой во стыд красота, красоты не потратив,
Ей зерна надежды в камнях рассыпать по утру,
И восходов до вечера ждать, возвращения братьев.
Он напоминает последнего сына в семье,
Мальцом не успевшего броситься в яростный пламень.

Последнего сына, который несет на себе
Невинную кровь не отомщенную, тягостный камень.
Масис меня встретит, тогда же, когда же и всех,
Рассеянных по миру,
Днем не растративший света, он будет ночами сиять из вселенских
прорех,
Раздвоенным сердцем во имя любви и привета.
Стоял предо мной поутру Светлоокий Масис,
Бессмертный народ, золотая заря затопила столицу твою,
И не смотрит в отчаянии вниз библейский ковчег,
Не моя ли пора наступила?!